

Е.О. Сухорукова

*Вечные
ценности*

роман

Тула — 2015

84 (2Рос=Рус)
С 00

С 00 **Сухорукова Е.О.**
Вечные ценности: [Текст]. – Тула: Тульский полиграфист,
2015. – 000 с.

ISBN

© Сухорукова Е., 2015

*Моим самым родным и близким людям:
дорогим Маме и Папе,
и моим замечательным Бабушкам –
вместе, вы подарили мне лучшее в мире детство.
Спасибо Вам, что всегда поддерживаете меня
и помогаете делать правильный выбор*

Глава 1

В Бостоне стояла ранняя осень. После недавно прошедшего дождя из-за туч снова выглянул ослепительно яркий диск солнца. Оно заливало улицу нежным светом, который играл на слегка подрагивавшей от дуновения легкого теплого ветерка листве, только начинавшей окрашиваться в огненные, сочные цвета.

Было около трех часов дня, когда я вместе со своими братьями находился в кафе «Чайный лист» на Уотер стрит, недалеко от площади Либерти. Вокруг кипела городская жизнь — по проезжей части неспешно тянулся плотный поток машин, многочисленные пешеходы, спешившие по своим делам, выглядели безразличными к происходившему вокруг, а строители, возводившие новое здание напротив кафе выразительно жестикулировали, общаясь друг с другом. Я мог наблюдать за этой постоянно меняющейся картиной, раскрашенной разноцветными красками, из-за окна кофейни.

— Будете что-то еще заказывать? — обратилась к нам официантка.

— Нет, больше ничего, спасибо, — отозвался Стеф.

Официантка, облаченная в красивый черный брючный костюм и белоснежную блузку, видневшуюся из-под жилета, с улыбкой кивнула и удалилась к барной стойке.

— Ты все время спешишь, — возмутился я. — У меня, к твоему сведению, мыслительный процесс не настолько развит, чтобы за три секунды изучить все меню! И я тоже, между прочим, имею право голоса!

Стеф, стараясь сохранить миролюбивый тон, ответил:

— Раньше надо было думать! И спокойней, Том, съешь хотя бы то, что уже успел заказать.

— Сколько я вас помню, вы все время ругаетесь, а я вас постоянно миру! Мне что, опять занять позицию миротворца? — разлился Марк.

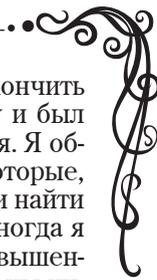
— Ну, Марк, не злись, это вредно для твоего тонкого творческого сердца, — приторно-сладким голосом начал дразнить его Стеф.

Марк, казалось, слегка обиделся. Хотя он постоянно обижался из-за того, что мы со Стефом начинали его дразнить. Только наши роли периодически менялись: цепляться друг к другу начинали то я, то Стеф.

На самом деле мы очень дружные и еще ни разу серьезно не ругались. Мы братья, но совершенно разные: у каждого из нас свои интересы, свое мнение на любой счет, высказать которое мы пытались по любому поводу, особенно это касалось меня: свои мысли я просто не умел держать при себе и иногда попадал в неловкие ситуации из-за этого, потому что говорил что-то часто не к месту. Но у всех есть свои недостатки: Марк иногда бывал очень занудным, доставал всех своими рассуждениями о только что прочитанной книге, одно время просто помешался на космических аппаратах, заставил папу купить ему поездку в какой-то музей, а потом мучил всех сумасшедшей идеей построить космический корабль. При этом он предлагал продать наш дом для того, чтобы купить лабораторию. Но вскоре все это прошло, и он снова погрузился в чтение книг. Год назад он поступил в университет, от чего был просто счастлив, потому что выиграл стипендию на обучение в олимпиаде, которую устраивал тот самый университет. Ему девятнадцать лет, и он уже давно распланировал свою жизнь. Если бы кто-то спросил у него, чем он будет заниматься через пять лет, Марк с уверенностью сказал бы, что к тому времени он окончит университет, а после найдет работу, на которой сможет, наконец, реализовать свои возможности. Сейчас он усердно учился, участвовал во всех возможных конкурсах, которые проводились на месте его учебы и его хорошо знал весь университетский городок.

Стефан, или просто Стеф, как все мы его называли, совершенно другой человек, нежели Марк. Он никогда не увлекался чтением и даже не мечтал выиграть какой-либо гранд. В то время, когда он учился в средней и старшей школах, Стеф слушал рэп и слыл крутым парнем. Его тоже все знали, но не за успехи в учебе, а за его хулиганские выходки, в которых иногда принимал участие и я. Мама выучила дорогу в кабинет директора наизусть, а в конце обучения Стефа она облегченно вздохнула. Но у моего брата были и свои достоинства, хотя мы постоянно с ним ругались. Это уже стало развлечением, и мы сами не придавали нашим ссорам большого значения. Когда Стеф окончил школу, он сам решил, что хочет стать юристом. Этому решению был особенно рад наш отец, наверное, потому, что видел в этом какую-то преемственность: ведь он сам получил юридическое образование. Маму это решение смущало: в ее голове образ Стефа в широких штанах и такой же футболке никак не укладывался в рамки адвоката или юриста. Но когда Стефан поступил и проучился несколько семестров в колледже, мы перестали его узнавать: на смену широким штанам и дутым курткам пришли строгие костюмы и вычурные пальто, которые раньше он не надел бы и под дулом пистолета. Теперь он читал книги по юриспруденции и блистал знанием закона. Сейчас Стеф учился уже на четвертом курсе, и скоро ему должно было исполниться двадцать два года.

Мне же, в отличие от моих братьев, еще предстояло закончить школу. Два года назад я удачно перевелся в старшую школу и был рад этому, потому что успехами в учебе никогда не отличался. Я обладал очень хорошим чувством юмора, но некоторые люди, которые, в свою очередь, его лишены, не понимали меня, и мы не могли найти общего языка. Мне нравилось подшучивать над людьми, и иногда я слишком этим увлекался. Многие говорили, что я страдал завышенной самооценкой, на что я всегда отвечал, что со своей стороны никогда никаких мучений на эту тему не испытывал. На мой взгляд, этим недугом был «болен» Стеф, в отличие от Марка, который всегда страдал от неуверенности в себе и прыщей на лице. Хотя у меня никаких прыщей и не было, я бы никогда не стал заикливаться на этом. У меня всегда была чистая, немного смуглая кожа. Моя мама считала, что внешне я очень сильно похож на нашего отца: он тоже смуглый от природы. У нас обоих темно-карие большие глаза. Хотя на этом, наверное, наше сходство с ним и заканчивалось. У меня, в отличие от папы, длинные русые волосы и пухлые губы. Я не очень высокого роста, самый маленький в нашей семье. Не знаю, почему так произошло, но даже мама немного выше меня. Я очень легкий на подъем человек, но многие считали, что у меня тяжелый характер, хотя сам я с этим совсем не согласен. Конечно, я любил немного похулиганить, но кто же не занимался этим в шестнадцать лет? Я веселый человек, и точно знал, что со мной никогда не бывало скучно. Пока никаких планов на будущее я не построил, но и не считал нужным заниматься этим в моем возрасте, ведь вокруг меня постоянно происходило что-то интересное. В школе я, можно сказать, продолжал «дело» Стефа, поэтому иногда маму приглашали на «встречу» к директору, но все же не так часто, как это было во времена Стефана. У меня не так много друзей, как могло показаться на первый взгляд. Я ценил дружбу и считал, что это одна из самых важных вещей в жизни, а со всеми подряд я не хотел, да и не умел дружить. К тому же, моему другу постоянно пришлось бы терпеть мой сложный характер и мириться с тем, что я почти всегда поступал по-своему. У меня один лучший друг, Боб, и шестеро «просто друзей», как я их называл.

— Да ладно, тебе, Марк! Ты Стефа не знаешь? – успокаивал я брата.

— Я знаю его лишком хорошо! И меня раздражает, что дожив до двадцати одного года, он так и не научился себя вести!

— Кто?! Я?! К твоему сведению, я уже изучил этику делового общения, и у меня стоит «зачет»! – теперь Стеф всегда отбивался от всех нападков своей учебной или буквой закона.

— Жаль, что тебе не преподавали этику семейного общения! Может, ты ее просто проспал?

— Семейному общению я обучен не хуже твоего, просто некоторые «книжные» гении не понимают шуток!

— Ну, прости уж, что я не обучен примитивному юмору, который даже умственно отсталый не оценил бы!

Я не выдержал и покатился со смеху. Стеф тоже засмеялся, вслед за ним и Марк.

В кафе «Чайный лист» мы с братьями приходили довольно часто. В этом небольшом заведении всегда очень уютно, приятный персонал и вкусная еда. Интерьер кафе располагал к общению, по крайней мере, на нас он точно так действовал. Вдоль больших панорамных окон располагались столики с мягкими диванами, обтянутыми кожей кремовой расцветки, на каждом из которых смогло бы поместиться не больше трех человек. Стены отделаны деревянными панелями шоколадного цвета, барная стойка тоже выполнена в теплых тонах. На подоконниках в горшках, в напольных вазах стояло много цветов. В помещении всегда пахло свежесваренным кофе, а по утрам — свежей выпечкой, которую здесь готовили специально к завтраку. Мы с братьями выбирали столик, который находился у центрального окна, он был нашим любимым: сидя за ним, можно было наблюдать за всем, что происходило в кафе.

— Как дела в школе? — поинтересовался у меня подобревший Марк, пододвигая к себе десерт.

— Мы вчера заклеили историчке очки скотчем! — захихикал я.

— Опять?! Вы еще не бросили это занятие? — засмеялся Стеф.

— Нет! Она постарела и выглядит в них еще смешнее обычного!

— Миссис Адамс определенно какой-то уникам! Я думаю, либо она помешана на истории, если не замечает в течение пятнадцати лет, что ей практически каждый урок заклеивают «стекла», либо ей самой нравится, когда над ней смеются, — вынес вердикт Марк.

— Мне кажется, что вернее первое! — закивал я.

— Поддерживаю, — поднял руку Стеф в знак согласия.

— Да, мы, похоже, уже «приговорили» несчастную женщину! — заулыбался Марк. — Ее, как всегда, никто не спрашивал!

— Что, если муж дома над ней также прикалывается? — я прикусил нижнюю губу, стараясь не рассмеяться.

— Нет, не думаю. Не для этого же он на ней женился! — возразил Марк.

— А для чего? Чтобы слушать бесконечные рассказы об истории, о крестовых походах, о полководцах и прочем? Сомневаюсь, — скривился я.

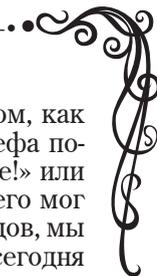
— Может, ее муж — копия Марка? Тогда чему удивляться? — округлил глаза Стеф и покосился на Марка, ожидая, как он отреагирует.

Я засмеялся:

— Если так, то все ясно!

— Вы опять начинаете? Вам еще не надоело?

— Нет, мы можем говорить о тебе бесконечно! — с чувством прозвнес я.

— Ты — дурак, — процедил Марк, тыкая в меня ложкой.

Я промолчал, а Стеф в это время начал рассказывать о том, как он с другом недавно ходил в ночной клуб. Все рассказы Стефа постоянно заканчивались фразой: «Все были от меня в восторге!» или что-то в этом роде, поэтому слушать спокойно из нас двоих его мог только Марк. Я начинал привязываться к словам, в конце концов, мы ругались, но потом, конечно, дружно над всем смеялись. Но сегодня мне почему-то не хотелось вступать в их разговор, точнее в монолог своего старшего брата, поэтому я отвернулся к окну, запивая сэндвич кока-колой.

Небо показалось мне таким высоким и таким пронзительно голубым, а солнце таким ярким, что захотелось зажмуриться от удовольствия. Погода на улице стояла достаточно теплая, что обычно для этого времени года, и на окне второго этажа кирпичного дома, расположенного напротив кафе, собирались голуби, которых подкармливала старушка, открыв раму и разбрасывая по подоконнику крошки хлеба. На улице было многолюдно, люди улыбались, весело болтали или спешили куда-то с озабоченным видом.

Мои мысли прервал резкий звонок. Посмотрев на братьев, я увидел, что Стеф взял в руки свой мобильный. Марк заглянул в дисплей и сообщил с загадочной улыбкой:

— Милая вызывает!

Я засмеялся. Стефу звонила его девушка, Лана. Он встречался с ней достаточно давно, мы все ее хорошо знали и часто проводили время все вместе. Лане двадцать лет, и она училась в том же колледже, что и Стеф. Правда, планов насчет женитьбы у них, насколько я знал, пока не было, хотя они вместе уже пять лет. Стеф познакомился с Ланой, когда уже заканчивал школу. Она перевелась сюда из другой школы, и, так как Лана очень красивая, произвела большой фурор. Ей пытались строить козни девушки, которые боялись, что она теперь будет занимать первое место на местных конкурсах красоты. За ней сразу бросились ухаживать все самые популярные парни нашей старшей школы. Но получилось так, что на одной из школьных дискотек, на которой выступал Стеф, исполняя рэп-песню, она заметила его и, ради смеха, попросила у него автограф после выступления. Вначале они долго общались, а потом стали встречаться.

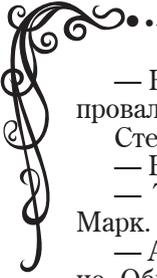
Стеф встал из-за стола и, отойдя в сторону, начал разговаривать по телефону. Мы с Марком остались вдвоем. Брат посмотрел на часы и произнес:

— Может, будем заканчивать наш обед? Мне еще нужно подготовить доклад о перспективах развития кризис-менеджмента...

— Да, согласен. К тому же я уже все съел, поэтому пора бы и прогуляться.

— Кто будет платить?

— Мы же решили, что Стеф!

— Если он еще не забыл об этом. Просто у него часто возникают провалы в памяти, если дело касается оплаты счета, - пошутил Марк. Стеф закончил разговор и вернулся за стол.

— Вы уже собираетесь? — удивился он. — А кто платит?

— Ты забыл? Мы же договорились, что ты, — напомнил ему Марк.

— Ах, ну да, конечно! — и он полез в карман пиджака за портмоне. Общение с Ланой явно влияло на него положительно. Я ожидал от него чего угодно, но только не моментального согласия за все заплатить.

Официантка, которая обслуживала наш столик, заметив наше движение, подошла поближе. Стеф попросил ее принести счет, что она с удовольствием и сделала.

— Чаевые не забудь, жмот! — проскрипел я голосом злобной старушки.

— Даже не надейся! — покачал головой мой старший брат.

Я первым вышел из кафе и вдохнул осенний воздух, пропитанный горьковатым запахом листьев. За мной вышли и Марк со Стефом.

— Куда сейчас собираетесь? — поинтересовался Стеф, посмотрев на наручные часы.

— Я домой — писать доклад о кризис-менеджменте, - воодушевленно сообщил Марк, явно предвкушая так любимую им книжную работу.

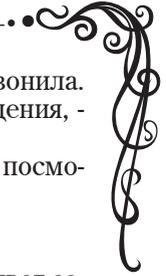
— Марк, мне кажется, что ты уже написал доклады по всем существующим темам на свете! Неужели осталось еще что-то, к чему ты не успел приложить руку? — заметил Стеф, поправляя пиджак.

Теперь Стефан постоянно заботился о своем внешнем виде. Если раньше он мог всю неделю проходить в одних и тех же джинсах, то теперь это стало для него совершенно неприемлемым. Стеф достаточно высокий, худощавого телосложения и из-за этого его лицо казалось более вытянутым, чем оно было на самом деле. Сейчас брат носил коротко стриженные светло-русые волосы, а ведь еще несколько лет назад они были приличной длины. Темно-серые глаза Стефа всегда смотрели испытующим взглядом, а тонкие губы были изогнуты в небольшой усмешке. В моем представлении так и должен был выглядеть настоящий юрист. Характер Стефа, конечно, очень сложный: он всегда был самоуверенным эгоистом. Поэтому мы с ним часто не находили общего языка: никто из нас не хотел уступать другому.

Марк набрал полную грудь воздуха, явно стараясь взять себя в руки, и произнес:

— Я удивляюсь, как такого оболтуса как ты еще не выгнали из колледжа! Если бы я проводил за занятиями столько же времени, сколько и ты, мне бы давно помахали рукой из университета.

— Ладно, не спорьте! — вмешался я. — Ты куда сейчас? — обратился я к Стефу.

— Я договорился встретиться с Ланой: она только что звонила. Мы поедем с ней по магазинам: ее пригласили на день рождения, - сообщил брат.

— Может, ты подвезешь меня к Бобу? — я заискивающе посмотрел на Стефа.

— А меня подкинешь домой? — оживился Марк.

Стеф явно ожидал от нас такого напора:

— Я, конечно, все понимаю, но Лана, если вы не забыли, живет совершенно в другом конце города, противоположном с нашим домом! К тому же вы на часы смотрели: сейчас самый час-пик! По пробкам я доберусь до нее только к завтрашнему утру, если буду вас развозить, как таксист!

— Ладно, мы доедем на автобусе! — гордо возвестил Марк и направился к остановке.

— Почему ты такой вредный? — я прищурил глаза и поджал губы, посмотрев на Стефа. — Посмотри хотя бы на меня: просто ангел! Добрый, внимательный, никогда ни с кем не спорю...

— Вот и езжай на автобусе, прояви доброту и внимательность, уступая бабушкам место! — улыбнулся Стеф и, подойдя к своей машине, открыл дверь и сел на сиденье.

Мне не понравилось, что он так меня отшил, поэтому я крикнул ему вслед:

— Теперь даже и не проси меня ни о чем! Не дожدهшься! У меня есть дела и поважнее!

Стеф только рассмеялся на это и, заведя машину, уехал.

Полгода назад, через некоторое время после совершеннолетия, родители подарили Стефу машину: кабриолет BMW1 цвета капучино. Брат был на седьмом небе от счастья: он всегда хотел иметь собственный автомобиль, а такой шикарный и неожиданный подарок, о котором он даже не мечтал, привел его в состояние nirваны. Теперь он при всяком удобном и неудобном случае помахивал у всех пред носом вожденными ключами с брелоком, рассказывал, как круто он всех обгонял в пробках. Еще Стеф постоянно называл свою машину «моя малышка». Меня это очень веселило, и я не упускал момента отпустить в его адрес по этому поводу очередную шутку.

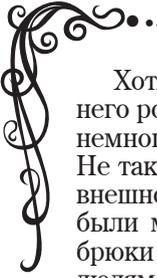
Я вздохнул, понимая, что комфортная поездка отменяется и придется ехать на автобусе. Марк уже стоял на остановке и что-то изучал в своем телефоне. Потихоньку подкравшись к нему со спины, я заглянул в дисплей через его плечо:

— Что это там у тебя? Уже строчишь свой доклад?

Марк опустил телефон и посмотрел на меня:

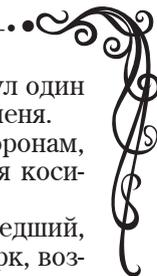
— Нет! Я не такой «ботаник», как ты думаешь!

— Можешь не волноваться! Я просто уверен, что ты «ботаник», — улыбнулся я ему в ответ.

Хотя внешне Марк совсем не похож на «книжного червя». Он среднего роста, примерно пять футов и семь дюймов, у него голубые глаза, немного выющиеся волосы, подстриженные под очень короткое каре. Не так давно брат решил провести небольшой эксперимент со своей внешностью, поэтому теперь на его голове некоторые пряди волос были мелированными. Марк любил носить свободные коричневые брюки и разные майки. У него добрый взгляд, хотя иногда некоторым людям казалось, что Марк смотрел на них с презрением. Происходило этого из-за того, что он не очень хорошо видел, но не хотел постоянно носить очки или линзы, поэтому постоянно шурился, чтобы лучше все рассмотреть. Но главная проблема моего брата — это прыщи. Он всех постоянно изводил разговорами о том, каково ему жить с такой «отвратительной кожей», скупил все средства в магазинах, торговавших препаратами от акне, и довел до бешенства всех возможных дерматологов в нашем городе. Но решение проблемы нашлось само собой: с возрастом прыщи сами начали проходить, и теперь их стало совсем мало, что не могло не радовать моего среднего брата. По характеру Марк очень добрый и отзывчивый. Он всегда всем помогал: если кто-то просил его о помощи, и даже если в этот момент у него было не так много свободного времени, он обязательно с улыбкой говорил: «Да, конечно, я все сделаю». Это хорошее качество, но бывало, что Марка использовали в своих целях, о чем сам он, по доброте душевной, даже не догадывался. Но такое случалось не часто, потому что как Марк все же мог постоять за себя и почти всегда отличал лесть от правды. Он очень начитанный, умный, веселый и достаточно общительный парень, но временами бывал ужасно занудным.

Мы с братом недолго простояли на остановке: вскоре подъехал автобус нужного нам маршрута. От кафе до нашего дома ехать около часа без пробок, а с пробками раза в два больше. Поэтому, как только мы оказались на сиденьях, я достал из кармана плеер и начал разматывать провода от наушников. Марк продолжал что-то писать в телефоне, наверное, с кем-то переписывался. Я тоже, как и Стеф, любил рэп, но на этом мои музыкальные вкусы не ограничивались. Я мог слушать любую музыку: от R'n'B до тяжелого рока — если она качественная и со смыслом, то почему бы и нет? Но моя истинная любовь — это рэп. Особенно я уважал творчество Эминема. Иногда я мечтал, что однажды тоже стану известным на весь мир рэп-исполнителем, что мои концерты будут собирать десятки тысяч человек, и все они будут подпевать мне из зала. Но вряд ли когда-то это станет реальностью, потому что у меня просто не хватит терпения осуществить такой огромный проект. Я очень нетерпеливый и неусидчивый человек. Мне нужен кто-то, кто бы организовывал мою деятельность. Например, Марк, у которого это очень хорошо получалось, особенно к концу учебного года, когда мне надо было срочно закрыть все свои «хвосты».

— Том, может, хватит петь на весь автобус? — Марк вынул один из наушников из моего уха и с недовольством посмотрел на меня.

— Что? Я не пою! — возмутился я, но оглянувшись по сторонам, заметил, что люди, сидевшие вокруг, как-то странно на меня косились. Может, я и правда пел?

— Люди же смотрят! Еще подумают, что мой брат сумасшедший, тогда ученая степень мне точно «не светит», — вздохнул Марк, возвращаясь к телефону.

— Ты только об ученой степени и думаешь! Лучше бы, например, подумал, о творческом потенциале своего брата. Возможно, я стану известным певцом, тогда ученая степень достанется тебе очень легко.

— Что-то я в этом сомневаюсь, — пробурчал Маркиз, отворачиваясь к окну.

Когда я слушал музыку, то мог задуматься о чем-то, а потом начать петь. Если я был дома, то пел громко, даже иногда становился перед зеркалом и представлял себя на сцене: все взгляды направлены на меня, все слушали меня и делали все то же самое, что и я. Поэтому не удивительно, что я запел в автобусе и даже этого не заметил. Но Марку, наверное, стало стыдно за меня. Он вообще очень любил зацикливаться на чем-то. А еще он был просто помешан на всяких выдуманных, наверное, им самим, правилах поведения в общественных местах. Если бы я всех их придерживался, то, наверное, уже стал бы сумасшедшим с нервным тиком. Поэтому когда мы находились где-то вдвоем с Марком, он постоянно меня одергивал. Я, правда, не знаю, зачем именно он это делал: стеснялся меня перед другими людьми, воспитывал, или же думал, что мое «безбашенное» поведение каким-то плохим образом повлияет на его будущую головокружительную карьеру, о которой он так мечтал?..

— Чем будешь сегодня вечером заниматься? — поинтересовался я, повернувшись в сторону Марка.

Он пожал плечами:

— Не знаю. Постараюсь закончить свой доклад. А что, у тебя есть какие-то предложения?

Я улыбнулся широкой улыбкой:

— Конечно! Мы с Бобом и парочкой наших друзей хотим сегодня устроить у Боба на переднем дворе что-то типа мини-вечеринки: покататься на роликах, скейтах, послушать музыку. Отец Шона купил потрясные колонки. Там такой звук: ты просто упадешь, когда услышишь!..

— Из них такой поток воздуха, что сбивает с ног? — захихикал Марк.

— Нет же! — засмеялся я и пихнул Марка в плечо. — Просто очень классный звук! Мы хотим вынести их на улицу, повесить по двору фонари, заказать пару пицц... В общем, будет классно! Хочешь пойти?

Марк свернул губы трубочкой, покосился на меня и покачал головой:

— Ну, даже не знаю. Но если будет классно, то я «за», — и он поднял руку вверх.

— Отлично! — обрадовано воскликнул я. — Мы сейчас встречаемся с Бобом, чтобы все подготовить, а ты приходи к нему домой часам к десяти вечера.

— Что насчет соседей? Они не позвонят в полицию?

— За соседей не волнуйся: мы все уже уладили, — закивал я с важным видом.

— Позволь поинтересоваться: каким же образом? — Марк с недоверием посмотрел на меня.

— Мы будем бесплатно стричь лужайки у нескольких рядом стоящих домов, в течение двух недель. Соседи очень быстро согласились потерпеть пару часов.

— Ты что, серьезно? Ты будешь стричь лужайки?! Никогда не поверю!

— Почему нет? Эта вечеринка стоит тех нескольких часов, которые мы с Бобом потратим на то, чтобы покосить траву. Зато мы отдохнем на полную катушку! — с улыбкой объяснил я. — К тому же, в прошлом году, когда мы устраивали похожую вечеринку, я с успехом справился со стрижкой газонов.

— А Даниэла тоже будет? — поинтересовался Марк, проигнорировав мое последнее замечание.

— Да, конечно. Куда же я без нее! Она бы меня съела, если я не позвал бы ее с нами.

Даниэла Робинсон училась со мной в одной школе и жила в одном квартале от моего дома. Мы встречались с ней уже два года. Я познакомился с ней, когда Дана перевелась в старшую школу в девятый класс. Когда я только ее увидел, то первое впечатление, которое у меня сложилось о ней, было: «Боже, кто это?!». В самый первый день она пришла в школу на высоченных каблуках, еле передвигая ногами, на плечах красовалась ядовито-розовая кожаная жилетка-курточка, а ноги были обтянуты такими узкими джинсами, что мне было очень интересно, как она могла в них дышать. Впрочем, именно этим я и поинтересовался у нее при нашем знакомстве, на что она ответила: «Мне тоже очень приятно. Я — Даниэла!», скорчив при этом презрительную гримасу. На ее голове возвышался огромный начес из белокурых волос, большие зеленые глаза были чересчур сильно окрашены черным карандашом, а кожа была явно слишком загорелой. Дана очень быстро нашла себе подруг, одной из которых стала Кэлли Берч, но вскоре их дружба переросла в небольшую войну, которая шла до сих пор. Они в течение последних двух лет спорили, кто же из них купил самую лучшую юбку, у кого дороже стояли туфли, и кто все-таки ничего не смыслил в макияже. Наши отношения с Да-

ной очень долго строились на взаимных подколках и бесконечных язвительных высказываниях в адрес друг друга. Я никогда не любил людей, которые помешаны только на шмотках и больше ничем не занимались, кроме того, как рассуждали о распродажах и мировых брендах. Поэтому я оттачивал свое «мастерство» не только на Дане, но и на Кэлли, которая всегда приходила в бешенство из-за моих высказываний, что, в свою очередь, невероятно веселило меня.

Но, проучившись вместе с Даниэлой пару месяцев, я заметил, что она не такая глупая, как я думал. Она достаточно хорошо училась, очень спокойно и дерзко отвечала мне, когда я придумывал очередную колкую шутку по поводу ее внешнего вида. Однажды я встретил Дану, когда она ходила одна по магазинам, и мы разговорились. Мне показалось, что она совсем не такая, какой я представлял ее себе в начале, но в одном я уверен до сих пор: Даниэла капризная принцесса. Но мне нравилась в ней даже эта черта: мне же надо было над чем-то прикалываться.

Пока мы болтали с Марком, я даже не заметил, как автобус подъехал к нашей остановке.

— Марк!!! — заорал я на весь салон. — Мы сейчас проедем нашу остановку!!! — я схватил брата за рукав и потащил к выходу.

— Тише, что ты так орешь! — возмутился Марк, пытаясь освободиться от моих цепких рук.

— Остановитесь!!! Подождите, не закрывайте дверь!!! — кричал я, подбегая к водителю. Тот обернулся и, увидев меня, скривился:

— А, это опять ты? Я тебя запомнил: постоянно умудряешься проехать свою остановку!

— Я, что всегда на ваш автобус попадаю? — удивился я, округлив глаза.

— Да, очень часто, — прокаркал жутким голосом водитель.

— Ну, ты выходишь или нет? — возмутился из-за моей спины Марк.

— Постараюсь в понедельник попасть на ваш рейс! — пообещал я. — Вы в 15:30 проезжаете мимо школы?

— Да, — кивнул шофер. — Выходи быстрее, мне некогда, я уже по графику опаздываю, — водитель явно не был настроен на разговор.

Я ничего не ответил, потому что Марк сзади чуть ли не выталкивал меня на улицу. Когда мы оказались на тротуаре, брат произнес:

— Боже, ты даже водителей местных достал!

— Не правда! Раз он меня запомнил, значит, я произвел на него положительное впечатление, — объяснил я, подняв указательный палец вверх.

— Конечно, тебя не переубедить, — засмеялся Марк, покачав головой.

— Я тоже так думаю, — заулыбался я. — Ну, ты сейчас домой, писать доклад?

— Да, — воодушевленно сообщил Марк, продолжая с кем-то переписываться.

— Удачи в творческих начинаниях! Жду тебя в десять у Боба! Не опаздывай, а то я обижусь!

— Я постараюсь, — Марк кивнул в ответ и пошел по тротуару в противоположную от меня сторону.

Мне нравился район, в котором я жил. Здесь все мои друзья, здесь я провел детство, с этими местами связано много разных воспоминаний. Аккуратные тротуары, кусты роз, высокие живые изгороди, небольшие зеленые лужайки, красивые дома и коттеджи — все это окружало меня каждый день. Вообще в Бостоне хороший климат, и очень, очень красивая осень. У нас говорят, что если вы не видели осень в Бостоне, то вы просто не знаете, что такое осень. Сейчас на улице как раз самое красивое время года: листва на деревьях приобретает новый, разноцветный окрас, небо тоже как-то менялось, становилось таким голубым, что невозможно не зажмуриться, когда смотришь на него. Появлялась какая-то новая атмосфера, которой не бывало в течение всего остального времени года. Листва еще не начала опадать, но в воздухе уже чувствовался ее горьковатый, пьянящий аромат. Разноцветные кроны деревьев особенно красочно смотрелись на фоне ярко зеленых лужаек и аккуратно подстриженных кустов. У многих людей, которые жили на одной улице со мной и на соседних, двух- или трехэтажные дома, с большими белыми окнами. Около домов обычно располагали лужайки, на которых часто разбивали небольшие клумбы или просто сажали пару деревьев. Кто-то вместо забора высаживал живые изгороди или высокие розовые кусты, которые зацветали в разное время года. Но улица всегда утопала в цветах и зелени, а осенью она окрашивалась настоящими красками. Жизнь здесь кипела очень оживленно. Постоянно кто-то устраивал вечеринки или большие обеды. На обеды, конечно, мне не часто приходилось попадать, если только на них ни приглашали нашу семью, но вот на вечеринках я был частым гостем. Я общался с разными людьми и постоянно обрстал новыми знакомыми. Еще два года назад Стеф всегда брал меня и Марка с собой, когда шел гулять со своим друзьям, и я их постоянно развлекал, потому что всегда шутил и никогда не сидел на месте. Сейчас мы с Марком в основном вдвоем, потому как интересы Стефа изменились, и он, как сам говорил, «предпочитал события посолидней», вход на которые, по крайней мере, пока, для меня закрыт. Марк же часто находился в моей компании, объясняя это тем, что ему нравилось смотреть на то, как я дурачился.

Дом Боба расположен через несколько кварталов от улицы, где жил я. Боб жил с родителями и старшей сестрой, которая до настоящего времени училась в Англии, но совсем скоро все ждали ее приезда домой. Отец Боба занимал должность финансового

директора в крупной компании «VinTek Technology», производившей компьютерные процессоры. Наши родители хорошо знакомы друг с другом, а моя дружба с Бобом началась, когда наша семья переехала из Арлингтона, штат Вирджиния, в Бостон, где нашему отцу предложили работу, что произошло, когда я перешел во второй класс. Боб мой единственный лучший друг, которому я безгранично доверял. С ним вместе мы проводили большую часть нашего времени.

Поток моих мыслей прервала появившаяся на тротуаре группа девочек, в центре которой вышагивала Кэлли Берч, взяв под руку одну из наших одноклассниц, Эби. Завидев меня, лицо Кэлли приняло враждебное выражение, было видно, что она не рада нашей встрече. Я же, напротив, обрадовался: мне нравилось выводить из себя таких людей, как она, и это у меня хорошо получалось. Кэлли никогда не вызывала у меня симпатии: надменная, считавшая себя королевой, хотя на самом деле совсем таковой не являвшаяся. Она невероятно глупая: наверно, посмотрев именно на таких девушек, как она, и сочиняли анекдоты про блондинок. Кэлли постоянно экспериментировала со своей внешностью: то нарастит ресницы, то решит покрасить губы жуткой красной помадой или нарастить волосы. Последнее преобразование сейчас и находилось на ее крашеной в блондинистый цвет голове. Несмотря на то, что у Кэлли тонкие черты лица, яркие серые глаза и стройная фигура, мне постоянно виделось в ней что-то отталкивающее. Думаю, это из-за того, что она уродовала свое лицо слишком ярким макияжем, а фигуру — слишком вызывающими нарядами. Да и ее характер оставлял желать лучшего.

Подойдя ближе, Кэлли начала разговор:

— О, Уиллсон! Какая встреча! Ты что, следишь за нами? — она прищурила глаза и скривила рот в ухмылке.

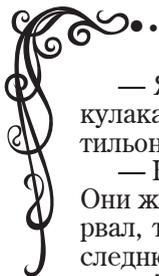
Я засмеялся:

— Да уж! Однако, у тебя супер-самооценка: ты думаешь, что я буду следить за тобой? Тогда ты сильно ошибаешься!

— Конечно! Куда уж мне! У тебя же есть перекрашенная барби Даниэла: я там и рядом не стояла! — она дернула плечиком и улыбнулась наигранно широкой улыбкой.

— Знаешь, лучше быть с перекрашенной барби, чем с вытравленной блондинкой, у которой, того гляди, волосы отвалятся! — я подбежал к ней и дернул за наращенные волосы. Кэлли заорала, а вокруг стоящие девочки разбежались во все стороны, дико вереща.

— Ты что делаешь, урод! Я тоже могу твои лохмотья, которые ты называешь волосами, выдернуть! — Кэлли впечилась мне в волосы. А так как у меня длинные волосы, почти до плеч, то ей было что выдирать. Но я быстро высвободился из ее рук и побежал от их компании вперед по дороге.

— Я ненавижу тебя! Что ты наделал! – Кэлли махала мне вслед кулаками и топала ногами, обутыми в жуткие, ядовито-зеленые ботильоны. – Ты чуть не оторвал мои волосы!!!

— Не переживай! — я остановился и развернулся к ней лицом. — Они же не твои! Подумаешь, большая потеря! Даже если бы я их вырвал, тебе было бы очень тяжело простудить твою несчастную последнюю извилину!

— Это мои волосы, раз они на моей голове! — выдала неоспоримый аргумент Кэлли и непонимающе уставилась на меня.

Мне стало так смешно смотреть на нее, что я не выдержал и расхохотался.

— А-ааа! Он еще и ржет!!! — бушевала Кэлли. Но вскоре ей надоело смотреть на то, как я согнулся пополам от смеха, поэтому она очень быстро ретировалась вместе со всеми своими подругами.

Я вытер слезы, которые выступили у меня на глазах от смеха, и решил про себя, что долгие года жизни после такого заряда энергии мне обеспечены. Дом Боба был уже совсем близко, поэтому, не успев я обернуться, как увидел своего друга собственной персоной, который шел мне на встречу.

— Да, никто не может так смеяться! Только Том Уиллсон! — улыбаясь, сказал Боб.

Я подбежал к Бобу, на ходу рассказывая о своей встрече с Кэлли, и мы пожали друг другу руки.

— Ты, как и всегда, крут, чувак! – с важным видом сообщил Боб. — Отец Шона уже привез колонки!

— Ого! Супер! Теперь нам надо как-то договориться насчет трамплина для скейтов.

— Не дрейфь! Все уже решено! Мой двоюродный брат через пару часов привезет свой: он все равно валяется у него на заднем дворе без дела.

Болтая, мы с Бобом пошли к нему домой, чтобы развесить фонари по периметру лужайки. Внешне Боб совсем не похож на меня: он немного выше, чем я, у него коротко стриженные темные волосы и тонкие губы. В отличие от меня, у Боба светлая кожа и худое лицо. Свое лицо я бы не назвал худым, да и телосложение у меня плотнее, чем у моего друга. Но у нас с Бобом было что-то общее, что нас объединяло. Возможно, это взгляд на окружающий мир, мироощущение в целом: мы оба весельчаки и во всем видели что-то положительное.

Дом Боба находился выше по дороге и занимал большую территорию, чем наш. Помимо кухни, столовой и гостиной, на первом этаже были оборудованы еще и зимний сад, бильярдная и домашний кинозал. Сам дом построен из красного кирпича, а крыша покрыта черепицей того же цвета. Большие окна из белого пластика располагались по всему периметру дома, за счет чего внутрь всегда заглядывало солнце, с какой стороны оно бы не находилось, и в течение

всего дня бывало светло. В доме огромный холл, в середине которого находилась широкая лестница, поднимавшаяся на второй этаж, а по обе стороны прихожей располагались многочисленные двери, ведущие в ту или иную комнату. Мама Боба, искусствовед, работала в Музее Изящных искусств и очень любила картины, поэтому по всему дому, начиная с прихожей, на стенах были развешаны многочисленные портреты, натюрморты и пейзажи. У самого Боба любви к искусству я никогда не замечал, наверное, ему передался характер его отца: он очень любил шутить и постоянно острил, что, в принципе, странно, учитывая его серьезную работу. На втором этаже дома расположены шесть спален, включая парочку гостевых, несколько ванных комнат и большая веранда, с которой открывался прекрасный вид на квартал. Родителей Боба я почти никогда не заставлял дома, когда приходил к нему в гости, что, в свою очередь, случалось довольно часто. В основном дома он один, либо вместе с приходящей горничной, которая убирала у них пару раз в неделю. Отцу Боба часто приходилось уезжать в командировки на несколько дней, а то и недель, а мама почти всегда бывала допоздна на работе: хотя музей закрывался намного раньше, она очень много времени уделяла исследовательской работе и тоже иногда бывала в командировках. Поэтому мы часто собирали наших друзей вместе именно дома у Боба, как и в этот раз.

Дома у моего друга была большая кладовка, где свалено все, чем когда-либо пользовались его родители, а также бабушки и дедушки. Там можно было найти практически все, что угодно: от рваных ботинок до довольно приличных садовых кресел или монитора от компьютера. Поэтому искать фонари для улицы мы пошли именно туда. Единственный недостаток этого «райского уголка» заключался в жуткой пыли, которая летела во все стороны, когда мы начинали что-нибудь передвигать. Как только мы полезли в огромный деревянный сундук, который, как объяснил Боб, остался еще от его прадедушки, пыль моментально полезла нам в глаза, нос и рот.

Я закашлялся и как можно быстрее выбежал в коридор. Боб тоже последовал за мной с завидной прытью.

Когда мы немного откашлялись, а пыль осела, Боб предложил:

— Слушай, Том, я сейчас подумал о том, что нам не помешали бы респираторы.

— Здравая мысль! А еще там не помешало бы убраться, — съязвил я.

— Кто же будет этим заниматься?! Там пыли больше, чем во мне фунтов!

— Ну, например, ваша горничная, за дополнительную плату, — предположил я.

— Да, думаешь, она согласится глотать пыль и заработать астму за сто баксов? — привел логичный аргумент мой друг.

— Вдруг она уже больна астмой, и поэтому ей уже нечего терять? — пожал плечами я.

— Ладно, давай поищем маски у папы в гараже. Он недавно что-то красил и там должна остаться парочка.

Мы отправились в гараж и очень быстро нашли то, что искали. Вернувшись обратно в дом, мы снова полезли в кладовку, но уже предварительно одев респираторы. Так было, конечно, намного лучше, но пыль все равно лезла в глаза, поэтому мы периодически выходили на свежий воздух.

Наконец, после долгих поисков, перелопатив кучу хлама, мы все же откопали в кладовке Боба симпатичные фонари с довольно длинными проводами. Мы сразу решили, что повесим их по периметру переднего двора, где-то привязав к козырьку над крыльцом, где-то за деревья, а где-то за фонарные столбы. Не откладывая дело в долгий ящик, мы взяли стремянку из той же самой кладовки и понесли все это на улицу.

Оказавшись на месте, мы разложили лестницу и растянули провода с фонарями. Боб боялся высоты, поэтому, как только мы закончили все приготовления, и настало время вешать фонарики, он сразу предложил заискивающим голосом:

— Том, может, ты повесишь их, а я подержу лестницу? — он протянул мне провода и мило улыбнулся.

Я рассмеялся, глядя на него. Да уж, плохо, когда ты чего-то боишься, да еще и не мог в этом признаться.

— Хорошо, я повешу, — взяв часть фонариков, я полез вверх по лестнице.

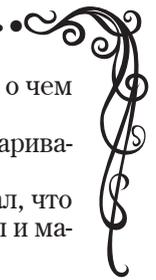
Оказавшись на верхней ступеньке, я осмотрелся, прикидывая, где можно было бы закрепить провод.

— Я думаю, можно повесить его вон на ту ветку, — Боб снизу указал на сук дерева, который находился совсем близко от меня. При этом он отпустил лестницу, от чего она угрожающе закачалась.

— Эй, Боб, хватит спать! Держи лестницу, а не то я навернусь и сломаю себе шею! — заорал я, с ужасом представляя, что меня тогда ожидает.

— Прости! Все, больше не отпущу! — торжественно пообещал друг.

Я изловчился и накинул провод на дерево. Он прекрасно на нем повис, чем невероятно меня обрадовал. Я благополучно оказался на земле, и мы перенесли лестницу немного дальше. В этот раз я решил обсудить вопрос о проводе заранее. Мы внимательно посмотрели по сторонам и решили, что на этот раз закрепим провод на козырьке крыльца. Предупредив Боба о том, чтобы он не отпускал лестницу, я полез наверх. Оказавшись у цели, я начал привязывать провод веревкой к выступу на козырьке. Тут я услышал звук приближавшейся машины и обернулся посмотреть, кто приехал. Увидев знакомый ав-

томобиль, я понял, что приехал двоюродный брат Боба, Майкл, о чем я и сообщил своему товарищу.

— Как раз вовремя! Он привез трамплин, как мы и договаривались! — ответил Боб.

Я привязал провод и хотел уже спускаться, как почувствовал, что лестница как-то странно шаталась. Я посмотрел вниз: Боб стоял и махал руками своему брату, вместо того, чтобы держать меня.

— Боб! Держи лестницу!!! — закричал я, глядя вниз.

Боб неловко повернулся и задел своими руками, летавшими в воздухе, ножку лестницы. От этого, и без того плохо закрепленная и еле державшаяся стремянка, просто упала, и я с жутким криком полетел вниз. К счастью, стремянка не очень высокая и мой полет был совсем не долгим, поэтому вскоре моя персона оказалась на клумбе, разбитой под окном. Толком не поняв, что же случилось, я постарался сесть. Боб подбежал ко мне с криками:

— Боже! Том, что случилось?!

— О... Моя нога... — простонал я.

— Что? Что с твоей ногой?! — засуетился вокруг меня Боб.

Я пожал плечами:

— Откуда я знаю! Просто немного болит, ушиб, наверное, — потом я прищурил глаза и сжал губы, очень внимательно посмотрев на Боба. — Ты почему отпустил лестницу? Я же тебе говорил, чтобы ты ее держал, дурак!

— Прости меня, пожалуйста! Брат мне помахал рукой, ну и я в ответ тоже... помахал... — застонал мой друг.

— Что тут у вас произошло? — взволнованно спросил Майкл, уже успевший припарковать машину и прибежавший на мой крик. На его смуглом лице и в больших зеленых глазах отразилось выражение полного замешательства, когда он увидел меня, сидевшего в клумбе, и лестницу, лежавшую на земле неподалеку.

— Никогда не маши своему брату рукой! Никогда!!! — я пригрозил ему пальцем.

Майкл на полном серьезе поинтересовался:

— Почему?

— Это приводит к плохим последствиям! Например, к ушибу ноги и помятым клумбам, — назидательным голосом произнес я, выбираясь из цветов.

— Надеюсь, кроме ноги ты больше ничего не ушиб? — пропищал Боб.

— Нет, можешь не волноваться, но в следующий раз ты сам полезешь вешать эти тупые фонари, а я посмотрю за тобой!

— Договорились, — смирился со своей участью Боб.

В то время, пока мы вешали фонари, успевая при этом шутить друг с другом, приехал грузовик, который привез трамплин. Рабочие очень долго выгружали и устанавливали его. Когда они, наконец, за-

кончили и получили честно заработанные ими деньги, на улице уже темнело. Майкл, торжественно взявший на себя оплату труда грузчиков, радостно сообщил нам, что уезжает. Боб из-за этого немного расстроился, потому что рассчитывал, что его брат поможет нам еще и установить колонки.

— Может, ты все же останешься? — начал ныть мой друг, нарезаая круги вокруг своего двоюродного брата.

— Нет, правда, совсем не могу: меня ждет Кэти, мы договорились пойти в ресторан. Я и так уже опаздываю, а мне надо еще заехать домой, переодеться! — Майкл отнекивался, как мог.

— Какие все занятые! Вот бы помочь своему любимому брату устроить самую лучшую вечеринку в районе, нет же! Надо пойти в ресторан, для того, чтобы потратить побольше денег и попутно набрать пару лишних фунтов! Какие честолюбивые намерения у тебя, Майк! — я вмешался в разговор. Мне тоже хотелось, чтобы он остался, так как меня совсем не прельщала перспектива таскать тяжеленные колонки по всему двору.

— Ты же знаешь: если я с кем-то договорился, то договорился на-верняка. Кэти меня убьет, если я ей скажу, что мы сегодня никуда не пойдем! — Майкл выдвинул последний аргумент в свою пользу.

Кэти — девушка Майкла. Они уже давно встречались, и все родные с нетерпением ждали, когда же они, наконец, поженятся. Майклу двадцать семь лет, он по образованию менеджер и работает по той же специальности. Так, на работе, он и познакомился с Кэти. Майкл начал работать, еще обучаясь в университете, Кэти же пришла в ту же организацию уже после того, как Майк закончил обучение. Кэти немного старше двоюродного брата Боба, но все равно выходить замуж не торопилась: именно из-за ее отказов на несколько предложений руки и сердца, которые делал ей Майк, они до сих пор не женаты. Свое решение она объясняла одной и той же фразой: «Пожениться мы всегда успеем». Такое положение дел сохранялось в течение двух лет, и мне уже интересно: когда же Майклу надоест вся эта канитель, и он найдет себе новую подружку. Мы даже спорили на это с моим другом: Боб поставил десять баксов на то, что они поженятся, а я — на то, что Майкл ее бросит. Пока никто не выиграл, и теперь я даже не знал, выиграет ли кто-нибудь из нас когда-нибудь.

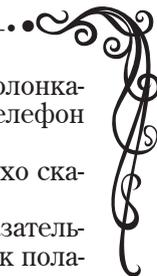
— Мы не заставляем тебя вообще никуда не ходить: просто позвони Кэти и скажи, что немного задержишься. Перенеси свидание на час позже, — предложил я.

Майкл заколебался:

— Ну, я даже не знаю...

— Пожалуйста, останься и помоги нам! Только представь, как дети будут ворочать эти огромные колонки: мы же надорвемся! — взмолился Боб.

Майкл махнул рукой:

— Сейчас позвоню Кэти, а потом помогу вам с вашими колонками, — он развернулся и пошел к дому, по дороге доставая телефон из кармана.

— Я так и думал, что у нас получится его уговорить, — тихо сказал Боб, чтобы этого не услышал его брат.

Я кивнул. Другого исхода я и не ожидал: это еще одно доказательство того, что отношения Майка с Кэти не такие прочные, как полагал Боб, а значит, я был прав, когда спорил. К тому же, мой карман скоро станет больше на десять баксов.

Пока мы искали с Бобом фонари и развешивали их, у нас совсем не было времени, чтобы рассмотреть привезенные отцом Шона колонки. Шон — наш общий друг. Мы учились в одной школе и иногда попадали на совместные уроки. Он тоже жил в нашем районе, поэтому мы виделись с ним почти каждые выходные. Когда нам пришла идея устроить в субботу вечеринку, Шон нас поддержал и пообещал обеспечить отличный звук, что, в принципе, и сделал. Отец нашего друга владел небольшой сетью магазинов, которые торговали в розницу автозапчастями, у него свободный график работы, поэтому он согласился одолжить и сам привести нам колонки, которые недавно купил.

Колонки действительно оказались отличными, но и очень большими. Мы втроем несли каждую из них и потом еще долго отдувались. Протянуть провода мы доверили Майку, который очень быстро разделался с этой задачей. Он же подключил их к усилителю и настроил звук. Мы с Бобом в это время выбирали диски с музыкой, которую планировали ставить сегодня. Кто-то из нас должен был следить за тем, чтобы все шло гладко, и по обоюдному согласию мы решили, что это будет Боб. Я любил компьютеры, но, все же, Боб любил их больше, поэтому наше решение было предсказуемым. Когда Майк закончил возиться со звуком, он, с ужасом увидев, сколько времени, схватил ключи от машины и, проклиная нашу затею на все лады, вылетел из дома. Оно и было понятно: до встречи с Кэти оставалось меньше часа. Проводив его на ужин, мы позвонили в пиццерию и заказали четыре пиццы и упаковку кока-колы. Стрелки часов показывали около девяти часов вечера, поэтому мы посчитали, что к половине десятого наш заказ точно доставят.

На улицы начали спускаться сумерки, зажглись уличные фонари, а на небе появлялись одна за другой яркие звезды. Вдоль всего периметра дома мы повесили фонарики, которые горели разноцветными лампочками. Свежий воздух, хорошая музыка, друзья, которые должны были скоро прийти, вожделенный трамплин, установленный недалеко от темно-зеленой, густой живой изгороди, окружавшей двор, — что могло быть лучше такой вечеринки?

Когда мы с Бобом любовались на ту красоту, которую мы сотворили сегодня за несколько часов на переднем дворе моего друга, пришел Марк.

— Что-то ты рано! Еще и половины десятого нет! — приветствовал я своего брата.

Марк пожал руку Бобу, а потом обратился ко мне:

— Я раньше закончил первую часть доклада о кризис — менеджменте. Бродя все нормально, но мне все равно кажется, что чего-то не хватает, — он растерянно развел руками.

— Мне бы твою прыть в написании докладов, — покачал головой Боб. — А еще переживаешь! Я уверен, в твоём докладе все классно!

— Я так не думаю, — уперся Марк. — Но мы же не о моем докладе здесь собрались говорить, а просто отдохнуть, так что забудь. Об этом подумаю я, только чуть позже.

Вскоре привезли заказ из пиццерии. Расплатившись с курьером, мы вынесли небольшой стол во двор и расставили еду на нем. Боб включил музыку, и всех нас сразу окутало атмосферой праздника.

Нас кто-то окликнул. Мы обернулись; оказалось, это была соседка Боба, миссис Коллинз: милая пожилая женщина лет семидесяти с пучком белых волос на голове и элегантных очках в дорогой оправе. Боб рассказывал, что раньше она работала в ЦРУ, что, лично мне, было очень сложно представить. Она зашла, чтобы поинтересоваться, надолго ли мы собирались устраивать свой праздник.

— Не волнуйтесь, мы же с вами уже договорились о стрижке лужайки. И наше предложение остается в силе, — пообещал Боб.

Марк, слушая их диалог, еле сдерживался, чтобы не засмеяться. Я, заметя это, спросил:

— Что, думаешь, мы не сможем постричь газон? Мы не такие слабаки!

— Нет, я в вас ни минуты не сомневался! — закивал Марк, продолжая похихикивать.

Я понял, что его не переубедить. Он не верил, что мы выполним свое обещание, ну и пусть. Посмотрим, что он скажет, когда мы подстрижем газоны у близлежащих домов.

— Кстати, а что родители Боба? Они не будут против нашей мини-вечеринки? — поинтересовался Марк.

— Думаю, нет, потому как они уехали и приедут только во вторник, — пояснил я.

Когда Боб, наконец-таки, спровадил надоедливую и любопытную соседку, стали собираться наши друзья. Мы пригласили не так много человек, как планировали вначале. Среди гостей были только наши общие друзья, а один из них обещал приехать со своей девушкой. Первым пришел Шон, который сразу побежал осматривать колонки и, как только их увидел и услышал, начал восхищаться звуком. Также он не оставил без внимания и наши усилия по благоустройству территории.

— Вы молодцы! Так все красиво сделали! — похвалил нас Шон, осматриваясь вокруг.

— Ты бы видел, как мы все это делали. Том даже с лестницы упал! — начал живописать картину Боб.

— Да ладно! — не поверил Марк.

— Правда, я в этом виноват, ... — пока мой друг рассказывал о моем фееричном полете, состоявшемся сегодня днем, Марку и Шону, я пошел встречать других гостей, которые уже подходили к дому.

Это были Джош и Кристиан. Они, как и Шон, являлись нашими одноклассниками и жили неподалеку. Джош достаточно высокий, крепкого телосложения парень с черными волосами и того же цвета глазами. На него «вешались» практически все девчонки, которые учились в параллельных с нами классах. Он играл в школьной футбольной команде и пользовался большой популярностью. Однако он ни с кем не встречался и предпочитал весело проводить время, чем разыгрывать из себя мачо.

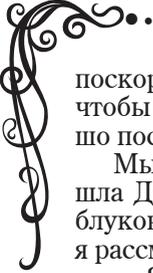
Кристиан же наоборот был не очень высокого роста, примерно, как я, и не обладал такими мускулами, как Джош. Но он отличный парень, с ним весело и никогда не скучно. Природа наградила его зелеными глазами и светло-русыми волосами, которые он укладывал в какие-то невероятные прически. Сегодня он соорудил на своей голове что-то вроде «творческого беспорядка»: откуда-то взявшаяся челка, которой еще вчера и в помине не было, заколота набок, на макушке волосы «уложены» дыбом, а около ушей - прилизаны гелем.

— Крис! Ты сегодня опять в центре внимания! Откуда челка? — искренне поинтересовался я.

— Не знаю, — тот пожал плечами. — Сегодня вечером решил расчесаться и обнаружил неизвестный факт: оказывается, у меня есть челка. Теперь буду с ней ходить.

Мы вместе посмеялись над его творческими изысканиями в отношении волос и отправились к остальным, которые в это время уже распаковывали ящик с напитками. Пока мы занимались этим важным делом, к дому подъехала машина. Мы оставили на время неподатливый ящик и пошли встречать только что приехавших.

Из машины вышел Мэтью, за ним его девушка Лиза, а затем из глубины салона показалась голова Даниэлы, которую они подвезли. С Мэтью мы познакомились, когда мы с братьями ходили на хоккейный матч несколько лет назад. Мэтт немного старше меня, ему восемнадцать лет, и в этом году он оканчивал старшую школу. Он учился не со мной, да и жил совсем в другом конце города. Поэтому виделись мы с ним не часто, и эта вечеринка стала отличным поводом для встречи. Боб, да и остальные, кроме Марка, его не очень хорошо знали, но знакомы с ним. Девушка Мэтта, Лиза, старше него и уже окончила школу два года назад. Сейчас она училась в колледже и подрабатывала моделью, выступая на модных показах. Лиза высокая и очень худая, что вызывало у меня непреодолимое желание

поскорее ее накормить. Но она постоянно сидела на диетах, поэтому чтобы впихнуть в нее что-нибудь калорийное, надо было очень хорошо постараться.

Мы поздоровались с Мэтгом и Лизой, и, наконец, из машины вышла Даниэла, которая никак не могла вылезти из-за огромных каблучков, украшавших ярко-красные туфли на ее ногах. Увидев Дану, я рассмеялся:

— Я думал, ты сегодня со мной покатаешься на скейте!

— Не носи ерунды! Когда это я каталась на скейте! — Даниэла была вся красной от напряжения и злости.

— Расслабься, я никому не скажу, — подмигнул ей я.

— Очень смешно! Лучше помоги мне дойти до дома, — надулась она.

Я оставил друзей с ребятами, а сам занялся бесконечными проблемами Даниэлы.

Пока мы прошли буквально сто футов до порога дома, она успела «наградить» нелicenseприятными комплиментами все, что только попадалось ей под ноги. Когда, наконец, цель была достигнута, и Дана плюхнулась на порог, она облегченно вздохнула. Потом Дана повернулась ко мне и шепотом спросила:

— Том, зачем я вообще надела эти жуткие туфли на вечеринку, которая проходит на открытом воздухе? Может, я дура?

Я присел рядом с ней и посмотрел на расстроенное лицо Даны:

— Думаю, ты просто жертва модной индустрии...

— Даже Лиза обута в балетках, а она работает моделью! — Даниэла указала рукой в сторону Лизы, которая уже успела сходить в гараж за скейтом. — А я, как идиотка, приперлась на этих ходунках! — сокрушалась она.

— Да не переживай так, а то ты уже такая же красная, как и твои туфли! — засмеялся я.

— Вот что мне в тебе нравится: всегда найдешь слова, чтобы успокоить! — с расстройством в голосе произнесла Дана, потирая ноги, которые только что вынула из этих ужасных туфель.

— Это мое самое лучшее качество! — смеясь, согласился я. — Как тебе наша работа? — я кивнул в сторону двора.

— Я даже не обратила внимания! — удивленно воскликнула Дана.

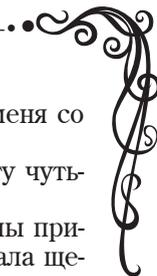
— Конечно, эти туфли... — я наигранно покачал головой.

— Прости, что не заметила. Вы, наверное, долго трудились, — она улыбнулась. — Такие красивые фонарики!

— Мы нашли их в кладовке Боба, там, знаешь ли, много чего можно найти. Кстати, — вспомнил я. — Со мной сегодня произошел очень смешной случай!

— Да? И какой же? — заинтересованно посмотрела на меня Дана.

— Я упал с лестницы прямо в клумбу, которую посадила мама Боба.

Дана в ужасе прикрыла рот ладонью.

— С тобой все в порядке? — а потом начала ощупывать меня со всех сторон.

— Все нормально, я же сейчас с тобой сижу! Просто ногу чуть-чуть ушиб, — объяснил я.

— От меня ты так просто не отделаешься! — лицо Даниэлы приняло озорное выражение. Она протянула ко мне руки и начала щекотать.

Щекотка — это самое ужасное, что может быть на свете. Поэтому, как только Дана начала щекотать мне бока, мой крик, наверное, услышал даже Стеф, находившийся на другом конце города. Я вскочил и побежал по двору, продолжая при этом орать, а Даниэла, которая босиком бегала довольно быстро, нещадно издевалась над моим телом.

Ребята, стоявшие в это время у стола, обернулись на мои крики, а увидев нашу погоню, засмеялись и начали подначивать Даниэлу. В конце концов, устав от нее бегать, я развернулся, повалил Даниэлу на траву и начал щекотать уже ее.

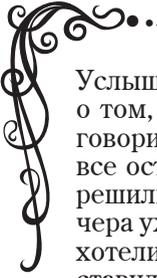
— Так не честно! — кричала она, пытаясь высвободиться.

— Честно! Сколько ты меня мучила!

Когда мы зашекетали друг друга уже до икоты, нам обоим надоело это занятие. Пока мы бегали друг от друга, ребята открыли пиццу и сели на траву, расставив вокруг банки с кока-колой. Мы с Даниэлой кое-как поднялись на ноги и, пытаясь остановить икоту, что было очень сложно, потому что мы постоянно смеялись, отправились к остальным.

Мы наелись пиццы, облили Боба колой, за что он начал бросать в нас оливки, выковыривая их из теста. Когда мы устали дурачиться, то решили, наконец, покататься на скейтах. Я очень любил ролики, но и скейтборд входил в круг моих увлечений. Хотя катался я не очень хорошо, мне захотелось привлечь к себе внимание и сделать какой-нибудь трюк на трамплине. Это у меня не получилось, но зато все смотрели на меня и ждали, что же я сделаю в следующую секунду. Я насмеялся до боли в животе, а губы уже просто не могли улыбаться. После меня пошел кататься Шон, который очень любил скейт и постоянно пропадал в парках, пытаясь научиться делать новые трюки. Шон показал нам пару отличных движений, в ответ на что получил бурные аплодисменты. Мы еще долго катались, я пытался поставить на скейт Даниэлу, на что она даже согласилась, но, как только она проехала буквально шесть футов, сразу упала. Поэтому отказалась от дальнейших экспериментов, объясняя это тем, что боялась разбить себе нос, или сделать «еще что-то в этом роде». Лиза же очень ловко управлялась с «доской», даже пыталась сделать какой-то трюк.

Марк предпочел вести светскую беседу с Мэтью о том, на какую специальность последний собирался поступать на будущий год.

Услышав, что он пока не определился, Марк начал читать лекцию о том, как важно вовремя найти себя в жизни. К счастью, они не говорили об этом весь вечер, и Марк покатался на скейте, как и все остальные. Кристиан с Джошем тоже не сидели без дела. Они решили поработать ди-джеями вместо Боба, который к середине вечера уже забыл о том, что должен следить за музыкой, и наперебой хотели поставить каждый свою пластинку. В конце концов, музыку ставил Крис, который отличился приятным разнообразием в музыкальном плане.

Когда наш вечер сам собой подошел к концу, потому что все уже устали и хотели только спать, было уже около двух часов. Мэтью с Лизой уехали на своей машине, а все остальные остались ночевать дома у Боба. Джош с Кристианом разместились в одной из гостевых спален, Марк решил остаться с Шоном в другой гостевой, Даниэлу устроили в спальне сестры Боба, а я со своим закадычным дружкой решил остаться спать в его комнате.

Перед тем, как отправиться ко сну, мы с Даниэлой пошли прогуляться по улице. Стало уже достаточно прохладно, горели фонари, на их свет летели ночные бабочки, а воздух, казалось, застыл: даже легкий ветерок решил отдохнуть сегодня вечером. Вокруг не было ни души, машины тоже не проезжали. И в этой тишине, разбавляемой время от времени трескотней кузнечиков и постукиванием об лампочки бабочек и мотыльков, наш разговор казался очень громким, хотя мы говорили очень тихо.

Даниэла обула балетки сестры Боба, которые мы нашли в прихожей, они оказались старыми, но очень удобными, по признанию самой Даны. Сверху ей пришлось надеть куртку Боба, потому, что на ней было только легкое короткое платье в мелкий цветочек с надетой поверх тонкой кофточкой. В тот момент она показалась мне такой хрупкой и маленькой, ведь я совсем не привык видеть ее без огромных каблучков, с которыми Даниэла никогда не расставалась. Себя я почувствовал высоким и сильным, хотя ни ростом, ни силой никогда не отличался. Я взял ее за руку, а она улыбнулась, посмотрев мне в глаза. Я улыбнулся в ответ и подумал, что этот день определенно удался.

— Здесь сейчас так красиво, — тихо произнесла Дана, прижавшись ко мне плечом.

— Да, ты права. И так тихо. Совсем нельзя сравнить с нашей вечеринкой.

Даниэла кивнула:

— Это точно: мы, наверное, весь квартал перебудили!

— Было весело! Правда, теперь нам с Бобом придется стричь газоны всем его соседям в течение двух недель. Но я думаю, что оно того стоило, — улыбнувшись ответил я.

Даниэла вдруг сказала:

— Знаешь, Том, когда мы только с тобой познакомились, я подумала, что никогда не смогу найти с тобой общего языка. Ты казался мне жутким хулиганом, который больше ни о чем не может думать, кроме того, как бы над кем-нибудь подшутить, или натворить очередную глупость.

Я удивленно посмотрел на Даниэлу: что это на нее нашло?

— Я был уверен, что ты именно так обо мне и думала, — признался я.

— Почему? Это было так заметно?

— Честно говоря, да! Ты так на меня смотрела, когда я к тебе обращался: эй, парень, ты не видишь, с кем разговариваешь?!

— Ого! Не знала, что все было так плохо, — Даниэла покачала головой.

— Нет, мне, наоборот, нравилось с тобой спорить. Ты показалась мне умной, ты хорошо училась и умела находить общие темы для разговора со всеми, — я сам не знал, как находил слова, чтобы говорить. Все получалось само по себе.

— Ну, надо же! А я думала, что ты принял меня за глупую барби, которая только и думает, что об одежде. Ты же знаешь меня, это мое слабое место.

— Вначале я действительно так подумал... — протяжно сказал я и посмотрел на Дану. Она произнесла: «Так я и знала». — Кто на моем месте подумал бы иначе? Ты пришла в розовой курточке и на таких каблуках, что мне стало тебя жаль. Но потом, когда мы узнали друг друга лучше, я понял: ты совсем не такая, какой казалась на первый взгляд. Теперь же я знаю это точно...

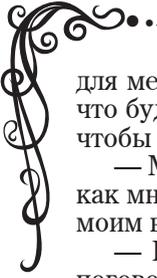
Лицо Даниэлы сразу прояснилось.

— Ты помнишь, что я была в розовой курточке?! Она моя любимая!!! — она запрыгала на месте, прижав руки к груди.

Я, смотря на Дану, рассмеялся. Она так обрадовалась из-за того, что я помню цвет ее курточки! Мне никогда не понять логики Даниэлы! Мы остановились в тени, куда не доставал яркий свет уличных фонарей, и я обнял Дану.

— Том, а ведь все получилось совсем наоборот, не как я думала. Я за все это время так сильно к тебе привязалась, что сама удивляюсь. Значит, первое впечатление обманчиво, — Даниэла подняла голову вверх и посмотрела мне в глаза. — У тебя очень красивые глаза, мне они нравятся, но больше мне нравится то, какой ты. Я просто обожаю твой характер, твое чувство юмора, твою находчивость.

— А мне нравится то, какая ты. Что бы кто ни говорил про тебя, ты лучшая для меня. Я знаю, что для тебя важно то, как ты выглядишь, и сколько стоят твои туфли, но для меня это не имеет никакого значения. Я считаю, что тебе совсем не нужна вся эта мишура, которую ты каждый день на себя одеваешь. И если бы ты была сейчас не накрашена, без прически, и одета по-другому, ты бы все равно была

для меня самой красивой. Потому что это правда. И мне не важно, что будут говорить об этом другие, мне важна ты. Просто мне надо, чтобы я знал: ты всегда будешь рядом со мной, — произнес я.

— Мы никогда не говорили об этом, и ты даже не представляешь, как мне хотелось сказать тебе все это, — Даниэла провела рукой по моим волосам, по щеке и положила ее на мое плечо.

— Ну, в принципе, у нас еще было достаточно времени, чтобы поговорить. Дай подумать, — я принял задумчивый вид, а потом подскочил на месте, изображая вдохновение. — Точно! Целая жизнь впереди!

— Ты все шутишь! Я обожаю тебя за это, — Даниэла положила голову мне на плечо.

— Я тоже тебя люблю, — шепнул я ей.

Я почувствовал, как крепко Даниэла обняла меня. Я никогда не ощущал ничего подобного в своей жизни: как будто что-то большое и светлое расцветало в моей груди, мое сердце билось так сильно, как никогда в жизни, и мне хотелось, чтобы она это слышала. Я не хотел ничего скрывать от нее, мне хотелось, чтобы я мог во всем довериться ей. Мои чувства к Даниэле стали намного сильнее с тех пор, когда мы только начали встречаться. Теперь я остро ощущал, что это такое, когда тебе нужен человек, и ты знаешь, что больше никогда не сможешь отпустить его. И я надеялся, что она чувствовала то же самое.

Мы долго стояли, обнявшись, в стороне от яркого фонаря, совсем потеряв счет времени. Это были прекрасные минуты моей жизни. Но все когда-то заканчивается. И через некоторое время мы, не спеша, пошли к дому Боба, при этом тихо болтая. Я рассказывал Даниэле смешные истории, она так искренне смеялась, была такой милой, а я удивлялся, как она вообще могла существовать в этом мире: такая идеальная для меня.

Мы уже почти пришли, как вдруг я услышал какие-то звуки, доносившиеся со стороны дома, мимо которого мы проходили. Из-за того, что именно в тот момент фонарь, находившийся рядом с нами, не горел, и из-за того, что мы были на другой стороне улицы, я не смог разобрать, что это за дом. Я остановился и прислушался.

— Что случилось? — спросила Даниэла.

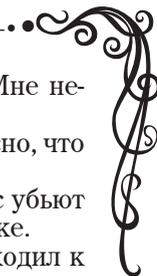
— Не знаю, кажется, я что-то слышал, — произнес я, уже сам сомневаясь в своем слухе.

— Я ничего не слышала. Может, тебе показалось? Может быть, это чей-нибудь кот.

— Наверное, ты права.

Мы уже хотели пойти дальше, но тут неожиданно по стене того самого дома пробежал луч фонаря, а потом явственно промелькнула чья-то тень.

— Вот! Ты видела! — прошептал я, указывая пальцем в сторону, где только что увидел свет.

— Да! — закивала Даниэла. — Может, уйдем отсюда? Мне немного страшно.

— Не бойся, я же с тобой, — успокоил ее я. — Мне интересно, что там происходит.

— Наверное, это грабители! А мы — свидетели! Вдруг нас убьют из-за этого? — в ужасе пропищала Дана, повиснув на моей руке.

— Ты что, с ума сошла! Наверное, это просто кто-то приходил к кому-то в гости, — захихикал я.

— Хорошо бы, если так, — Дана посмотрела на меня с укором. — Ты — неисправим! Пойдем, а то я уже замерзла, — она потянула меня за рукав.

Пока мы шли, я запомнил, какой это был дом по счету от дома Боба. Завтра я решил сходить туда и рассказать хозяевам о том, что видел. Может, это и правда, было ограбление, как предположила Даниэла.

Когда мы уже разошлись с Даной по комнатам, и моя голова, наконец-таки, оказалась на подушке, проснулся Боб и сонным голосом поинтересовался, как прошла наша прогулка. Мне очень хотелось поделиться с ним своими соображениями, но я не знал, как. Поэтому, лениво потянувшись, я произнес:

— Отлично! Мы насладились прекрасным вечером, свежим воздухом, а еще я сказал Даниэле, что люблю ее, — и, отвернувшись на другой бок, притворился, что заснул.

Боб несколько секунд молчал, а потом вскочил с кровати и начал меня донимать:

— Том! Это правда?! Что ты молчишь! — он потряс меня за плечо. — Не притворяйся, что спишь! Никогда не поверю, что ты заснул за две секунды!

Я повернулся к нему лицом:

— Да, я не сплю.

Мы с Бобом несколько секунд сидели в полной тишине.

— И что, это все? — непонимающе произнес Боб. — Ты больше ничего не хочешь рассказать?

— Хочу, — кивнул я, приподнимаясь на локте.

— Расскажи мне, о чем вы говорили? Ты, правда, ей это сказал? — Боб сел на пол перед диваном, на котором лежал я.

Я кивнул.

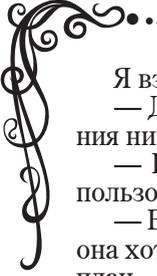
— А что она ответила?

— Вообще, первой это сказала она, а потом уже я, — поправил я Боба.

— Да, Даниэла смелая девчонка! — с уважением закивал мой друг.

— Чего ей было бояться? — не понял его я. — Мы с ней уже давно знаем друг друга...

— Вдруг бы ты ей не ответил? Или сказал, что не любишь ее? — предположил Боб, почесав голову.

Я вздохнул:

— Думаю, она знала, что наши чувства взаимны. И наши отношения никогда не были лживыми.

— Надеюсь, что и не будут. Не боишься, что она будет тебя использовать?

— Боб, тебе в голову приходят какие-то странные мысли! Если бы она хотела это сделать, то давно бы уже осуществила свой коварный план, — я прищурил глаза и состроил хитрое лицо.

— Черт, друг! Я тебе завидую! Даниэла на самом деле классная девчонка: веселая, красивая, такая стильная! — воскликнул Боб.

— Иногда она перебарщивает со своим стилем, но это не важно, — махнул рукой я.

— Да, я помню, как однажды она пришла в школу в ярко-желтых брюках и кислотно-зеленой майке. Все только и говорили, что о ней и об огромном начесе на ее голове!

— Что было, то было, — согласился я. — Зато она находилась в центре внимания.

— Короче, вы отлично прогулялись, — заключил мой друг.

— Да, — улыбнулся я. — А еще, когда мы проходили мимо седьмого по счету от тебя дома, который стоит ниже, я слышал какие-то звуки и видел чью-то тень и свет от фонарика. Не знаешь, чей это дом?

Боб потер рукой подбородок:

— Так, дай-ка подумать. Рядом с нами живет эта любопытная миссис Коллинз, потом семья Льюис, потом семья Янг, за ними живут Лопес, потом эти сумасшедшие Адамсы, которые почти каждое утро пытаются выгулять свою собаку на нашей лужайке, затем Эдвардсы, а седьмой дом принадлежит Лауре Картер, — закончил он.

— Кто это? Она одна живет или с семьей? — поинтересовался я.

— Вообще, она живет одна, но к ней часто приезжает племянник, у которого, кажется, есть квартира где-то в Бостоне. Миссис Картер уже не молода, на вид ей около шестидесяти-шестидесяти пяти лет, не знаю точно. Мы не очень близко общаемся, бывает иногда она приходит поболтать с моей мамой насчет живописи: она, вроде как, интересуется искусством. Но это бывает не часто, — Боб пожал плечами. — А что, ты думаешь, ее могли ограбить?

— Откуда я знаю! Она же, наверное, была дома. Как кто-то мог ее ограбить?

— Ее как раз нет дома. Когда я в середине недели обходил соседей насчет нашей вечеринки, зашел и к ней. Я долго звонил, но никто не открывал. Тогда я спросил у Эдвардсов, где сейчас миссис Картер. Они сказали, что она уехала на несколько дней и в ближайшее время, как она сама им сказала, ее не будет дома. Поэтому я не договаривался с ней о стрижке газона, — пояснил Боб.

— Получается, что это могли быть воры? — я подскочил на кровати и сел. — Может, надо позвонить в полицию?

— Я считаю, что не надо никуда звонить. Тебе все это могло показаться...

— Да ничего мне не показалось! — возмутился я.

— ...или это просто кто-то проходил мимо. Лучше завтра туда сами сходим и посмотрим. Если ничего криминального не найдем, то не будем никуда звонить. Мало ли кто там по ночам ходит, — Боб встал с пола и залез на свою кровать.

— Ты меня успокоил, — произнес я, ложась обратно на постель.

— Можно было и не нервничать.

— Какой ты смелый! Посмотрел бы я на тебя, если бы ночью, один, увидел что-нибудь подозрительное, а потом оказалось, что это, возможно, было ограбление, а ты был свидетелем! — с возмущением отозвался я.

— Ты же был не один.

— Да, с маленькой Даниэлой, которую того и гляди ветром сдует! Она — первоклассный телохранитель, — иронично сказал я.

— Ладно, убедил, — согласился Боб. — Давай спать, а то у меня уже глаза слипаются, — он зевнул и укрылся одеялом почти с головой.

— Давай, — у меня тоже совсем не осталось сил разговаривать, поэтому я повернулся лицом к спинке дивана и закрыл глаза. Сон быстро забрал меня в свои объятия, и я крепко заснул.

Глава 2

Утром я проснулся от того, что солнечный свет бил мне прямо в лицо. Потянувшись, я посмотрел на часы: было половина двенадцатого. Потом я повернулся в сторону кровати Боба. В комнате его не было: по убранной постели я понял, что он уже встал. Я вспомнил, о чем мы говорили с ним вчера, и о том, что я видел ночью. Теперь все это перестало мне казаться каким-то загадочным, окутанным тайной происшествием, как было вчера. Скорее всего, Боб прав: там просто кто-то гулял. Но любопытство было сильнее меня, поэтому я решил, что обязательно схожу к дому Картер и осмотрюсь вокруг. Вряд ли я там что-то найду, но мне очень хотелось пойти к тому дому и убедиться во всем самому.

Минут через десять я встал, оделся и пошел в ванную, которая есть в комнате Боба. В ванной я обнаружил новую сушилку для рук и телевизор, встроенный в стену, напротив ванной, которого раньше тоже не было. Наверное, Бобу было скучно просто так лежать в воде, поэтому он и попросил сделать такое усовершенствование.

Я не спеша умылся, почистил зубы и принял душ. За это время никто даже не заходил поинтересоваться, сплю ли я. Одевшись и расчесавшись, я, наконец, спустился вниз и обнаружил всех на кухне.

— Доброе утро! — поприветствовал меня Марк. Он сидел за столом, который располагался в центре помещения, и с аппетитом уплетал яичницу.

— Доброе утро, — ответил я, проходя к кофеварке. По дороге я помахал рукой Бобу, который искал что-то на кухонных полках. — Где Джош, Кристиан, Шон?

— Они уже ушли, — поведал Марк. — Даже не покушали! — и он постучал вилкой по своей тарелке.

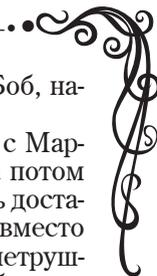
— Ты, я смотрю, не упустил такого шанса? — я улыбнулся.

— Конечно, как я мог!

Боб вылез-таки из полки и сказал мне «Привет!». В руках у него была небольшая банка с мюсли.

— Даниэла еще спит, — сообщил он. — Что будешь на завтрак?

— Я хочу яичницу, как и Марк, — я посмотрел на брата. — И кофе с тостом.

— А я буду мюсли. Обожаю их! — с трепетом произнес Боб, насыпая в тарелку содержимое из банки и заливая молоком.

Я засмеялся. Это был веселый завтрак. Минут десять мы с Марком издевались над мюсли, которые приготовил себе Боб, а потом делали рожу из яичницы, которую жарил я. Она получилась достаточно забавная, с пронзительно желтыми глазами, оливками вместо зрачков и носа, с веточкой укропа вместо рта и с листьями петрушки, которые заменили ей волосы на голове. Потом мы с Бобом побратски разделили ее пополам и с удовольствием съели. Когда мы уже почти выпили кофе и съели все тосты, в кухню вошла Даниэла.

— Доброе утро! — зевая, сказала она.

— Мы думали, ты до вечера проспишь, — произнес Марк.

— Мы вчера с Томом так долго гуляли, я так устала! — Даниэла залезла на стул, стоявший у барной стойки.

— Да, Том рассказывал, — медленно произнес Боб.

— Он сказал, что мы видели с ним у одного из домов? — оживилась Дана.

— Я все рассказал. Поэтому мы хотим сегодня сходить и посмотреть там все вокруг.

Марк развел руками:

— Может, и меня просветите в свои планы и в то, что вы там вчера такое видели?

— Я так испугалась, думала, что это ограбление! — округлила глаза Даниэла. — Хорошо, что мы быстро оттуда ушли!

— Вряд ли это было ограбление, скорее всего, там кто-то гулял, — встрял Боб.

Марк надулся и произнес, сжав зубы:

— Мне кто-нибудь что-нибудь объяснит?

Мы повернулись в его сторону.

— Да, конечно! Прости, мы заболтались, — сказал я.

Мы вместе быстро объяснили Марку, в чем было дело. Он выслушал и предположил:

— Но если вы говорите, что хозяйки не было дома, многие об этом знали, и она живет там одна, а Том с Даниэлой видели вокруг дома что-то подозрительное, то вполне возможно, что это было ограбление.

— Я же говорила! — подскочила на стуле Дана и посмотрела на меня. — Ты меня успокаивал: «ты с ума сошла! Это бред!» Вот видишь! Марк со мной согласен, а он — умный, поэтому тебе бы не помешало к нему прислушаться!

Марк смутился, потому что всегда смущался, когда его умственные способности хвалили на людях, а я, наоборот, засмеялся:

— Это я, по-твоему, тупой?

Дана задумчиво посмотрела на меня, не зная, что сказать. Наверное, она, как всегда, ляпнула первое, что пришло ей в голову, и только сейчас подумала.

— Я не это имела в виду, — гордо подняв голову, отчеканила Даниэла.

— Я не сержусь, просто у тебя эта фраза смешно получилась, — успокоил ее я.

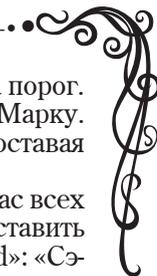
Она сразу заулыбалась и пошла за молоком, чтобы залить мюсли. Боб, который все это время молчал, произнес:

— Как легко можно добиться расположения девушки!

— Очень! — ехидно ответил я.

Пока Даниэла ела, мы выслушали бесконечный поток информации о предстоящих распродажах, модных тенденциях, которые актуальны в данный момент времени, о платье, которое она мечтала купить, и всякой другой ерунде. Марк вскоре не выдержал и вышел из-за стола под каким-то предлогом на улицу. Он никогда не признался бы, но я знал, что ему не очень нравилась Даниэла. Брат считал, что ей «не хватало серьезности и желания учиться». Я подслушал это, когда он как-то раз разговаривал со Стефом, на что мой старший брат ответил: «Если Тому она нравится, значит, для нас этого должно быть достаточно, чтобы относиться к ней, как к другу». Марк вообще никогда не переносил на дух людей, которые заиклены на своем внешнем виде и ничего не смыслили в какой-либо отрасли науки, а когда он увидел Даниэлу в первый раз, то по его лицу можно было отчетливо прочесть, что он был, мягко говоря, сильно поражен. При встрече, как потом объяснила Дана, «чтобы произвести хорошее впечатление», она, зная, что мой брат интеллеktуал, начала говорить о том, как важно правильно произвести подсчет суммы покупок в магазине, чтобы потом не опозориться на кассе, из-за того, что тебе не хватило денег. Марк выпал в осадок, но ничего не сказал. Я это заметил, и спросил у него, как ему Даниэла. Тот ответил, что она «ничего, но не в моем вкусе». Я был не против такого ответа, и больше не говорил с Марком на эту тему. Через несколько месяцев, он поинтересовался, встречаемся мы или нет. Когда я сказал «да», брат уверенно произнес: «Значит, она не такая, какой показалась мне в первый раз». Он доверяет мне, и сейчас уже привык к тому, что мы с Даниэлой вместе, поэтому реагировал не так бурно, как раньше. Но выносить разговор о шмотках и побрякушках, к которым я уже давно привык, он не мог.

Когда Даниэла, наконец, доела, мы с Бобом получили возможность выйти на улицу. Около дома мы обнаружили Марка, разговаривавшего с каким-то мужчиной. На голове незнакомца красовалась белая кепка с лихо закрученной надписью над козырьком. Одет он был в совсем простую бежевую футболку, коричневые шорты, которые спустились чуть ниже колен, а на ногах — потертые светлые ботинки. Через плечо у субъекта висела большая черная кожаная сумка, откуда торчали какие-то отпечатанные листы. По его внешнему виду можно было предположить, что это был очередной рекламный агент, донимавший американских граждан по воскресеньям. Марк

внимательно его слушал и даже не заметил, как мы вышли на порог. Зато это заметил мужчина, что-то с пеной у рта объяснявший Марку. Он сразу бросил это занятие и кинулся к нам, по дороге доставая стопку листовок из своей огромной сумки.

— Здравствуйте! Меня зовут Брэд. Очень рад, что застал вас всех дома в такой прекрасный день! Имею большую честь представить вам новую книгу, которую выпускает издательство «True Mind»: «Сэкономь на малом и разбогатеяй». Эта книга — отличное пособие, для всех, кто увлекается экономикой, а для тех, кто хочет держать свой семейный бюджет под контролем — это настоящее сокровище! Автор, известный своими прошлыми публикациями, в числе которых бестселлер «Обмани и останься не разоблаченным», описал в ней все хитрости и тонкости такого сложного процесса, как принятие решение о покупке, от которого в дальнейшем часто многое зависит!.. — агент начал методично раздавать нам выуженные из сумки рекламки, продолжая при этом весело повествовать о достоинствах рекламированной книги. Марк в это время подбежал к нам и тоже стал обладателем заветной листовки.

На лице моего брата застыл восторг, который нельзя передать словами. Глаза заблестели, рука сама тянулась к вожделенным рекламкам, которые без устали впахивал нам агент. Мы же с Бобом даже ничего не успевали вставить в нескончаемый поток слов, который нас просто обездорожил.

Тут мужчина расплылся в широкой улыбке и поднял указательный палец левой руки вверх:

— Но самое главное! Вы можете приобрести эту замечательную и интереснейшую книгу прямо сейчас, избавив себя от изматывающих поисков в книжных магазинах! И всего лишь за семнадцать баксов! По секрету скажу: когда она поступит в розничную продажу, книга будет стоить на шесть долларов дороже! А, значит, вы также сэкономите немалую сумму, — он подмигнул нам, и, как по мановению волшебной палочки, перед нами оказалась та самая прекрасная книга.

Марк, не раздумывая, схватил ее. Обложка вышеописанного произведения была пронзительно красного цвета, по диагонали шла огромная белая надпись «Сэкономь на малом и разбогатеяй». В верхнем левом углу находился странный мужик, с невероятно счастливым лицом самозабвенно пересчитывавший деньги. Брат пролистал ее и повернулся к нам:

— Я всегда мечтал о такой книге! В ней же так много информации о способах ведения эффективной политики в области торговли!

Наконец, непонятное оцепенение с меня сошло. Я тряхнул головой и, приняв суровой вид, поинтересовался:

— Ты уверен, что она так сильно тебе нужна? Да еще и за семнадцать баксов?

Марк уверенно закивал.

— Это такая ничтожная сумма по сравнению с теми навыками и умениями, которые вы получите после прочтения этой невероятно полезной книги! — встрял рекламный агент, доставая блок с квитанциями.

Тут вмешался Боб.

— Марк, ты же не будешь покупать ее? Это же какая-то чушь! Название само себе противоречит: как можно мало сэкономить, и при этом разбогатеть, да еще и с нуля!

Марк посмотрел на Боба, как на дурака.

— Боб, ты же ничего не понимаешь в законах экономики, зачем тогда советуешь? — потом он повернулся в сторону агента. — Я беру эту книгу. Как хорошо, что я вас сегодня встретил. Мне как раз чего-то не хватало в моем докладе. Теперь я знаю, чего именно: я ведь совсем не осветил в нем точку зрения покупателя по отношению к покупкам! — радостно сообщил нам всем Марк, доставая из кармана деньги.

Мы с Бобом только вздохнули: переубеждать Марка было бесполезно. Пусть лучше он купит эту книжонку, чем потом вынесет нам всем мозги своими упреками. Получив деньги, агент откланялся и пошел мучить соседей Боба. Марк в радостном расположении духа, с улыбкой до ушей, предложил пойти и поскорее закончить с осмотром дома миссис Катер, потому что ему уже не терпелось начать читать только что приобретенный «бестселлер».

Мы дождались, когда из дома выйдет Даниэла. Она сразу сообщила, что не хочет идти с нами.

— Почему? — не понял ее решения Боб. — Мы же не будем там ничего трогать, просто посмотрим, не разбиты ли окна и не открыты ли двери.

— Я лучше пойду домой. Мне, честно сказать, немного страшно идти к дому, где мы видели те странные вещи. Вдруг грабитель все еще там, или миссис Картер убили, и мы найдем ее труп? — с тревогой в голосе ответила Дана.

— Как мы можем найти там труп миссис Картер, если ее нет дома? — привел логичный довод Марк.

Но Даниэла настояла на своем, поэтому больше мы ее не упрашивали. Я договорился с Даной, что позвоню ей вечером, и она, явно довольная тем, что смогла от нас отделаться, отправилась домой.

— Ну, а вы-то пойдете со мной? — поинтересовался я.

Боб и Марк согласно кивнули. Пока они закрывали дверь, я выбросил рекламные листовки, которые дал нам с Бобом этот агент, в ближайший мусорный контейнер. Не понимаю, чем эта книга так заинтересовала моего брата, но, смотря на его счастливое лицо, можно было предположить, что он уже разбогател. Наконец, мои спутники закончили сложный процесс закрытия двери, с которым они провозились не меньше пяти минут, и вышли на тротуар. До дома

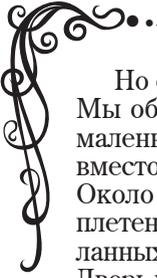
Картер идти всего ничего, но Марк все равно предложил идти быстрее. Было видно, что в данный момент, его мысли заняты только докладом, и ему хотелось как можно скорее со всем этим покончить. Боб же с энтузиазмом взялся мне помочь. Наверное, ему тоже стало интересно, что же на самом деле я видел прошлой ночью.

Погода на улице была теплее, чем вчера. На небе не было ни облачка, солнце стояло высоко над нашим городом, освящая разноцветные листья деревьев. На тротуарах не многолюдно, что всегда бывало по воскресеньям, из некоторых домов доносился веселый смех, где-то вдалеке лаяла чья-то собака. Соседка Боба, миссис Коллинз, с довольным лицом сидела на садовом стуле на прилегающей к ее дому лужайке. Она увлеченно вязала, и не обращала никакого внимания на прыгающего вокруг нее небольшого пушистого песика. Мы незаметно проскользнули мимо ее любопытных глаз и прошли дальше. Листья деревьев весело шелестела над нашими головами, а ветер приносил с собой сладковатый запах роз, который, несомненно, доносился от кустов, посаженных возле дома напротив. Днем все казалось совершенно иным, нежели было ночью. Поэтому, идя к миссис Картер, я уже не испытывал тревоги, мне просто было очень любопытно посмотреть, что же там на самом деле происходило.

Подойти к дому не составило никакого труда — он не был обнесен забором. Придомовая территория была совсем небольшой, трава на лужайке уже достаточно подросла, и было видно, что в доме никого не было, по крайней мере, неделю. На газоне росли деревья, а возле самого порога раскинула свои ветви большая яблоня, которая скрывала часть дома от посторонних глаз с улицы. От соседних участков дом отделяли с одной стороны высокая живая изгородь, а с другой — не менее высокий забор с кирпичными столбиками, соединенными между собой коваными решетками с кое-где вставленными, тоже коваными, украшениями, изображавшими гроздь винограда или красивый цветок. Сам дом представлял собой двухэтажное строение из красного кирпича с деревянными окнами. Небольшой порог был окружен заборчиком, покрашенным в темно-коричневый цвет, на перилах были сооружены подвесные вазоны, в которых цвели поздние цветы. Входную дверь без стекол украшали вырезанные по дереву витые неяркие узоры и красивая, золоченая большая ручка, расположенная вертикально. На двери мы увидели приклеенную на скотч точно такую же листовку, как и те, что раздавал нам рекламщик. Значит, он приходил и сюда, но не застал никого дома. Марк позвонил в звонок. Никто не открыл. Тогда он подергал ручку входной двери: она оказалась тщательно заперта.

— Вот видишь: никаких воров не было, — констатировал факт Боб.

— Но ведь есть еще и черный вход. Может, они через него проникли? Или разбили окно, - предположил я.

Но окна оказались целыми, как на первом этаже, так и на втором. Мы обогнули здание, и попали на задний двор. Он оказался совсем маленьким, лужайка, как и на переднем дворе, немного заросла, а вместо забора здесь высилась пронзительно зеленая живая изгородь. Около дома стоял набор садовой мебели, состоявший из нескольких плетеных стульев, пластикового стола и маленьких качелей, отделанных, как и сиденья стульев, веселой тканью в красный горошек. Дверь черного входа также была деревянной, но уже со вставленным матовым стеклом, которое в некоторых местах было разноцветным и изображало осенние листья. Она, как и передняя дверь, оказалась заперта, стекло было цело. Стало ясно, что вчера ночью мне либо почудилось присутствие некоего человека возле этого дома, либо это был обычный прохожий, а мое воображение разыгралось слишком живо.

Когда мы пошли в обратном направлении, Марк заключил:

— Значит, тебе все-таки показалось. Если бы дом ограбили, то мы точно это заметили бы. Тут явно никого не было, даже трава на заднем дворе не примята, — Марк показал рукой в сторону задней двери. — Если, конечно, не считать рекламного агента, который оставил ту листовку.

— Да, Боб, ты оказался прав: тут было нечего делать, — согласился я.

— Надо слушать меня сразу! — назидательным голосом отозвался тот.

— Но это к лучшему! Представляете, какого было хозяйке, если бы она приехала и обнаружила побитые стекла, пропажу денег и драгоценностей? Мало приятного, — пожал плечами мой брат.

— Мы как бесплатная охрана: чуть что — сразу тут! — пошутил Боб.

— Это точно! А Том — видеокамера, фиксирующая все подозрительное! — поддакнул Марк.

Я засмеялся. Я любил шутить, но у меня было и еще одно немало важное, на мой взгляд, качество: я умел смеяться и над собой.

Мы прошли на передний двор и вышли на выложенную плиткой садовую дорожку. Кое-где сквозь светло-бежевую, покрытую пылью плитку пробивалась трава, по бокам от дорожки в некоторых местах были заметны сорняки. И тут мой взгляд остановился на каком-то предмете. Я даже не сразу понял, что это.

— Эй, ребята! — позвал я Марка и Боба, которые уже направлялись к выходу. — Я что-то нашел! — присев на корточки, я поднял с дорожки маленькую записную книжку из кожи светло-коричневого оттенка.

Она оказалась настолько маленькой, что на ладони, наверное, могли поместиться две, а то и три такие книжечки.

— Дай-ка посмотреть, — Марк подошел ко мне и, достав из кармана очки и нацепив их на нос, стал рассматривать предмет. — Такая маленькая! Я раньше таких никогда не видел.

— Что там у вас? – Боб подбежал к нам и с удивлением посмотрел на находку. – Ого! Это записная книжка?

— Похоже на то, - подтвердил Марк, вертя ее в руках.

— Интересно, кто ее потерял? Может, почтальон или тот рекламщик? – спросил я.

— Не знаю. В любом случае, нам надо будет отдать ее хозяйке. Вдруг это она ее потеряла, когда уезжала, — предположил Марк.

— Она такая красивая, — вздохнул Боб. — Даже камушек какой-то есть! — он показал на нижний угол записной книжки, где к обложке был приклеен небольшой блестящий камень.

— Боб, это, скорее всего, страз. Очень повезет, если он окажется стразом Сваровски, — успокоил я своего друга.

Но книжка, действительно, оказалась очень красивой. По всей длине обложка была отделана отливавшей золотом металлической полоской, на лицевой стороне из тонких черных линий был сплетен очень мудреный узор, а по уголкам приклеены небольшие блестящие стразы.

Я хотел пролистать ее, но Марк не дал мне этого сделать:

— Нельзя читать чужие записи! — и он демонстративно положил книжку себе в карман.

Я надулся:

— Почему, интересно, она должна остаться у тебя, а не у меня или не у Боба?

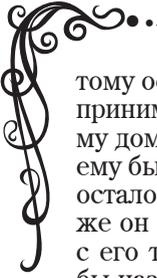
— Могу привести вам три причины, почему эта записная книжка должна храниться до приезда миссис Картер у меня, а не у вас! Первая: я ее точно не потеряю. Вторая: я точно не отдам ее другу, чтобы он потом, случайно, уронил ее в реку или в камин. И третья: я не буду хвалиться ей на каждом углу, поэтому ее у меня точно не украдут, - пояснил Марк.

— Ладно, так еще лучше: меньше ответственности! — согласился Боб.

Я же согласился с Бобом. К тому же, еще неизвестно когда придет обратно эта миссис Картер, а за это время я просто забуду про записную книжку и, действительно, ее потеряю.

Марк, довольный проделанной работой, пошел вперед по направлению к тротуару. Мы с Бобом шли сзади. Обсудив с ним важные вопросы, как то: стоило ли мне купить Даниэле в подарок то платье, которое она так хотела, и когда придет сестра Боба, мы с ним попрощались, и я с Марком пошел домой.

Мы жили через три квартала от дома Боба. Улицы в нашем районе довольно длинные, поэтому мы с Марком совершили неплохую прогулку. Наша семья переехала в Бостон восемь лет назад, но я помню то время, когда мы еще жили в Арлингтоне. Я спокойно пережил переезд, и это не стало для меня большим потрясением. Весь свой сознательный возраст я провел уже на новом месте жительства, поэ-

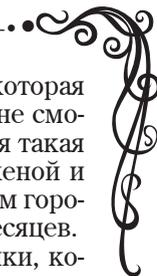

тому особенных проблем с адаптацией у меня не возникло: я все воспринимал как большое приключение и очень скоро привык и к новому дому и к новой местности. Но того же я не могу сказать о Марке: ему было сложно адаптироваться к новой среде. В Арлингтоне у него осталось несколько друзей, с которыми он был очень дружен, к тому же он всегда долго привыкал к нововведениям. И, если посмотреть с его точки зрения, единственным плюсом на момент переезда он бы назвал возможность получить хорошее образование и построить карьеру. Марк с детства был одержим идеей выучиться на финансиста, мне казалось, он уже лет с двенадцати начал мечтать об этом. Для меня в этом возрасте мыслить подобным образом было дико, я даже не представлял, что такое работа, и зачем она нужна. Стеф же очень обрадовался, когда мы переехали: его привлекал большой город, куча разных увеселительных заведений, новые знакомства. Он без особых проблем нашел себе десятки новых друзей, развлечений и совсем не переживал, как это делал Марк.

Вообще, новая работа отца многое дала нам: возможность переехать в развитый, крупный город, который считался старейшим образовательным и финансовым центром США, большую материальную состоятельность. Но она отняла у нас размеренность жизни, которая была до этого. Теперь папа постоянно на работе, а если он дома, — значит, будет допоздна сидеть в своем кабинете и работать на компьютере. У него редко бывали выходные, обедал он всегда в каком-нибудь кафе, да и ужин иногда переносился в ресторан и проходил совместно со встречей с очередным клиентом. У него практически не бывало свободного времени, даже с утра в воскресенье он мог уехать в офис. Поэтому это огромная редкость, если мы все вместе куда-нибудь выбирались.

Мама же работала преподавателем в Бостонском колледже, что доставляло ей огромное удовольствие. В Арлингтоне мама тоже преподавала, как и сейчас, экономическую теорию. Она всегда говорила, что быть преподавателем — это ее призвание. Мама закончила в Нью-Йоркском университете школу бизнеса, а позже получила докторскую степень. Она очень любила свою работу, сама всегда говорила, что когда стояла за кафедрой и видела сотни глаз, направленных на нее, внутри появлялось второе дыхание, и она даже не замечала, как быстро летело время. Уже после занятий к ней всегда подходили студенты и говорили, насколько интересно она читала лекции.

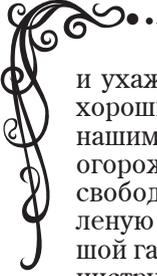
В отличие от Боба, у нас нет приходящей домработницы, мама предпочитала все делать сама. По воскресеньям она всегда забирала белье из хмчистки, которое завозила туда среди недели, закупала продукты, и готовила ужин, на который, по заведенной у нас традиции, мы всегда собирались все вместе. Теперь с нами ужинала и Лана, которая негласно считалась невестой Стефа. Я очень любил, когда мы собирались все вместе: это давало мне возможность по-

чувствовать, что между нами была какая-то незримая связь, которая поддерживала нас, сближала, делала сильными. И, поэтому, не смотря ни что, я считал, что у нас крепкая и счастливая, а главная такая большая семья. Иногда на ужин приезжал и мамин брат с женой и четырьмя детьми, правда, это бывало нечасто. Он жил в другом городе, и имел возможность приезжать только раз в несколько месяцев.

По пути домой нам навстречу пару раз попались собачники, которые являлись практически нашими соседями, а также хорошими знакомыми. У нас дома тоже жили собака колли и трехлетний кот породы скоттиш фолд. Собаку, Ресси, подарили мне на мой тринадцатый день рождения, а кота купил Стеф, объясняя это тем, что ему хотелось заботиться о ком-то, расчесывать и гладить. Доводы родителей о том, что все то же самое можно делать и с собакой, не помогли, потому как Стеф хотел только кота. В результате, сейчас он практически им не занимался, и иногда мне начинало казаться, что кот уже давно забыл, кто такой Стеф. Все заботы о животных в основном лежали на родителях, точнее на маме, но и я практически каждый день старался гулять с собакой или периодически покупал игрушку или корм для Брюса, нашего кота. Идея назвать Брюса Брюсом пришла маме: она просто обожала актера Брюса Уиллиса, и если бы Ресси оказалась мальчиком, она бы точно дала ей такое имя. Но реализовать свою фантазию мама смогла только на коте, чему невероятно рада. Теперь всем гостям, которые приходили к нам в дом, она первым делом объявляла, указывая на Брюса, что «это – кот, названный в честь самого мужественного актера на планете». Брюсу было откровенно наплевать на всех возможных актеров, но он без ума любил нашу маму, чем тешил ее душу еще больше. Ресси же больше всех любила меня. Она невероятно верная собака. Конечно, это качество можно объяснить особенностью породы, но мне казалось, что в этом есть несомненная заслуга ее огромного собачьего сердца, а добрые, полные любви и преданности глаза Ресси заставляли мое сердце сжиматься от счастья, когда я осознавал, насколько мне повезло иметь такого друга, как она. Ресси просто обожала так называемый «собачий спорт», и ей нужно место, где она могла бы порезвиться и вдоволь набегаться. К счастью, у нас просторная лужайка, небольшой сад, и Ресси было, где повеселиться.

Когда я и Марк подходили к дому, сзади кто-то посигналил в клаксон. Мы обернулись и увидели мамину машину, не спеша катившуюся по дороге и саму маму, выглянувшую из окна, — она помахала нам рукой. Машина, обогнав нас, скрылась за кустами, посаженными вдоль дороги. На придомовой территории бывшие хозяева дома разбили небольшой сад, который в последствие был расширен и усовершенствован нашей мамой. Она сама организовывала все работы по планировке сада, заказу деревьев и кустов и их посадке. Теперь она с упоением любовалась на плоды своего труда

и ухаживала за ними. Также до нас на участке был сделан очень хороший газон, который теперь как только можно эксплуатируется нашими животными. Участок, на котором стоял наш дом, не был огорожен забором или живой изгородью, что создавало ощущение свободы, если выйти из дома на улицу и посмотреть на широкую зеленую лужайку. На придомовой территории был достаточно большой гараж и садовая постройка, где мама хранила все свои рабочие инструменты. Автоматические гаражные ворота были до недавнего времени главной головной болью нашей семьи. Они умудрялись ломаться в самый ответственный момент, и часто просто не давали домашним выбраться из дома. Несколько раз мы звонили в обслуживавшую их компанию, откуда приходили ремонтники, что-то ремонтировали, но поломки все равно продолжались. Дошло до того, что однажды ворота начали закрываться, когда Стеф проезжал как раз через них. Если бы он не прибавил скорость, наверное, его машину просто бы расплющило. Поэтому их пришлось заменить другими, более надежными.

Когда мы подошли к гаражу, мама уже доставала из багажника машины пакеты с продуктами.

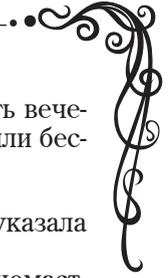
— Привет, мальчики! Как вчера отдохнули? – она поставила один из пакетов на садовую дорожку и повернулась к нам.

Нашу маму зовут Дженнифер, ей чуть больше сорока пяти лет, но она никогда не делала из своего возраста тайны или жуткой трагедии. У нее строгий взгляд пронзительно голубых глаз, длинные и прямые мелированные волосы, которые она почти всегда собирала в высокий конский хвост. Природа наградила нашу маму ростом в пять футов шесть дюймов и очень стройной фигурой, которой завидовали все ее подруги, пытаясь добиться от нее секрета такой потрясающей диеты, которая помогала ей держать себя в форме. Но правда в том, что никакой диеты не существовало, а мама очень любила поесть, в чем никогда себе не отказывала. Мама очень жизнерадостный человек, легкая улыбка никогда не сходила с ее лица, а когда она широко улыбалась, на щеках появлялись небольшие ямочки, в которые, как рассказывал нам отец, он и влюбился двадцать четыре года назад. Мама более уступчивая, чем наш отец, но в тоже время я бы сказал, что у нее просто железная хватка, своего она никогда не упустит. У мамы невероятная активная жизненная позиция, ей всегда хотелось все успеть и сделать сразу несколько дел одновременно. И, как ни странно, это у нее получалось.

— Отлично! Вечеринка была классной! – весело отозвался Марк. — Правда, теперь Том с Бобом будут стричь газоны соседей, — он улыбнулся и посмотрел на меня.

Я пожал плечами:

— И что в этом такого? Буду приобщаться к труду — это всегда полезно.

Мама засмеялась:

— Надеюсь, в следующий раз, когда вы будете устраивать вечеринку, вам не придется мыть и выгуливать соседских собак или бесплатно работать домохозяйками!

— Нет, — заверил ее я. — Мы остановимся на садовниках.

— Ладно, помогите отнести на кухню пакеты, — мама указала рукой в сторону багажника.

Подойдя к машине, мы обнаружили там целую кучу разномастных сумок и свертков.

— Ты, наверное, решила сегодня вечером всех нас закормить до смерти, — крихтя, произнес я, с трудом неся несколько огромных пакетов.

— Не дождетесь! — открывая входную дверь, ответила мама.

Нам навстречу сразу выбежала Ресси и начала громко лаять и суетиться вокруг нас.

— Сейчас, сейчас... Только отнесу сумки, — успокаивал ее я, проходя из холла на кухню.

Ресси меня не слушала и начала прыгать на маму. Из кухни я увидел, как мама обняла ее, погладила, но не успела встать с корточек, как к ней на колени запрыгнул Брюс, оглушительно при этом мяукая. Он принялся облизывать маме лицо, руки и тереться мордочкой. Ресси же переключилась на Марка, который только зашел в дом. Она поднялась на задние лапы и, положив их Марку на плечи, начала облизывать ему лицо. Марк улыбнулся, но пытался как-то освободиться из ее жарких объятий, чтобы хотя бы поставить пакеты. Отнеся свои сумки, я пришел обратно в холл, где был снова встречен Ресси, которая, наконец, решила оставить Марка в покое. Она подпрыгивала на месте, так быстро виляла хвостом, что, казалось, он вот-вот отлетит, и даже повизгивала. Было видно, что она уже очень соскучилась, хотя я не был дома всего один день. Немного успокоившись, она побежала на кухню за мамой с известным мне намерением подробно изучить содержимое только что принесенных пакетов. Брюс немного потерялся о наши с Марком ноги, помяукал и удалился за Ресси, чтобы помочь ей осуществить ее миссию. Брюс вообще был очень разговорчивым котом. Если он не мяукал, значит, он спал. Потому что в другое время он постоянно издавал разные звуки, мурчал и обожал лежать на шее у мамы как живой воротник, когда та смотрела телевизор. Остальных домашних он любил немного меньше, но никогда не отказывался от предложения поиграть или поваляться с кем-нибудь на диване. Брюс никогда не царапался и уж тем более не кусался, и если ему что-то не нравилось, он обязательно находил способ показать это как-то иначе, нежели выпускать острые коготки.

Мы с Марком не только помогли маме донести все вещи до кухни, но и разложили их по полкам. Ресси и Брюс принимали в этом самое активное участие, особенно когда дело дошло до мясной вы-

резки и готовых котлет: они выказали огромное желание помочь донести их до своей миски. Какое же разочарование отразилось в их прекрасных глазах, когда все эти продукты перекачивали в холодильник, а не в их желудки!

Закончив с пакетами, Марк вспомнил о недавно купленной им книге и не упустил шанса похвастаться ею перед мамой. Он подробно рассказал ей, когда именно на него снизошло озарение, и он понял, чего же не хватало в его докладе.

— Том меня отвлек, а так я давно бы уже прочитал половину книги, — Марк с укором посмотрел на меня.

— Никого я не отвлекал! Ты сам решил со мной пойти, я тебя не заставлял, — ответил я, моя руки.

— Ты же знаешь, что мне сложно отказать кому-то в просьбе. К тому же, мне стало немного интересно, что ты там видел, — оправдался Маркиз.

— Вот видишь! Значит, ты сам захотел пойти, — обрадовано воскликнул я.

Марк поджал губы и сложил руки на груди.

— Куда вы ходили? — поинтересовалась мама.

— Да так, ничего интересного. Тому ночью что-то почудилось, а днем мы выясняли, что же это было, — ответил Марк и, победно улыбнувшись, посмотрел на меня.

— Ладно, не дуйся! — я наигранно отмахнулся от него и стал поглаживать Ресси, которая и не собиралась никуда уходить из кухни.

— А Стефан не был с вами? — спросила мама, садясь на стул.

— Нет, он ездил вчера с Ланой к кому-то на день рождения, — объяснил Марк. — Я пойду к себе, — и он вышел в коридор, прихватив с собой пачку чипсов и банку колы.

— Ты ему не звонил? Он, надеюсь, не забыл про ужин, — обратилась ко мне мама.

— Нет, но могу сейчас позвонить, — кивнул я и, достав телефон из кармана, нашел номер брата.

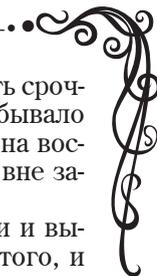
Стеф довольно быстро взял трубку и на мой вопрос о том, собирался ли он приезжать на ужин, брат заверил меня, что обязательно будет дома к семи часам вечера. Еще он пожаловался на дорожный затор, возникший так некстати у него на пути. Закончив разговор, я обратился к маме:

— Он приедет к семи. Сейчас в пробке застрял, не знаю, правда, куда он едет.

— Хорошо, что хотя бы помнит, что нужно прийти. Я вот думаю, что мне приготовить сегодня: запеченную говядину или рыбу? — мама задумалась, перелистывая страницы кулинарной книги.

— Я бы не отказался от рыбы, — ответил я.

— Думаю, ты прав. Говядину я уже делала на прошлой неделе, поэтому приготовлю-ка я рыбу в майонезном соусе! — обрадовано сообщила мама, открывая холодильник.

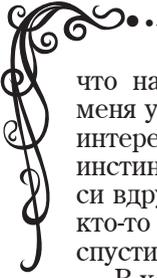
Отца, как и Стефа, тоже не было дома. Наверняка его опять срочно вызвали в офис по очередному важному делу. Но еще не бывало такого, чтобы он или кто-то другой опоздали или не пришли на воскресный ужин. Эту традицию в нашей семье соблюдали все, вне зависимости от того, заняты они или нет.

Я оставил маму наедине с кулинарными размышлениями и вышел в коридор. Часы в холле показывали половину четвертого, и я решил, что у меня было еще немного времени, чтобы заняться уроками. Я помнил, что две недели назад преподаватель по американской литературе задавал написать сочинение по произведению какого-то автора. Мне было некогда этим заняться, а сочинение надо сдать уже через неделю, поэтому сегодня мне стоило хотя бы найти в интернете что-то про этого писателя и начать писать сочинение.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, я зашел в свою комнату и включил компьютер. Ресси уже успела когда-то устроиться на моей кровати, и когда я зашел, она смешно положила голову на диванную подушку и внимательно смотрела на меня темно-кариыми глазами. Я потрепал ее за ухом, от чего она опять развеселилась и стала прыгать по комнате, призывая меня поиграть. Но мне было некогда этим заниматься. Очень скоро она это поняла и, успокоившись, легла около компьютерного кресла, на котором сидел я.

В моей комнате недавно был сделан ремонт. В отличие от всего дома, у себя мне не очень хотелось видеть тяжелые и темные деревянные шкафы и комоды, поэтому я отдал предпочтение совершенно обычной кровати, с отделкой светлых тонов, такому же обычному компьютерному столу, а на окнах вместо штор мне захотелось видеть простые белые жалюзи. На одну из стен я повесил большую пробковую доску, на которую прикалывал фотографии своих друзей и разные мелочи. Моя гардеробная представляла собой ряды белых полок и ящиков, и в своей одежде я тоже больше всего ценил простоту и комфорт. В основном я носил светло-голубые джинсы и разные длинные и широкие майки, зимой к ним присоединялась толстовка и какая-нибудь куртка. Я очень не любил, когда кто-нибудь убирался у меня, потому что потом никогда ничего не мог найти. Поэтому убираться я предпочитал сам, к тому же комната не очень большая, чтобы мне не хотелось этого делать. Моя главная проблема – это одежда. Чтобы я пришел домой и аккуратно ее сложил, должно произойти что-то сверхъестественное. К концу недели мне уже самому становилось трудно разобрать, что где лежало, и я был вынужден разгребать завалы.

Три часа пролетели совсем незаметно. За это время я прочитал биографию и подробно изучил весь список произведений Вашингтона Ирвинга. Я скачал книгу, по которой надо было написать сочинение, и даже начал ее читать. Но на десятой странице я понял,

что начинаю засыпать. Почему-то чтение всегда действовало на меня усыпляющим эффектом, может быть, я просто пока не нашел интересную для себя книгу, но и на этот раз я не смог побороть свои инстинкты. Когда я пытался прочитать еще хоть одну страницу, Ресси вдруг вскочила с места и побежала вниз. Я сразу сообразил, что кто-то пришел, поэтому с чистой совестью выключил компьютер и спустился вниз.

В холле я увидел отца, который только что приехал с работы. Он снял пиджак и повесил его на вешалку. Отца зовут Рональд. Он подтянутый, высокий мужчина с короткими темно-русыми волосами и карими глазами. Отец старше нашей мамы на несколько лет, у него немного вытянутое лицо с сильным широким подбородком и испытующий взгляд, находясь под которым просто невозможно сказать неправду. Отец обладал властным характером и, если поставил себе какую-то цель, то будет идти к ней до конца. Иногда с ним бывало сложно договориться, потому как он очень упертый, и редко когда поступал не так, как ему хотелось бы. Еще он первоклассный юрист и адвокат по уголовным делам. Практически все дела, которые он вел, если не брать во внимание несколько исключений, были им выиграны. Сейчас он работал в крупной адвокатской конторе и одновременно являлся одним из ее учредителей. Он организовал фирму уже довольно давно, еще до переезда из Арлингтона, и когда появился шанс расширить свой бизнес, он не преминул им воспользоваться и с несколькими друзьями-адвокатами перевел свою фирму в Бостон.

— Привет, пап! Ты сегодня пораньше пришел, — поприветствовал его я, стоя на лестнице.

Отец поднял на меня глаза и улыбнулся.

— Привет! Сегодня получилось быстро решить все проблемы. Правда, я жутко устал, а завтра опять рано вставать и ехать в суд: будут слушать новое дело, которое я сейчас веду, — ответил он, снимая ботинки. Папа погладил крутящуюся вокруг него собаку, а также не забыл про Брюса, который тоже прибежал на шум.

Отец достал какие-то документы из кожаного черного портфеля, с которым никогда не расставался, и прошел на кухню, где мама уже заканчивала готовить. Ресси с Брюсом последовали за отцом, надеясь, что он привез им что-нибудь вкусное. А Марк так и не спустился: наверное, очень увлекся чтением той занимательной книги, которую сегодня приобрел.

У нас дома небольшой квадратный холл, в центре которого располагалась лестница на второй этаж. Весь дом выполнен в теплых кофейно-бежевых тонах, конечно, холл не стал исключением. Из мебели здесь находились только вешалка для одежды, зонтичница, небольшой комод из темного дерева и огромное зеркало, располагавшееся почти от пола до потолка в красивой резной раме. Весь дизайн дома родители разработали сами и контролировали процесс пре-

творения его в реальность. Теперь мы имели такой дом, о котором всегда мечтали. Везде было решено постелить паркет, кроме кухни, холла и ванных комнат, а большая часть мебели в доме изготовлена на заказ из темного дуба.

Столовая располагалась отдельно от кухни. Там мы всегда и собирались на воскресный ужин. Мама позвала меня, чтобы я помог ей накрыть на стол. Занимаясь этим занятием, я размышлял, почему Марка никогда не дергали по всяким просьбам. Сейчас он упоенно читал «Сэкономь на малом и разбогатея», а я таскал из кухни приготовленную мамой еду. Все же, по моему мнению, это было немного не справедливо.

Когда мы заканчивали расставлять на столе тарелки, приехали Лана и Стеф. Все животные сразу бросились их встречать, и не остались без угощения. Лана всегда привозила для Брюса и Ресси что-нибудь вкусное, вот и сегодня она пришла не с пустыми руками. Радостно получив то, чего они так хотели, Брюс вместе с Ресси побежали хрустеть своими подарками.

Отец Ланы японец, давно иммигрировавший в Америку и женившийся уже здесь на белой американке, поэтому ее внешность имеет азиатские черты. У Ланы длинные и прямые черные волосы, немного раскосые черные глаза и светлая кожа. Она невысокого роста и у нее спортивная фигура. Лана занималась фитнесом уже около четырех лет, а сейчас пыталась заставить Стефа приобщиться к занятиям, чтобы накачать мышцы. Но этого лентяя было очень сложно принудить к физической работе, поэтому пока ее усилия не привели к желаемому результату. Она тоже, как и Стеф, училась на юриста, только на третьем курсе.

— Привет! — поздоровалась с нами Лана. Я помахал им обоим рукой в знак приветствия. — Надеюсь, мы не опоздали?

Сегодня Лана была одета в короткое темно-лиловое платье с открытыми руками, расшитое бисером и стразами.

— Нет, вы как раз вовремя: только закончили сервировать стол, — ответил отец. — Как прошел день?

Стеф зашел в столовую и бодро произнес:

— Великолепно! Вчера были с Ланой на дне рождения ее подруги, а сегодня ходили по магазинам и играли в боулинг с моим другом. Выходные прошли отлично!

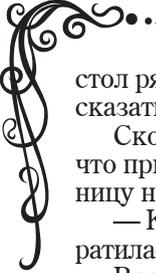
Мы тоже плавно переместились в столовую, и сели за стол.

— Эй, ты же говорил, что вчера собирался ездить по магазинам! Что, сегодня опять? — я тоже подключился к разговору.

— Вчера мы выбирали платье для меня, а сегодня покупали костюм для Стефана, — ответила за него Лана.

— Как у вас все сложно, — покачал головой папа. — Я думаю, можно позвать Марка, — обратился он ко мне.

Но звать его не пришлось. Не успел отец произнести последнюю фразу, как Марк сам появился на пороге столовой и сел за круглый

стол рядом со мной. Глаза брата горели, и ему явно не терпелось рассказать о почерпнутых из книги знаниях.

Скоро в комнату пришла мама, неся большую супницу. Увидев, что приехали Лана и Стеф, она расплылась в улыбке и, поставив супницу на буфет, подошла к ним и обняла Лану, потом и Стефа.

— Как я рада, что вы приехали! Я уже неделю тебя не видела, — обрattилась она к Лане. Потом она взъерошила волосы на голове Стефа.

Весело переговариваясь, мы начали ужинать. За трапезой Стеф и Лана очень живо обсуждали дело, которое вел сейчас наш отец. Из разговора я понял, что неизвестный мистер Делан в припадке ярости якобы прямо на рабочем месте убил своего коллегу. Отец придерживался позиции невиновности своего подопечного, сказав, что его подставил имевший зуб на Делана начальник. Стеф предлагал разные варианты того, как можно было бы представить это дело как несчастный случай при имевшихся уликах, отец объяснял, почему он избрал для линии защиты именно эту тактику, а не какую-либо другую, а Лана блеснула знанием уголовного законодательства, процитировав наизусть несколько статей. Я поделился своими впечатлениями от проведенной вчера мной и Бобом вечеринки, Марк за ужином подробно рассказал всем, что именно надо сделать, чтобы разбогатеть, а мама похвалилась успехами в своей преподавательской деятельности.

После ужина все переместились в гостиную, где Лана сыграла нам на пианино. Она окончила музыкальную школу по классу фортепиано, а еще сама научилась играть на гитаре. Но за неимением у нас дома гитары, мы прекрасно обходились тем, что было. Расхвалив игру Ланы, как только могли, я, Марк, Стефан и Лана вышли на улицу и устроились в креслах, стоявших в саду. Уже опустились сумерки, ветер гулял в кронах деревьев, заставляя их громко шелестеть высоко над землей. Вдоль дороги зажглись фонари, освещая ярким светом улицу; все вокруг стало тихим, и только иногда машины или проходящие по тротуару люди нарушали эту тишину. Мы зажгли небольшую лампу и разложили на столе игральные карты. Стеф сразу вызвался раздавать, даже не зная пока, во что мы собирались играть. Покер нравился нам всем, поэтому было решено сыграть именно в него. Игра продолжалась довольно долго, но я очень быстро проиграл, поэтому через какое-то время утратил весь интерес и просто наблюдал за тем, как Марк всех, как и всегда, обыгрывал. Стеф орал, ругался, пытался сбить Марка с толку, но ничего не помогло, поэтому, в конце концов, поставленные на кон сорок долларов выиграл Марк. Одержав заслуженную победу, он, невероятно довольный собой, откинулся на спинку кресла. Лана сказала что-то насчет того, какой Марк умный, а я вдруг вспомнил про записную книжку, которую мы нашли сегодня днем около дома миссис Картер.

— Марк, помнишь ту записную книжку, которую я сегодня нашел? — обратился я к нему.

— Ну, да, — кивнул тот и достал из кармана ту самую книжку и протянул ее Стефу:

— Боб даже хотел оставить ее себе: она ему чем-то очень приглянулась.

Стефан взял ее и повертел в руке. Лана перегнулась через его плечо, чтобы лучше рассмотреть занятную вещицу в руках моего брата.

— Она и, правда, такая красивая! — вздохнула Лана. — Мне бы хотелось иметь такую записную книжку.

— Где вы ее взяли? — вдруг серьезно произнес Стеф.

— Нашли около одного дома, наверное, хозяйка потеряла, или рекламный агент, который туда приходил, — ответил я.

— Около кого дома? — не успокаивался мой старший брат.

— Какая разница, — я пожал плечами.

— Большая разница! — Стеф посмотрел на меня сосредоточенным взглядом. — Записная книжка, которую вы нашли, стоит не меньше десяти тысяч долларов!

В воздухе повисло молчание. Мы с Марком переглянулись, стараясь понять, не ослышались ли мы. Как такая маленькая записная книжка могла стоить таких огромных денег?! Я даже представить себе не мог, чтобы какой-нибудь человек купил себе вещь, подобную этой. В моей голове не укладывался сам факт того, что мы нашли такую дорогую вещицу: ведь кто-то из нас мог просто выбросить ее или оставить себе, потерять или отдать кому-то. Наверное, человек, который потерял эту записную книжку, искал ее. Лично мне было бы очень жаль лишиться такого дорогого аксессуара. И это еще мягко сказано.

Лана первая нарушила тишину, воцарившуюся над нами:

— Не зря эта книжка мне понравилась, — она покачала головой.

Марк взял из рук Стефа записную книжку, надел очки и стал осматривать ее.

— Откуда ты знаешь, что эта записная книжка стоит так дорого? Я вот не смог определить ее стоимость, — сказал он после того, как осмотрел книжку со всех сторон.

Стеф, сохраняя сосредоточенный и собранный вид, объяснил, почему он сделал именно такие выводы:

— Со мной в колледже учится один парень, мы с ним неплохо общаемся. Однажды, когда мы были на лекциях, он предложил сходить с ним в магазин, чтобы купить подарок для своего отца. Я согласился, и после занятий мы прогулялись до небольшого магазинчика, где продавались разные мелочи, в том числе всякие дорогие вещи. Пока Дэн искал подходящий подарок, я обратил внимание на маленькую записную книжку, которая, как две капли воды, похожа на ту, что вы мне сейчас показали. Я позвал Дэна и предложил ему купить эту

записную книжку. Она показалась нам симпатичной и, обратившись к продавцу, мы попросили показать ее поближе. Продавец как-то странно покосился на нас, но сделал то, о чем мы его просили. Пока мы ее разглядывали, он вдруг спросил, уверены ли мы, что хотим купить именно эту вещь. Я ответил, что конечно, мы ее купим, и поинтересовался ценой. Когда мы услышали, что она стоит двенадцать тысяч долларов, желание купить эту книжку пропало так же быстро, как и появилось. Нам сказали, что при отделке записной книжки использовались золото, бриллианты и очень дорогая кожа. К ней еще прилагалась золотая ручка, тоже отделанная бриллиантами. Поэтому я и поинтересовался, откуда вы взяли такую дорогую вещь. Неужели действительно нашли на улице? — брат с недоверием посмотрел на нас с Марком.

— Мы и правда ее нашли, на тротуаре. Но кто мог потерять эту книжку? Она ведь такая дорогая! — задумался Марк.

— Понятия не имею, но могу предположить, что совсем не бедный человек, — высказал свое мнение Стеф.

— Это не может быть подделкой? — вдруг спросила Лана.

Марк задумался:

— Честно сказать, внешне лично я не могу определить, какими камнями она инкрустирована и из какой кожи сделана. Но исключать возможность того, что она стоит на самом деле двенадцати тысяч нельзя. Поэтому нам надо узнать, кому принадлежит эта записная книжка, — Марк помахал в воздухе нашей находкой.

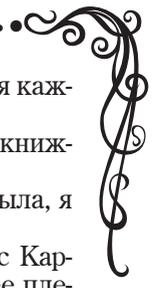
— И как мы это сделаем, позвольте узнать? — поинтересовался я.

— Я пока не смотрел записи в этой книжке, но надеюсь, что владелец не поленился подписать ее, — улыбнулся Марк.

— Прекрасно, если бы это было именно так. Я считаю, что вам надо либо самим найти владельца, либо отдать книжку полиции. Если она действительно дорогая, то я сомневаюсь, что владелец ее не ищет, — согласился Стеф. — Где вы все же нашли ее?

— Мы проходили мимо дома миссис Картер, она живет недалеко от Боба, и увидели на тротуаре эту книжку. Боб сказал, что миссис Картер сейчас в отъезде, поэтому ее не было дома, и мы не смогли отдать ей то, что нашли. Мы же подумали, что это миссис Картер потеряла записную книжку, — я решил опустить подробности того, что мы на самом деле делали около дома выше названной миссис Картер, так как не хотел, чтобы Стеф надо мной смеялся, а он это обязательно бы сделал. К счастью Марк понял, что я не хотел говорить всей правды и не стал выдавать меня, и просто подтвердил мои слова.

— Я знаю племянника миссис Картер. Мы с ним давно дружим, — обрадовано воскликнул Стеф. — Кстати, сегодня мы договорились вместе с ним и его другом сходить в клуб. Он должен скоро подъехать к нам.

— Надо же! Я даже не знал, кому принадлежит тот дом, хотя каждый день езжу мимо него в школу, — я пожал плечами.

— Племянник миссис Картер не мог потерять эту записную книжку? — поинтересовалась Лана.

— Нет, — Стеф покачал головой. — Если бы она у него была, я бы точно об этом знал.

— Понятно. Значит, все-таки книжка принадлежит миссис Картер, — сделала вывод Лана. — Может, стоит отдать книжку ее племяннику, чтобы тот передал ей?

— Нет, я думаю, не стоит этого делать. Потерять книжку мог кто угодно. Поэтому не факт, что она принадлежит именно миссис Картер, — не согласился Марк.

— Постарайтесь как можно быстрее узнать имя владельца или передайте его поиски полиции, — моему старшему брату явно надоела эта тема, и он решил прекратить неинтересный для себя разговор.

Закончив решать судьбу записной книжки, мы продолжали играть в покер. Но как только Стеф начал обыгрывать Марка, к нашему дому подъехала машина.

— Это Джордж приехал, — произнес Стеф, посмотрев в сторону дороги. На его лице я заметил выражение досады: конечно, ведь ему только-только начала улыбаться удача. — Нам пора, — обратился он к Лане.

— У тебя только все начало получаться! — издал я вздох сожаления.

— Ты у меня еще поговори! Я обыграю Марка в следующий раз, — пообещал Стефан, вставая из-за стола, и стараясь не выдать своих истинных эмоций.

— Кто бы сомневался, — хмыкнул я.

Марк засмеялся:

— Стеф, тебе просто не хватает наблюдательности!

— Надеюсь, что в следующее воскресенье тебе ее хватит, потому что больше пощады не будет! — смеясь, пригрозил Стеф.

— Я вас провожу, — вызвался я.

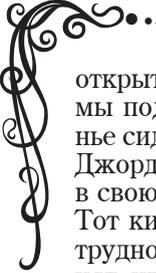
— Мы что, по-твоему, не сможем дойти до дороги? — возмутился Стеф.

— Вдруг заблудитесь, — я пожал плечами. На самом деле мне было интересно посмотреть на друзей своего старшего брата. Он редко с кем-то нас знакомил, поэтому приходилось брать инициативу в свои руки.

Тем временем из машины вышел среднего роста темноволосый парень и закурил сигарету.

— Джордж не может не покурить хотя бы несколько часов! — засмеялся Стеф, пока мы шли к тротуару.

Из его слов я понял: это был племянник миссис Картер. На нем были одеты легкий свитер и джинсы. Стоя, оперевшись рукой на

открытую дверь, он наблюдал за нами и смаковал сигарету. Когда мы подошли к машине, я заметил, что в салоне на переднем сиденье сидел еще один парень. Открыв окно, он о чем-то разговаривал с Джорджем. Стеф поздоровался с племянником миссис Картер, а тот в свою очередь представил ему и Лане парня, сидевшего в машине. Тот кивнул, но ничего не сказал. На улице уже смеркалось, и мне трудно было рассмотреть лица друзей Стефа, поэтому я так и не понял, что они из себя представляли.

— Я — Том, брат Стефа! — я протянул Джорджу руку, он ее пожал.

— Стеф рассказывал о тебе.

— Что же он рассказывал? — удивленно поинтересовался я. — Наверное, говорил какой я вредный и наглый.

Джордж засмеялся и покачал головой:

— Нет, как раз наоборот. Стеф говорил о тебе только хорошее.

— Почему ты сразу так обо мне думаешь?! — воскликнул Стеф, обращаясь ко мне.

— От тебя чего угодно можно ожидать, — пояснил я, стараясь сохранять невозмутимый вид.

Лана тем временем уже села в машину Стефа.

— Он всегда плохо думает обо мне, — пожаловался своему другу Стеф.

— И зря делаешь: у тебя отличный брат, — заверил меня Джордж.

— Не сомневаюсь, — кивнул я. — К тому же я ничего плохого о нем не думаю, просто знаю, что он любит преувеличивать.

— Так, Том, тебе, по-моему, уже пора идти к Марку, — напомнил мне Стеф, довольно открыто показывая, что надеялся от меня избавиться.

— Да? Что-то я не слышу, чтобы он меня звал, — я посмотрел по сторонам. — К тому же мы так мило болтаем с Джорджем...

— Нам надо ехать, — пристально посмотрел на меня Стеф.

— Ну, я мог бы составить вам компанию, — предложил я.

— Нет, я думаю, что уже поздно и тебе пора спать, — Стеф поспешил сесть в свою машину и закрыть дверь.

Джордж выбросил сигарету и сел к себе в машину на водительское сиденье.

— Просто мы едем в клуб, где вход только с восемнадцати лет, — пояснил он.

— Я тоже с вами хочу. Большая проблема с клубом: сказали бы, что мне уже есть восемнадцать. Неужели я не выгляжу даже на свой возраст? А разницу в два года никто бы и не заметил, — наигранно расстроено произнес я.

— Ты выглядишь на шестнадцать лет, не волнуйся, — издевался Стеф.

— Тебя не пропустят, — спокойно ответила Лана. — Может, как-нибудь в следующий раз.

— Хорошо вам отдохнуть, — я больше не стал настаивать, и на самом деле мне не очень хотелось с ними ехать, просто поболтать подольше и позлить своего брата.

Стеф, улыбнувшись широкой улыбкой, кивнул и завел мотор.

Вскоре машины Стефа и Джорджа отъехали от обочины и поехали вверх по дороге, а я пошел обратно к столику, где сидел Марк.

Проснувшись следующим утром, я обнаружил, что на улице шел жуткий ливень. Данное событие меня не обрадовало, потому что идти до автобусной остановки придется под дождем. Позавтракав, я взял рюкзак и вышел в холл. В зонтичнице моего зонта не оказалось. Я понятия не имел, куда он мог деться, поэтому поинтересовался у мамы, не брала ли она его, на что получил отрицательный ответ. Вниз спустился Марк, на ходу застегивавший рубашку.

— Марк, ты не брал мой зонт? — я с надеждой посмотрел на брата, но тот только покачал головой:

— Тебе тоже доброе утро! Нет, не брал. У меня есть свой.

Я в растерянности развел руками:

— И что мне делать? Идти без зонта?

— Может, папа взял твой по ошибке, когда уходил на работу?

— Нет, его зонта тоже нет, — грустно ответил я.

— Тогда его взял Стеф, — выдвинул последнее предположение Марк.

— Но его зонта нет! Что, получается, он взял и мой тоже? Зачем ему два зонта?

Услышав наш разговор с братом, в холл вышла мама и заявила:

— Стефан вчера взял чей-то зонт, потому что Лана забыла свой, а он боялся, что будет дождь. Но он же его вернет, что ты переживаешь!

Я вздохнул. Да, логика мамы неподражаема. А о том, что мне придется идти под ливнем без зонта, она совсем не подумала. Как, впрочем, не подумал и Стеф, который ездил на машине и постоянно возил на ней Лану, а я, в отличие от него, ходил пешком.

— И как мне идти в школу? — поинтересовался я у мамы.

— Можешь взять мой зонт, у меня есть запасной в машине, — решила она.

Я достал из зонтичницы мамин зонт, украшенный розовыми цветочками и бабочками, и посмотрел на Марка. Тот засмеялся и решил подбодрить меня еще больше:

— А что? Очень даже не плохой ансамбль: великолепно подходит под розовый принт на твоей футболке, — он стал обувать ботинки.

— Очень смешно, — со вздохом ответил я.

Одев толстовку и взяв розовый зонтик, я вышел из дома. Если бы меня увидел Боб или Даниэла или еще кто-нибудь из моих друзей и знакомых, они умерли бы со смеху, посмотрев на меня с этим

аксессуары. В придачу к розовому зонту, выйдя на тротуар, я наступил в лужу. Это меня разозлило, и я решил как можно быстрее добраться до автобуса: не хватало мне еще на него опоздать. На улице было пасмурно, небо затянуто тучами, иногда раздавался сильный раскат грома, и блистала молния. Вокруг не наблюдалось много людей, наверное, все предпочли добираться на машинах или вовсе остаться дома. Ветер трепал кроны деревьев, от чего с них летели во все стороны капли воды, и через некоторое время такой прогулки я был уже весь забрызган водой. Наконец, я дошел до остановки, на которой обнаружил Шона. Этой встрече я был очень рад, потому как надеялся увидеть его только в школе, когда закрою свой жуткий зонтик. Шон, завидев меня, помахал рукой. Я сделал тоже в ответ. Подойдя к нему под крышу, я сложил зонт и вздохнул с облегчением.

— Привет! — поприветствовал меня друг. — У мамы позаимствовал? — он с улыбкой посмотрел на зонт.

— Как ты догадался? — недовольно спросил я. — Стеф забрал для Ланы мой зонт. При этом он возит ее на машине, а я хожу пешком!

— Не расстраивайся! Зато ты не опоздал на автобус, — успокоил меня Шон.

— Ты прав, — кивнул я.

Через пару минут подъехал автобус, и мы загрузились внутрь. В автобусе мы встретили еще пару наших одноклассников. Я положил свой зонт в рюкзак, надеясь, что больше никто сегодня не увидит меня с ним. Болтая о предстоящем дне, мы проехали пару кварталов. Проезжая мимо дома Боба я вдруг увидел немного дальше две полицейские машины с включенными мигалками. Вокруг них ходили люди в форме, стояла непонятная суматоха. Ребята, сидевшие в автобусе, высунулись в окна, стараясь рассмотреть, что там произошло. Тут кто-то из них сказал:

— Да это же дом миссис Картер!

Автобус проехал мимо, и я действительно убедился, что это дом Картер. Входная дверь была открыта, и в дверном проеме виднелось несколько людей. Первая мысль, которая пришла мне в голову: что могло произойти? Тут же я вспомнил, как видел в субботу вечером свет от фонарика и тень человека около ее дома. Но когда мы вчера приходили проверить, все ли в порядке, я ничего странного не заметил, двери были закрыты, а окна целы. Поэтому я пришел к выводу, что миссис Картер все-таки ограбили. Но каким образом? Мне стало интересно это выяснить, поэтому я быстро встал с места и подошел к выходу: автобус как раз должен был остановиться, чтобы подобрать школьников, живших в этом квартале.

— Эй, Том! Ты куда собрался? — раздался удивленный голос Шона.

— Я приеду в школу чуть позже: забыл дома ключи, надо вернуться, — объяснил я.

В окно я увидел Боба и еще пару ребят, дожидавшихся автобуса под пластиковой крышей остановки. Наконец, автобус затормозил, и шофер открыл двери. Я вышел на улицу и забежал под остановку. Боб, увидев меня, в недоумении спросил:

— Том, ты перепутал остановки? До школы надо проехать еще минимум три.

— Что произошло у миссис Картер? — спросил я, пока остальные, кто ждал автобус, заходили внутрь салона.

Друг пожал плечами:

— Не знаю, но, кажется, что в ее доме кто-то побывал. Говорят, там все перевернуто!

— Но мы же были там вчера: вокруг все было нормально, двери не взломаны...

— Том! Я не полицейский. Чего ты от меня хочешь? — начал раздражаться Боб, потому что я не пускал его в автобус, и последний грозился уехать в любую секунду.

— И тебе совсем не интересно, что произошло на самом деле? К тому же вчера выяснилась очень интересная подробность насчет той записной книжки, которую мы нашли, — ответил я, надеясь, что Боб заинтересуется и не поедет в школу.

Он посмотрел на автобус и, приняв решение, ответил:

— Хорошо, потом поедем вместе.

— Отлично! — обрадовался я. Водитель тем временем закрыл двери, и автобус поехал дальше уже без нас.

— Что вы выяснили? — поинтересовался Боб, открывая зонт. Я решил не показывать ему свой, поэтому просто сказал, что забыл зонт дома.

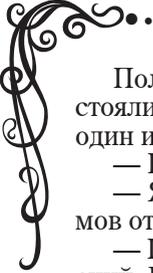
— Та записная книжка, которую мы нашли вчера, стоит больше десяти тысяч долларов! Стеф сказал, что видел такую же в магазине. Теперь нам надо найти того, кому она принадлежит, — сообщил я.

Лицо Боба вытянулось от удивления, когда он услышал о предполагаемой стоимости записной книжки.

— Ты серьезно? Неужели она может так дорого стоить?! С виду и не скажешь!

Дождь все не прекращался, поэтому мы постарались как можно скорее дойти до дома Картер. На обочине перед домом стояли две полицейские машины, в одной из которых сидел человек в форме и что-то писал. Мы прошли мимо и подошли к дому, дверь в который была открыта. В коридоре стоял полицейский и о чем-то разговаривал со своим коллегой. За их спинами можно было разглядеть комнату, в которой царил жуткий бардак.

— Простите, что здесь случилось? — обратился я к полицейским, поднявшись по ступенькам под навес. Боб тоже прошел за мной и сложил зонт.

Полицейские повернулись в нашу сторону и несколько секунд стояли молча. Наверное, соображали, что мы тут делали. Потом один из них, который был выше и крупнее другого, спросил:

— Вы кто такие? — и очень подозрительно посмотрел на нас.

— Я сосед миссис Картер, Боб Браун, живу через несколько домов отсюда, — ответил Боб. — Это мой друг, Том.

— Говоришь, ты сосед миссис Картер? — уточнил другой полицейский. Боб кивнул. — Не видел здесь никого подозрительного на прошлой неделе? Может кто-то крутился около дома?

Боб пожал плечами:

— Нет, не видел, все было как обычно...

— Да, только в субботу мы устраивали вечеринку, и ночью я проходил мимо дома миссис Картер, — прервал его я. — Было около двух или чуть больше, и я видел недалеко от дома тень человека, вроде мужчины, и свет от фонарика. Но я не придал этому значение.

Полицейские сразу оживились. Тот, что разговаривал с Бобом, заметно вежливее обратился ко мне:

— Ты можешь описать человека, которого видел? Это был мужчина? Белый? Сколько ему лет на вид, какой у него цвет волос?

Вопросы, которые он мне задал, показались мне, по меньшей мере, странными. Я не экстрасенс, чтобы по мелькнувшей тени определить национальность и цвет волос.

— Не хотелось бы вас огорчать, но я видел не человека, а только тень, да и то мельком. Поэтому не успел заметить цвет волос и национальность незнакомца, я даже не уверен, что это был мужчина, — ответил я.

Радужное настроение сразу испарилось с лиц обоих полицейских.

— Что ж, значит, можно сказать, что вы ничего не видели, — больше утвердительно, чем вопросительно произнес служитель закона, который был покрупнее.

— Почему же? Теперь вы знаете, что кто-то был здесь в ночь с субботы на воскресенье примерно в два часа, и, скорее всего, это был мужчина, — возразил Боб.

— Что здесь произошло? Я вижу, что кто-то устроил здесь большой беспорядок, — поинтересовался я, указав рукой вглубь дома.

— Ограбление, — важно ответил один из полицейских. — Миссис Картер приехала сегодня рано утром и, открыв дверь, обнаружила, что все перевернуто вверх дном.

— Как грабители проникли в дом? Дверь была взломана? — с интересом спросил Боб.

Полицейские переглянулись, решая, можно ли нам что-то сказать.

— Нет, — наконец выдавил из себя один из них. — Замок не был взломан.

— Но как же тогда грабитель мог оказаться в доме? Через окно? — не понял я.

— Нет, все окна целы. Дверь открыли ключом.

— Значит, вы подозреваете, что это сделал кто-то из родственников миссис Картер? — спросил Боб.

— Пока мы подозреваем, что вы слишком много болтаете, да еще и прогуливаете школу, — недовольно произнес полицейский. — Поэтому отправляйтесь на занятия. Да, и скажите еще раз мне свои имена. И телефоны, — он дослал из кармана блокнот в черной кожаной обложке.

Записав данные, они закрыли входную дверь прямо перед нами. Мы с Бобом переглянулись и передразнили друг другу недовольного полицейского. Открыв зонт, мы отправились обратно на остановку.

— Надо было сразу позвонить в полицию! — расстроено произнес я.

— Что бы это изменило? Они и сейчас не очень-то радовались тому, что ты им сообщил: «Значит, вы ничего не видели», — Боб постарался изобразить голос полицейского.

— Да, ты прав. Но кто мог ограбить миссис Картер? Не племянник же? Я с ним вчера познакомился, он показался мне хорошим парнем, — я пожал плечами.

— Еще у нее есть сестра, но она примерно в таком же возрасте, как и миссис Картер. Да к тому же зачем ей лезть в дом к своей сестре? — задал сам себе вопрос Боб.

— Я тоже в этом сомневаюсь, — согласился я.

Уже стоя на остановке, мы заметили, что к дому подъехала машина, очень похожая на ту, на которой приезжал к нам домой племянник миссис Картер. Мужчина вышел из машины, но так как вчера я не очень хорошо разобрал лицо парня, сейчас я сомневался, что это был именно он. Но тут Боб воскликнул:

— Это же племянник миссис Картер!

Теперь у меня уже не осталось сомнений на этот счет, поэтому я окликнул его по имени. Джордж обернулся и посмотрел на меня. Мы с Бобом подошли к нему, и я поздоровался:

— Привет, помнишь меня? Я брат Стефа, вчера с тобой познакомились.

Джордж кивнул Бобу в знак приветствия и обратился ко мне:

— Да-да, конечно, помню, — он протянул мне свободную руку, другой Джо держал зонт. Я пожал ее и спросил:

— Тебе тетя сообщила об ограблении?

— Да, а вы откуда об этом знаете? — удивился он.

— Мы сейчас разговаривали с полицейскими. Они сказали, что дверь открыли ключом, и, насколько я понял, теперь подозревают кого-то из ее близких, — ответил Боб.

У Джорджа были темные волосы, светло-серые глаза, а слегка смуглое лицо казалось напряженным и сосредоточенным. От крыльев носа к уголкам губ спускались две глубокие складки, которые

сейчас придавали его лицу еще более строгий вид. От него сильно пахло табаком и сладковатой туалетной водой.

— Вот ведь бред! Кому могло только прийти такое в голову! — воскликнул Джордж.

— Тем полицейским, которые сейчас в доме, — ответил я.

— Ладно, мне нужно идти. Еще увидимся, — попрощался он и пошел по дорожке к дому.

— Вряд ли грабителем был он, — заключил Боб, глядя ему вслед. — Зачем ему проникать в дом к своей тетке?

— Понятия не имею. Скорее всего, эти полицейские что-то напутали, — ответил я. — К тому же, Джордж мог просто потерять ключи, и ими кто-то воспользовался.

Подъехал автобус, правда, уже не школьный, поэтому нам пришлось заплатить за проезд. Мы с Бобом сели на кожаные кресла, и продолжали обсуждать ограбление дома миссис Картер. Мы проехали уже больше половины пути, когда у меня зазвонил мобильный телефон. Я посмотрел на дисплей: звонил Марк. Не успел я взять трубку, как мне в ухо влетел взволнованный голос моего брата:

— Том! Ты когда проезжал сегодня мимо дома миссис Картер видел там полицейских?

Я вздохнул:

— Да, я уже знаю, что ее ограбили. Еще я встретил ее племянника, и он очень обеспокоен тем, что произошло.

— Ты знаешь, что замок не был взломан? То есть ее просто открыли ключом!

— Это я тоже знаю, - кивнул я, как будто Марк мог меня видеть.

— И окна не были разбиты или открыты. Полицейские подозревают кого-то из близких миссис Картер, - продолжал тараторить Марк.

— Да-да, я знаю...

— Ты тоже разговаривал с полицейскими? — вдруг спросил Марк.

— Неужели и ты их доставал! — удивился я.

— Мы с тобой им порядком надоели! Потому что когда я к ним подошел, они так странно смотрели на меня, когда я интересовался, что там произошло!

Я засмеялся:

— Не удивительно: мы приставали к ним с вопросами вместе с Бобом. Ради беседы с полицией даже пришлось пожертвовать первым уроком!

— Но ты точно не знаешь одного: из дома ничего ценного не пропало!

— Как это? — не понял я. — Ради чего же тогда затевать ограбление? И откуда ты это знаешь?

— Я разговаривал с миссис Картер! — сообщил Марк.

— Как это тебе удалось? Ты прорвался через полицейских, бдительно охранявших входную дверь?

— Можно и так сказать: я представился журналистом университетской газеты, показал студенческий. Они меня нехотя пропустили поговорить с хозяйкой, — довольным голосом сказал Марк.

— Как она так быстро определила, что ничего не пропало?

— У нее дома достаточно много антикварных предметов, как она сама мне сказала. Поэтому все ценные вещи Картер записывает в специальную тетрадь. Денег она дома не держит, дорогие украшения тоже. Миссис Картер сравнила список с имеющимися в доме ценностями и пришла к выводу, что ничего не пропало.

— Тогда я ничего не понимаю: для чего было переворачивать вверх дном все вещи? — удивился я.

— Лично у меня напрашивается только один вывод: грабители шли за чем-то конкретным, что-то искали, но не нашли. Я спросил об этом миссис Картер, и она ответила, что понятия не имеет, что могло понадобиться вора в ее доме, — ответил Марк.

— Ты, случайно, не догадался показать ей записную книжку? — спросил я.

— Конечно, показал. Я, в принципе, за этим и шел, потому что книжка не подписана: вчера вечером я ее тщательно просмотрел, — заверил меня брат. — Но миссис Картер ее не опознала. Она ответила, что никогда не видела такой записной книжки. Еще я застал дома ее племянника. Заодно показал книжку и ему. Он тоже ответил, что никогда не видел ее раньше.

— Что же теперь делать? Как мы найдем владельца? Может, стоит отдать ее полиции? — предложил я.

— Нет, сами вернем, — уверенно ответил Марк. — Ты помнишь рекламного агента, которого мы встретили вчера?

— Такого колоритного человека не забудешь! — хмыкнул я.

— Он ведь приходил и к дому миссис Картер: листовка на входной двери была точно такой же, как и те, что он нам дал. Поэтому я думаю, у нас есть основания разыскать этого агента. Вдруг книжка принадлежит ему? — предположил Марк.

— Как мы это сделаем? Я даже не помню, как его зовут!

— Я тоже не помню, но я сохранил листовку, которую он мне дал. На ней указано и его имя, и издательство, на которое он работает, — пояснил Марк.

— Я свою выбросил. Молодец! — похвалил я брата. — Когда ты собираешься пойти в издательство?

— Я думаю, сегодня после занятий. Мы рано заканчиваем по понедельникам, — ответил Марк и после небольшой паузы добавил: — Как насчет того, чтобы составить мне компанию?

— Так и знал, что ты об этом спросишь! Во сколько и где встретимся?

— Давай в три часа на станции Кенделл, — предложил Марк. — Там недалеко и находится издательство — на Третьей улице.

— Хорошо, правда, ехать далеко.

— Ничего с тобой не случится, если прокатишься на метро парочку станций, - ответил Марк. — До встречи!

— Марк звонил? — поинтересовался Боб, когда я убрал телефон в карман.

— Да, собираемся искать рекламного агента, который приходил к тебе в воскресенье: может, это он потерял записную книжку, — ответил я.

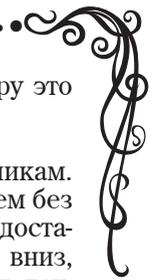
Когда мы подъехали к школе, дождь кончился, тучи на небе стали медленно расходиться, и из-за них выглянуло солнце. Ветер перестал трепать кроны деревьев, чувствовалось, как становилось теплее, а воздух наполнялся свежестью, которая всегда появлялась после дождя. На автобусной остановке крутилось много людей, большую часть которых составляли школьники. Высшая школа Одиси находилась на Джи стрит, что рядом с парком Дорчестер. Школа представляла собой четырехэтажное здание из светлого кирпича, к центральной части которого примыкало два больших крыла. Школу и парк огибала улица Томас парк, по всей длине которой высажен стройный ряд деревьев, служивший своеобразным забором, отделяющим проезжую часть от территории школы и парка. Перед зданием имелась достаточно большая парковка для машин преподавателей и учеников, и вся площадь перед школой заасфальтирована. Сзади здание от парка отделяла небольшая посадка, за которой, уже на территории парка, находилась стела, установленная в память о человеке, заложившем этот небольшой сквер. Вокруг школы расположены жилые дома, а улица, на которой она находилась, выходила прямо к Старой гавани. На ее берегу оборудован пляж, который каждый день посещало большое количество людей. Сегодня погода уже не позволяла купаться, но наслаждаться воздухом и прекрасным видом, которой открывался оттуда, можно было и сейчас.

Выйдя из автобуса, мы с Бобом направились в здание школы. Подойдя ближе, мы услышали звонок, известивший нас о том, что первый урок, на который мы опоздали, только что благополучно кончился. Никого не встретив как на стоянке у школы, так и на пороге здания, мы открыли большую деревянную дверь и зашли внутрь помещения. Охранник, дежуривший у дверей, повернулся в нашу сторону и, узнав нас, заулыбался:

— Так-так-так! Кто тут у нас опаздывает на занятия? — он заложил большие пальцы рук за черный кожаный ремень, подпоясывающий его талию, и внимательно посмотрел на нас.

— Здравствуйте, мистер Митчелл! Мы просто опоздали на школьный автобус, пришлось ехать на другом, - ответил я.

Он с недоверием покосился на меня, потом на Боба. После вздохнул и произнес:

— Ладно, это уважительная причина. Думаю, что директору это будет неинтересно, — он отошел в сторону, пропуская нас.

— Спасибо, — мы заулыбались ему в ответ.

Мы прошли мимо охранника и направились к своим шкафчикам. Мистер Митчелл очень добрый человек, который нравился всем без исключения в этой школе. Несмотря на то, что он высокий, достаточно плотный и с большими белыми усами, спускавшимися вниз, к подбородку, мистер Митчелл производил впечатление очень дружелюбного человека, который всегда готов понять опоздавшего на школьный автобус ученика. Пройдя по длинному коридору, пол которого выложен светлой плиткой, а стены отделаны фактурной краской также светлого оттенка, мы достали пару нужных книг из своих шкафчиков. Только что началась перемена, поэтому в коридоре было много школьников. Но так как школа, в которой мы учились, являлась старшей, то все ученики практически наши одноклассники. Мы с Бобом пропустили утреннее распределение по аудиториям, поэтому нам с ним пришлось идти к нашему классному руководителю, который, выяснив причину нашего отсутствия на первом уроке, выдал нам расписание. Сегодня нам с Бобом повезло оказаться вместе на трех уроках из пяти, чему мы очень обрадовались. Выйдя из кабинета, я столкнулся лицом к лицу с Даниэлой, которая увидев меня, надула губы и недовольно произнесла:

— Привет, чем вчера занимался?

Я вспомнил, что обещал позвонить ей вечером, но так этого и не сделал. Это мой недостаток — я часто забывал то, о чем меня кто-то просил. Хотя я догадывался, что Даниэла за два года уже смирилась с этим, она все равно продолжала обижаться на меня, просто для вида.

Обняв ее одной рукой за плечи, я улыбнулся и задумчиво произнес:

— Какие планы у тебя на сегодняшний вечер?

Даниэла решила не сдаваться и продолжала сохранять обиженный вид, но я уже почувствовал, что делала она это наигранно.

— Том, ты обещал мне позвонить вчера! И, как всегда, забыл!

— Прости, ты же знаешь, что я не специально это сделал, — я улыбнулся насколько мог широко.

Даниэла смягчилась и тоже улыбнулась:

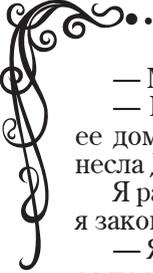
— Ладно, я уже поняла, что ты жутко не ответственный. Что ты там говорил насчет вечера? — она с интересом посмотрела на меня.

— Если ты свободна, то мы могли бы сходить в кино или кафе, или просто прогуляться, — предложил я.

— Договорились! Во сколько ты за мной зайдешь? — оживилась Дана.

— Думаю, около семи, — ответил я.

— Отлично! Тогда сам выбери, куда мы пойдем: я тебе доверяю. Кстати, почему тебя не было на первом уроке?

— Мы с Бобом ходили к миссис Картер: ее ограбили, — ответил я.
— Не может быть! Значит, вы в воскресенье обнаружили около ее дома что-то подозрительное? — взволнованным голосом произнесла Дана.

Я рассказал ей, как все на самом деле произошло. После того, как я закончил, Даниэла вынесла вердикт:

— Я думаю, что грабитель искал какую-то вещь, но, скорее всего, ее не нашел.

— Мы тоже так подумали, но полиция подозревает близких родственников.

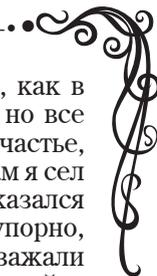
— Но ты же не знаешь, что за человек этот племянник Джордж: может, ему что-то очень понадобилось в доме его тетки. Хотя бы деньги!

— Нет, я уверен, что он не виновен. Это сделал кто-то другой, — я стоял на своем.

— Мне, вообще-то, не очень интересно, кто на самом деле это сделал, просто надеюсь, что полиция поймает этого человека. Ты только не опаздывай сегодня, хорошо? — взяв с меня обещание прийти вовремя, Дана отправилась вместе со своей подругой на следующий урок.

Сегодня Даниэла была одета на редкость сдержанно: в черные брюки и белую блузку, но без шпилек она, конечно, не смогла обойтись. Проводив ее взглядом, я стал искать Боба, который, не дожидаясь меня, куда-то ушел.

Учебный день закончился на редкость быстро. Наверное, в большей степени из-за того, что мы с Бобом были вместе практически на всех занятиях, которые стояли в расписании. Когда прозвенел звонок с последнего урока, я отправился по направлению к остановке. На часах было половина третьего, поэтому я вполне успевал доехать из этой части города до станции Кенделл. На ближайшей автобусной остановке я сел на автобус, чтобы доехать до станции Эндрю. На Дорчестер стрит, по которой проезжал автобус, располагались трех-, четырехэтажные дома, в некоторых из которых жили по несколько семей. Здания в основном либо отделаны сайдингом и похожи друг на друга как братья-близнецы, либо сложены из красного кирпича, как и большинство построек в Бостоне. По соседству с жилыми постройками на Дорчестер стрит расположилось здание Бостонского Центра ресурсов связи для людей с психическими расстройствами. Он являлся партнером Бостонского Медицинского Центра и оказывал поддержку людям, страдавшим различными психологическими или психическими заболеваниями. Здесь они могли общаться друг с другом, пользоваться компьютерами, заниматься спортом и посещать библиотеку. На мой взгляд, это очень полезная организация, ведь она на самом деле помогала многим людям почувствовать, что они не одиноки в своих страданиях, и что им действительно хотели помочь.

За окном я пока не наблюдал такого красивого пейзажа, как в центре города: мимо автобуса мелькала чистая, аккуратная, но все же немного однообразная и унылая улица. В пробку, на мое счастье, я не попал, поэтому очень быстро доехал до станции метро. Там я сел на поезд, который шел прямо до станции Кенделл, и скоро оказался на месте. В метро, как и всегда, была толпа народа, которые упорно, в любое время дня, хотели непременно куда-то уехать. Меня зажали в самый угол, откуда я еле выбрался. Оказавшись на месте и выйдя на поверхность, я с упоением вдохнул осенний воздух. Около входа в подземку я обнаружил Марка, который что-то воодушевленно писал в телефоне. Увидев меня, он посмотрел на часы и констатировал:

— Ты опоздал на десять минут!

Я улыбнулся:

— Ну, да, я опоздал. Но я мог вообще не идти с тобой никуда, поэтому твои претензии не принимаются.

Марк немного насупился, но старался этого не показывать: он вообще не любил демонстрировать свои эмоции другим людям, пусть даже это будет его родной брат.

— Как думаешь, это агент потерял записную книжку? — спросил я, когда мы с братом переходили улицу.

— Не знаю, - честно признался Марк. — Лучше бы это был он, потому что иначе я не знаю, что нам делать дальше.

— Тогда отдадим ее полиции...

— Да, но вряд ли они будут этим заниматься: у них и других, более важных дел хватает. Положат эту книжку куда подальше, а мы смогли бы вернуть ее хозяину. Все равно ничем особенным не занимаемся, — ответил Марк.

— Не правда! Как насчет твоего университета и моей школы? У меня, между прочим, через два года выпускной тест! — не согласился я.

Марк хмыкнул:

— Тоже мне, какая особенная вещь: его можно за полчаса решить.

— Но не все же родились с мозгами Эйнштейна! — не выдержал я.

— Но и дураками не все родились, — спокойно ответил Марк.

Я хотел сказать все, что сейчас о нем думал, но решил промолчать. Должен же я хоть раз за день в чем-то ему уступить!

— Кстати, я подумал, что рекламный агент вполне может быть вором. Это как раз объясняет, как записная книжка оказалась возле дома миссис Картер, — предположил Марк.

— Только при условии, что она принадлежит именно этому агенту, а не кому-то другому, — уточнил я.

— Да, но ведь это вполне возможно.

В районе Кембридж, в котором мы сейчас находились, располагался известный Гарвардский Университет. Это старейший из американских вузов: он был основан в 1636 году. Также он входил в так называемую Лигу плюща, которая объединяла восемь лучших

университетов Америки. Когда Марк только строил планы насчет своего поступления, он хотел учиться только в Гарвардском Университете. Но позже мы узнали, что Бостонский Университет проводил конкурс на право получить стипендию на все время обучения. Для Марка это был шанс поступить на бесплатное место в один из лучших университетов страны, поэтому он принял в нем участие. Мой брат выиграл стипендию, поэтому отказался от поступления в Гарвард. Теперь он твердо решил, что обязательно получит как минимум степень магистра, а свой максимум он пока не озвучил. Но, учитывая его тягу к знаниям, я не был бы удивлен, если когда-нибудь он получит докторскую степень. Обучение ему больше, чем просто нравилось, и занимался он им практически целыми днями. У нас дома постоянно крутились его друзья, которые помогали делать ему доклады, рефераты, курсовые работы и разные проекты. Наша мама всегда умилялась, когда видела, как они спорили друг с другом, с пеной у рта доказывая что-то, или просто молча переписывали статьи из учебников. Хотя молчать у них долго не получалось: они вечно что-то обсуждали. Марк активно участвовал в жизни Университета, правда спортивная сторона так и осталась за пределами его интересов. Меня такая жизнь не очень прельщала, потому что учиться я никогда не любил и всегда отдавал предпочтение чему-то более творческому, чем чтение учебников. Моего брата знали практически все студенты из тех, кто хоть сколько-нибудь интересовался научной жизнью своего вуза. Сам университет очень большой: он являлся четвертым по величине в нашей стране. Сейчас в нем обучались свыше тридцати тысяч студентов, и работали четыре тысячи ученых и преподавателей.

Здание же, в котором находилось издательство, располагалось на третьей улице, ближе к Восточному Кембриджу. Оно представляло собой высокое строение из светлого кирпича с большими окнами. Напротив него оборудована просторная стоянка, которая в этот час была полностью заставлена всевозможными машинами. Мы с Марком прошли через стеклянные двери и оказались в широком холле с высоким потолком. Стены выкрашены нейтрального цвета краской, вдоль одной из стен тянулся длинный ряд стульев с кожаной обивкой. По центру располагался ресепшен, вокруг которого толпилось большое количество людей.

Подойдя к стойке администратора, мы встали в очередь. Марк тем временем достал из кармана рекламный проспект и сообщил:

— Кстати, та книга, которую я купил, совершенно не имеет под собой никакой научной основы.

Я вздохнул:

— Ты только это понял? Когда я увидел на обложке сумасшедшего мужика, я сразу сообразил, что там нет ничего полезного, кроме очередной ерунды о том, как сделать миллион из одного доллара!

Марк засмеялся:

— Я наивно полагаю, что там есть что-то от менеджмента.

— Вот именно! Ты очень наивный. И кому только из нас скоро двадцать лет будет... — задумчиво произнес я.

— Эй! — возмущился Марк. — Вообще-то кое-кто еще не сдал выпускные экзамены!

— Ну и что! Это не важно, самое главное в том, чтобы не хватать слишком много лапши на свои уши, — ответил я.

Несколько человек, стоявшие впереди нас, решили свои проблемы, и подошла наша очередь.

— Добрый день, чем могу помочь? — обратилась к нам девушка, занимавшая должность администратора, о чем говорил бейджик на лацкане ее пиджака.

— Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, где находится издательство «True Mind», — обратился к ней Марк.

— Вам надо подняться на десятый этаж: там находится их офис, — с улыбкой ответила администратор.

Выяснив, куда нам надо пройти, мы подошли к охраннику, который следил за тем, чтобы никто не прошел, не зарегистрировавшись, а заодно и обыскивал всех металлоискателем. Это был высокий, спортивного телосложения черный мужчина средних лет. Перед ним столпилась небольшая очередь желающих пройти внутрь, поэтому нам пришлось немного подождать.

— Пожалуйста, распишитесь на листе учета посетителей, — мужчина протянул Марку лист бумаги и ручку, когда подошла наша очередь.

Успешно пройдя процедуру досмотра на наличие оружия или бомбы, мы распрощались с охранником и прошли в лифт. С нами в подъемник зашли еще несколько человек, поэтому внутри было довольно тесно. Вскоре на небольшом экране в лифте высветилась цифра десять, и лифт остановился. Мы с Марком вышли в коридор и сразу увидели большую серебристого цвета табличку, висевшую на противоположной лифту стене и сообщавшую, что здесь находилось издательство «True Mind». Рядом с этой вывеской располагался стол администратора, которая разговаривала по телефону и не обращала на нас совершенно никакого внимания. Мы подошли к стойке, и светловолосая девушка, сидевшая за ней, увидев нас, решила закончить свой разговор и поинтересоваться целью нашего визита. Мы объяснили ей, что хотели бы встретиться с рекламным агентом по имени Брэд Эванс, который оставил нам свои реквизиты, когда рекламировал новую книгу. Он забыл у нас свой мобильный телефон и наверняка его искал, поэтому мы хотели бы встретиться с ним и вернуть пропажу. Выслушав нас, администратор предложила поискать Брэда в базе данных сотрудников организации, что потом и сделала. После этого она нам сообщила:

— К сожалению, мистер Эванс работал у нас всего несколько месяцев. Мы нанимали его для рекламы новой книги «Сэкономь на малом и разбогатеяй». Вчера его договор с нами истек.

— Как мы можем найти мистера Эванса? — поинтересовался Марк.

— Боюсь, что я не смогу вам помочь: мы не разглашаем личные данные сотрудников, - пожала плечами администратор.

— Его новое место работы вам неизвестно? — спросил я. — Просто телефон очень дорогой, одна из последних моделей, — я достал из кармана свой iPhone и показал девушке. — По пустякам мы бы не стали вас отвлекать.

— Ну, хорошо. Я знаю, что мистер Эванс работает на издательство «Art Magazine». Попробуйте обратиться туда: может быть, там вам повезет больше, и вы застанете мистера Эванса на месте, - смягчилась администратор.

— Спасибо, — кивнул я. — Мы что-нибудь придумаем.

Мы с Марком пошли назад к лифту. Когда двери за нами закрылись, Марк удивленно посмотрел на меня:

— Ты хорошо врешь!

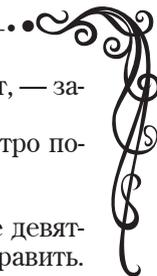
— Еще бы! — хмыкнул я. — Тебе повезло, что ты взял меня с собой. Завтра можно съездить в «Art Magazine» и отдать, наконец, записную книжку этому Эвансу.

— Почему завтра? Мы и сегодня все вполне бы успели, - не согласился Марк.

— Я договорился встретиться с Даниэлой в семь часов, а сейчас уже десять минут пятого. Пока мы доберемся до дома, будет уже шестой час, и, к тому же, я еще не обедал сегодня, — объяснил я.

Выйдя из здания, мы с Марком пошли по направлению к станции метро. Наш дом находился рядом с районом Бэк Бэй, который расположен близко от центра города. Бостон построен на берегу Бостонской бухты залива Массачусетс, а его пригороды от даунтауна, деловой части города, отделяла река Чарльз. Поэтому в Бостоне очень много мостов, также здесь находился всемирно известный Большой Бостонский Тоннель.

В этот час солнце уже садилось. Золотые кроны деревьев казались еще ярче, чем были днем, а лужи на дороге после недавнего дождя блестели в лучах заходящего солнца. На улицах города стояла суета, люди спешили домой с работы, витрины магазинов переливались в свете фар проезжавших мимо машин. Мне же хотелось как можно быстрее добраться до дома, чтобы встретиться с Даниэлой. Мы с ней толком не общались уже два дня, и за это время я успел по ней соскучиться. В моей голове крутились разные мысли на счет того, куда мы могли бы пойти с ней сегодня вечером. Перебрав в уме возможные варианты, я решил спросить мнение Марка.

— Думаю, что кино — это всегда беспроектный вариант, — завизгал брат, когда я сказал про кинотеатр.

— Раз мы решили мой вопрос, давай решать твой! — я хитро посмотрел на Марка. Тот в ответ удивленно посмотрел на меня:

— Какой еще вопрос?

— Нам надо найти тебе подружку! — объяснил я. — Тебе девятнадцать лет, а ты ни с кем не встречаешься! Это надо исправить. И кто, как ни я, могу помочь тебе в этом.

Марк с недоверием покосился на меня:

— Ты серьезно? — он покачал головой. — И это все, о чем ты можешь думать?

— А ты об этом не думаешь? Занимаешь одними занятиями, общаешься только с ребятами. Тебе надо расширить круг общения, — ответил я.

— Послушай: сейчас приоритетным для меня является именно учеба. Мне бы не хотелось вылететь из университета из-за того, что мне придется выполнять прихоти какой-нибудь девчонки. К тому же большинство из них ничего не соображает в экономике: о чем я буду с ними говорить?

— Например, обсуждать фильмы, музыку, еду, хобби. И, кстати говоря, в твоем университете учатся не только мальчики, — напомнил я.

Марк вздохнул:

— Хорошо, я согласен с тем, что в университете есть не только лица мужского пола. Но это не значит, что я должен кидаться на первую встречную и предлагать ей сходить куда-нибудь со мной!

— Неужели тебе никто не нравится? — удивился я. — Такого просто не может быть!

— Представь себе, нет! — немного раздраженно ответил Марк. — И вообще, даже если мне кто-нибудь и понравится, тебе я точно этого не скажу.

Я засмеялся:

— Почему же?

— Ты слишком много болтаешь, — спокойно ответил Марк и вернулся от меня.

Я ничего не ответил. Марка не переубедить. Эта черта характера досталась ему от нашего отца: папа такой же упертый, как и мой брат. Если они что-то для себя решили, то сдвинуть их с места невозможно. Я не стал настаивать на том, чтобы познакомить Марка с кем-нибудь. Брату это не нужно, он решил сосредоточиться на учебе — что ж, это его выбор. Надеюсь, судьба сама его найдет.

Вечером я, как и планировал, встретился с Даниэлой. Мы сходили на не самую смешную романтическую комедию, а после перекусили в кафе. За едой Дана поинтересовалась, вернули ли мы записную книжку. Я рассказал ей о нашем посещении издательства и о том, что мы узнали.

— Что ж, значит, завтра вы закончите свои поиски, — радостным голосом ответила Даниэла, с аппетитом жуя овощной салат.

— Не знаю, возможно, что этот мистер Эванс не является владельцем. Тогда нам придется отнести книжку в полицию, — не согласился я.

— Мне не нравится, что вы с Марком влезли в это дело: миссис Картер ограбили, как там оказалась такая дорогая записная книжка не известно. К тому же, это может быть уликой, а на ней ваши отпечатки пальцев, и вы не отдали ее полиции сразу, как только нашли. И теперь, когда вы принесете ее в участок, могут обвинить во всем вас, потому что других версий у них пока нет, — взволнованно прозвнесла Дана и посмотрела на меня.

— Во-первых, полиция подозревает племянника миссис Картер, а не нас. Во-вторых, эта книжка никак не может быть нашей, это смогут подтвердить все наши друзья, знакомые и родители. И, в-третьих, если мы отдадим ее полицейским, это действительно будет улика, которая, если она имеет отношение к делу, поможет раскрыть преступление, — я постарался успокоить Дану.

— Ладно, давай закончим с этой темой. Как тебе фильм? — улыбнулась Даниэла.

— Честно сказать, местами было немного глупо, но в целом очень даже ничего, — закивал я.

— Мне он показался смешным. Ты хочешь сказать, что я... э-э-... не совсем умная? — Дана прищурила глаза и испытующе посмотрела на меня.

— Нет, просто глупость всегда кажется смешной, — ответил я.

— Всегда найдешь, как выкрутиться, — Даниэла погрозила мне пальцем.

— Ты же меня знаешь!

— Еще бы! Слишком хорошо, чтобы удивляться, — ответила Даниэла.

— Наверное, это мне и нравится, - я положил ладонь на руку Даны. Она крепко сжала ее и с улыбкой посмотрела мне в глаза.

— Я тоже тебе доверяю, и для меня это очень важно, — ответила она.

Глава 3

Около двух часов следующего дня мы с Марком стояли на пороге издательства «Art Magazine». С помощью навигатора мы выяснили, что офис издательства располагался в башне Джона Хэнкока, что находилась на Копли Сквер. Башня являлась самым высоким зданием в Бостоне. Ее стены полностью зеркальные, а в высоту она достигала 241 метра. Рядом с небоскребом располагалась Церковь Святой Троицы. Она была построена в 1700 году, и представляла собой двухэтажное здание кофейного цвета с несколькими небольшими башенками. Церковь находилась почти вплотную к небоскребу, поэтому создавался довольно заметный контраст соседства старины и модерна.

Офис издательства расположился на двадцать пятом этаже. Открыв дверь, сделанную из темно-коричневого пластика, мы прошли внутрь издательства. Интерьер офиса был выдержан в теплых тонах, стойка администратора, которую мы сразу заметили, была сделана из темного дерева, и располагалась немного дальше по коридору. В помещении было многолюдно, мимо нас периодически проходили люди с огромными кипами бумаг, и что-то выкрикивали на ходу. И что удивительно, им кто-то кричал в ответ. Мы подошли к администратору, которым оказалась приятная внешне брюнетка средних лет. Она с улыбкой поинтересовалась, чем она могла нам помочь. Мы сообщили, что искали рекламного агента, Брэда Эванса.

— Его в настоящий момент нет в издательстве, но вы можете приобрести необходимые вам книги у другого агента, который сейчас на месте. Он с удовольствием оформит ваш заказ, — ответила женщина заученной фразой.

— Спасибо, но мы хотели бы поговорить именно с ним. Мы договорились встретиться с мистером Эвансом накануне, — объяснил Марк.

— В таком случае вы можете подождать его, но я не могу сказать, когда именно он вернется в издательство, - предложила женщина.

— Отлично, мы подождем, - согласился Марк.

Мы прошли к дивану, сделанному из черной кожи, и опустились на мягкие подушки.

— Слушай, ты уверен, что мы правильно поступаем: может, Эванс не придет сегодня вообще. Что мы тогда будем делать? — поинтересовался я, обращаясь к Марку.

— Я пока еще об этом не думал, — отозвался брат.

Диван располагался недалеко от стола секретаря, которая периодически отходила со своего места в кабинет, дверь в который была прямо напротив нас. Светловолосая молодая девушка что-то печатала на компьютере, когда же раздавался короткий звонок телефона, она вскакивала с места и быстро шла в кабинет.

Когда прошло уже минут тридцать с того момента, как мы пришли в издательство, мне надоело сидеть на одном месте, и я решил походить по коридору. Марк опять с кем-то переписывался, и ему было совсем не до меня, поэтому разговор у нас с ним не клеился. После нескольких минут бесцельных шатаний по небольшому коридору, в котором находился диван, я решил поговорить с секретарем. Папа постоянно жаловался, что секретари ужасно болтливы, и у них на фирме они часто менялись. Возможно, если в издательстве тоже болтливый секретарь, то мне удастся выяснить что-нибудь про загадочного мистера Эванса.

Я подошел к столу, за которым сидела девушка:

— Здравствуйте! Не подскажите, который сейчас час?

Женщина посмотрела на наручные часы и, подняв на меня темные глаза, сообщила:

— Сейчас без четверти три, — она улыбнулась и снова перевела взгляд на монитор компьютера.

— Мы здесь уже больше получаса проторчали! — наигранно воскликнул я.

— Сочувствую, — кивнула девушка, — иногда приходится ждать очень подолгу.

— И не говорите, рекламные агенты такие ненадежные люди! Вот мне очень интересно, как можно договориться о встрече, а самому прохладиться не понятно где! Мы ждем мистера Эванса, а он, наверное, даже и не думает поторопиться! — я облокотился рукой о край стола и покачал головой

— Брэда? — девушка вскинула брови.

— Именно! И ждем уже сорок пять минут, если быть точным, — подтвердил я.

— Странно, что он назначил вам встречу именно сегодня, — осторожно ответила она.

— Почему вы так думаете? — насторожился я.

— У него сегодня конференция в Даунтауне: он участвует в презентации новой книги, которую сегодня выпускает наше издательство. Даже если Брэд сегодня и окажется в издательстве, то очень и очень поздно, для того, чтобы завести документы, — объяснила секретарь. — Должно быть, он что-то напутал с датами, или вы не так его поняли.

— Не может быть! — разочарованно вздохнул я. — Что же нам теперь делать?

— Позвоните и договоритесь на другой день: думаю, Брэд вам не откажет.

— В том-то и дело: я вчера потерял свой телефон со всеми контактами, поэтому мы никак не можем с ним связаться. Не подскажите его номер?

— Спросите у администратора, — ответила девушка, небрежно кивнув в ее сторону головой.

— Вы же знаете, что с администраторами тяжело найти общий язык, — улыбнулся я. — Вы бы нам очень помогли, если бы подсказали номер мистера Эванса. Я вас очень прошу.

Девушка поколебалась секунду и протянула мне листок бумаги и ручку:

— Записывайте...

Я записал номер мобильного телефона Эванса и поблагодарил милую женщину за оказанную услугу.

— Пожалуйста, но никому не говорите, что я дала вам личный номер сотрудника, иначе у меня будут неприятности, — предупредила она.

— Конечно, о чем разговор! — уверил ее я. — Вы давно здесь работаете? Наверное, очень хорошо всех знаете.

— Я работаю в издательстве уже около двух лет. Конечно, многие сотрудники здесь поменялись, но есть и «старожилы», которые работали и до моего прихода уже лет десять. Но это в основном авторы, которых постоянно печатает наше издательство, рекламщики быстро меняются.

— Наверное, очень интересно работать здесь: мне всегда нравились книги, и я завсегдатай книжных магазинов. А мой брат настоящий ценитель литературы! Кстати говоря, у нас вся семья связана с литературной деятельностью: наша мама, например, занимается изучением английской литературы в Бостонском университете, — я произнес вдохновенную речь, состоявшую из полнейшего вранья.

— Ну, надо же! Редко в наши дни встретишь человека, который так любит книги! — обрадовано воскликнула девушка. — Я работаю секретарем у автора, которого издает наше издательство, ему также принадлежит часть акций фирмы. Так вот, мне часто приходится просматривать его работы, и, знаете, это так интересно: получается, я вижу их даже раньше редактора и корректора! Это просто потрясающее чувство! — восторженно произнесла она.

— Это круто! — закивал я. — Как зовут писателя? Я наверняка его знаю.

— Бенджамин Бакер. Он пишет исследования по современной истории, о разных людях, которые каким-либо образом повлияли на развитие событий в различных сферах жизни. В общем, изучает все,

что связано с историей литературы, и не только с ней, — объяснила девушка.

Это имя мне ничего не сказало, потому как в книжном магазине я не был уже очень давно и не слишком интересовался современной историей и известными личностями, за исключением рэп-исполнителей.

— Да, конечно, я слышал о нем! Мистер Бакер очень известный писатель, вам так повезло работать его личным секретарем!

— Спасибо, я горжусь этим. Чтобы попасть на это место, мне пришлось пройти большой конкурс. Было много достойных соперников, но выбрали именно меня, — гордо сообщила она.

Как только секретарь произнесла последнюю фразу дверь, располагавшаяся рядом с ее столом, распахнулась, и на пороге появился морщинистый, как черепаха, старик. На голове у него красовалась на удивление густая седая шевелюра из слегка вьющихся волос, а фигура была затянута в строгий костюм. Я быстро убрал руку со стола и принял серьезный вид.

— Мисс Миллер, — с задумчивым видом обратился он к девушке за столом.

— Да, мистер Бакер, — со вниманием посмотрела на него девушка, вскочив на ноги.

— Я нигде не могу найти мою записную книжку! Вы не видели, не оставил ли я случайно ее на вашем столе?

Секретарь внимательно оглядела свой стол, на котором царил идеальный порядок, и отрицательно покачала головой:

— Нет, сэр, если бы я ее нашла, то непременно бы вам об этом сообщила!

Мистер Бакер приобрел еще более задумчивый вид. Несколько секунд он молча смотрел на стол маленькими голубыми глазами, а потом развел руками, как будто пытался что-то объяснить:

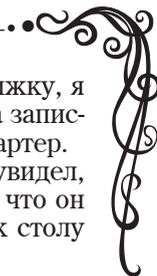
— Она очень маленькая, коричневая, в обложку вделано несколько камней. Это ценный подарок от моего покойного друга! Она мне очень дорога, — слегка хрипловатым голосом сказал он и тут же перевел взгляд на меня. — Вы что-то хотели, молодой человек?

— Нет, я просто спросил у мисс Миллер, который час, — быстро ответил я.

После этих слов мистер Бакер потерял ко мне всякий интерес и снова устался на своего секретаря.

— Мне жаль, но я ее не видела. Может быть, вам стоит посмотреть в кабинете мистера Крауфта? Вы вчера к нему заходили и могли оставить записную книжку там... — предположила мисс Миллер.

— Нет, этого не может быть! Я не могу найти свою книжку с работы! — претенциозно произнес мистер Бакер и, заперев дверь кабинета, направился по коридору в неизвестном направлении.

Когда мистер Бакер начал описывать свою записную книжку, я сразу понял, что оно невероятно похоже на то, как выглядела записная книжка, найденная мной и Марком около дома миссис Картер.

Я повернулся в сторону дивана, на котором сидел Марк, и увидел, что он уже стоял за моей спиной, и по его лицу было видно, что он что-то усердно обдумывал. В ту же секунду он повернулся к столу мисс Миллер и поинтересовался:

— Мы могли бы чем-то помочь?

Секретарь покачала головой и опустила на кресло:

— Думаю, что нет. Мистер Бакер часто теряет свои вещи. Потом он обычно находит их, потому что просто забывает, куда он что положил. Уверена, с записной книжкой будет та же история. Единственное, что меня беспокоит, так это то, что книжка очень дорогая. Ее показывал мне мистер Бакер: он утверждал, что она стоит больше десяти тысяч долларов!

— Ничего себе! — присвистнул я.

— Очень дорогой подарок, — согласился мой брат. — Как она выглядела? Может, мы могли бы ее поискать...

— Мистер Бакер ее правильно описал: очень маленькая, из коричневой кожи, инкрустирована бриллиантами. К ней в комплекте прилагалась ручка, но раз мистер Бакер о ней не упомянул, значит, он ее не терял, — пояснила мисс Миллер. — Спасибо за предложение, — продолжила она, — но, полагаю, мистер Бакер самостоятельно справится со своими проблемами. К тому же, ничего серьезного не произошло, но все равно, спасибо.

— Ну, это как сказать, — тихо произнес Марк, явно намекая на то, что эта самая записная книжка каким-то образом связана с ограблением.

— Что вы имеете в виду? — насторожилась мисс Миллер.

— Просто мистер Бакер потерял очень дорогую записную книжку, а это ужасно! Не могу представить себе таких денег, — пояснил Марк.

— Да, это ужасно, — повторила за ним секретарь.

— Что ж, если наша помощь не нужна, мы, наверное, пойдем, — обратился я к мисс Миллер. — Спасибо, что подсказали координаты мистера Эванса.

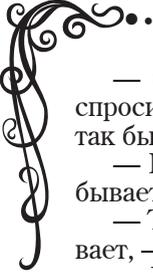
— Пожалуйста, надеюсь, что они вам пригодятся, — улыбнулась девушка.

— До свидания, вы нам очень помогли, — попрощался Марк.

Закончив разговор с мисс Миллер, мы вышли за двери издательства. Тут было немного меньше народа, чем внутри, поэтому мы могли спокойно все обсудить.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — спросил я, повернувшись к брату.

— Если ты насчет того, что только что сказал этот милый дедушка, то, — да, — посмотрел на меня Марк.

— Считаешь, что записная книжка принадлежит Бакеру? — я спросил об этом у Марка просто, чтобы он сказал это вслух. Мне и так было ясно, что он на самом деле думал.

— Конечно! — воскликнул брат. — Таких совпадений просто не бывает.

— Тогда, мы должны пойти и отдать ее ему, он ведь так переживает, — я предложил, на мой взгляд, самый рациональный вариант.

— Нет! — всполошился Марк. — Ты забыл, что миссис Картер ограбили? А если это Бакер сделал? Тогда мы просто отдадим ему в руки вещественное доказательство!

— Не смей меня, Марк! Ему лет семьдесят, не меньше! Я не вижу его в роли грабителя, — усмехнулся я, представив, как несчастный старый мистер Бакер лезет в дом Картер.

— Но ведь замок не был взломан: его просто открыли. Значит, если это сделал Бакер, то у него должны были быть ключи! И никуда лезть ему бы не пришлось, — ответил Марк.

— Хорошо, — кивнул я. — Тогда я скажу, что не вижу смысла в том, зачем ему грабить миссис Картер. Они явно никак не связаны друг с другом, — мне не нравилось, что Марк такой упертый, и хоть в его словах был здравый смысл, мне не хотелось проиграть ему в споре.

— Вот этого мы как раз утверждать не можем! — парировал мой брат.

— Но если мистер Бакер и потерял записную книжку, когда залез в дом к миссис Картер, тогда почему ее не заметил Эванс, который приходил туда со своей книгой? — теперь мне стало интересно, как Марк будет объяснять мои предположения.

— Ты сам ответил на свой вопрос: он ее не заметил, как не заметили и я, и Боб, когда проходили мимо, и только тебе пришло в голову исследовать лужайку, — ехидно закончил свою фразу Марк.

Тут мне в голову неожиданно пришла интересная мысль:

— Слушай, может записную книжку потерял Эванс?

— Это каким же образом? Теперь-то мы точно знаем, что она принадлежит Бакеру!

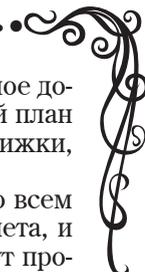
— Но ведь эта книжка не существует в единственном экземпляре. Эванс мог ее купить или случайно взять, когда заходил к Бакеру в кабинет. Они же ведь работают в одном издательстве.

— Да, конечно, — скептически произнес Марк. — Случайно взял записную книжку за десять тысяч долларов. Никогда в это не поверю!

— Может, у Эванса и Бакера были одинаковые записные книжки.

— Том! Подумай сам: чтобы у рекламного агента было столько денег на такую чепуху! Это бред, никогда в такое не поверю, — раскритиковал меня Марк.

— Ладно, что ты предлагаешь? — сдался я в своих попытках переубедить его.

— Я предлагаю отнести книжку в полицию, как вещественное доказательство, и рассказать, что мы выяснили, — изложил свой план Марк. — Так мы и полиции поможем, и избавимся от этой книжки, наконец.

— Ладно, мне твой план нравится, только давай быстрее со всем этим закончим: мне еще сочинение нужно скачать из интернета, и прочитать уже что-нибудь к занятию, иначе у меня снова будут проблемы, — я без колебаний согласился на то, что предложил Марк. И в споре я тоже, можно сказать, выиграл: я хотел отдать записную книжку, правда, не полиции, но какая разница, кому. Версия Марка меня вполне устраивала.

Местное здание полиции располагалось в районе пересечения Форсайт стрит и Ханнингтон авеню. Небольшое кирпичное здание в два этажа, над порогом которого гордо развивался американский флаг, окружало большое количество полицейских машин. Вокруг расхаживали полицейские, которые очень подозрительно на нас посмотрели, когда мы с братом заходили внутрь. Их поведение меня в принципе не особенно удивляло, но только до тех пор, пока мы не прошли к столу дежурного полицейского, который до нашего прихода мирно стучал по клавиатуре. Как только он нас увидел, его рука быстро переместилась на кобуру пистолета, которая был пристегнута на его поясе. И прежде чем мы успели что-либо сказать, он сам начал разговор:

— Чем могу помочь? Вы хотели бы с кем-нибудь поговорить? Простите, могу ли я увидеть ваши документы?

При этих словах все остальные полицейские, находившиеся в участке, напряглись и явно дали нам понять, чтобы мы не делали резких движений.

— Да, мы хотели бы поговорить с детективом, который ведет расследование ограбления дома миссис Картер, произошедшее недавно. У нас есть новые улики по этому делу, — начал Марк. По его голосу я понял, что он нервничал. Я же, в свою очередь, решил просто кивнуть.

— Хорошо, я понял, — ответил коп. — Теперь, пожалуйста, оба предъявите ваши документы.

Мы полезли по карманам, а коп вдруг крикнул:

— Медленно, одной рукой, чтобы я видел!

— Хорошо, а мы в чем-то обвиняемся? — решил спросить я. Честно сказать, меня сильно насторожила их реакция. Наслушавшись рассказов отца о ситуации, сложившейся сейчас во многих полицейских подразделениях, где офицеры готовы схватить за руку любого, кто им не понравился, и обвинить его в чем угодно, я изначально, как только мы с братом сюда пришли, чувствовал себя не комфортно. Сейчас же во мне нарастало сильное волнение, которое грозило скоро перерасти в панику.

Странное поведение полицейских продолжилось до тех пор, пока вышеозначенный офицер не проверил наши документы. Он тщательно сравнил фотографии с нашими лицами, а потом, наконец, убрал ладонь с кобуры и голосом, полным облегчения, обратился к своим коллегам:

— Это не они! — все сразу расслабились и вернулись к своим делам.

Потом он вернул нам документы и с улыбкой объяснил:

— Простите, что мы вас так встретили и заставили понервничать. Сегодня произошло нападение на один из полицейских участков, был убит офицер. Свидетель сказал, что это были двое неизвестных белых парней примерно вашего возраста, поэтому мы очень насторожились, когда увидели вас. Свидетель утверждал, что слышал имя одного из них, когда бандиты общались друг с другом. К счастью, с вашими именами оно не совпадает. К тому же, никто из вас не подходит под фоторобот, который нам прислали, - он указал рукой на доску объявлений, где был приколот листок бумаги с отпечатанными лицами неизвестных ребят. К слову сказать, один из них был совершенно лысым, а у другого на верхней губе был заметный шрам. Очень странно, каким образом нас приняли за этих парней.

— Раз у вас столько информации, то вы должны быстро их задержать, — облегченно выдохнул Марк, наверное, радуясь, что недоразумение благополучно разрешилось.

— Были мобилизованы все наши подразделения, — кивнул офицер.

— Да, мы заметили, — усмехнулся я, припомнив шатавшуюся без дела возле участка толпу полицейских. Как только офицеры убедились, что это не мы с братом убили их напарника, я, наконец, смог расслабиться, а ведь еще минуту назад готов был закричать от ужаса.

Полицейский проигнорировал мое последнее замечание и снова спросил, только более спокойным тоном:

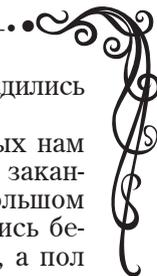
— Хотели бы с кем-нибудь поговорить?

Я решил, что он уже забыл о том, что ему говорил Марк, поэтому напомнил о цели нашего визита.

— Да-да, помню это дело. Его ведет детектив Тейлор. Пройдемте со мной, я вас провожу к нему, — полицейский вышел из-за стойки и направился по коридору мимо многочисленных столов. Мы с Марком прошли за ним и, повернув направо, оказались около открытой двери в кабинет. За столом сидел мужчина, примерно сорока-сорока пяти лет, с короткими темными волосами, одетый в черный пиджак без галстука и черные брюки в тонкую полоску. Он разговаривал с кем-то по телефону. Офицер, который любезно проводил нас, постучал в дверь. Детектив Тейлор поднял глаза и спросил:

— Что-то важное?

— Да, сэр. Эти молодые люди говорят, что у них есть какие-то новые улики по делу о проникновении в дом Картер, - ответил офицер.

— Хорошо, проходите, — он показал рукой, чтобы мы садились на стулья, стоявшие перед его столом.

Закрыв за собой дверь, мы устроились на предложенных нам неудобных пластиковых стульях, а детектив в это время заканчивал разговор. Кабинет был довольно просторный, на большом окне, располагавшемся слева от стола детектива, находились белые жалюзи, стены выкрашены в бледно-бежевую краску, а пол выложен плиткой. Деревянный стол, за которым сидел детектив, был темного, почти черного цвета и занимал много пространства в комнате. На нем были кипы бумаг, по всему столу разбросаны в полном беспорядке разные канцелярские мелочи, а с левого края стола стоял компьютер. Я обратил внимание на сейф, располагавшийся за спиной Тейлора, в углу комнаты. Наверное, именно там он и хранил разные важные доказательства, и, возможно, в ближайшие несколько минут записная книжка, которую мы принесли, присоединится к ним. Позади стульев, на которых устроились мы с Марком, стоял высокий цветок в кадке, чем-то смахивавший на пальму, а рядом с ним, на маленьком стульчике, смешная красная лейка.

Через пару минут мужчина закончил беседу, и обратил внимание на нас:

— Здравствуйте, меня зовут детектив Билл Тейлор. Чем могу помочь? — он откинулся на спинку кожаного кресла и внимательно посмотрел на нас, как будто оценивая наш внешний вид.

— Очень приятно, меня зовут Марк Уиллсон, а это мой брат, Том, — представился Марк. — Нам сказали, что вы ведете расследование дела об ограблении дома миссис Картер, и мы...

— Да, это так, — прервал его Тейлор. — Но официально мы расследуем не ограбление, а проникновение в частную собственность.

— Постойте, но почему? — я вмешался в разговор. — Ведь злоумышленник перевернул в доме все вверх дном, там явно что-то искали.

— Или делали вид, что искали. Ничего не пропало, — отчеканил детектив.

— Но если ничего не пропало, то это не значит, что ничего не хотели украсть! Может, они просто не нашли то, что хотели найти, — не согласился я.

— Это вы так думаете. Мы думаем по-другому, — безо всяких эмоций отозвался Тейлор.

Я хотел высказать детективу свои представления на этот счет, но Марк меня опередил и произнес:

— Мы просто хотели помочь в расследовании. Мы живем за несколько кварталов от миссис Картер, и хорошо знаем семью Браун, которые живут рядом с ней. Так вот, мой брат и его друг, Боб Браун, устраивали вечеринку, и на следующий день, когда мы возвращались

домой, мы заметили на лужайке около дома миссис Картер вот эту записную книжку, — Марк протянул детективу нашу находку. Последний нацепил очки и стал ее изучать. После нескольких секунд он произнес:

— Какова вероятность того, что она принадлежит миссис Картер или ее племяннику?

— Мы интересовались у миссис Картер и у ее племянника: они ответили, что никогда не видели такой записной книжки. Мы нашли ее в воскресенье, утром. И мы предполагаем, что ее мог потерять преступник, — ответил я.

Детектив задумался. Потом отложил записную книжку и, облокотившись руками о стол, нагнулся вперед и поинтересовался:

— Если вы нашли записную книжку в воскресенье, а полиция обнаружила следы проникновения в понедельник, почему вы сразу не отдали книжку полиции? Мне расценивать это, как умышленное укрывательство доказательств и препятствие ведению следствия? Или вы можете как-то все объяснить? — он испытующе посмотрел на нас.

От слов, которые произнес Тейлор, меня переполняло негодование. Мы предлагали ему помощь, а он был готов посадить нас в тюрьму, прямо сейчас!

— Когда мы нашли записную книжку, мы подумали, что ее потеряла миссис Картер, и решили вернуть ее ей, когда она вернется домой. После того, как произошло ограбл..., — Марк запнулся, но через секунду продолжил: — проникновение в частную собственность, мы поинтересовались, не принадлежит ли эта записная книжка ей или ее племяннику. Они оба сказали, что никогда не видели такой книжки. Тогда мы вспомнили, что в воскресенье в дом к миссис Картер приходил рекламный агент, поэтому мы подумали, что это он мог ее потерять. Но сегодня мы выяснили, что записная книжка принадлежит писателю, Бенджамину Бакеру, который работает в одном издательстве с рекламным агентом, мистером Эвансом. Мистер Бакер в субботу потерял свою записную книжку. В тот момент, когда мы это выяснили, нам показалось, что все эти обстоятельства могут иметь отношение к ограбл... проникновению в дом миссис Картер. Поэтому мы пришли к вам, — объяснил Марк. — Мы также выяснили телефон мистера Эванса. Может быть, он вам пригодится, — брат взглядом дал мне понять, чтобы я отдал детективу координаты рекламного агента. Сомневаясь, что Тейлор оценит нашу помощь, я положил на его стол добытый огромными усилиями листок с номером Эванса.

Тейлор усмехнулся и снова откинулся на спинку кресла. Потом потер рукой подбородок и произнес:

— Значит, вы провели свое мини-расследование? Что ж, похвально, похвально. Только это не стоило стольких усилий. Если бы вы

сразу отдали книжку полиции, то мы бы очень быстро выяснили, кто владелец. Я заметил, что она, должно быть, довольно дорогая, или мне показалось? — он снова взглянул на нас.

— Нет, — Марк покачал головой. — Она действительно дорогая, стоит больше десяти тысяч долларов.

— Отлично! Вы выяснили даже ее стоимость! — с иронией в голосе произнес Тейлор. — Так вот, такие книжки не штампуют на заводах в миллионных экземплярах. Узнав, кто производитель, мы бы в тот же день узнали имя владельца: магазин обязательно предоставил бы нам данные о покупателях. Но раз вы уже это выяснили, могу вас обрадовать: вы испортили вещественное доказательство, залапав его своими руками и потеряв по карманам. Теперь нам остается только надеяться, что на ней остались отпечатки пальцев не только ваши и ваших друзей, но и кого-нибудь еще, например преступника, — закончил детектив.

— Но мы же не думали, что она является уликой! — возразил я.

— Все же я дам вам один совет: надо почаще думать, — спокойно, без всякой агрессии, ответил Тейлор.

Пока я молча пытался переварить все то, что сказал нам Тейлор, Марк невозмутимо сидел рядом и следил за действиями детектива. Меня поразила спартанская выдержка моего брата: после того, как с нами обошелся этот, с позволения сказать, детектив, мне совсем не хотелось оставаться в его кабинете ни на секунду. Но, видя, что брат не предпринимал никаких телодвижений, я решил ничего не говорить. К тому же, если Марк собирался с ним беседовать, я был только рад. Пусть избавит меня от такого сомнительного удовольствия.

Тейлор тем временем встал с кресла. Он оказался очень высоким, подтянутым мужчиной. На ремне его брюк блестел полицейский значок, но кобуры на его поясе я не заметил. Детектив прошел к двери и, распахнув ее резким движением руки, прокричал кому-то в коридоре, чтобы некий Торес срочно зашел к нему в кабинет. После чего он развернулся и, посмотрев на нас пристальным взглядом угольно-черных глаз, произнес уже более мягким тоном, чем он разговаривал с нами ранее:

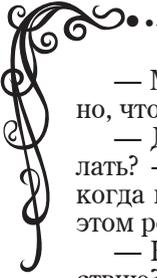
— Сейчас мы возьмем у вас показания и отпечатки пальцев, чтобы исключить вас из числа подозреваемых. Кому-нибудь из вас уже исполнилось восемнадцать лет?

— Да, мне девятнадцать, — ответил Марк.

— Это хорошо, — продолжал Тейлор. — Кому вы еще давали в руки вещественное доказательство?

— Нашему брату, Стефану, — он просто рассматривал ее, — ответил Марк.

— Понятно, — кивнул Тейлор. Он немного подумал, потом снова обратился к моему брату:

— Мне необходимы отпечатки пальцев вашего брата. Желательно, чтобы он пришел сегодня. Он совершеннолетний?

— Да, ему уже двадцать один год. Но может, не надо этого делать? — поинтересовался я, представляя, как «обрадуется» Стеф, когда мы сообщим ему эту новость. А если он еще и расскажет об этом родителям, будет просто кошмар.

— Вы хотите, чтобы я все-таки обвинил вас в препятствии следствию? — невозмутимо спросил детектив.

— Нет, — быстро ответил я.

— Тогда сообщите, вашему брату, чтобы он сегодня же пришел в мой кабинет, — Тейлор вернулся за стол и опустился на кресло.

— Мы сделаем все необходимое, — послушно согласился Марк.

Через секунду в кабинет вошел невысокий коренастый парень с каким-то чемоданчиком в руках.

— Детектив Тейлор, вы меня звали? — спросил он, с интересом поглядывая на нас.

— Да, Ник, пожалуйста, возьми отпечатки пальцев у этих ребят, — Тейлор махнул рукой в нашу сторону. — И задержись сегодня немного, нужно будет взять отпечатки еще у одного свидетеля.

— Хорошо, сэр! Все сделаем в лучшем виде! — с энтузиазмом воскликнул Ник и, поставив чемоданчик на стол, стал вытаскивать из него необходимые ему вещи.

— Это ужасно! Ты представляешь, как мы скажем Стефу о том, что ему нужно сдать отпечатки пальцев? Когда Стеф узнает, что ему надо прийти в участок, он нас убьет! — сокрушался я, пытаясь оттереть чернила с пальцев под струей воды.

Марк молча тер руки мылом. Потом он поднял глаза, посмотрел в зеркало, занимавшее почти всю стену в туалете, находившемся в полицейском участке, вздохнул:

— Звонить Стефу будешь ты, — и повернулся в мою сторону.

— Что?! Никогда! — возмущенно крикнул я.

Подойдя к упаковке бумажных полотенец, я взял несколько и стал вытирать руки. Марк закрыл кран и тоже взял несколько полотенец:

— Если я позвоню Стефу, и сообщу ему, что он должен прийти сегодня в участок, ты скажешь брату о том, что у него возьмут отпечатки пальцев?

Я подумал секунду и кивнул:

— Ладно, так будет честно. По крайней мере, если он убьет меня, то только после того, как прикончит тебя. Я согласен.

Марк засмеялся:

— Думаю, не все так плохо! Подумай, что наш крутой юрист делает с местными полицейскими, и особенно с Тейлором: он же им весь мозг вынесет своими претензиями!

— Это точно, — закивал я. — Хотел бы я посмотреть на это!
— Лучше не надо, — Марк замахал руками. — Если Стефа арестуют на двое суток, то нам не стоит находиться рядом с ним, — захихикал он.

— Ага, и после того, как его выпустят, лучше тоже рядом не оказываться.

— Хороший повод не прогуливать школу! — заметил Марк.

— Я и так не прогуливаю!

— А что ты сегодня делал? У тебя занятия еще не кончились, в то время когда ты со мной встречался. Не забывай, я тоже в школе учился, — ответил Марк, когда мы выходили в коридор полицейского участка.

— Вообще-то, кое-кто, по имени Марк, меня об этом попросил! — ответил я.

— Ты мог отказаться, чего тебе стоило? — Марк посмотрел на меня удивленными глазами.

— Не надо так смотреть на меня! Я же знаю, что ты просто не хотел идти один. К тому же, без меня у тебя ничего бы не вышло. Ты ни за что не выгащил бы из милой мисс Миллер телефон Эванса и не встретился бы с Бакером! — ответил я.

— Думаю, Даниэле будет очень интересно узнать, как именно ты «вытаскивал» из мисс Миллер телефон, флиртуя с ней, — пригрозил Марк.

— Очень смешно! — скривился я.

— Взаимные претензии исчерпаны? — радостным голосом поинтересовался мой брат.

— Да ты просто шантажист! — возмутился я. — И это было только ради нашего общего дела! Эта мисс Миллер! Она же старая и страшная!

— Я уже забыл, кто такая мисс Миллер. Что насчет тебя?

Я недовольно вздохнул:

— Я тоже не помню, чтобы обвинял тебя в несостоятельности!

Марк надулся от злости, но промолчал.

Когда мы вышли из участка, на улице еще не стемнело. Из большого числа полицейских машин, которые были здесь, в то время как мы только пришли, осталось всего две, из чего я сделал вывод, что преступников, скорее всего, задержали, или вскоре задержат. Я опустился на лавку, которая стояла рядом с участком, Марк сел рядом со мной. Была отличная погода, очень тепло. Деревья по-прежнему радовали глаз своими огненными кронами, а в воздухе почему-то пахло свежей выпечкой. Потом я вспомнил, что буквально в нескольких домах отсюда находилась булочная, и мне сразу захотелось есть.

Марк позвонил Стефу и рассказал обо всем, что с нами сегодня произошло. Когда он сообщил брату, что ему надо приехать сегодня в полицию, его крики были слышны даже мне. А после того, как он,

уже от меня, узнал о том, что нужно сдать отпечатки пальцев, он спокойно пообещал убить нас, когда увидится с нами вечером. Марк продиктовал Стефу адрес и он, по крайней мере, пообещал приехать.

Пока Марк заканчивал разговор со Стефом, я позвонил Бобу, чтобы рассказать о своем участии в полицейском расследовании. Узнав, что у меня снимали отпечатки пальцев, Боб сразу вспомнил сюжеты многочисленных боевиков, которые он смотрел, и сказал, что, так хорошо начав, скоро мы должны заняться разборками с мафией. Еще он радостно сообщил мне, что сегодня, после шести вечера, приезжала его сестра, которая училась в Англии. Его сестру зовут Гвэнет, сейчас ей двадцать два года. Но я ее видел всего пару раз, семь лет назад, и почти не помнил, как она выглядела. Последние три года старшей школы она тоже заканчивала в Англии и там же поступила в университет. Она несколько раз в год приезжала на протяжении этого времени в Бостон, но я с ней ни разу не встретился. Поэтому на предложение Боба зайти сегодня к нему домой, чтобы познакомиться с Гвэнет, я с радостью согласился. Боб предложил мне взять с собой Марка, и я пообещал спросить его об этом.

После этого я позвонил Даниэле. Когда она узнала о неприятной процедуре, проделанной над нами полицейскими, она с дрожью в голосе пыталась выяснить, во что мы вляпались. Пока я разговаривал с Даниэлой в течение минут двадцати, Марк начал подавать мне сигналы о том, что уже готов застрелиться, только бы не слышать моих сюсюканий с Даной.

— Марк, не хочешь составить мне компанию? Боб пригласил меня на вечеринку: сегодня приезжает из Англии его сестра. Познакомишься с Гвэн, ты же с ней вроде еще не встречался, — обратился я к брату, после того, как закончил разговор.

Марк помялся немного, было видно, что ему не очень хотелось идти со мной, но отказаться ему было неудобно, поэтому он кивнул:

— Да, конечно, пойду.

— Отлично! — обрадовался я. — Если мы сейчас поедem к Бобу, то будем у него дома где-то к половине шестого.

Мы пришли к Бобу как раз в то время, какое и запланировали. Когда мой друг открыл дверь, нам навстречу вместе с ним выскочила взерошенная женщина лет пятидесяти пяти. Она явно не ожидала нас увидеть, и сразу обратилась к Бобу:

— Бобби, кто эти замечательные молодые люди? — она осмотрела нас с головы до ног и расплылась в широкой улыбке. На голове у нее было что-то типа «вороньего гнезда», а довольно объемная фигура была затянута в чересчур обтягивающий костюм лимонного цвета.

— Тетя, познакомься — это мои друзья: Том, — Боб показал рукой в мою сторону, — а это его брат, Марк, — Боб представил и моего брата. — Это моя тетя, миссис Ричардсон!

— Очень приятно, миссис Ричардсон! — я пожал протянутую ею руку.

— Здравствуйте, приятно познакомиться, меня зовут Марк, — брат тоже пожал руку тете Боба.

— О, — издала возглас женщина, — какой импозантный молодой человек! — грудным голосом проворковала она.

Я не выдержал и засмеялся. За что был сразу награжден довольным взглядом моего друга и непонимающим — его тети. Марк же при этом высказывании немного покраснел и смутился. Миссис Ричардсон тем временем ухватила его под руку и потащила по направлению к кухне:

— Давайте я покажу вам дом, Марк! Он такой большой, такой красивый...

— Я уже здесь бывал, — пытался отбиться от нее Марк. Он посмотрел на нас через плечо, и весь его вид говорил, что он не понимал, что сейчас происходило. Мы с Бобом выразили полное удовлетворение ситуацией, показав большие пальцы рук.

— Твоя тетя производит сильное впечатление! — засмеялся я, наблюдая за тем, как фигуры Марка и миссис Ричардсон исчезли за углом коридора.

— И не говори! Она очень импозантная! — подтвердил Боб.

— Пстой! — меня осенила страшная мысль. — Миссис Ричардсон, она... что, получается мать Майка? Сестра твоего отца?!

Боб засмеялся, облокотившись ладонями о колени:

— Друг, у тебя такое лицо, как будто ты приведение увидел!

— Нет, серьезно! — не успокаивался я.

— Да, — ответил Боб. — Она мама Майка. Что в этом такого? Ну, кроме того, что она очень импозантная.

— Ну, если кроме этого, то — ничего, — улыбнулся я.

Я прошел в гостиную вместе с Бобом, где увидел, что миссис Ричардсон не одна приехала встретить Гвэн. В комнате крутилось много мужчин и женщин разных возрастов. Также я заметил в толпе лиц Майка, чью маму мы только что встретили в холле. Он, увидев меня, с улыбкой помахал мне рукой. Я послал ему ответный жест. Родственники украшали помещение, развешивая воздушные шары, серпантин, разноцветные флажки и мишуру. На головах некоторых из них были надеты набольшие бумажные колпаки, и как только мы появились на пороге, на наши головы сразу же опустились точно такие же. Я обернулся и увидел невысокую, голубоглазую блондинку, примерно двадцати пяти лет. Она широко улыбнулась и представилась:

— Меня зовут Сэм, я двоюродная сестра Боба и Гвэн!

— Привет, меня зовут Том, — с улыбкой ответил я. — Я друг Боба.

— Боб много про тебя рассказывал, — сказала Саманта.

— Да, мы лучшие друзья, — я положил руку Бобу на плечо, мой товарищ поделал то же самое и важно закивал головой.

— Вообще, я пришел сюда со своим братом, Марком, но миссис Ричардсон уже успела его увести! — засмеялся я.

Саманта усмехнулась:

— Не удивительно, тетя Марта еще та штучка! Была бы она моложе, она бы не только Марка, но и тебя увела! Приятно встретиться с тобой, потому что я много про тебя слышала от Боба! Мне надо еще украсить гардину, так что встретимся позже! – Сэм помахала нам рукой и быстрым шагом направилась в сторону окна.

Я познакомился с большой семьей Боба, которую составляли дяди, еще одна тетя, бабушки, дедушки, и еще несколько родственников, чей статус я так и не понял. Также встретить Гвэн приехали несколько ее школьных друзей, которые учились с ней в Бостоне, и близкие друзья семьи. Всего на вечеринке присутствовало больше двадцати человек, не считая нас с Марком.

Через некоторое время в комнату влетела миссис Ричардсон, таща за собой Марка с совершенно несчастным лицом. Она огласила комнату громовым голосом:

— Приехала Гвэнет!!!

В комнате сразу усилилась активность, все стали метаться из стороны в сторону, кто-то быстро погасил свет. Я заметил как Марк, воспользовавшись моментом, ускользнул от миссис Ричардсон, и через пару секунд был уже рядом со мной.

— Том, – простонал брат. — Это было ужасно!

Я усмехнулся:

— Зато ты не был обделен женским вниманием.

Марк только покачал головой.

Родственники растянули большой плакат, который по краям был приклеен к длинным деревянным брускам. На нем большими разноцветными буквами было написано: «Гвэн, с возвращением домой!». Держать его поручили дедушке Гвэн и ее дяде.

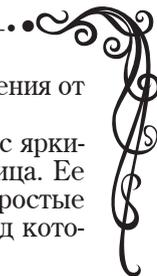
Все замерли в ожидании, стараясь ни чем не выдать своего присутствия, когда услышали, как в замке повернулся ключ, и открылась входная дверь. Потом раздались голоса родителей Боба, и голос Гвэнет. Все ждали, когда она зайдет в гостиную, но из коридора слышался голос:

— Я поднимусь к Бобу. Он, наверное, меня ждет!

Боб, услышав это, не упустил возможности прокомментировать мне на ухо, как его любила сестра.

— Гвэн, отнеси, пожалуйста, в гостиную эти сумки, - предложил ей женский голос, должно быть, это была мама Боба и Гвэн.

— Да, конечно, — послышалось шуршание пакетов, а потом шаги по направлению к комнате, в которой мы находились. Как только Гвэн оказалась на пороге гостиной, ее бабушка, миссис Браун, очень милая женщина, включила свет. Гвэн застыла в дверях, увидев огромную толпу народа, которая стала скандировать ей «Добро пожаловать»

домой!». Потом она рассмеялась, и стала принимать поздравления от родных и друзей.

Гвэн оказалась среднего роста, очень худой блондинкой, с яркими карими глазами, светлой кожей и округлыми чертами лица. Ее волосы были подстрижены ровно до плеч, одета она была в простые темно-голубые джинсы и вязаную кофту на пуговицах, из-под которой виднелась белая футболка.

После того, как Гвэн обнялась и поцеловалась со всеми своими родными, в том числе и с Бобом, который на радостях схватил Гвэн в охапку и немного подкинул ее вверх, мы с Марком тоже подошли поздравить ее. Боб, заметив нас, представил в начале меня, потом и моего брата.

— Очень приятно, — Гвэн пожала нам руки. — Я слышала о вас от Боба. Даже удивительно: вы дружите с ним уже восемь лет, а мы с вами только встретились!

— Не надо было уезжать в Англию, сестричка, — Боб в шутку пригрозил ей пальцем.

— Тяжело быть столько времени далеко от дома, — с грустью произнесла Гвэн.

— Зато сколько радости, когда снова встречаешься с родными и друзьями, — заметил я.

— Да! Это потрясающее чувство! — согласилась с улыбкой Гвэн. — Но и диплом Лондонской школы экономики мне тоже пригодится!

Тут оживился Марк:

— Ты закончила LSE ¹?! — воодушевление вперемешку с восхищением ясно отразилось на лице моего брата. — Я мечтаю получить там второе образование!

Гвэн с гордостью подтвердила:

— Да, я получила степень бакалавра. Конечно, могла бы закончить и магистратуру, но я не вижу в этом большой необходимости.

— Там действительно так круто, как все говорят? — у Марка в глазах загорелся огонек. — Я слышал про их библиотеку: больше тридцати миль полок – это фантастика!!!

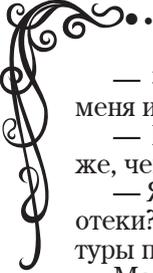
— Я тоже была поражена, когда увидела все своими глазами! — энергично закивала Гвэн. — Если ты видел фотографии, то знаешь, что там такие большие винтовые лестницы, все расположено как бы по кругу. И это производит огромное впечатление!

— Как бы я много отдал, чтобы хотя бы побывать там, – завистливо вздохнул Марк.

Гвэн воодушевленно воскликнула:

— Точно! У меня же есть фотографии и видео! Я тебе сейчас все покажу!

¹The London School of Economics and Political Science (Лондонская школа экономики и политических наук)

— Это было бы круто! — заулыбался Марк, совсем забыв про меня и Боба.

— Как приятно встретить человека, который интересуется тем же, чем и ты! — заметила Гвэнет.

— Я с тобой согласен, — ответил Марк. — Так что насчет библиотеки? Я слышал, что в LSE самый большой раздел русской литературы по экономике...

Марк и Гвэн уселись на диван, где стали рассматривать фотографии и видео с ноутбука Гвэнет. Мы с Бобом поняли, что им до нас не стало никакого дела, поэтому присоединились к друзьям Гвэнет, которые собирались устроить небольшую дискотеку. Мама Гвэн принесла закуски и напитки, кто-то включил музыку. Вечер прошел очень быстро и весело. Мы с Бобом изображали что-то типа «диких танцев», кривлялись, шутили и смеялись друг над другом. У Гвэн оказались очень веселые друзья, и в их числе было и двое ребят, что меня обрадовало.

Вскоре к нам прибежала радостная Гвэн и, схватив меня и Боба за руки, потянула к столу, где были расставлены еда и напитки. Недалеко от него уже стоял Марк и бабушка Гвэн и Боба, миссис Браун. Он что-то объяснял ей, показывая на фотоаппарат. За нами подтянулись и все остальные. Все постарались разместиться так, чтобы поместиться в кадр, потому что гостей было очень много. Миссис Браун сфотографировала нас пару раз всех вместе.

Потом Боб, большой любитель быть замеченным на любой фотографии, начал фотографироваться со всеми по очереди. Пока Боб занимался своим любимым занятием, у меня зазвонил телефон. На дисплее высветился номер мамы. Посмотрев на часы, я вздохнул: было почти девять вечера, а значит, меня весь день не было дома, и мама наверняка хотела поинтересоваться, чем я был так занят, что не смог даже заглянуть домой на пару минут. Выйдя в коридор, где было немного тише, чем в гостиной, я взял трубку. Мама, как я и предполагал, строгим голосом поинтересовалась, где я шатался.

— Мам, приехала сестра Боба: я рассказывал вам с папой, — она училась в Англии! И Боб пригласил нас с Марком на небольшую вечеринку, — объяснил я.

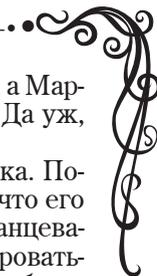
— Мог хотя бы позвонить, — вздохнула мама. — Стефан приехал домой и очень волновался за вас с Марком, поэтому попросил меня позвонить вам.

Я усмехнулся: скорее уж Стеф так на нас злился, что не смог набрать мой номер.

— Он уже приехал домой? — я постарался изобразить удивление.

— Да, представь: даже ваш брат пришел раньше вас! — укоризненным тоном произнесла мама.

— Ладно, мам, мы уже скоро будем уходить, — я решил ее немного успокоить.

— Это правильное решение: завтра тебе надо идти в школу, а Марку — в университет, — закончила мама и положила трубку. Да уж, железный повод, чтобы уйти с вечеринки!

Я засунул телефон в карман джинсов и решил найти Марка. Походив по гостиной, я его нигде не нашел. Вначале я подумал, что его опять схватила миссис Ричардсон, но тут же увидел, как она танцевала с папой Боба. Я подошел к другу, который стал фотографироваться со всеми по второму кругу. Увидев меня, он расплылся в улыбке и радостно закричал:

— Том! С тобой я еще не сфоткался!

Я с удовольствием сфотографировался с Бобом, пару раз скорчив смешные рожи, от чего он пришел в полный восторг.

— Слушай, не видел моего брата? Нигде не могу его найти! - поинтересовался я у Боба, когда он с восхищением просматривал только что сделанные снимки.

Тот пожал плечами:

— Он вроде бы сидел на диване с Гвэн.

— Боб! Это было больше часа назад!

— Правда?! — удивился он. — Я даже не заметил, как время прошло! Тогда не знаю.

— Мне мама звонила: пришел Стеф, и он явно очень сердит на нас. Поэтому нам надо домой, — пояснил я.

— Может, останетесь у нас на ночь? — предложил Боб. — У меня в комнате места вам вполне хватит.

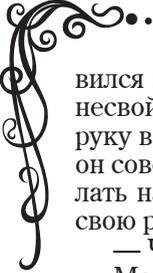
— Я бы остался, если бы не Стеф: он нас порвет на клочки, если мы не явимся сегодня домой, — ответил я.

— Точно! — закивал Боб. — Я же забыл про отпечатки пальцев.

— Именно, — я похлопал его по плечу. — Пойду, найду Марка!

— Удачи, друг! До завтра, — Боб махнул мне рукой и направился фотографировать кого-то еще.

Я вышел в коридор, и, достав телефон, позвонил Марку. Вообще, его поведение меня удивило. Обычно, он никуда надолго не отлучался, постоянно крутился со мной, а сейчас его нигде не было. Пока я ждал, когда он возьмет трубку, мне пришла мысль, что он мог уже уйти домой. Но когда он сбросил мой вызов, я выпал в осадок. Марк никогда так не поступал, только если он ни сидел на лекции, или ни отвечал на экзамене. Я решил, быть настойчивым и добраться до него любым способом. Отправив ему сообщение с текстом: «Ты где? Приехал Стеф, нам надо идти домой», я с интересом стал ждать его ответа. Через минуту пришло его ответное сообщение: «Подожди меня, я скоро буду». Я сел на диван, стоявший в холле, и подумал, что с Марком явно что-то произошло. Пока я размышлял по этому поводу, перебирая возможные причины его странного поведения, Марк написал мне еще одно сообщение, в котором говорилось, что он ждал меня на улице. Я вскочил с места, и быстрым шагом напра-

вился к выходу. На улице, недалеко от порога дома, стоял Марк в несвойственной ему расслабленной позе, при этом он держал одну руку в кармане и улыбался до ушей. На его лице было написано, что он совершенно счастлив и ему наплевать на то, что с нами хотел сделать наш старший брат. Подойдя к нему ближе, я, стараясь скрыть свою растерянность, полюбопытствовал:

— Что ты здесь делаешь?

Марк, как очнувшись ото сна, посмотрел на меня горящими глазами и произнес:

— Ничего.

Я с удивлением уставился на него и пожал плечами:

— Как это ничего?! Ты просто так тут стоял?

Брат, сжимая в одной руке телефон, не моргнув глазом, сообщил:

— Да, немного устал и решил прогуляться! Это что, запрещено?

Я с подозрением покосился на него, но ничего не сказал. Наверное, Марк сошел с ума. Что ж, значит, разговаривать со Стефом придется мне одному.

Половину пути до дома Марк шел молча, с глупой улыбочкой на лице. Было темно, но когда мы проходили мимо фонарей и на лицо брата падал свет, я мог ясно различить, что Марк погружен в себя и улыбался каким-то своим мыслям. А я все размышлял, что могло произойти с моим братом, чтобы он начал так странно себя вести. Еще меня волновало, как мы будем объясняться с нашим старшим братом. Его настроение явно оставляло желать лучшего, если он даже попросил маму позвонить нам. Обычно он никогда не интересовался, когда я приду, или что я делал. К тому же, он позвонил бы мне сам, а раз Стеф не сделал этого, значит, он невероятно зол.

— Сейчас на улице так красиво! — с восхищением произнес Марк.

— Марк! Скажи мне, с чего ты вдруг так себя ведешь? Это совсем не похоже на тебя.

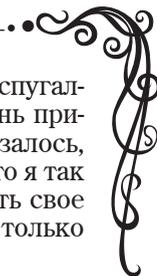
Брат повернулся ко мне и, «посверлив» меня насквозь взглядом голубых глаз, ответил:

— Я невероятно впечатлен рассказом Гвэн о Школе экономики!

— Ах, вот оно что! — догадался я. — Значит, теперь ты хочешь бросить свой университет ради какой-то школы экономики? Ты не забыл, сколько стараний ты приложил к тому, чтобы там учиться? Не забыл, как ты радовался, когда поступил? А сейчас ты решил все бросить и ухать в Англию?!

Марк с сомнением посмотрел на меня:

— С чего ты это взял? Я такого не говорил. Мне просто очень понравилось то, что рассказывала Гвэн об этом университете, но это не значит, что я собираюсь туда поступать! К тому же, это слишком дорого стоит, и вряд ли родители согласились бы заплатить столько денег ради моей прихоти.

Я вздохнул с облегчением. Если признаться честно, то я испугался, что Марк и, правда, хотел уехать в другую страну. Я очень привязан к нему, хотя и старался этого не показывать. Мне казалось, что он обязательно бы поднял меня на смех, если бы узнал, что я так сильно переживал по этому поводу, поэтому решил высказать свое мнение в такой форме, чтобы он подумал, что я беспокоился только о его учебе в университете, а не о его переезде.

— Правильно! — поддержал я Марка. — Гвэн точно тебе все украсила! Она просто хотела представить свой любимый университет в выгодном свете.

— Совсем нет! Школа экономики на самом деле очень хорошее место для обучения: многие мои друзья тоже мечтают поступить туда, — не согласился Марк.

Я промолчал. Мне все равно никогда не понять такой тяги к обучению, которая присуща моему брату. Я еще не задумывался, куда собираюсь поступать после окончания школы, хотя я проучился в старших классах уже два года. Папа постоянно пытался заставить меня учиться лучше, некоторое время назад он даже придумал систему поощрения: если я получал хорошую оценку за тест или сочинение, то отец давал мне двойную сумму карманных денег. Но система быстро перестала работать, потому как хороших оценок я все равно не стал получать больше, чем раньше, да и прежних карманных денег мне вполне хватало. Марк же и безо всяких поощрений готов был выучить «Экономикс» наизусть.

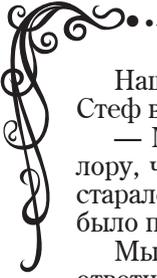
— Ты уже решил, что мы скажем Стефу? — я решил перевести наш разговор на другую тему, которая была мне не менее интересна.

Марк покачал головой. Он постарался принять серьезный вид, что являлось его обычным состоянием, и произнес:

— Пока нет, но я думаю, что он сможет нас понять: тащить его в участок, чтобы снять отпечатки пальцев, было не нашей идеей, а жизненной необходимостью!

— Ты прав, хотелось бы, чтобы он не очень сильно на нас орал, — с надеждой ответил я.

Мы оказались дома в половину десятого и как только вошли в дверь, на нашем пути материализовался Стеф, одетый в домашние брюки и растянутую майку. Он смотрелся очень забавно, учитывая, что его лицо выражало сильное раздражение. Я постарался сдержать улыбку, а Марк с безразличным выражением лица прошел на кухню. Стеф молча показал мне рукой, чтобы я шел за ним, что я и сделал. Усевшись за стол, мы с Марком дождались, пока брат закрыл дверь и расположился за столом напротив нас. Я решил ничего не говорить, пока Стеф не спросит меня о чем-нибудь. И идея отнести книжку в полицию изначально была высказана Стефом, поэтому я подумал, что он сам во всем виноват.

Наше молчаливое созерцание друг друга продлилось не долго. Стеф внимательно посмотрел на нас и сказал:

— Мне очень интересно узнать, что вы наптели детективу Тейлору, что он потребовал отпечатки пальцев даже у меня? — он постарался произнести фразу как можно спокойнее, но по его голосу было понятно, что он делал над собой огромное усилие.

Мы с Марком переглянулись, и мой брат, сама невозмутимость, ответил:

— Мы просто отдали ему записную книжку и сказали, что ты тоже к ней прикасался. Мы хотели, чтобы у тебя не было проблем, и чтобы полиция как можно скорее раскрыла ограбление.

— Во-первых, у меня не было проблем. Во-вторых, это было не ограбление, а проникновение в частную собственность. И, в-третьих, с чего вы вообще взяли, что эта записная книжка может иметь ко всему этому какое-то отношение? — Стефан посмотрел вначале на Марка, потом на меня.

— Мы выяснили, что книжка принадлежит писателю, Бенджамину Бакеру, а он работает в издательстве вместе с рекламным агентом, Брэдом Эвансом, который приходил в воскресенье домой к миссис Картер, — пояснил Марк. — Поэтому мы подумали, что тот, кто потерял книжку, может быть связан с местом преступления.

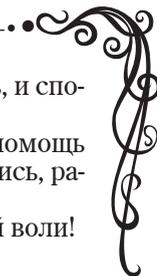
— Ты должен нас понять! Ты же будущий адвокат! — влез я в тираду Марка.

— Знаете, что? — выдохнув, ответил Стеф. — Мне испачкали все руки чернилами, потом я никак не мог их отмыть! Я просто не могу понять, почему я сам сразу не отдал эту книжку полиции, чтобы избавить себя от сомнительного удовольствия наблюдать, как полицейский, расследующий преступление, будет снимать у меня отпечатки пальцев! Мне еще не хватало, чтобы меня приняли за преступника из-за того, что мои братья возомнили себя детективами! — крикнул он.

— Мы не мнили себя никакими детективами! — возмутился я. — Это больше по твоей части. К тому же, ты сам предложил нам поступить именно так, мы просто слушали тебя.

Стеф, недовольный тем, что я обвинил во всем его, набрал в грудь больше воздуха, чтобы начать кричать с большей силой, но его перебил Марк:

— Слушай, Стеф! Ведь ничего страшного на самом деле не произошло! У тебя просто сняли отпечатки пальцев, как и у меня, и у Тома. Они ни в чем нас всех не обвиняют, и сделали это только для того, чтобы исключить нас из числа подозреваемых. Своим поступком ты очень помог полиции в установлении личности преступника, — Марк решил надавить на тщеславие Стефа, которое у него присутствовало в избытке.

Стеф задумался над его словами, потом поднял одну бровь, и спокойным голосом произнес:

— Действительно! Я и в самом деле оказал неоценимую помощь полиции, явившись в участок добровольно. Они бы с ног сбились, расклевывая человека, которому принадлежат эти отпечатки.

— Именно, — поддакнул я. — Ты настоящий посол доброй воли!

Стеф встал из-за стола и усмехнулся:

— Ладно, считайте, что я уже не злюсь. И чернила, кстати говоря, отмылись довольно быстро.

— Вот видишь, все прошло отлично, — заулыбался я, встав вслед за братом.

Стеф вышел в коридор и скрылся за дверью гостиной, мы с Марком остались на кухне одни. Не успели мы с братом перевести дыхание после напряженного разговора, как тут же пришла мама, и стала расспрашивать нас, не поругались ли мы с братом. Она всегда переживала из-за наших ссор, ей почему-то казалось, что если мы поругались — то навсегда, если не разговаривали друг с другом — то больше никогда не обмолвимся словом. Хотя на самом деле это совсем не так. Мы постоянно выясняли отношения, но происходило это только из-за того, что мы очень разные, у каждого из нас своя точка зрения на любое событие, но все это не уменьшало наших братских чувств друг к другу. Однако маме объяснить это было невозможно.

— Мальчики, вы опять поругались? — в мамином голосе слышалось беспокойство, но она старалась придать себе невозмутимый вид.

Марк улыбнулся:

— Наоборот: мы снова повысили самооценку Стефа!

— Да, но только если ей еще есть, куда расти, — заметил я.

— Вы постоянно подшучиваете над Стефаном! — вдруг сказала мама. — За это он на вас обижается, и становится раздражительным. Ведь ваш брат так за вас переживает!

Я засмеялся. Мама явно все поняла совсем не так, как было на самом деле. Скорее, Стеф постоянно подкалывал нас, но мы же не становились раздражительными.

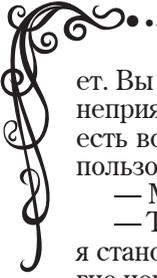
— Том! — мама повернулась в мою сторону. — Ты совсем не можешь ничего серьезно воспринимать! Когда ты уже повзрослеешь?

Я удивленно уставился на маму: она что, шутит?

— Вообще, мне всего шестнадцать, и я не думаю, что мне срочно надо взростеть, — скривился я. — Пока мне и так очень даже не плохо!

Марк тоже засмеялся. Не знаю, что его рассмешило больше: нравоучения мамы или мои комментарии. Мама повернулась к Марку и, увидев, что он тоже хохотал, вздохнула:

— Похоже, что вы еще совсем не выросли! Но знаете, — она обняла нас за плечи и поцеловала каждого в лоб, — меня это даже раду-

ет. Вы еще успеете устать решать взрослые проблемы, встречаться с неприятными вам людьми и наслушаться полной чепухи. Пока у вас есть возможность быть беззаботными и такими веселыми, надо использовать ее на полную катушку!

— Мам, ты сегодня говоришь странные вещи! — смеясь, сказал я.

— Ты думаешь? — спросила мама. Я согласно кивнул. — Наверно, я становлюсь старой, и на меня накатывает ностальгия и всякие другие непонятные чувства, — задумчиво ответила она.

Марк высвободился из маминых объятий и включил телевизор. По кухне разнесся визгливый голос ведущего, который в это время всегда ведет местные новости.

— О, этот мистер Свит! — воскликнула мама, наливая себе кружку кофе.

Мистер Свит — маленький, щекастый толстяк с реденькими волосами и бусинками-глазами — усердно вещал о покраске какого-то административного здания на Стейт стрит, о пропаже пяти тысяч долларов из кассы универсама недалеко от станции метро Бродвей и об успешном задержании подростков, которые напали сегодня на полицейский участок и убили офицера.

— Их все-таки задержали! — обрадовался Марк, услышав последнюю новость из телевизора.

— Откуда вы знаете о нападении на полицейский участок? Днем ничего об этом не передавали, — не поняла мама.

Я сказал маме, что мы с Марком проходили мимо участка как раз в тот момент, когда происходило нападение, и что нас попросили дать показания в полиции, потому что мы мельком видели нападавших. Марк молча выслушал мою историю и, к счастью, ничего не сказал.

— Боже мой! — мама опустила на стул с круглыми от испуга глазами. — Как же вы там оказались? Свит только что сказал, что нападение произошло в час дня, а ты, Том, должен был быть в школе, а ты, — мама кивнула в сторону Марка, — в университете! Уму непостижимо, что вы там делали?!

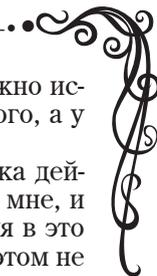
Мы с Марком переглянулись. По лицу брата я понял, что он предпочитал промолчать, поэтому все объяснять пришлось мне.

— Понимаешь, мам, мы с Марком встретились, чтобы купить билеты на футбол, скоро будет игра, — медленно произнес я, наблюдая за тем, как мама отреагирует.

— По интернету нельзя было этого сделать? — с недоверием посмотрела на меня мама.

— Нет! — интенсивно замотал головой Марк. — Осталось уже мало билетов, поэтому по интернету уже нельзя их бронировать, и нам пришлось отстоять очередь, чтобы их купить.

— Получается, вы прогуляли занятия? — прищурившись, спросила мама.

— Что ты! Конечно, нет! — я постарался ответить как можно искреннее. — У меня сегодня занятия были до половины первого, а у Марка отметили последнюю пару.

Марк согласно кивнул. Отчасти я говорил правду: у Марка действительно отменили последнюю пару, поэтому он позвонил мне, и мы с ним встретились около двух часов. Правда, мои занятия в это время еще не закончились, но маме будет легче, если она об этом не узнает.

— Знаешь, это было как в боевике: нас допрашивали, мы даже помогали составлять фоторобот! — продолжал сочинять я. — Так что, мы оказали большую помощь в поимке преступников!

— Вы у меня такие храбрые, — успокоившись, с улыбкой ответила мама. — Только обещайте, что будете осторожными, ведь эти преступники, когда убежали, могли ранить и вас!

— Конечно, можешь за нас не беспокоиться, — важно пообещал Марк.

По телевизору тем временем Свит продолжал бесконечный поток новостей. Когда я их смотрел, мне даже не верилось, что за один день могло произойти столько событий только в одном городе!

— Сегодня вечером был задержан Брэд Эванс, который работал рекламным агентом в издательстве «Art Magazine». Молодой человек подозревается в многочисленных кражах у сотрудников издательства. Подозрение на него пало после того, как у одного из редакторов издательства пропала ручка с золотым пером, и он утверждал, что кроме Эванса никто не мог этого сделать. После заявления в полицию и проведения различных процедур, полицейские получили ордер на арест мистера Эванса сегодня вечером, после чего и было произведено его задержание. Сейчас Эванс находится под стражей, но судья может выпустить его под залог до вынесения решения суда. Слушание по этому делу ожидается через несколько недель, следите за нашими выпусками, наша команда всегда первая там, где «горячие» новости! — Свит улыбнулся мерзкой улыбкой и переключился на рассказ о нападении собаки на пожилую женщину.

Услышав эту новость, я очень удивился. Только несколько часов назад секретарь сказала нам, что Эванс находился на презентации новой книги, а уже сейчас по телевизору передали, что о его задержании по подозрению в ограблении. Правосудие настигло его очень не вовремя, по крайней мере, для него. Но если Эванс действительно совершил все кражи, в которых его подозревали, может и записную книжку украл он? Это объясняет то, как она оказалась недалеко от дома миссис Картер, ведь Эванс приходил к ней как раз перед нашим визитом.

Решив узнать у брата, что он думал обо всем этом, я позвал Марка и показал рукой в сторону коридора. Он кивнул. Пока мама с ужасом

смотрела жуткие кадры с участием собаки, мы с Марком вышли из кухни и закрыли за собой дверь.

— Слушай, что ты думаешь насчет того, что сейчас сказал этот Свит? — спросил я с неподдельным интересом.

Марк положил руки в карманы и, вскинув брови, ответил:

— Мне пришла мысль, что Эванс мог украсть записную книжку у Бакера и потерять ее, когда он приходил к миссис Картер, перед тем, как к ее дому пришли мы. В этом случае он не имеет никакого отношения к ограблению миссис Картер, либо... Но, знаешь, это просто предположение, и доказать его я никак не могу...

— Давай, говори! Я — не противный Тейлор из полицейского участка, и ни в чем обвинять тебя не собираюсь, — нетерпеливо поторопил его я.

— В общем, я подумал, что Эванс мог потерять записную книжку и раньше утра воскресенья, когда мы ее нашли. Другими словами, в субботу, ночью, когда и была ограблена миссис Картер. Если рассуждать так, то выходит, что Эванс...

— ...и есть тот самый загадочный вор, который ничего не украл, но перевернул весь дом вверх дном, — закончил за него я.

— Именно, — согласно кивнул Марк. — Но тогда не понятно, какие мотивы были у него? Для чего он все это затеял? Ведь миссис Картер с ним даже не знакома! К тому же, листовка на ее двери, говорит о том, что Эванс все-таки приходил к ней в воскресенье, — развел руками Марк.

Я хотел ответить ему, но мне помешал отец, который в этот момент вошел в дом. Он устало поставил свой черный кожаный портфель на пол и прихлопнул створку двери.

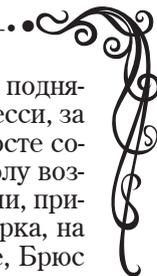
— Привет, пап! — мы с Марком в один голос поприветствовали отца.

— Как прошел день? — поинтересовался я.

Отец подозрительно посмотрел на нас, явно пытаясь понять, что мы делали в коридоре рядом с закрытой дверью кухни, но просто ответил, что все нормально, и он немного устал. Сняв ботинки, он прошел мимо нас в гостиную, где стал о чем-то разговаривать со Стефаном.

— Ты что-то хотел сказать? — снова обратился ко мне Марк.

— Да, — ответил я. — Может, пойдем к тебе в комнату? — предложил я. Мне совсем не хотелось, чтобы отец услышал наш разговор. Если бы он узнал, что мы были в полицейском участке, о том, что у нас снимали отпечатки пальцев, что, возможно, подозревали в проникновении в частную собственность, и что мы самостоятельно пытались отыскать человека, которому принадлежала записная книжка, стоимостью в десять тысяч долларов, он бы точно устроил скандал и посадил нас под домашний арест. Поэтому оставалось только надеяться, что Стеф пощадит нас и ничего не расскажет о происшедшем отцу.

Марк, поняв, куда я клоню, не стал спорить, и мы быстро поднялись на второй этаж, к нему в комнату. За нами прибежала Ресси, за которой вприпрыжку скакал Брюс, пытаясь повиснуть на хвосте собаки. Ресси радостно подбежала ко мне и, устроившись на полу возле кресла, на котором я сидел, положила голову мне на колени, призывая меня погладить ее. Брюс же запрыгнул на кровать Марка, на которой последний и находился. Растянувшись на покрывале, Брюс хитрым взглядом смотрел на Ресси, а она старалась не подавать вида, что заметила это, и поэтому потихоньку косила одним глазом в его сторону. Было забавно все это наблюдать, и мы с Марком немного повеселились, следя за животными.

Комната Марка немного меньше моей. В отличие от меня, он совершенно не утруждал себя наведением порядка. Хотя и я тоже не очень любил это занятие, все же мне никогда не догнать моего брата в умении устроить такой бардак, который царил в его комнате. Особенно это касалось его письменного стола: он всегда был завален кипами бумаг, стопками книг, обертками из-под конфет, пустыми пакетами чипсов и всякими мелочами, типа шариковых ручек. К слову сказать, в платяном шкафу Марка тоже жуткий завал из вещей. Наверное, поэтому он никогда и ничего не мог найти из одежды по утрам. У брата был стационарный компьютер и ноутбук, из-за которых он крайне редко вылезал, когда бывал дома. Еще он много читал, и напротив его кровати стоял большой, почти до потолка, книжный стеллаж, занимавший больше половины стены. Он тоже всегда в беспорядке завален книгами, которые Марк приносил домой почти каждый день. И при этом он успевал все их читать! Кроме шкафа со столом и стеллажа с книгами, в комнате брата стояло большое кресло, где он обычно всегда и занимался своим любимым занятием — чтением. Кровать, рядом с которой располагалась небольшая тумбочка, находилась ближе к окну. В комнате у Марка нет люстры — он предпочитал ночники и настольные лампы, которых в его комнате целых пять штук. Вообще, когда я заходил в его комнату, у меня появлялось ощущение, что здесь жил не мой брат, а сумасшедший ученый, проводивший бесконечные опыты и строчивший толстенный научный трактат. Хотя, кто знает, может Марк действительно что-нибудь писал на тему так любимой им экономики, не считая, конечно, его учебных проектных работ.

— Так что ты хотел сказать, когда мы стояли внизу? — напомнил Марк, параллельно почесывая Брюса, который продолжал играть в гляделки с Ресси.

— Да, точно, — вспомнил я. — Первое: ты сказал, что миссис Картер не знакома с Эвансом, — Марк ответил «угу». — Но как ты можешь это утверждать? Мы же этого не знаем: никто не спрашивал у Картер ни о каком рекламном агенте.

Марк на секунду задумался, потом показал на меня указательным пальцем, как будто что-то понял:

— Да, это не доказано! Второе?

— Второе: ты опять же сказал, что листовка, которую оставил Эванс на двери, свидетельствует о том, что он приходил домой к Картер именно в воскресенье. Но ведь это не говорит, что все было именно так! Он мог оставить листовку и в субботу ночью, или же специально прийти в воскресенье и повесить ее на дверь, — продолжил я.

— Постой! Зачем ему возвращаться к Картер домой в воскресенье, если он ограбил ее? — непонимающе посмотрел на меня Марк.

— Может, потому что он понял, что потерял записную книжку, и вернулся, чтобы ее найти, листовка стала предлогом, чтобы пройти на участок миссис Картер, — предположил я.

— Почему же он ее не забрал? — продолжал допрос Марк.

— Не нашел, или не успел найти. Возможно, ему кто-то помешал, — я пожал плечами.

— Ну, не знаю, — Марк покачал головой. — Это все как-то очень странно. И потом, вначале все равно надо доказать заинтересованность Эванса в этом ограблении. Пока мы даже не знаем, знакомы ли он и миссис Картер или нет.

— Согласен, ты не думаешь, что мы, возможно, должны сообщить о своих предположениях полиции? — спросил я.

— Знаешь, после того, как с нами обошелся детектив Тейлор, я очень сильно сомневаюсь, что в полиции обрадуются нашему приходу, — с усмешкой ответил брат.

— Но полиция же может не найти связи между ограблением и Эвансом, а мы могли бы помочь им, — не успокаивался я.

— Если Эванс украл записную книжку, то его отпечатки должны остаться на ней.

— С чего ты взял, что они сравнят отпечатки на книжке с отпечатками Эванса?

— Хотя бы потому, что его подозревают в кражах, а записная книжка, которую мы нашли, пропала у сотрудника издательства. И логично предположить, что ее тоже украл Эванс, — сказал Марк.

Я замолчал. Марк был, как и всегда, прав. Не знаю, почему, но мне стало интересно докопаться до истины и узнать, кто же все-таки ограбил миссис Картер. Марку же, похоже, все порядком надоело и ему не терпелось со всем покончить раз и навсегда. Я расстроено посмотрел на брата. Он, довольный, сидел на кровати, и, казалось, уже витал в своих собственных мыслях, о чем говорила появившаяся улыбочка, которая практически не покидала его лица, с тех пор, как мы пришли сегодня от Боба. Меня стало это раздражать. Именно в тот момент, когда мне нужна его помощь, он думал неизвестно о чем! И я немного резко поинтересовался:

— Что же так обрадовало тебя сегодня? Ты после вечеринки на себя не похож: весь вечер улыбаешься странной улыбочкой!

Марк недовольно посмотрел на меня.

— Это вообще не твое дело! — он встал с кровати. — К тому же, уже поздно, я хочу спать. В отличие от некоторых, у меня завтра учебный день, — он встал возле двери, намекая, что мне пора убраться восвояси.

— Можно подумать, что я не учусь! — обиженно буркнул я, выходя в коридор.

— Знаю я вашу учебу с Бобом, — хмыкнул брат и закрыл за мной дверь.

Я был в недоумении от поведения брата. Таких резких перепадов настроения у него никогда не бывало, если не брать во внимание время сессии, когда он сам не свой. Но сейчас экзаменами даже не пахло, а он так странно себя вел. Наверное, мне тоже нужно перестать думать об ограблении и дать полиции возможность делать свою работу. Пока я размышлял об этом, стоя у двери комнаты Марка, ко мне подошел Стеф.

— Кстати говоря, — небрежно произнес брат. — К твоему сведению, я погулял и покормил Ресси! Хотя я припоминаю, что это было твоей обязанностью.

— Вообще-то, кормить и ухаживать за Брюсом было когда-то твоей обязанностью, — язвительно ответил я.

— Я учусь и подрабатываю! У меня совсем нет времени! А ты шляешься неизвестно где целыми днями и прогуливаешь уроки! Тебе было бы полезно иногда вспоминать о своей ответственности перед семьей, — нравоучительно произнес брат.

— Спасибо, что поухаживал за нашей собакой, — ответил я. — И тебе не помешало бы чаще появляться дома: мама скоро забудет, как ты выглядишь.

— Я сам решу, что мне надо делать! Я сейчас слишком занят, и у меня нет времени сидеть дома! — напыщенно произнес брат и вошел в свою комнату.

Я решил, что наш разговор окончен. Завтра Стеф уже забудет, что мы спорили, и будет как ни в чем не бывало раздавать свои указания. Брат в последнее время редко бывал дома, всю прошлую неделю он вообще ночевал неизвестно где, и мы общались только по телефону и пару раз ходили в кафе. Меня радовало только одно: Стеф помнил о нас и не забывал о семье. Надеюсь, когда брат закончит колледж, он женится на Лане и станет более сговорчивым, чем сейчас.

Уже когда я лежал в кровати, я подумал, о том, что завтра вечером было бы неплохо встретиться с Даниэлой где-нибудь в городе, например, на набережной реки Чарльз или в Коммун Парк. Мысленно перебирая варианты, я в итоге так ничего и не решил. Но я уже предполагал, как будет выглядеть Даниэла: она обязательно

обует туфли на огромных каблуках, наденет короткое платье или трещащие по швам джинсы, сделает огромный начес и покрасит ногти в красный цвет, как она и любила делать. Представив ее, я улыбнулся. Со стороны многим казалось, что она одевалась безвкусно или вызывающе, но на самом деле это не так. Она говорила мне, что через одежду пыталась выразить то, как чувствовала себя внутри. Наверное, она чувствовала себя счастливой, одевая яркие, кричащие цвета. И мне бы очень хотелось, чтобы ее счастье хоть на немного было связано со мной. В своей жизни я еще никогда не встречал таких людей, как Дана. И из-за своей индивидуальности, именно из-за того, что она такая, какая есть, она мне так дорога, что мне казалось, я не смог бы объяснить ей этого словами. Меня всегда охватывало непонятное волнение, когда я находился рядом с ней, хотя мы давно знали друг друга. Мне было странно думать об этом, ведь все вокруг считали меня несерьезным, чересчур веселым, немного разболтанным, чтобы я мог так сильно привязаться к кому-то. Но я знал, что Дана думала по-другому. Иногда мне начинало казаться, что я всю жизнь знал ее, что Даниэла всегда была рядом. Я уже не представлял, как жил бы без нее. Мне так хотелось сказать ей об этом, но внутри меня что-то останавливало. Мне как будто было страшно, или я просто боялся того, что она скажет в ответ, хотя был точно уверен, что Дана не отвергнет меня. Наверное, я был еще не готов этого сделать.

Глава 4

Около половины седьмого утра на следующий день, когда я только спустился вниз, чтобы позавтракать, меня уже дожидался Марк. Как только я зашел на кухню, чтобы сделать себе несколько тостов с вареньем, он вскочил со стула и быстрым шагом подошел ко мне. Я пожелал ему доброго утра, на что он только кивнул. Лицо брата приняло серьезное выражение, и мне казалось, что сейчас он сообщит мне что-то невероятно важное: может за ночь он вычислил, что сегодня конец света? Но Марк заговорил совсем о другом:

— Слушай, Том, извини, что я вчера на тебя накричал, — опустив глаза, начал он. — Я был не прав. Просто произошло одно очень важное для меня событие, о котором я пока не могу тебе ничего рассказать. Но обещаю, как только все выяснится до конца, я тебе все объясню! — он торжественно приложил руку к груди.

Я был немного обескуражен поведением брата, но единственное, что меня мало удивляло, так это то, что он попросил прощения. В отличие от Стефа, Марк часто чувствовал свою вину даже там, где ее в принципе быть не могло. Но мне все равно было приятно, что он извинился за то, как разговаривал со мной вчера. Хотя я тоже был немного виноват, я решил не упоминать об этом.

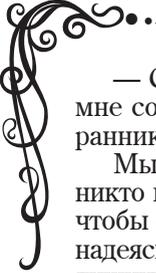
— Да, ладно тебе, все нормально, я совсем не обиделся, — улыбнулся я. — Ты просто устал вчера.

— Это точно, — согласился Марк. — Еще я хотел тебе сказать, что ты был прав: нам надо рассказать полиции о своих предположениях. Возможно, мы хоть в чем-то поможем им. Да и много времени это не займет, — закончил брат.

Я обрадовано похлопал его по плечу:

— Какие перемены произошли с тобой за одну ночь! Поверить не могу, что ты со мной согласился!

— Да, — смущенно улыбнулся Марк. — Честно сказать, мне стало интересно, кто на самом деле так обошелся с миссис Картер. Если бы мы могли хоть немного помочь ей в чем-то, я был бы очень рад. Поэтому как ты смотришь на то, чтобы прямо сейчас сходить в участок и рассказать обо всем? Зато потом весь день будет свободным. И тебе даже не придется прогуливать занятия, — предложил он.

— Согласен, — ответил я. — Надеюсь, я не опоздаю, потому что мне совсем не хочется снова оправдываться перед учителями и охранником.

Мы позавтракали буквально за десять минут. Из домашних пока еще никто не спазгился, даже животные спали. Я написал записку Стефу, чтобы он погулял с Ресси, и прикрепил ее магнитом на холодильник, надеясь, что брат не проспит и выполнит поручение. Чтобы избежать лишних расспросов, мы с братом быстро обулись и вышли из дома.

На улице стояло ранее осеннее утро. Было прохладно, солнце только начинало согревать землю. Его лучи отражались на траве и листве, покрытых каплями росы. Воздух был невероятно свежим, как после дождя, хотя я мог с уверенностью сказать, что никакого дождя ночью не было. Наш сосед, мистер Фриман, — светловолосый, улыбчивый мужчина, примерно одного возраста с нашим отцом, — уже был на улице и возился вокруг своей машины. Увидев нас, он поздоровался. Мы в ответ пожелали ему удачного дня и, пройдя мимо его участка, повернули налево, по направлению к автобусной остановке. Там было немногочисленно, хотя время приближалось к семи. Поэтому мы без проблем сели в автобус и спокойно доехали до здания полиции.

В участке мы увидели отчаянно зевавшего полицейского, сидевшего за одним из столов, находившихся ближе остальных к двери. Когда он заметил нас, его лицо приняло расстроенное выражение, после чего он спросил:

— Только не говорите, что произошло какое-нибудь ограбление или убийство! Одного мне уже хватило, а моя смена заканчивается через пять минут: можете подождать немного?

Улыбнувшись, Марк ответил:

— Мы хотели бы встретиться с детективом Тейлором. Он ведет дело о проникновении в дом миссис Картер.

Полицейский потянулся в кресле и, как замороженный, продолжал смотреть на часы. Потом он перевел взгляд на нас и сказал:

— Его еще нет на месте. Он подъедет через некоторое время.

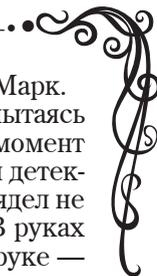
— Жаль, — вздохнул брат, тоже посмотрев на часы, которые показывали двадцать семь минут восьмого.

Я пихнул Марка локтем в бок:

— Ты забыл, что я должен быть в школе в половине девятого? Даже если Тейлор придет хотя бы к восьми, а мы пробудем здесь не больше десяти минут, я все равно не успею к началу занятий, только если не полечу на вертолете!

— Успокойся, Том, что ты, как маленький! — недовольно произнес Марк. — Ты столько раз опаздывал на первый урок, что сейчас этого просто никто не заметит.

— Что?! — возмутился я. — Тебе-то, наверное, к десяти в университет! И, между прочим, охранник всегда интересуется, где я был, а мне постоянно приходится выкручиваться!

— Уверен, что он ни разу тебе не поверил, — усмехнулся Марк.

От такой наглости я только беззвучно открывал рот, пытаясь найти подходящий аргумент, чтобы ответить Марку. В этот момент сзади нас раздались шаги. Обернувшись, мы с братом увидели детектива Тейлора, который уже вошел в здание полиции. Он выглядел не выпавшимся, но в глазах у него горел непонятный огонек. В руках он держал бумажный стакан с надписью «Кофе», а в другой руке — какой-то пирожок. Полицейский, дежуривший на посту, радостно вскочил с кресла и воскликнул:

— Наконец-то! Семь тридцать! — он взял небольшой пакет, висевший на ручке неизвестно куда ведущей двери, и зачем-то направился к другому столу. Увидев Тейлора, он поприветствовал его, махнул в нашу сторону рукой и объяснил:

— Молодые люди дожидаются вас по поводу дела Картер. Я сказал, что вас нет на месте, но кажется, им немного повезло, — он что-то записал в тетрадь и направился прямо по коридору в противоположную от нас сторону, насвистывая себе под нос неизвестную мне песню.

Тейлор осмотрел нас с ног до головы и только после этого с усмешкой произнес:

— Что же вам не сидится дома в такой час?

— Мы размышляли на досуге о деле миссис Картер, и у нас появилось несколько соображений по этому поводу, — спокойно ответил Марк.

Детектив улыбнулся, но я не мог предположить, как надо расценивать этот знак: он подобрел или же сейчас выставит нас вон.

— Хорошо, проходите в мой кабинет, — неожиданно заинтересованным голосом сказал он и прошел вперед нас.

Мы с Марком переглянулись и молча последовали за ним. Надеюсь, Тейлор будет и дальше в хорошем расположении духа и хотя бы выслушает нас.

Расположившись на уже знакомых нам стульях, мы дождались, когда детектив откроет жалюзи на окне и устроится за столом. После этого Марк сразу перешел к делу:

— Вчера вечером мы увидели репортаж на одном из телеканалов, где сообщалось о том, что был задержан мистер Эванс, рекламный агент из издательства «Art Magazine». Насколько я понял, его обвиняли в кражах у сотрудников издательства, — Марк сделал небольшую паузу.

Тейлор, в это время пристально наблюдавший за нами, поинтересовался:

— Какое же это имеет отношение к проникновению в частную собственность, которое я расследую? — он непонимающе развел руками.

— На наш взгляд — прямое, — Марк повернулся ко мне, как бы ища у меня поддержки. Я в свою очередь уверенно закивал. — Если

предположить, что записная книжка принадлежит Бенджамину Бакеру, тогда напрашивается вывод о том, что Эванс украл ее, как и остальные вещи, в краже которых его обвиняют. А чуть позже он потерял книжку при проникновении в дом миссис Картер, произошедшее в субботу ночью. Значит, записная книжка — вещественное доказательство, обличающее Эванса. Вы же обнаружили на ней отпечатки его пальцев? — больше утвердительно спросил Марк.

Тейлор не выказал никаких эмоций на это высказывание и ответил:

— Я не был в курсе, что мистер Эванс арестован вчера вечером. Более того, я не могу понять, с чего вы взяли, что он украл эту записную книжку? Руководствуясь логикой, я бы предположил, что мистер Бакер потерял ее, когда находился в непосредственной близости от дома Картер, — детектив прищурил глаза.

Я хотел вмешаться в разговор, но Марк меня опередил и с жаром начал доказывать свою точку зрения:

— Мы тоже думали об этом, но мистер Бакер стар, ему семьдесят семь лет. Я сильно сомневаюсь, что он смог бы в таком физическом состоянии как у него, перевернуть столы, диваны и обыскать весь дом. К тому же, он доктор наук, преподает историю литературы в Гарвардском университете, проводит большую исследовательскую работу, и ему вряд ли понадобилось лезть зачем-то в дом к обычной женщине, чтобы что-то украсть. Насколько мне известно, у него есть большая коллекция старинных книг, которыми он интересуется и изучению которых посвятил так много времени. Я просто восхищаюсь этим человеком, после того, как узнал обо всем этом! — глаза моего брата горели, щеки покраснелись. А мне было очень интересно, откуда он все это узнал.

Тейлора это, похоже, тоже заинтересовало, потому что он спросил:

— Похвально молодой человек, что вы так отважно защищаете честь почтенного гражданина, но откуда вы все это узнали: вы лично знакомы с мистером Бакером?

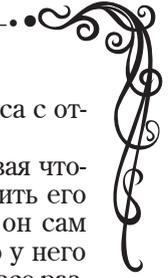
Я, вслед за Тейлором, в недоумении посмотрел на брата.

— Нет, я только вчера узнал обо всем, что вам сейчас рассказал. Я поискал информацию в интернете, так как мне стало интересно, чем именно занимается Бенджамин Бакер. Теперь я понимаю, с каким гением я встречался! — с гордостью произнес Марк.

— Очень интересно, — протянул Тейлор. — Значит, вы считаете, что мистер Бакер не знал о проникновении в дом Картер, и что его записная книжка оказалась на месте преступления из-за чистой случайности: ее незаконно присвоил себе Брэд Эванс, а после этого потерял при совершении преступления?

— Да, именно так, — в один голос подтвердили мы с Марком.

— У вас есть еще какие-либо соображения по этому делу? — спросил он.

Я задумался, а Марк быстро спросил:

— Но теперь вы сверите отпечатки пальцев мистера Эванса с отпечатками на записной книжке?

— Мы уже сделали это, — вдруг ответил Тейлор, записывая что-то в блокнот. — И могу успокоить вас: мы смогли обнаружить его отпечатки на записной книжке. К тому же, вчера вечером он сам признался в ее краже. Однако мистер Эванс утверждает, что у него kleptomания, во что, лично мне, мало верится, но экспертиза все решит.

Я просто опешил от такого заявления: только что Тейлор убеждал нас в том, что он понятия не имел об аресте Эванса, а теперь заявил, что ему уже все давно известно! Значит, он нагло вытягивал из нас сведения или же просто развлекался.

— Но ведь вы сказали, что ничего не знаете о задержании Эванса! Почему вы нам соврали? — раздраженно спросил я. Марк, расстроенный, сидел рядом со мной, и ему явно не хотелось спорить.

— Мне нужно было узнать, что вам известно, — без колебаний сообщил детектив. — Вы, конечно, еще не в курсе.

— В курсе чего? — напрягшись, переспросил Марк.

— Вы могли бы понять, что я не стал бы возиться с вами, если бы расследовал простое дело о проникновении в частную собственность, — неожиданно продолжал Билл Тейлор. — Дело приняло серьезный оборот. Сегодня ночью мне позвонили с сообщением, что в дом миссис Картер снова кто-то проник. Это произошло ночью, Лаура Картер была дома, спала, когда злоумышленник вломился к ней в комнату и ударил ее тяжелым предметом по голове. В доме снова что-то искали, но, как мне сообщили, ничего не было украдено, — закончил детектив.

— Она жива? — с надеждой спросил я.

— Да, — кивнул Тейлор, — миссис Картер в больнице, у нее сотрясение мозга, врачам также пришлось наложить швы на рану: она оказалась серьезной.

— Слава Богу, что этот ненормальный ее не убил, — вырвалось у меня.

— Да, — выдохнул Марк.

— И, как вы понимаете, мистер Эванс не мог совершить это нападение, потому что сегодняшнюю ночь он провел в тюремной камере, — Тейлор выразительно посмотрел на Марка.

— Но тогда у меня есть еще один вопрос, — взбодрился Марк.

— Я слушаю, — Тейлор посмотрел на моего брата.

— Вы не проверяли, не связаны ли каким-либо образом между собой миссис Картер и мистер Бакер? Ведь он может оказаться преступником, которого вы ищете.

— Хороший вопрос, но я не считаю данное направление расследования приоритетным, — ответил детектив.

— Вы подозреваете кого-то еще? — удивленно спросил я.

— Можно сказать и так. Несколько часов назад я получил некоторые сведения, которые еще нужно проверить. Пока я не могу разглашать их, чтобы не вспугнуть предполагаемого преступника, — пояснил детектив.

— Значит, у миссис Картер были враги? — с интересом в голосе спросил Марк.

— Я такого не говорил, — уклонился от ответа Тейлор. Он резко встал с кресла, за ним вскочили и мы. — А теперь я могу сказать лишь одно: вас ни в чем не подозревают, и вы должны перестать копаться в этом деле. Я понимаю, что вы любознательные и сообразительные ребята, чему я совсем не удивляюсь, ведь ваш отец очень хороший адвокат, насколько мне известно, — серьезно произнес Тейлор.

— Откуда вы об этом знаете? — с ужасом спросил я. В мою голову сразу пришла мысль, что Тейлор все рассказал нашему отцу, а если так, то домой нам лучше не возвращаться.

— Я лично знаком с ним, он представлял интересы некоторых людей, с которыми я имел дело. И как только я услышал ваши фамилии и присмотрелся к вам повнимательней, я сразу понял, кто передо мной. Поэтому я советовал бы вам идти на занятия и не ввязываться в неприятности. Мне бы совсем не хотелось, чтобы вашему отцу пришлось представлять ваши интересы, сидя в моем кабинете, — спокойно ответил он.

Мы с Марком молча стояли перед Тейлором. Я не знал, что должен ответить ему на его признание, даже не знал, хорошо это или плохо: оказаться сыном адвоката, который отмазывал его подозреваемых. Но поведение детектива мне подсказывало, что он не сильно злился на нашего отца, а значит, ничего плохого тот ему не сделал. Что не могло не радовать меня.

— Думаю, нам пора, — Марк очнулся из транса первый.

Я просто кивнул, так как уже не мог дожидаться того момента, когда мы выйдем на улицу. Часы в кабинете детектива показывали пять минут девятого, а значит, мне надо было быть в школе через двадцать пять минут.

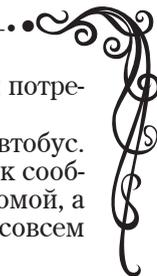
Тейлор проводил нас до двери и, когда мы с Марком вышли в коридор, с улыбкой произнес:

— Передайте своему отцу от меня привет!

Как только мы вышли за двери полиции, я вздохнул с облегчением: наконец-то, этот тягостный разговор закончился.

— Не ожидал, что все так повернется. Кто бы мог подумать, что Тейлор знаком с нашим отцом, — с усмешкой сказал Марк.

— Правда, похоже, что у них нормальные отношения, иначе Тейлор бы обязательно позвонил ему после того, как мы приходили к нему вчера.

— Конечно, в этом случае он не упустил бы возможности потрепать ему нервы, — согласился Марк.

Мы перешли на другую сторону улицы, чтобы сесть в автобус. В школу я еще успевал, поэтому нервничал уже меньше. Марк сообщил, что у него нет первой пары, поэтому сейчас он поедет домой, а после этого – на занятия. Я позавидовал ему, потому что мне совсем не хотелось сидеть на скучных и нудных уроках.

Автобус подъехал довольно быстро. Пройдя в салон, мы сели на самые дальние сиденья.

— Значит, Эванс не виновен, — как будто разговаривая сам с собой, произнес Марк.

— Получается так, — ответил я. — У полиции сейчас хватает подозреваемых, поэтому, думаю, они справятся и без нас. И ты помнишь, что сказал Тейлор: нам не стоит лезть не в свое дело.

— Я помню, но ведь интересно узнать, какой мотив был у того, кто решился во второй раз залезть в дом к миссис Картер? – удивлялся настойчивости преступника Марк.

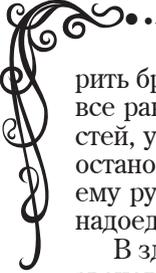
— Все очень просто: человек, который проник в дом, хотел что-то найти, но потерпел неудачу. Поэтому попытался сделать это во второй раз, но дома была миссис Картер, она его заметила, и преступник решил ее убить, чтобы она ничего не рассказала полиции. Но, к счастью, Картер осталась жива, и, надеюсь, скоро поправится, — я изложил Марку свою точку зрения.

— Скорее всего, так оно и было, — задумчивым голосом произнес брат. — Полиция должна обязательно выяснить, кто совершил это нападение. Может, как-нибудь навестим миссис Картер в больнице вместе с ее племянником?

— Да, это было бы неплохо. К тому же, я знаком с ним немного, он показался мне хорошим парнем, — я поддержал идею брата.

Когда мы ехали в полицию, автобус не проезжал мимо квартала, где жила миссис Картер, и мы не могли знать, что там что-то произошло. Поэтому я и Марк придвинулись как можно ближе к окну в тот момент, когда мы должны были проехать место происшествия. Но водитель объявил, что дорога перекрыта, поэтому ему придется объехать небольшой участок дороги по соседней улице. Правда, он не объяснил, из-за чего были приняты такие меры. Наиболее впечатлительные пассажиры сразу предположили, что в квартале заложена бомба, поэтому-то ФБР и перекрыло проезд. Но паники не возникло: в автобусе каким-то чудом оказался офицер полиции, который поспешил всех успокоить, и сказал, что если бы где-то была заложена бомба, он бы здесь точно не сидел.

Как только Марк услышал, что автобус поедет в объезд, он сказал мне, что хочет выйти и посмотреть, что происходит вокруг дома миссис Картер, и предложил мне пойти с ним. Но мне совсем не хотелось опаздывать в школу, поэтому я отказался. Я уже не пытался отгово-

рить брата не ходить туда, куда ему ходить не следовало: он бы меня все равно не послушал. Если уж ему так хотелось найти неприятностей, у меня бы все равно не получилось его переубедить. Водитель остановил автобус на остановке, и брат вышел на улицу. Я помахал ему рукой из окна, искренне надеясь, что он не будет очень сильно надоедать полицейским. Еще не хватало того, чтобы его арестовали.

В здание школы я вбежал как раз в тот момент, когда заканчивал звенеть звонок. Охранник не стал мне ничего говорить, а просто пропустил, пожелав мне вслед хорошего дня. Добежав до кабинета, где старшие классы собирались по утрам на распределение, я с радостью обнаружил, что преподаватель еще не пришел. Завидев меня, друзья радостно засвистели, и выразили одобрение тому факту, что я не опоздал. В большом помещении по обыкновению стоял гул голосов, все весело переговаривались, обсуждали свои проблемы, кто-то просто болтался по помещению взад и вперед без всякой цели. За одной из передних парт я заметил Даниэлу, которая о чем-то разговаривала с Кэлли. Этот факт меня удивил, и я даже подумал, что их двухлетней вражде пришел конец, и они помирились. Подойдя ближе, я поздоровался с Бобом, Джошем, Кристианом и всеми остальными моими одноклассниками и подбежал со спины к Даниэле, которая не заметила моего прихода, и закрыл ей глаза ладонями. Кэлли скорчила недовольное лицо и подперла подбородок рукой. Я почувствовал, что Даниэла улыбнулась и положила свои руки на мои:

— Дай попробую угадать, кто ты? – смеясь, сказала она.

Дана начала ощупывать мои руки, потом подергала за рубашку, потрогала мои волосы, и вынесла вердикт:

— Кажется, я поняла, что это Том Уиллсон!

Я опустил руки:

— И как ты только догадалась?! – заинтригованным голосом произнес я.

Дана обернулась и встала со стула, чтобы меня обнять:

— Даже не знаю, – она пожала плечами. — Сама себе удивляюсь!

Чмокнув ее в щеку, я с гордостью сообщил:

— Я не опоздал на первый урок: это стоило мне таких усилий!

— Даже не представляю, как ты пересилил свою лень, чтобы встать на десять минут раньше обычного, — засмеялась она.

— Если серьезно, то мы с Марком сегодня с утра ходили в полицейский участок, и мой брат, кажется, жаждет разобраться, кто же все-таки ограбил миссис Картер,! — сказал я, сядя на стул рядом с Даной и Кэлли.

— Вы тоже слышали, что произошло сегодня с несчастной миссис Картер! — воскликнула Кэлли, явно подслушавшая наш разговор.

— Да, это ужасно! Кто мог так поступить с ней? — задала пока риторический вопрос Даниэла. — Кстати, хотела спросить: записная книжка все-таки принадлежит Бакеру? А что насчет Эванса?

— Да, книжка принадлежала Бакеру до тех пор, пока Эванс не украл ее. Он, скорее всего, и потерял книжку, когда приходил со своими листовками к миссис Картер. Но сегодня ночью он был в тюрьме, поэтому никак не мог совершить нападение. И Бакер остается в числе подозреваемых, хотя мне кажется, что это не он, — объяснил я.

— О чем это вы говорите? — не поняла Кэлли, нахмутив брови.

— Не стоит напрягаться, Кэлли, ничего интересного. Это явно не сможет стать очередной сплетней, которую ты хотела бы сочинить, — ответил я.

— Уиллсон, с тобой невозможно разговаривать! Ты такой хам! — Кэлли наигранно надула губы и пересела на два ряда назад.

Даниэла только засмеялась:

— Вы никогда не найдете с ней общего языка!

— Думаешь? — улыбнулся я. — Мне кажется, она сама в этом не заинтересована. И мне не очень хотелось бы, чтобы она рассказывала на каждом углу про подробности следствия. Поэтому не говори ей ничего, ладно?

— Конечно, о чем разговор, — пообещала Дана.

Через десять минут я записал свои занятия на сегодня, и, взяв сумку, направился на урок истории вместе с Даниэлой и Бобом. По дороге Боб сообщил мне, что мы сегодня должны были подстричь газоны у двух его соседей: миссис Коллинз и мистера Грина. Даниэла заметила, что мы сможем потом подрабатывать садовниками, главное сейчас хорошо себя зарекомендовать. Я же предложил ей стать нашим агентом и рекомендовать нас своим соседям и родственникам. Даниэла фыркнула и ответила, что у нее слишком высокие каблуки, чтобы долго ходить по улицам, по этой же причине она не могла и водить машину.

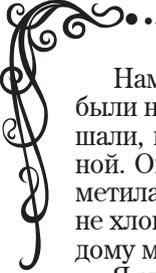
— Но твои высокие каблуки не станут причиной того, что ты не сможешь сегодня вечером сходить со мной на свидание? — торжественно спросил я, когда мы уже расположились за партами в аудитории.

— Однако какие изощренные фразы ты используешь, чтобы пригласить девушку на свидание, — сохраняя невозмутимый вид, ответила Даниэла.

— Я стараюсь.

— Думаю, ради такого случая я обую шпильку пониже, — размышляя, произнесла Дана.

После занятий, мы с Бобом поехали к нему домой. Сели мы именно в тот автобус, что водит вечно недовольный мною шофер. Но в этот раз он не выказал никакого раздражения, просто молча выдал мне билет. Наверное, он выработал какую-то новую тактику. Что ж, мне тоже придется придумать свою.

Нам предстояло постричь два газона, и радовало только одно: они были не слишком большие. Приехав на место и зайдя в дом, мы услышали, как Гвэн громко разговаривала с кем-то по телефону в гостиной. Она смеялась и радостно что-то рассказывала. Чтобы она не заметила нашего прихода, мы заснули свои рюкзаки в шкаф, и, стараясь не хлопнуть дверью, аккуратно ее закрыли и быстрым шагом пошли к дому мистера Грина, потому что решили начать с его лужайки.

Я знал Эдварда Грина. Мы уже стригли его газон год назад, когда устраивали похожую вечеринку, как и в этот раз. Это был невысокий пожилой мужчина, с радостными голубыми глазами и морщинистым лицом. На голове у него осталось уже не так много волос, зато усы у него были шикарные: густые и совершенно белые. Увидев нас на пороге своего дома, он обрадовался и сказал, что ждал меня и Боба. Потом он выдал нам газонокосилку. Половину участка подстриг Боб, а другую — я. Покончив с этим занятием за полчаса, мы вернули косилку в гараж, который мистер Грин предварительно открыл для нас, и снова позвонили в дверь, чтобы сообщить о своей работе.

— Очень приятно, когда свои обещания исполняют, — с уважением произнес мистер Грин, оглядывая подстриженную лужайку.

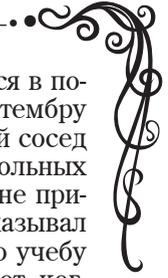
— Всегда рады помочь, мистер Грин, — весело отозвался Боб.

— Когда будете в следующий раз устраивать вечеринку, можете рассчитывать на мое понимание, — подмигнул нам мужчина. — Я как раз собирался пообедать, не хотите присоединиться? Вы, наверное, проголодались на занятиях.

Есть мне не хотелось, ведь мы обедали около трех часов назад, в школе. Но отказать такому милому человеку было просто невозможно. Мы расположились за большим деревянным столом в столовой, которая соединялась с кухней. Рабочую зону от нее отделяла большая барная стойка из белого мрамора. Мистер Грин поставил перед нами тарелки и стал предлагать разную еду:

— Это омлет с начинкой из белых грибов: моя покойная жена просто обожала его. Сюзан говорила, что он напоминает ей детство, — мистер Грин немного погрустнел, потом вздохнул и продолжал: — Ну да ладно, что это я нагружаю вас своими воспоминаниями. Лучше попробуйте спагетти с соусом. Кстати, рецепт его приготовления я разработал самостоятельно... — непринужденно болтая, он раскладывал по тарелкам омлет, спагетти, разливал по стаканам сок.

Раньше я ни разу не бывал дома у мистера Грина, поэтому мне было интересно, как у него все устроено. Пока мы обедали, я осматривался и заметил, что на стенах висело много разных фотографий, в основном на них была изображена, как я догадался, его жена и сам мистер Грин, а также его дети. Боб рассказывал, что у него сын и дочь, но я понятия не имел, как их зовут. Жена мистера Грина, Сюзан, как он сам нам рассказал, умерла почти десять лет назад. По тому, как он о ней вспоминал, можно было с уверенностью сказать,

что он очень сильно ее любил. Сейчас мистер Грин находился в почтенном возрасте восьмидесяти лет, но по внешнему виду и тембру голоса ему нельзя было дать больше семидесяти. За трапезой сосед Боба рассказал нам всю свою биографию, начиная со школьных лет. Это было довольно занимательно, потому что мне еще не приходилось общаться с таким пожилым человеком. Он рассказывал про военные годы, когда он был еще совсем маленьким, про учебу в колледже, который он закончил в возрасте тридцати пяти лет, когда у него появилась такая возможность. Рассказывал нам о том, как получил работу в Бостоне в конце шестидесятых годов, и о том, как построил дом, в котором мы находились. Чувствовалось, что мужчины не хватало внимания: его дети выросли, жена умерла, из его ближайших родственников почти никого не осталось, а те, кто еще жив, находились в других городах и чрезвычайно редко навещали его.

За чаем мы с Бобом, немного устав от такого количества информации, уже сидели молча и просто кивали на то, что говорил мистер Грин.

— ...Вы и представить себе не можете, как я был рад, когда мой любимый Кит нашелся, — мистер Грин продолжал рассказ о чудесном возвращении его блудного кота домой, произошедшее полгода назад. — А на днях у нас тут такое произошло! Вы, наверное, в курсе последних событий? — спросил мистер Грин.

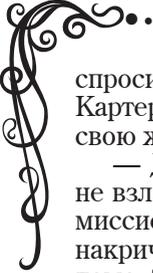
— Вы имеете в виду ограбление миссис Картер? — уточнил Боб. — Да, мы слышали об этом.

— О! Ограбление это не правильное слово! — мистер Грин поднял указательный палец правой руки вверх и помахал им в воздухе. — Это чудовищное! Чудовищное, говорю вам, преступление! Мне даже страшно подумать, что, дожив до такого почтенного возраста, как наша уважаемая миссис Картер, можно подвергнуться этому бесчеловечному нападению! Ведь ей проломил голову! Просто напросто проломил! И неизвестно еще, выживет она или нет, — горячо воскликнул мистер Грин.

— Не волнуйтесь, полицейский, с которым мы разговаривали, сказал, что с ней все будет хорошо, — поспешил успокоить его я. — Рана, к счастью, оказалась не смертельной.

— Хвала Господу! — мистер Грин перекрестился. — Я так переживал за ее жизнь, а спросить мне было не у кого. Эти патрульные такие нахалы, хочу я вам сказать, ничего из них не вытянуть. А ведь я пытался! Несколько раз пытался с ними поговорить, и ничего. Хорошо, что вы меня успокоили, — он откинулся на спинку стула. — Вы представляете, как страшно теперь находиться дома? А если этот маньяк, Джордж, и ко мне вломится? Я ведь не смогу с ним справиться, он и мне шею свернет! — в сердцах крикнул мистер Грин.

— Постойте, с чего вы взяли, что нападавшего зовут именно Джордж? И почему вы думаете, что он маньяк? — в недоумении

спросил я. — Насколько я знаю, полиция считает, что в доме миссис Картер искали что-то конкретное, так что можете не волноваться за свою жизнь, все будет хорошо.

— Да я уверен, что это Джордж сделал, больше никому! Дверь не взломана, тот, кто совершил это жуткое преступление, знал, что миссис Картер не было дома в субботу. Я так и сказал Лауре, а она накричала на меня, велела мне больше не говорить таких слов в ее доме. Я, конечно, все понимаю, но у жалости тоже есть свои границы: если бы мой сын или племянник такое совершил со мной, я бы без обиняков сдал его полицейским! — распаялся мистер Грин.

— Вы думаете, что это племянник миссис Картер ударил ее по голове? — спросил голосом, полным изумления, Боб. — Зачем же ему это делать?!

— Он сумасшедший! Псих! — воскликнул мистер Грин. — Я это и раньше заметил: он очень странно на меня смотрел, когда последний раз приезжал к Лауре в гости. К тому же, он редко здоровается, кажется напыщенным и высокомерным! Явные признаки помутнения сознания! — поставил диагноз мистер Грин.

Я усмехнулся. Да уж, руководствуясь этими рассуждениями, сумасшедшими маньяками можно было признать половину наших соседей, а мой старший брат давно должен был бы лежать в психушке.

— Думаю, вы ошибаетесь, — я попробовал воззвать к здравому смыслу. — Я знаком с Джорджем, правда, не очень хорошо, но точно заметил бы, если бы он странно себя вел. Он вполне здоровый парень, не считая, конечно, того, что он курит. Но ведь это не преступление...

— К тому же, у полиции есть другой подозреваемый, - вдруг сказал Боб.

— Да? — заинтересованно спросил мистер Грин, немного остыв после пламенной речи. — И кто же это?

Я непонимающе посмотрел на друга. Он мне подмигнул и ответил:

— Некий мистер Бригс. Полиция подозревает, что он перепутал адрес, когда залез в дом миссис Картер. Он что-то искал, что именно полиция уже выясняет, потому что его арестовали накануне. Пока они еще не до конца уверены в его виновности, но скоро все сомнения будут устранены, — пустился в дебри сочинительства Боб.

— Вот как! — вздохнул мистер Грин. — Значит, Джордж все же ни при чем. И как я мог так фатально ошибиться?! — он покачал головой.

История Боба не выдерживала никакой критики, но мистер Грин успокоился, и снял подозрения с Джорджа. И теперь мужчина, может, не будет бояться мифического маньяка, вламывающегося в дома и проламывающего всем головы.

Допив чай, мы собрались уходить, сказав мистеру Грину, что нам еще надо подстричь газон у миссис Коллинз. Мужчина проводил нас

к выходу и в задумчивости закрыл дверь. Наверное, он все еще не мог поверить в то, что племянник миссис Картер — не сумасшедший маньяк.

На улице была невероятно солнечная и теплая погода. Мы решили, что нам очень повезло, ведь если бы пошел дождь, то пришлось бы перенести стрижку лужайки на другой день, чего совсем не хотелось делать. Пройдя мимо дома Боба, мы постучали к его соседке, которая, как предполагал Боб, раньше работала в ЦРУ. Открыв дверь, миссис Коллинз радостно прижала руки к груди и воскликнула:

— Мальчики! Как хорошо, что вы пришли ко мне именно сегодня. Завтра я жду в гости свою дочь, и мне хотелось бы показать ей, что я еще могу присмотреть за домом, — она приобняла нас за плечи и проводила к гаражу, который находился рядом с ее домом.

Миссис Коллинз была маленькой, сухощавой пожилой леди с короткими сильно взбитыми белями кудрями, что придавало ее голове форму одуванчика. Она постоянно носила овальные очки в дорогой оправе, к ушкам которых была приделана блестящая золотая цепочка.

Женщина показала нам косилку и стала подробно объяснять, как именно ей хотелось бы, чтобы мы подстригли лужайку. Мы терпеливо ее выслушали, и когда она закончила свои пространные рассуждения, взялись за работу. Миссис Коллинз зашла в дом и, встав у окна, зорко контролировала нашу работу, при этом мило улыбаясь и периодически помахивая нам рукой. От ее взгляда мне становилось не по себе, и я подумал, что она, возможно, действительно была работником ЦРУ и даже сейчас не могла отказаться от привычки все держать под контролем, даже стрижку лужайки.

Мы с Бобом закончили возиться с лужайкой около пяти часов вечера. Миссис Коллинз нас поблагодарила и, как и мистер Грин, пообещала, что мы всегда можем рассчитывать на ее понимание, если соберемся когда-нибудь устроить похожую вечеринку на свежем воздухе, как та, что мы организовали в субботу.

Вернувшись домой к Бобу за своей сумкой, я увидел в холле Гвэн, которая куда-то собиралась. Заметив меня, она мне подмигнула:

— Привет, Том! Я не слышала, как вы оставили свои вещи, — сказала она, когда я вытащил из шкафа свой портфель.

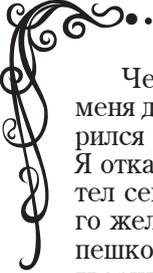
— Да, мы не хотели тебе мешать: когда мы пришли, ты с кем-то разговаривала по телефону, — объяснил я.

Боб, подойдя к сестре, поинтересовался:

— Куда собираешься?

Гвэн загадочно улыбнулась и, взяв небольшую сумочку, открыла дверь и произнесла:

— Я сегодня с подругами в кафе встречаюсь: мы так давно не собирались все вместе! — с этими словами она вышла из дома и закрыла дверь.

Через пару минут мы с Бобом тоже вышли на улицу. Проводив меня до тротуара, он сообщил, что собирался идти в парк, где договорился встретиться с нашими друзьями, чтобы покататься на скейте. Я отказался от предложения присоединиться к нему, потому что хотел сегодня встретиться с Даниэлой, и у меня не было ни малейшего желания отменять эту встречу. Попрощавшись с Бобом, я решил пешком дойти до дома. Еще мне было интересно посмотреть, что творилось возле дома миссис Картер.

Издали не было видно никаких полицейских лент и ограждений, дорога была уже свободна. Подойдя ближе, я увидел, что вокруг дома никого не было, а входная дверь была закрыта. Но сама створка была опечатана крест-накрест предупредительными желтыми лентами, что меня не удивило. Надеюсь, когда миссис Картер поправится, ей не придется жить в гостинице из-за того, что ее дом – это место преступления. И все же, вор проявил странную настойчивость, проникнув в дом дважды, не побоявшись возможной засады. Я даже не мог предположить, что такого ценного могло быть спрятано у миссис Картер. И надо признать, что спрятано было очень хорошо, ведь грабитель, применив две попытки, так и не смог достичь желаемой цели, и даже был готов на убийство ради этого. Теперь полиция должна взяться за расследование этого дела более тщательно, чем раньше. Еще настораживал тот факт, что дверь не была взломана, значит, ее открыли ключом. Но у кого могли быть ключи от дома миссис Картер, кроме нее самой? У ее племянника, у сестры? Может, она оставляла их соседям или недавно теряла? Надеюсь, Тейлор сможет выяснить, что произошло на самом деле. К тому же, он сказал, что открылись какие-то новые факты, и появился подозреваемый. Может, уже завтра все выяснится и преступника арестуют.

Меня радовало и то, что Эванса взяли под стражу довольно быстро, после того, как на него заявили в полицию. Теперь мы точно знали, что это он украл записную книжку, которая принадлежала писателю Бакеру. Поэтому можно было быть уверенным, что он не мог совершить нападение на миссис Картер. К тому же, судя по тому, как грабитель себя вел, я предположил, что вряд ли он был опытным вором: в таком случае он бы точно не стал так сильно рисковать во второй раз. Все это приводило меня только к одному выводу: в доме миссис Картер было спрятано что-то, какой-то предмет, которым очень сильно хотел завладеть незнакомец. И как только полиция выяснит, что именно за предмет был целью злоумышленника, то, скорее всего, смогут быстро поймать преступника. Мне же ничего не оставалось, кроме того, как дожидаться этого момента. Провести свое небольшое расследование, помочь полиции мне, может быть, и хотелось, но я понимал, что это опасно. Детектив уже явно намекнул нам, чтобы мы не путались у полиции под ногами и не мешали им. И то, что Марк сегодня снова пошел искать правды на место пре-

ступления мне совсем не нравилось. Он мне даже не позвонил, чтобы сообщить, как у него все прошло. Надеюсь застать Марка дома, я ускокоил себя этой мыслью, и не стал звонить ему сам.

Оказавшись дома, я обнаружил на кухне маму, которая что-то готовила, напевая при этом песенку и смотря телевизор, где снова мелькала физиономия Свита. Увидев меня, она помахала мне рукой, в которой держала деревянную лопаточку, и спросила:

— Как прошел день в школе?

Я взял из холодильника банку колы и сел за стол:

— Нормально, — я пожал плечами. — Мы с Бобом уже успели подстричь газоны у его соседей. Они такие странные! Особенно мисс Коллинз.

— Значит, газоны вы подстричь успели, а уроки выучить — нет? — мама серьезно посмотрела на меня. — Том, тебе же через пару лет поступать в колледж, а ты о чем думаешь? На прошлой неделе ты даже не притронулся к книгам!

— Неправда! — произнес я твердым голосом. — Я начал читать Вашингтона Ирвинга для сочинения, — закончил фразу я уже менее уверенным тоном.

Мама это почувствовала и, оставив сковороду на плите, повернулась ко мне и, облокотившись о столешницу, покачала головой:

— Вот именно: начал! — она сделала ударение на последнем слове. — Тебе скоро сдавать сочинение, а ты только начал читать книгу, по которой его надо написать! Почему ты никак не поймешь, что ты должен окончить школу с хорошими, очень хорошими результатами, чтобы потом поступить в колледж. А ты даже не хочешь поговорить на эту тему со мной и отцом!

— Послушай, мам, мне еще в школе учиться два года, и вообще, мне сейчас это не интересно, — отмахнулся я. Мне совсем не хотелось говорить с мамой на эту тему.

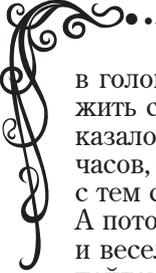
— Но ты выбрал себе предметы для изучения, когда переводился в старшую школу! Ты же чем-то руководствовался при этом? — мама развела руками, показывая, что она ничего не понимала.

— Ну, да, — я отвернулся от нее и впился глазами в телевизор. Если так и дальше будет продолжаться, то мне придется сказать ей правду, которая ей точно не понравится.

— И чем же, позволь поинтересоваться? Я не стала тебе навязывать свое мнение: ты сам выбрал свое будущее на ближайшие несколько лет. Так, может, хотя бы посвятишь маму в свои грандиозные планы? — она уперла руки в боки и пристально смотрела на меня.

Я продолжал сверлить экран взглядом, мне совсем не хотелось смотреть на маму.

Сам не знаю, почему я два года назад поступил так, но все произошло слишком быстро, и я толком ничего не успел понять. У меня

в голове еще никогда не было мыслей о моем будущем, я привык жить сегодняшним днем. В моей жизни все было стабильно и мне казалось, что так будет всегда: я каждый день буду вставать в семь часов, завтракать, идти в школу, а в три часа поеду домой на автобусе с тем самым противным водителем, с которым ездил каждый день. А потом мы как всегда придумаем что-нибудь интересное с Бобом и весело проведем остаток дня. Или я встречу с Даниэлой, и мы пойдем в кафе или в кино, или по магазинам, что она так любила делать. Вечером, когда я приду домой, мы поболтаем с Марком, потом придет Стеф, мы поругаемся, потом помиримся, и все будет, как всегда. Поэтому когда я переходил в старшую школу, и мне надо было выбрать предметы, которые я буду изучать, и которые помогут мне при моем поступлении в колледж, я сильно растерялся. Я даже не задумывался, что ждет меня дальше, с каким делом я хотел бы связать свою жизнь. Многие мои одноклассники к тому времени уже определились с будущей профессией, и им не составило труда выбрать программу своего обучения. Я же, когда пришла и моя очередь писать заявление, совершенно не знал, как мне поступить. Мои родители очень целеустремленные люди, они всегда добивались своего. У них была четкая цель в жизни, они знали, чего хотели достичь. И им никогда не понять моего отношения к жизни, которое было, по крайней мере, в то время, когда и происходили все эти события. Для родителей важно, кем я стану, какого положения в обществе я добьюсь, поэтому они очень ценили то, что делали мои братья, а за меня они постоянно переживали и пытались направить на тот путь, который казался им верным. Ведь они думали, что сам я был не способен сделать такой выбор. Поэтому, чтобы не расстраивать их, я просто взял и вписал в бланк все те же предметы, которые выбрала Даниэла. Она решила, что будет изучать иностранные языки и международные отношения, а после школы поступит в университет. Поэтому когда родители увидели заявление, они сразу его подписали, и остались довольны мной. Я же вообще не представлял, как буду учиться дальше. Я считал это скучным, неинтересным, а когда я сказал Даниэле, что тоже планировал в будущем заниматься тем же, что и она, Даниэла пришла в восторг. За прошедшие два года я уже успел забыть обо всем, и вот сейчас мама снова завела неприятную для меня тему. Я не знал, что ей ответить: сказать правду или снова лгать. Но мне не хотелось портить вечер, расстраивать маму, и я хотел увидеться с Даной, поэтому я сказал:

— Я буду изучать международные отношения, — говоря это, я не смотрел на маму: лучше бы она ни о чем не догадалась.

— Это хорошо, — смягчилась она. — Папа обязательно поможет тебе после окончания учебы в колледже получить работу: у него было много солидных клиентов, которые остались ему благодарны, — мама улыбнулась.

Я улыбнулся в ответ, чтобы она ничего не заподозрила, но улыбаться мне совсем не хотелось. Я вдруг понял, что в своей жизни я ни к чему не стремился, ничего не хотел добиться. Я почувствовал, что недостойн того отношения и доверия, которое оказывали мне родители. Мне стало стыдно за себя, за то, что я обманул свою семью, обманул их надежды. Мои братья совсем на меня не похожи. Марк всегда знал, кем он будет и чем хотел заниматься. Стеф же быстро определился с направлением своей деятельности, когда учился в старшей школе. И только я до сих пор ничего для себя не решил, и все время откладывал принятие решения. Если я признаюсь в этом отцу, он меня не поймет. Мама же теперь точно уверена, что я все распланировал для себя в будущем и точно знал, что мне делать. От всех этих мыслей мое настроение совсем испортилось. Мне не хотелось больше оставаться дома, потому что я остро чувствовал свою вину перед семьей. Поэтому, сказав маме, что встречаюсь с Даниэлой, я быстро вышел на улицу.

В голове у меня были мысли только о том, что мне делать. Я понял, что должен сейчас решить для себя: хочу ли я того будущего, которое опрометчиво выбрал для себя два года назад. Слабо представляя себе, что такое работа, что значит зарабатывать деньги, или быть ответственным за свои решения, я не мог уяснить для себя, какой будет моя жизнь после окончания школы. Я привык жить так, как жил сейчас, что-либо менять мне совсем не хотелось. И все же мне надо было принять решение: либо я оканчиваю школу и поступаю в колледж именно на ту специальность, которую выбрал для себя, либо я не поступаю вообще никуда. Может, так было бы и лучше: я бы не мучил себя этими размышлениями и не обманывал бы родителей. Но с другой стороны, если бы я поступил в колледж, то мама с папой были бы счастливы, а я смог бы как-то смириться с тем, что не люблю дело, которое составит мою жизнь.

Я очнулся от своих мыслей только около дома Даниэлы, когда уже звонил в дверь. Через несколько секунд на пороге появилась улыбающаяся Дана и, закрыв дверь, обняла меня:

— Привет! Ты немного раньше, чем я ожидала. Куда мы пойдем?

Вздыхнув, я слегка улыбнулся и ответил:

— Честно сказать, я пока не решил. Поэтому думать нам придется вместе.

— Что ж, — Даниэла прищуря глаза. — Раз ты не стал утруждать себя тяжелым мыслительным процессом, то я решу все за тебя. Пойдем, прогуляемся вдоль реки? Там сейчас очень красиво!

— Давай, — кивнул я. — Мы давно там с тобой не были.

Мы доехали до набережной на автобусе. На месте я купил нам с Даной мороженое, и мы спустились на дорожку, которая проходила совсем близко с водой.

Река спокойно и неспешно колыхалась в лучах заходящего солнца. По блестящей, переливающейся глади воды плыли довольно да-

леко друг от друга несколько небольших лодок. У некоторых из них паруса были спущены, у других, наоборот, - подняты. Была и парочка катеров, в которых отдыхали немногочисленные компании. Около берега в этот час плавало всего несколько уток, хотя днем их здесь бывало гораздо больше. Они склонили головы, как будто пытались найти что-то в глубине реки, и начинали кричать, как только кто-то проходил мимо. Вокруг, в самом воздухе я чувствовал умиротворение, было невероятно красиво, когда мы смотрели на темно-оранжевое солнце, опускавшееся за горизонт: оно как будто тонуло в реке, где-то далеко отсюда. На небе растянулись маленькие облачка, они двигались медленно, некоторые, казалось, застыли на месте. Мы сели на лужайке под деревом, прямо у воды, и наслаждались видом, который отсюда открывался. Листва тихонько шелестела у нас над головами, а с верхних тропинок доносились голоса людей. Но и здесь, у воды, мы тоже были не одни: вдоль берега гуляли или сидели также как и мы, на лужайках, и на скамейках, люди разных возрастов: от подростков немного моложе нашего возраста до пожилых пар. Дана рассказывала мне о том самом платье, которым она грезилась уже две недели, а я, кивая, все думал, о том, как поступить, и стоило ли мне рассказать обо всем Даниэле.

— Том, ты меня даже не слушаешь! — возмутилась Дана, заметя, что я смотрел совсем в другую сторону и не следил за ее рассказом. — У тебя что-то произошло? О чем ты думаешь весь вечер? — смягчив тон, закончила она.

Набравшись смелости, я решил рассказать Данае обо всем. Пусть хотя бы она знает правду: может, если я сделаю это, чувство вины станет немного меньше давить меня.

— Слушай, я должен тебе кое-что рассказать, — начал я. — Только ты должна пообещать мне, что после того, что я скажу, ты не станешь меньше меня уважать или еще что-нибудь в этом роде...

Даниэла вопросительно посмотрела на меня:

— Я не пойму, к чему ты клонишь? Ты натворил что-то серьезное в школе?

— Да нет, — отмахнулся я. — Это не то. Хотя тоже связано со школой. Послушай, для меня это очень, очень важно. То, что я тебе скажу, никто не знает, и если бы я признался во всем родителям, они бы точно от меня отказались, — я опустил голову, предавшись самым мрачным мыслям.

— Том! — с ужасом произнесла Дана. — Что ты такое говоришь! У тебя отличные родители, они любят тебя и ни за что бы так ни поступили. Никогда, я в этом уверена! — она положила руку мне на плечо.

— В общем, это произошло два года назад, когда мы переводились в старшую школу, — я решил перейти к делу. — Когда сдавал заявление, я не знал, что мне выбрать и переписал все предметы,

которые выбрала ты. На самом деле я понятия не имел, что буду делать после школы и куда пойду учиться. И я не могу признаться родителям. Я ничемный сын, ведь я подвел их. Я же знаю, что никогда не смогу заниматься тем, что я выбрал для себя, — я посмотрел на Даниэлу, ожидая, что она прямо сейчас встанет и уйдет: ведь ей не нужен такой, как я, — у меня не было никаких планов, никаких больших целей в жизни. Она оставит меня. От этих мыслей я похолодел, но сказанное не заберешь назад.

Дана секунду сидела молча, без всяких эмоций на лице. Потом она вдруг улыбнулась мне, заправила за ухо прядь волос, упавшую ей на лицо, и тихо произнесла:

— Том, ты что, правда, думаешь, что это такая серьезная проблема? Я в замешательстве развел руками:

— Ты же меня бросишь, ведь так? У меня в жизни нет цели, я совершенно безбашенный, я не хочу добиться чего-то — ты разве не так сейчас думаешь?

Даниэла засмеялась:

— Послушай, что я тебе скажу. Том, ты — лучший, из всех кого я когда-либо встречала. Ты не безбашенный, ты веселый, добрый, на тебя всегда можно рассчитывать. И, то, что ты переписал мои предметы — совершенно не значит, что у тебя нет цели или, что ты ничего не хочешь добиться. Это значит, что ты пока не задумывался над будущим, но разве это плохо? Ведь нам не сорок лет, нам еще рано оплакивать свою якобы несостоявшуюся карьеру. И это в жизни не главное: главное, чтобы рядом были любимые люди, кто-то, на кого ты сможешь опереться в трудный момент, кто всегда выслушает тебя и поймет. Разве не это главное? Ты должен понять, что я люблю тебя не за то, кем ты мог бы стать в будущем, а за то, кто ты есть сейчас. Мне совершенно не важно, какую профессию ты выберешь для себя: это не изменит моего отношения к тебе. Мы с тобой вместе построим то будущее, которое захотим. И выбранные тобой предметы нам в этом не помешают: слышишь, это даже звучит смешно, правда? — Дана, улыбаясь, посмотрела мне в глаза. В ее взгляде я видел участие, теплоту и желание помочь мне.

— Ты действительно считаешь, что у меня все получится? — не веря тому, что только что сказала Дана, произнес я.

— Конечно! О чем ты говоришь — таких упорных людей как ты еще поискать надо, — уверенно ответила она.

Дана совсем не обиделась, не ушла, не наговорила мне гадостей — она осталась, поддержала меня, и теперь мне казалось, что моя проблема не такая уж и серьезная, ведь я сам мог выбирать свое будущее, и я знал, что буду в нем не одинок. Рядом со мной действительно много хороших людей, которые поддерживали меня. И родители должны понять меня, если однажды я пойду другой дорогой, не той, что решил раньше.

— Ты просто не представляешь себе, как я рад, что ты так отреагировала. Честно признаться, я не был уверен, что ты меня поймешь, — ответил я.

— Значит, теперь ты знаешь, что я всегда на твоей стороне, — кивнула Даниэла.

— Знаешь, было бы ужасно, если бы ты ушла... Когда я говорил тебе об этом, я просто не представлял себе, что такое на самом деле может произойти, — признался я.

Даниэла придвинулась ближе ко мне, и я обнял ее за плечи.

— Тогда давай не будем об этом думать. Все равно этого никогда не случится, — произнесла Дана.

Я вдохнул немного горьковатый осенний воздух, который смешивался с запахом волос Даниэлы, слегка прикоснулся к ним щекой и закрыл глаза. Я был самым счастливым человеком на Земле.

С Марком я увиделся только поздно вечером, когда оказался дома. Столкнувшись с ним у входной двери, я очень этому удивился.

— Привет, Марки! — заискивающе начал я. — Что это ты делаешь в такое время у входной двери? Ты еще не спишь?

Марк скорчил недовольную гримасу:

— Совсем не смешно! Я только пришел.

Я вопросительно посмотрел на брата:

— Где же ты был? Да еще в такое позднее время?

— Хватит, Том. Это, правда, совсем не смешно, — Марк пригрозил мне пальцем. — Я просто гулял.

— Ты просто ходил по улицам туда и обратно? Или, быть может, ты читал, сидя на лавочке, тот самый научный трактат по экономике, который приобрел в воскресенье? — я участливо посмотрел на брата.

Марк раздул ноздри и немного набылчился. Было видно, что он разозлился, но сдерживался, стараясь это скрыть. Это меня развеселило еще больше, тем более что, после прогулки с Даниэлой, я снова пришел в обычное приподнятое состояние духа. Но я решил больше не мучить брата, и просто спросил:

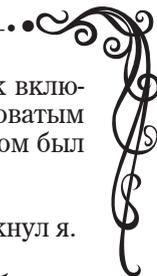
— Куда ты ходил? Ну, мне просто интересно! Ладно, не злись, я же пошутил, — я похлопал Марка по плечу.

Тот сразу воспрянул духом и, взяв с пола свою сумку, стал подниматься наверх. Я пошел следом за ним

— Я и не думал на тебя дуться, — улыбнувшись, ответил Марк. — Я встречался со своим другом по университету. И, кстати говоря, ты не хочешь спросить, как прошел мой визит на место преступления?

— Точно! — вспомнил я. — Совсем забыл, а ведь хотел сразу у тебя поинтересоваться этим, но твои вечерние похождения сбили меня с мысли.

— Считаю, что я тебя снова прощаю, — великодушно сообщил в ответ Марк.

Мы зашли в его комнату, и я закрыл за нами дверь. Марк включил ночник, который слегка осветил комнату мягким желтоватым светом, положил сумку на пол у письменного стола, на котором был жуткий бардак, снял свитер и сел на кровать:

— Я сегодня так устал, - вздохнул он.

— Понимаю-понимаю, учеба жутко выматывает, — поддакнул я.

— Том!

— Я же говорю, давай ближе к делу, — как ни в чем ни бывало ответил я.

— Если бы ты не был моим братом, я бы с тобой поругался, — сказал брат. — А если ближе к делу, то меня не пустили дальше ограждения. Вокруг были полицейские, осматривали дом, прилегающую территорию и опрашивали соседей. Поэтому когда они увидели меня, то даже не захотели со мной разговаривать. Я решил, что не стоит нарываться на неприятности, и ушел, — закончил Марк.

— Дверь, конечно, открыли ключом, — утвердительно произнес я.

— Да, ты прав. Это, пожалуй, единственное, что мне удалось узнать у полицейских, которые стояли у ограждения, — подтвердил брат.

— Надеюсь, теперь миссис Картер поменяет замки, иначе ее и в третий раз ограбят, — я покачал головой.

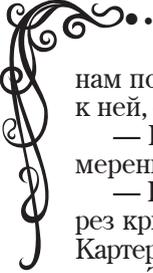
— Не понимаю, почему она этого сразу не сделала? — пожал плечами Марк. — Наверное, посчитала, что второй раз к ней в дом никто не полезет. Было так глупо на это рассчитывать.

— Что же могли искать у нее дома? Может какие-то ценности, о которых миссис Картер ничего не сказала полиции? Может, они вообще не дома спрятаны, а в банковской ячейке, например, или где-то в другом месте? — размышляя вслух, спросил я.

— Наши размышления все равно нас никуда не приведут. Лично мое мнение — возможно, что предмет, который искали, не находился там в тот момент, когда происходило ограбление. Раз вор попытался сделать это во второй раз, значит, он был уверен, что этот предмет в доме. Я сомневаюсь, чтобы злоумышленник упустил возможность все как следует проверить в субботу ночью, когда ему никто не мешал. Вспомни хотя бы бардак, который он устроил в доме. Поэтому логично предположить, что когда миссис Картер вернулась, о чем вор был осведомлен каким-то образом, он решил снова попытаться найти то, что его так интересовало. Значит, вор думал, что миссис Картер взяла это нечто с собой в поездку. Но что это могло быть, я понятия не имею, — подытожил Марк.

— Мы должны спросить у самой миссис Картер, что она брала с собой, когда уезжала к сестре, — предложил я.

— Успокойся, Том, нас к ней в палату даже не впустят, не то что бы разрешили поговорить минут десять. Она же с сотрясением мозга лежит, к тому же полиция может держать ее под охраной. Лучше

нам подождать немного, а через пару дней мы могли бы навеститься к ней, — не согласился со мной Марк.

— И что нам теперь делать? — я решил полюбопытствовать о намерениях моего брата.

— Ничего, — Марк посмотрел на меня. — Что ты думаешь, мы через крышу с помощью альпинистского снаряжения в палату к миссис Картер спустимся? Это пока может подождать, есть дела и поважнее...

— Эй, я что-то не понял: какие это дела у тебя вдруг появились так внезапно? Надеюсь, ты не разрабатываешь план полета на Луну или что-нибудь в этом научном роде? — я возмутился такому заявлению. Меня просто поражало, как быстро менялась точка зрения Марка: то он был готов пробыться на место преступления, чего бы ему это ни стоило, он предлагал навестить миссис Картер, а сейчас, поразмыслив об этом, вдруг решил, что это бесполезное занятие. Все-таки, мой брат до мозга костей реалист.

— Если тебе так интересно — нет, я не планирую лететь на Луну в ближайшие несколько дней, — ехидно ответил Марк. — Отнесись к этому проще: ведь ничего жутко страшного не произошло, миссис Картер скоро поправится, а Тейлор поймает всех злодеев. А сейчас я предпочел бы лечь спать, — Марк встал с кровати и, открыв дверцу шкафа, стал что-то искать в ворохе сваленных в кучу вещей.

— Понятно, значит, ты хочешь от меня избавиться, — проворчал я.

— Что-то типа того, — ответил мне Марк из шкафа.

— Ладно, до завтра, — я не стал спорить с братом и вышел из комнаты в коридор.

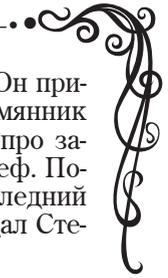
Как только за мной закрылась дверь, я услышал голос Стефа, который о чем-то разговаривал с отцом внизу, в холле. Что-то в последнее время холл первого этажа стал у нас в семье переговорным пунктом. Я никак не мог разобрать, о чем они говорили, поэтому решил спуститься вниз. Если бы это был очень важный разговор, они точно закрылись бы в кабинете. Спустившись, я увидел, что отец и Стеф стояли у входа в гостиную, лицо брата было расстроенным, да и сам он выглядел «убитым». Отец, в темно-коричневом костюме, с галстуком и со своим любимым портфелем стоял напротив моего старшего брата, положив руку ему на плечо, и что-то говорил в ответ, более тихим голосом, чем Стеф. Он тоже выглядел немного расстроенным, но не настолько, насколько мой старший брат.

— Привет! — я подошел к ним. — Как дела?

Стефан повернулся ко мне, посмотрел на меня печальными глазами, и просто кивнул. Папа же ответил:

— Привет, сынок, мы тут со Стефаном разговаривали насчет одного его знакомого, ты, скорее всего, с ним не встречался.

— Да? И кто же это? Может, я его и знаю: иногда, мне приходится проявлять инициативу, чтобы узнать с кем дружит мой старший брат, — улыбнулся я.

— Ты его видел, когда на выходных мы играли в карты. Он приезжал за мной и Ланой на машине: это Джордж Палмер, племянник миссис Картер. Помнишь, вы с Марком рассказывали мне про записную книжку, которую мы нашли... — начал объяснять Стеф. Понимая, что он сейчас слишком много расскажет папе, а последний может догадаться о наших детективных похождениях, я не дал Стефу договорить и быстро сказал:

— Да-да, я понял. Что там случилось с Джорджем?

— Ты его знаешь! — воскликнул отец. — Хорошо, что вы знакомы с друзьями друг друга.

— Том знает Джорджа, и еще парочку моих знакомых. И больше никого, — начал гнуть свое Стеф.

— Так что с Джорджем? — я решил напомнить им свой вопрос.

— Сегодня днем он позвонил мне и сказал, что его задержали по подозрению в покушении на убийство его тетки, миссис Картер, — ответил Стеф.

— Что?! — я даже подскочил на месте от неожиданности. — Не может быть!

— Если бы! — вздохнул Стеф. — Полиция считает, что это он ударил ее по голове чем-то тяжелым, и пытался найти новое завещание, которое она составила недавно.

— Какое еще завещание? — я уже ничего не мог понять из того, что говорил мне брат.

Тут вмешался отец:

— Миссис Картер, насколько я понял, составила новое завещание, согласно которому ее имущество после смерти переходит к благотворительному фонду, посвященному помощи больным раком, — объяснил он. — А по первоначальному завещанию все имущество отходило ее племяннику, то есть Джорджу. Полиция полагает, что Джордж, когда узнал о новом завещании, решил его выкрасть. Поэтому его и арестовали сегодня.

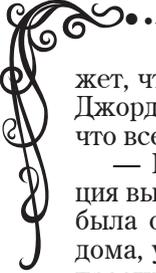
— Но это глупо — зачем ему красть завещание, ведь если бы миссис Картер узнала, что оно пропало, она бы просто составила новое! К тому же о нем знал ее адвокат, который его подписал, — возразил я.

— Оно еще не было подписано, — пояснил Стеф.

— Откуда же Джордж мог узнать, что его тетя составила новое завещание? Только если миссис Картер сама ему об этом рассказала, — уточнил я.

— Джордж утверждает, что ничего не знал, и когда ему сообщили обо всем, он просто этому не поверил! Ведь у него и его матери всегда были хорошие отношения с миссис Картер, и она никогда не говорила, что хочет оставить свое имущество какому-нибудь фонду, — Стеф развел руками.

— Но что же теперь делать? — в отчаянии спросил я. — Джорджа посадят в тюрьму? — я посмотрел на папу, надеясь, что он ска-

жет, что все будет хорошо, что произошло недоразумение, и завтра Джордж выйдет на свободу. Но отец всем своим видом дал понять, что все обстояло как раз наоборот:

— Боюсь, что ваш друг попал в большие неприятности. Полиция выбрала его главным подозреваемым, и это не случайно: дверь была открыта ключом, преступник знал, когда хозяйки не будет дома, у него была определенная цель, и он не побоялся совершить преступление во второй раз. Отпечатки пальцев Джорджа, как сказал мне Стеф, найдены во всем доме. Свидетели видели незнакомого мужчину в ночь первого ограбления в непосредственной близости от дома, поэтому, с точки зрения закона, я могу сказать только одно: Джорджу нужен хороший адвокат, и как можно скорее, — заключил папа.

— Поэтому я и прошу взяться тебя за это дело. Ты один из лучших адвокатов по уголовным делам в городе! — взмолился Стеф.

— Послушай, я все понимаю, мне очень жаль твоего друга, но сейчас я по уши завален делами, и у меня совсем нет свободного времени. Думаю, если Джордж обратится в любую другую адвокатскую контору, ему не откажут. Если провести расследование, то, полагаю, здесь можно добиться определенных результатов, — уклончиво ответил отец. — При условии, что Джордж не виновен.

— Конечно, он не виновен! — воскликнули мы со Стефом в один голос.

— Хорошо, я все понял, — закивал отец. — Но я не могу взяться за это дело. Пусть Джордж обратится, например, Стеллсу. Он очень неплох в делах такого рода, да и берет за свои услуги немного меньше, чем остальные.

— Сейчас у его семьи совсем мало денег: его мать оплачивала учебу Джо в колледже, у них долг за дом, который они купили пару лет назад. Поэтому Джо не сможет оплатить услуги адвоката. Мы с его друзьями могли бы собрать какие-то деньги, но не всю сумму полностью. Поэтому ты должен помочь! — умолял отца Стеф.

— Извини, Стефан, но ничего не получится, — твердо произнес отец. — Я сейчас слишком занят, и не могу взвалить на свои плечи еще одно дело. Я привык выигрывать, а в таком бардаке, который обязательно произойдет, если я соглашусь, я никогда и ничего не выиграю. Поэтому единственное, что я могу сделать — позвонить Стеллсу и попросить взять дело Джорджа. Уверен, он сделает скидку.

— Стеллс мог бы и за половину стоимости согласиться: там плевое дело — Джордж ведь не виновен, — вкрадчиво произнес я.

— Сомневаюсь, что на такие условия кто-то пойдет — усмехнулся отец. — А теперь, я считаю, что наш разговор на эту тему окончен. Я попрошу Стеллса заняться Джорджем, но твой друг должен знать, что за ничтожный гонорар этот старый скряга не согласится. Но

пусть он не сомневается: если уже Стеллис возьмется, то раскопает все, до последней косточки, — обратился папа к Стефу. — Вот номер Стеллиса, пусть Джордж скажет ему, что звонит от моего имени. Это все, что я могу сделать для него, — отец протянул Стефану визитку с номером адвоката.

Стеф молча взял ее и кивнул. Было видно, что брат расстроен. Не трудно предположить, что он рассчитывал, как, впрочем, и я, на то, что отец согласится стать адвокатом Джорджа. По крайней мере, оставалось надеяться, что неизвестный Стеллис согласится защищать Джо и не запросит за свои услуги слишком большую плату.

Отец, посчитав нашу беседу оконченной, ушел к себе в кабинет, который находился на первом этаже, рядом с гостиной, а Стеф, вздохнув, произнес:

— Это лучше, чем ничего, — он хлопнул меня по плечу и направился к лестнице.

— Не расстраивайся, Стеф, — я постарался подбодрить брата. — Я уверен, что все будет хорошо, и Джорджа освободят совсем скоро. Ведь папа же обещал, что Стеллис сделает скидку, — значит, так и будет, и его родители смогут оплатить адвоката.

— Я тоже на это надеюсь, — отозвался брат.

Стеф ушел в свою комнату, а я решил, что если все расскажу Марку, то мы сможем помочь Джорджу, не дожидаясь адвоката. Ведь племянник миссис Картер — хороший парень, и я был уверен, он не стал бы так поступать со своей теткой.

Я быстро поднялся наверх. По дороге меня догнала Ресси, которая не просилась сегодня на улицу, из чего я сделал вывод, что кто-то с ней уже погулял. Я потрепал ее по загривку, от чего Ресси явно получила заряд энергии, потому что принялась скакать вокруг меня кругами и громко лаять. Я даже не пытался ее успокоить, потому что из этого никогда ничего не выходило: если уж она решила играть, значит, будет играть во что бы то ни стало. Подойдя к закрытой двери комнаты Марка, я постучал и зашел, не дожидаясь его ответа: мне хотелось рассказать ему новость, которую я только что узнал, и нетерпение переполняло меня все больше и больше. Собака осталась в коридоре и по звукам, доносившимся из-за двери, я понял, что Ресси побежала к маме, которая тоже была на втором этаже.

— Марк, я такое сейчас узнал! — повернувшись лицом к столу, за которым обычно сидел брат, когда, что-нибудь делал, я его там не обнаружил. Я перевел взгляд в сторону и увидел, что он мирно лежал на кровати и что-то читал. Услышав мой голос, Марк взглянул на меня и недовольно спросил:

— Что еще произошло? Я только начал читать «Анализ валютных бирж», а тут ты со своими новостями, которые ничего хорошего обычно не сулят.

Я залез на кровать к брату и сел рядом с ним.

— Хватит уже читать заумные книжки, — взяв у него из рук сие великое произведение, я отложил его на прикроватную тумбочку, и интригуяще произнес: — Я знаю, кого подозревает полиция!

— Откуда? Посмотрел вечерние новости? — вскинув брови, спросил Марк. — И что ты тут расхозьяйничался?

— Хватит тебе, Марк, я серьезно, — улыбнулся я. — Только что видел Стефа, который просил папу защищать Джорджа, племянника миссис Картер: его подозревают в покушении на убийство!

Услышав это, Марк сел и ошарашено посмотрел куда-то в пустоту. Он явно был обескуражен. Прошло пару секунд, прежде чем он отмер и воскликнул:

— Но какие же доказательства есть против него у полиции, кроме подозрений?

— Дверь открыли ключом, а у Джорджа он был. Джо знал, когда миссис Картер не будет дома, и еще полиция нашла завещание, по которому все имущество отходит благотворительному фонду, — пояснил я.

— Вот это да! — присвистнул Марк. — Еще и завещание! А про него ты ничего поподробнее не узнал?

— Стеф сказал, что это второй вариант, первый вроде как устраивал всех. Теперь Картер вдруг ни с того ни с сего передумала, и решила, что родственники не достойны получить ее деньги. Хотя, как сказал Стефу Джордж, никаких разногласий между ними не возникало. Завещание не было подписано, и все решили, что Картер еще не успела этого сделать. И Джордж, каким-то образом узнав о том, что тетка решила оставить его ни с чем, захотел уничтожить завещание. А потом вдруг надумал заодно убить свою тетю. В общем, полиция держит его под стражей, а денег на хорошего адвоката у Джо нет, поэтому Стеф и просил отца помочь, но тот отказался, — протарахтел я.

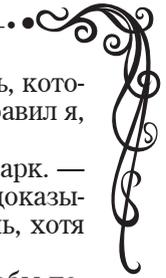
— Почему? — удивился Марк.

— Сказал, что у него сейчас на работе — полный аврал, и он не может позволить себе взять еще одно дело. Но пообещал позвонить какому-то адвокату, который, возможно сделает скидку, если отец попросит его об этом.

— Да уж, не повезло Джорджу, — протянул Марк. — Завещание, конечно, довольно веская улика, но только если бы все точно были уверены, что Джордж знал о его существовании! Конечно, это подтверждает мотив, но никаких прямых улик против него нет.

— Еще Стеф сказал, что отпечатки Джорджа нашли во всем доме — по мнению полиции, это, наверное, считается доказательством того, что он и был грабителем, — я вспомнил еще одну деталь нашего разговора с папой и моим старшим братом.

— Или может доказывать только то, что Джордж неоднократно бывал в доме миссис Картер: не зря же он ее племянник! — возмутился Марк.

— И еще полиция объяснила Джорджу, что есть свидетель, который видел мужчину рядом с домом в ночь ограбления, — добавил я, усмехнувшись.

— Этот свидетель, конечно же, ты, — покачал головой Марк. — Который видел неразличимую тень в свете фонарика! Это доказывает только то, что ограбление произошло именно в эту ночь, хотя даже это утверждать трудно.

— Но отец сказал, что этих доказательств достаточно, чтобы посадить Джорджа в тюрьму, — возразил я. — Полагаю, полиция рассуждает с противоположной нам точки зрения.

— Том, мы должны помочь Джорджу! — неожиданно произнес Марк тихим голосом. — Если уж мы с самого начала оказались втянутыми в это расследование, придется довести его до конца. Тейлор нас знает, и вряд ли подозревает в чем-то предосудительном, поэтому его нам не стоит опасаться. Но лучше, если никто не будет знать, что мы пытаемся что-то выяснить, иначе нам не избежать расспросов, а родители будут переживать и ни за что не разрешат нам этим заниматься. Давай постараемся найти преступника сами. Что ты об этом думаешь? — с энтузиазмом предложил брат.

— Конечно, я согласен! Я уверен, что Джордж ни в чем не виноват.

— Договорились. Итак, завтра нам надо как-то увидеться с Джорджем, чтобы не вызвать ни у кого подозрений. У тебя есть какие-то предложения?

Я на секунду задумался:

— Пожалуй, да. Я знаю, как мы сможем с ним встретиться.

— Как? — быстро спросил брат.

— Для этого нам понадобится помощь Стефа, — объяснил я.

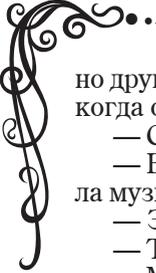
— Ты уверен, что он согласится нам помочь? — недоверчиво ответил Марк. — Сколько я его помню, он никогда не спешил выполнять наши просьбы.

— Я уверен, что он согласится. Тем более что и делать ему почти ничего не придется.

— Ладно, делай то, что решил, но только запомни: Стефу тоже не надо ничего знать о том, что мы ввязались в эту авантюру, — напомнил мне Марк.

— Еще бы я забыл об этом, — усмехнулся я.

Решив поговорить со старшим братом как можно скорее, после разговора с Марком я сразу пошел искать Стефа. В его комнате никого не было, поэтому я заглянул в каждую комнату на втором этаже, спустился вниз, и обнаружил, что Стефа уже не было дома. И как только он успел куда-то уехать, ведь мы разговаривали с Марком от силы полчаса! Да и по настроению брата я бы не сказал, что сегодня вечером он был предрасположен к прогулкам. Я нашел маму, которая, когда я спросил у нее о местонахождении Стефа, ответила, что за ним заехал его знакомый. Мне совсем не хотелось звонить брату,

но другого не оставалось, поэтому я набрал его номер и, дождавшись, когда он снимет трубку, заинтересовался:

— Стеф, ты будешь сегодня дома? Мне нужно с тобой поговорить.

— Вряд ли, - ответил брат. Из трубки, на фоне его голоса, грохотала музыка, и я понял, что он уже очень далеко от дома.

— Это насчет Джорджа, — уточнил я.

— Ты не можешь сейчас спросить все, что тебе нужно?

— Могу, конечно, но если бы мы разговаривали с тобой при встрече, то я бы быстрее тебя убедил.

— Какое у тебя, однако, острое чувство юмора! — иронически заметил Стеф. — Ладно, давай, выкладывай, что там у тебя.

Музыка в трубке немного стихла, и я понял, что брат вышел на улицу или, по крайней мере, в другую комнату, что поговорить со мной. Это внушило мне уверенность в том, что он все воспринял серьезно и должен был согласиться на мою просьбу.

— Ты завтра случайно не собираешься навестить Джорджа? — спросил я.

— Ну, в общем-то, собираюсь. А что? — насторожился брат.

— Когда я рассказал Марку о том, что Джорджа подозревают в покушении на убийство, мы с ним подумали, что было бы не плохо, если бы мы навестили Джорджа в тюрьме все вместе. Это бы подняло ему настроение, он бы понял, что есть люди, кроме его семьи, которые верят в его невиновность, — изложил я свою просьбу.

— Хм, может ты и прав, - согласился Стеф. — Но с чего вдруг вам с Марком так захотелось навещать в тюрьме совершенно незнакомого человека?

— Я же лично знаком с Джорджем, и хорошо к нему отношусь. И ты знаешь Марка — он ведь так сочувствует всем, он у нас такой добрый! А когда Марк узнал, что Джордж один из твоих близких друзей, он сразу предложил поддержать его, — выкрутился я.

— Ясно, — ответил Стеф. — Я планирую пойти в полицию завтра после двух часов. Вас это устраивает?

— Да, это отлично! — обрадовался я. — Мы придем.

— Надеюсь, вы не прогуляете занятия, — серьезно произнес Стеф.

— Что ты! Разве Марк смог бы совершить такой ужасный поступок! Про себя я вообще молчу, - в тон ему ответил я.

— Договорились, — засмеялся брат. — Жду вас завтра после двух часов в участке.

Я был очень доволен собой. В принципе, сомнений на счет того, что брат согласится, у меня практически не было, но, зная характер Стефа, от него можно было ожидать чего угодно.

Значит, если мы завтра увидимся с Джорджем, то сможем расспросить его обо всех деталях расследования, которые сообщили ему полицейские. А может быть, ему было известно что-то, чего не знал детектив Тейлор. В сложившейся ситуации, я склонялся к тому,

что Тейлор решил посадить Джорджа, потому что других подозреваемых у него не было, да и доказательств, как он считал, у него достаточно. Нельзя допустить, чтобы невиновному человеку, у которого просто не было денег на хорошего адвоката, сломали жизнь и посадили на четверть века в тюрьму.

Поднявшись к Марку, я сообщил ему хорошую новость. Услышав ее, брат широко улыбнулся:

— Отлично! — заключил он. — Завтра у нас будет возможность узнать у Джорджа о завещании подробнее.

— Почему тебя так волнует это завещание? На мой взгляд, лучше было бы доказать алиби Джорджа на момент ограбления, тогда и вопросов никаких не осталось бы.

— Если он скажет, что в момент ограбления, он спал дома, один, и никто не сможет этого подтвердить? — спросил Марк.

— Тогда у Джорджа не будет алиби, — грустно ответил я.

— Вот именно! А завещание доказывает его мотив. Поэтому мы должны выяснить, у кого еще был мотив для совершения этого преступления, — пояснил Марк.

— Твое логическое мышление меня поражает!

Марк довольно улыбнулся.

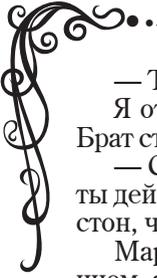
Наговорившись с братом, я пошел спать около половины двенадцатого. Выдался очень насыщенный событиями день, и я очень сильно устал. Как только я лег в кровать, то сразу же отключился.

Ночью мне снились какие-то странные сны, в которых была Даниэла, но она почему-то оказалась девушкой Джорджа, и слезно умоляла меня помочь ему. Потом появился Стеф в длинной просторной тунике и с длинными волосами, которые в жизни он отстриг уже несколько лет назад, и, протянув руку в пустоту, взглянул на меня елейным взглядом и стал вести со мной философские беседы о смысле жизни, а в конце заключил: «Не зря я все-таки пошел на юриста». Тут же появилась наша преподаватель по физике, миссис Ливингстон, одетая в мужской костюм с бабочкой, и, трясая в воздухе указательным пальцем, стала рассказывать, как именно создается водородная бомба. Потом каким-то образом на столе перед ней появилась та самая бомба, представлявшая собой что-то типа небольшой торпеды. Ее сразу же взял в руки Марк, не понятно как оказавшийся на уроке физики, и, странно улыбаясь, поднял ее над головой и стал кричать: «Ну, теперь-то у меня все получится! Я улечу на Луну!!!» Его рот искажился в ухмылке, подозрительно похожей на оскал. Он стал двигаться прямо на меня, размахивая при этом водородной бомбой из стороны в сторону, и вдруг заговорил своим обычным голосом:

— Том, Том! Ты меня слышишь? Я нашел что-то важное!

Испугавшись, что именно сейчас он бросит бомбу, и она, без сомнения, взорвется, я заорал благим матом:

— Нет!!! Только не сейчас! Я слишком молод, чтобы умереть!

— Том! — закричал Марк. — Том!!!

Я открыл глаза и резко сел. В темноте я различил силуэт Марка. Брат стоял рядом с моей кроватью, и продолжал трясти меня за плечи.

— Слава Богу! — вздохнул я с облегчением. — Я уж подумал, что ты действительно решил взорвать водородную бомбу миссис Ливингстон, чтобы улететь на Луну!

Марк молча застыл на месте, обескураженный моим высказыванием, а потом засмеялся:

— Да уж, а я думаю, почему ты так испугался, когда я к тебе подошел, и стал умолять оставить тебя в живых!

— Я что, говорил во сне? — удивился я.

— Ты, скорее, кричал, — уточнил Марк. — Послушай, я кое-что обнаружил, ты должен взглянуть на это.

— Прямо сейчас? — недовольно спросил я, взглянув на часы, которые показывали без четверти три.

— Именно! Мне кажется, это очень важно! — подтвердил Марк.

Я слез с кровати и потянулся. В голове не было ни одной мысли, что бы такое срочное мог найти Марк, из-за чего ему понадобилось выгаскивать меня посреди ночи из теплой постели. Выйдя за братом в коридор, я с ним вместе дошел до его комнаты и остановился рядом со столом, на котором горела настольная лампа, и были разложены какие-то листы бумаги. Марк сел на стул и, придвинувшись к столу, ткнул пальцем в один из тех самых непонятных листов.

— Вот, — сообщил он. — Это именно то, что я нашел! Правда, удивительно?

Я с сомнением покосился на листы, исписанные странными буквами, и, ничего там не поняв, спросил:

— А что это?

Марк пораженно посмотрел на меня и ответил:

— Ты не знаешь что это такое?

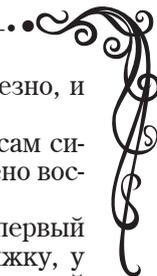
— Конечно, нет! Это больше похоже на бред сумасшедшего, чем на какие-то важные записи, — ответил я, не понимая, что такого нужного нашел брат в этих каракулях.

Марк покачал головой и проворчал что-то насчет того, что я слишком мало читал.

— Это же шифр! — наконец, пояснил он. — Посмотри, здесь много записей зашифрованы: на пятой странице, на шестнадцатой и на многих других. Когда я это увидел, мне пришла мысль, что это может быть как-то связано с ограблением.

Марк провел пальцем по листам бумаги, на которых выстроились в ряды странные наборы букв. И тут я заметил, что это какие-то отсканированные записи на листах, больше похожих на страницы в записной книжке.

— Марк! Неужели ты отсканировал записную книжку Бакера прежде, чем отдать ее полиции?! — произнес я.

— Ну, да, — кивнул брат. — Я решил, что это будет полезно, и ведь действительно пригодилось!

— Но ты же говорил, что нельзя читать чужие записи, а сам сидишь и изучаешь их, чуть ли не под микроскопом! — ошарашено воскликнул я.

— Это же для пользы дела! К тому же, я сегодня только первый раз присмотрелся к этим записям, а когда сканировал книжку, у меня даже в мыслях не было читать ее. Я сделал это просто на всякий случай, — оправдался Марк.

— Ладно, даже хорошо, что ты так поступил, — поразмыслив, ответил я. — Но с чего ты взял, что это может иметь какое-то отношение к ограблению? Ведь мы же выяснили, что записную книжку украл Эванс, и Бакер здесь совершенно ни при чем, — я пожал плечами.

— Если Бакер был как-то связан с миссис Картер, то он тоже мог быть заинтересован в ограблении, — напомнил мне Марк

— Но ты же сам говорил, что Бакер старый и не смог бы проверить такое, да еще дважды, — возразил я.

— Я помню, но нельзя исключать даже такую возможность, — ответил брат. — Если это так, то вероятно, что в записной книжке он мог зашифровать описание своего плана или еще что-нибудь, что могло бы нам помочь. Поэтому я считаю, мы должны в любом случае расшифровать записи.

— Ты сможешь сделать это сам? — спросил я, даже не подозревая как можно разобраться в таком наборе букв.

— Не уверен, что у меня получится. Шифр очень сложный. Но я знаю одного человека, который мог бы нам помочь, — улыбнулся Марк.

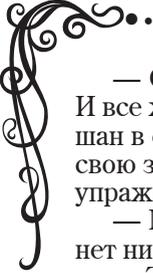
— Даже так? И кто же это?

— Мой преподаватель, мистер Джон Бруклин. Он вел у меня историю мировой экономики в прошлом семестре, — объяснил брат.

— Постой, но как преподаватель по истории экономики может понимать что-то вот в этом? — я непонимающе посмотрел на брата и указал рукой на зашифрованный текст.

— Сейчас расскажу. Мистер Бруклин доктор экономических наук, но у него есть хобби, он даже написал несколько работ на эту тему — он исследует алгоритмы шифрования текстов, криптографию, — рассказывал Марк. — Мистер Бруклин был моим научным руководителем, поэтому я часто с ним встречался. Он рассказал мне о своем увлечении искусством шифрования. И, учитывая, что мы с ним в хороших отношениях, то я думаю, он не откажется мне помочь. Ему точно будет интересно разгадать этот шифр!

Я присвистнул: у Марка в университете работали чуть ли не агенты ЦРУ. Если то, что сказал брат действительно правда, то я уже представлял, как обрадуется Бруклин, когда увидит эти письма.

— Отлично! Значит, эту проблему мы решили, — я вздохнул. — И все же мне кажется весьма сомнительным, чтобы Бакер был замешан в ограблении, да еще и записал, что-то секретное насчет этого в свою записную книжку. Ты не забывай — он же писатель, наверное, упражнялся в шифровании для своей новой книги.

— Может оно и так, но нам надо знать точно, что в этих записях нет ничего ценного для нас, — гнул свое Марк.

— Тейлор тоже, скорее всего, уже заметил, что записная книжка Бакера не такая простая, какой кажется на первый взгляд. Думаешь, он не догадается, что перед ним зашифрованный текст? — спросил я.

— Не знаю, но даже если он уже это понял, то совсем не означает, что он придаст шифру какое-то значение. Ведь Тейлор, как он считает, уже поймал преступника, а значит, ему не надо думать над всякими загадками, — ответил Марк.

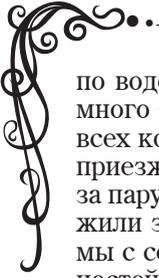
С этим сложно было не согласиться. Что ж, некоему Джону Бруклину придется попотеть в ближайшее время. В одиночку я бы никогда не смог расшифровать эти записи, хорошо, что мой брат такой интеллигент и у него много таких же интеллигентных знакомых. И хотя я остался при своем мнении о том, что шифр не имеет никакого отношения к ограблению, все же мне было интересно, насколько важными могли оказаться сведения в записной книжке. Но первоочередным мне сейчас представлялась судьба Джорджа, которого заперли в камере, хотя он был совершенно невиновен. Я и сам не мог понять, откуда у меня была такая уверенность в том, что почти незнакомый мне человек каким-то образом не причастен к преступлению. Может, это из-за того, что в этом был уверен Стеф, или мне просто хотелось верить в то, что близкий родственник никогда не совершит такого?..

Глава 5

С утра у меня было такое хорошее настроение, что я даже погулял с Ресси сам, хотя обычно по утрам это всегда делал кто-нибудь другой. На улице я оказался в половине седьмого, было прохладно, свежий воздух переполнял мои легкие при каждом вдохе. Таким счастливым я уже давно себя не ощущал. Мы пробежали с собакой чуть меньше двух миль, немного поиграли и повалились на траве. Ее длинная рыжая шерсть переливалась и блестела в лучах утреннего солнца, а глубокие, ярко-карие глаза горели восторгом. Ресси сияла от радости, мне даже казалось, что она улыбалась. После этой прогулки я дал себе слово, что хотя бы пару раз в неделю буду гулять с Ресси по утрам. Ведь я был убежден, что Стеф ни за что не стал бы валяться с ней на газоне или бегать несколько кварталов. А я видел, что без меня Ресси скучала. Когда она подбегала ко мне, я чувствовал, что если бы она была человеком, то обняла бы меня, но за неимением рук, она просто клала голову мне на плечо и тихо повизгивала, или облизывала мне лицо, руки; подпрыгивала высоко в воздух и громко лаяла, выражая свою радость. Это непередаваемые ощущения, когда ты знаешь, что тебя так сильно кто-то любит, что кто-то настолько привязан к тебе. Ресси была для меня самым преданным другом, которого никто бы не смог заменить, ей я бы доверил любой свой секрет. И вот сегодня, пока мы шли с ней обратно домой, я рассказывал ей о нашем с Марком плане. Ресси периодически поглядывала на меня умным взглядом, как будто оценивала мои слова.

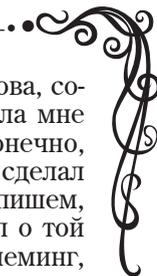
В Бостоне вскоре должно было настать самое красивое время — осенний листопад. Это мои любимые дни: на улице еще не холодно, но уже и не жарко, дождь бывает не часто, и огненные кроны деревьев, которые до сих пор только набирали цвет, совсем скоро начнут украшать улицы прекрасными листопадами. На лужайках появятся разноцветные листья, и с каждым днем их будет становиться все больше и больше. А вскоре и все тротуары, площадь под кронами будут засыпаны красивым ковром из листьев, переливающимся в лучах солнца. Река Чарльз тоже преобразится: воды станут как будто темнее, листья всех тонов красного и оранжевого цветов покроют ее поверхность, а белые лодки и катера все также продолжают скользить

по воде, развозя многочисленную публику, в числе которой всегда много туристов. В Бостоне постоянно съезжались толпы народа со всех концов света – от Европы до Японии. Мне казалось, что те, кто приезжал посмотреть на город, в котором я жил, узнавали про него за пару дней чуть ли не больше, чем коренные жители, которые прожили здесь всю свою жизнь. Конечно, когда мы только переехали, мы с семьей посетили много музеев, выставок и достопримечательностей, коих в Бостоне хватает с избытком. Но это вскоре надоело, да и было много других дел, поэтому наши похождения закончились также быстро, как и начались. Когда живешь где-то, не задумываешься о том, что можно пойти в музей или сходить и посмотреть на какой-то значимый для этого места камень или вымощенную дорожку, или корабль, или что-то еще. Тебе кажется, что ты и так все уже знаешь, все, что нужно, ты видел, и незачем ходить на выставки по выходным. Ты привыкаешь к этому месту, оно кажется тебе обыденным, и ты с удивлением смотришь на людей, которые с открытыми ртами без устали щелкаю фотоаппаратами на каждом углу. Когда же ты оказываешься в незнакомом городе, это производит сильное впечатление и хочется узнать о нем как можно больше, пропитаться его духом, его историей, осмотреть все его уголки, все существующие музеи и более-менее значимые места. Ты замучаешь гидов, уставших прохожих, продавцов в газетных ларьках, барменов в кафе, прося объяснить, как пройти куда-то, но даже этого не заметишь, потому что тебя с головой охватывает эйфория от нового приключения, которого ты так ждал. Поэтому, долго живя в одном городе, очень сложно бывает оторваться от ежедневного изучения асфальта у себя под ногами и просто оглянуться по сторонам, чтобы понять: ты действительно живешь в прекрасном месте, здесь есть на что посмотреть, и люди, приехавшие с разных континентов, наверное, не зря проделали такой путь, чтобы просто увидеть дорожную пыль и бесконечные потоки машин, которые и привыкли замечать местные жители. Сейчас в Бостоне как раз было на что посмотреть, кроме выставочных залов и катаний на бронетранспортере². Просто погулять по одному из многочисленных парков и скверов и понаблюдать за осенним листопадом в Новой Англии многого стоило.

Пока мы с Ресси дошли до дома, мы вдоволь налюбовались красотами природы. Уже в прихожей, бросив взгляд на часы, я понял, что наша утренняя прогулка сильно затянулась, и, даже не позавтракав, я быстро переоделся, схватил свой рюкзак и побежал на школьный автобус, который должен был подойти с минуты на минуту. Снова опаздывать в мой планы не входило, поэтому я решил поторопиться. Только оправдываться перед нашим куратором чего стоило!

² На набережной реки Чарльз в теплое время года осуществляются экскурсии на бронетранс-портере-амфибии «Утка». Экскурсионный маршрут проходит по самым интересным местам города.

В школе меня обрадовали, в негативном смысле этого слова, сообщением, что сегодня у нас будет тест, о чем, как пояснила мне моя одноклассница Карен, предупреждали за неделю. Конечно, я об этом забыл, и явился на него не подготовленным. Боб сделал странного вида шаргалки и успокаивал меня, что мы все спишем, во что лично мне слабо верилось, когда я только вспоминал о той мегере, которая преподавала у нас математику. Миссис Флеминг, высокая стройная блондинка примерно сорока-сорока пяти лет, раздражала меня больше всех на свете. Она жутко занудная, вредная, постоянно устраивала разные контрольные и тесты, часто спрашивала меня, и умудрялась делать это именно тогда, когда я бывал не готов. Она всегда появлялась в школе с ярким макияжем, в узком костюме, который непременно бывал красным, черного или синего цветов, и на тонких шпильках. Миссис Флеминг, как заметили все, кто у нее учился, имела странную привычку посвистывать, когда проходя между рядов парт, за которыми, склонив голову, строчили тесты несчастные школьники. Поэтому однажды, когда мы писали очередной, так любимый ею тест, она, проходя мимо парты, за которой сидел я, остановилась за моей спиной, продолжая насвистывать какую-то мелодию, и, постояв секунд десять, вдруг протянула руку и стала тыкать пальцем, оканчивающимся кроваво-красным ногтем, в мой листок:

— Я думаю, что вы допустили здесь ошибку, мистер Уиллсон, — перестав свистеть, проворчала она своим отвратительно въедливым голосом.

Терпеть это было уже выше моих сил, поэтому, повернувшись к ней лицом, я раздраженно ответил:

— Скажите спасибо, что в такой нервной обстановке, когда вы, как надсмотрщик стоите у меня за спиной, я хоть что-то написал!

Все, кто находились в классе, издали гул одобрения. Флеминг же ошарашено уставилась на меня. Через пару секунд, придя в себя, она в ярости отобрала у меня листок, порвала его на мелкие клочки и выставила меня за дверь, при этом пообещав, что такая же участь ожидала любого, кто последует моему примеру. Она позвонила родителям, пожаловалась на меня, приукрасив при этом свою историю, и представила ее в таком свете, что я выглядел чуть ли не буйным психом, сбежавшим из лечебницы, и случайно оказавшимся на ее уроке. Тогда меня лишили карманных денег и поругали немного, а Флеминг с тех пор пыталась найти повод, чтобы поставить мне «неуд», или, что было бы для нее еще лучше, выгнать меня из школы за какую-нибудь поделку. При этом она вспоминала Стефа, который, к несчастью, тоже учился у нее, и рассказывала директору при каждом удобном, и не очень, случае, что в нашей семье дети с какими-то расстройствами, «иначе как объяснить, что оба ребенка просто не управляемы». Единственное, в чем мне повезло, так это в

том, что директор уже успел хорошо узнать моих родителей, и смог понять, что у нас совершенно нормальная семья. Естественно, что он слушал все высказывания этой злой истерички вполуха.

Поэтому можно себе представить, как я обрадовался новости о предстоящем тесте по математике, совсем ничего не зная по теме, да еще и будучи уверенным, что миссис Флеминг снова будет «сверлить» взглядом мою спину, стоя позади меня. Но все когда-то заканчивается. Кончился и этот урок, на котором мне все-таки, назло Флеминг, удалось списать со шпаргалки Боба. В коридоре на перемене я встретился с Даниэлой, которая была до этого на другом уроке. Мы обсудили с ней наши впечатления от вчерашнего вечера, который провели на берегу реки, я пожаловался ей на злую математичку, а Дана рассказала мне о своих творческих изысканиях в ходе написания сочинения, о котором я уже снова успел забыть.

В конце учебного дня, около двух часов, я позвонил Марку, чтобы договориться о встрече. Брат предложил встретиться сразу около участка, где нас должен был ждать Стеф. Прикинув, что к месту встречи из школы я доеду меньше, чем за полчаса, я решил перекусить и взять что-нибудь в автомате с едой. Пройдя по коридору первого этажа, я завернул за угол, где и стоял аппарат. Достав из заднего кармана джинсов кошелек, я стал разглядывать цены и думал, что мне купить. Пока я этим занимался, с другой стороны от автомата раздался голос Кэлли, которая разговаривала о чем-то с одной из своих подруг. Меня не очень интересовали ее сплетни, поэтому вначале я и не думал подслушивать. Шел урок, в коридорах было довольно тихо, и я, сам того не желая, смог разобрать их разговор. Уже опустив в аппарат пару купюр, выбрав себе шоколадный батончик и банку колы, я услышал, что Кэлли упомянула имя Бобби. Мне стало очень любопытно узнать, про кого именно она говорила. Кэлли не могла меня видеть, потому что стояла, в другом крыле, которое находилось сразу за автоматом. Я немного выглянул из-за аппарата, чтобы посмотреть, кто был рядом с ней.

— Шерил, ты не представляешь, что сегодня произошло! — щebetала Кэлли, стоя у своего шкафчика вместе с закадычной подругой Шерил Олдман, которая тоже училась со мной в одном классе. — Бобби мне сегодня подмигнул!

— Не может быть! — в восторге воскликнула Шерил — точная копия Кэлли: тоже блондинка, тоже слишком сильно покрашенная, тоже очень глупая. — Наконец-то этот туповатый увалень смог заметить, что на него обратила внимание такая красotka, как ты!

Ого! Значит, Кэлли в кого-то влюбилась! Вот это новость!

— Не говори так про него: он очень даже симпатичный, — улыбаясь, ответила Кэлли.

— По мне — так он жутко страшный! — надула губы Шерил. — И что ты к нему прицепилась? Кстати говоря, Фрэнк пригласил меня

сегодня на свидание, и у него есть друг, Алекс, который играет с ним в футбольной команде. И он не занят! И в отличие от твоего Бобби, Алекс, по крайней мере, в хорошей физической форме.

— О, Шерил, ты смотришь только на мускулы! — упрекнула подружку Кэлли. — Вот Бобби очень милый, и веселый, и у него есть чувство юмора, в отличие от этого перекаченного тупицы Алекса.

— Мне никогда не переубедить тебя, подружка, — вздохнула Олдман. — Хочешь возиться со своим Брауном, — пожалуйста. Зря ты не хочешь пойти со мной сегодня, — Шерил пожала плечами.

Я еле успел поймать банку колы, которая своим падением точно выдала бы мое местонахождение. Неужели я не ослышался? Шерил только что назвала фамилию Боба! Этого просто не могло быть! Кэлли влюбилась в него! Я застыл с банкой в руках перед автоматом, обдумывая услышанное. Это невероятно — Кэлли всегда с пренебрежением относилась и ко мне, и к моему другу. Когда же она успела в него влюбиться?! И по ее поведению я бы никогда не сказал, что она испытывала к нему что-то иное, кроме отвращения. Кэлли сказала, что Боб ей сегодня подмигнул: очень сомнительно, чтобы он сделал это, руководствуясь чем-то, кроме желания повеселиться. Он ни с кем не встречался сейчас, а с бывшей подружкой, с которой Боб был вместе не более двух недель он, как сам мне сказал, гулял просто от нечего делать. Я лично не поддерживал таких мотивов для того, чтобы завести какие-то отношения, но не мог же я запретить Бобу делать что-то. И то, что он совершенно равнодушен к Кэлли, я мог сказать с полной уверенностью. Я решил, что когда Боб узнает об этом, он будет в шоке. Мы с ним постоянно придумывали способы подшутить над Кэлли и ее подружками, и мне всегда казалось, что это ее жутко раздражало. Но, оказалось, она сама рада тому, что мы это делали. Может, стоило попробовать просто не обращать на нее внимание? Интересно, что Кэлли сказала бы в этом случае.

Выйдя из здания школы, я хотел написать Бобу сообщение и рассказать о том, что узнал. Достав телефон, я начал набирать текст, но понял, что письменно невозможно передать мои эмоции по этому поводу. Поэтому я решил все рассказать ему лично. Позвонив Бобу, я предложил ему встретиться вечером, на что он согласился, даже не подозревая, какая впечатляющая новость поджидала его при встрече со мной.

Я же на автобусе добрался до полицейского участка, где меня уже ждали Марк и Стефан. Старший брат выглядел сегодня очень помпезно: можно было подумать, что он и был тем самым хорошим адвокатом, о котором говорил отец. На Стефе красовался идеальный костюм кофейного цвета, так сильно начищенные ботинки, что на солнце глазам было больно на них смотреть, и розоватого цвета рубашка, увенчанная галстуком с серебристым отливом. Брат держал в одной руке черный кожаный портфель — совсем как наш отец, а в

другой — ключи от своей машины, которыми небрежно помахивал из стороны в сторону. Пока шел от остановки, я заметил, что Стеф постоянно поглядывал на свою BMW, которая была припаркована неподалеку от него. Рядом с ним стоял Марк в простых темно-коричневых брюках, длинной рубашке в темно-синюю мелкую клетку на выпуск, под которой виднелась белая майка с каким-то ярким принтом, и безостановочно с кем-то переписывался в своем телефоне. Они выглядели такими разными, что со стороны было сложно предположить, что они братья. Волосы у Марка торчали в разные стороны, из чего я понял: он наверняка забыл с утра расчесаться; Стеф же, немного надменно подняв голову, демонстрировал слегка выющиеся блестящие волосы, уложенные гелем.

Увидев меня, Стеф посмотрел на наручные часы, и поджал губы, выражая свое недовольство моим опозданием, хотя опоздал я всего на пару минут. Марк, подняв голову от телефона, улыбнулся и помахал мне рукой в знак приветствия. А меня в этот момент не покидали мысли о новости, которую я только что узнал. Конечно, было не очень честно и хорошо подслушивать чужие беседы, но я успокаивал себя тем, что сделал это не специально, и все вышло совершенно случайно, к тому же, то, что я узнал, если не на прямую, то косвенно меня касалось — ведь Боб мой лучший друг, а, значит, я имел полное право знать всю правду.

— Наконец-то ты осчастливил нас своим приходом! — с сарказмом произнес Стеф.

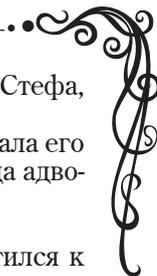
— Я пришел вовремя, — не согласился с ним я.

— Ладно, хватит спорить, — вмешался Марк. — Давайте уже займемся делом!

Стеф напустил на себя очень серьезный вид, для чего ему вряд ли потребовалось много усилий, и мы следом за ним прошли за двери участка. Внутри было много народа, все столы, которые располагались немного поодаль, слева от нас, были заняты полицейскими, звонили телефоны, стоял постоянный гул от оргтехники. У нескольких столов толпились небольшие кучки людей бандитского вида, и что-то пытались доказать офицеру, который находился рядом с ними и заполнял какие-то документы. Мимо нас прошла женщина в форме, и даже не посмотрела в нашу сторону, что меня немного удивило, а моего старшего брата, наверное, расстроило. Потому что он резко переместился к стойке дежурного, который разговаривал по телефону и записывал данные в тетрадь, и заговорил требовательным тоном:

— Здравствуйте! Меня зовут Стефан Уиллсон. Я хотел бы навестить заключенного, Джорджа Палмера, его задержали вчера.

Дежурный жестом попросил брата подождать и продолжал что-то записывать, кивая телефонной трубке. Стефу это не понравилось, но ничего поделать он не мог, поэтому промолчал. Мы с Марком переглянулись и улыбнулись друг другу.

— Где родители Джорджа? — поинтересовался Марк у Стефа, пока мы ждали.

— У Джо только мать, — уточнил Стеф. — Она уже навещала его сегодня утром, — ответил брат. — Сейчас она дома, ждет, когда адвокат подъедет к ней после разговора с Джорджем.

— Адвокат? Уже нашли адвоката? — удивился я.

Стеф не ответил. Дежурный закончил разговор, и обратился к нам:

— Чем могу помочь?

— Если бы я хотел сообщить об убийстве вы бы тоже продолжали говорить по телефону? — поинтересовался Стеф.

— В мои обязанности входит отвечать на телефонные звонки. Если бы вы хотели по телефону сообщить об убийстве, мне бы следовало повесить трубку? — улыбаясь, спросил полицейский. Стеф только еще выше поднял голову. Дежурный продолжал: — Вы что-то хотели? Я вас слушаю.

— Да, мы хотели бы встретиться с Джорджем Палмером, который находится под стражей со вчерашнего дня, — ответил Марк.

— К сожалению, вы не можете с ним увидеться, только если вы не ближайшие родственники, — полицейский ответил отказом.

— А что насчет адвоката? — вдруг спросил Стеф. — Ему тоже запрещено свидание с заключенным?

— Насколько мне известно, мистер Палмер еще не определился с адвокатом, — ответил мужчина.

— Насколько мне известно, — деловито ответил Стеф, делая упор на слове «мне», — мистер Палмер уже выбрал себе адвоката. Его интересы будет представлять мистер Адам Стеллс.

— Хорошо, — кивнул полицейский. — Только я не вижу рядом с вами названного мистера Стеллса. Я ведь правильно расслышал, что вас зовут Стефан Уиллсон?

— Да, все верно. Мистер Стеллс подъедет немного позже, — сообщил брат. — Но, видите ли, есть небольшое обстоятельство, согласно которому вам придется организовать мое свидание с мистером Палмером.

— Очень внимательно вас слушаю, — заинтересованно произнес дежурный.

— Дело в том, что я обучаюсь в Бостонском колледже на юридической специальности, и руководитель моей кафедры решил, что дело мистера Палмера поможет мне как нельзя лучше освоить основы уголовного процесса. Поэтому он дал свое согласие на мое участие в защите мистера Палмера под руководством мистера Стеллса, — довольно ответил Стеф. — Вот письменное заявление от руководителя кафедры, мистера Эддингтона, и лично мистера Стеллса, — брат извлек из кожаного портфеля какие-то бумаги и с почтением подал дежурному. Последний изучил их и ответил:

— Хорошо, сейчас провожу вас к детективу, который ведет это дело, — он позвал кого-то и, вспомнив про нас с Марком, добавил: — Но только вас: на этих молодых людей, как я понимаю, нет письменного распоряжения?

— Нет, — согласился Стеф. — Но они тоже заинтересованы в защите мистера Палмера.

— Значит, они будут вашими свидетелями, — отчеканил полицейский. — Поэтому, прошу вас подождать мистера Уиллсона в коридоре, — он указал на кожаные стулья у противоположной стены.

Пришел еще один полицейский, совсем молодой, на вид не старше Стефа. Дежурный попросил проводить нашего брата к детективу Тейлору. Стеф повернулся к нам и быстро сказал:

— Постараюсь убедить Тейлора, чтобы он разрешил вам пообщаться с Джорджем, но это вряд ли удастся. Я-то надеялся, что ему разрешат свидания с друзьями.

— Стеф, стой! — Марк схватил его за рукав пиджака, потому что брат уже собрался уходить. — Как тебе удалось выбить участие в защите Джорджа?

— Это было не сложно: руководитель моей кафедры — хороший знакомый отца, — он пожал плечами. — Все, мне надо идти, — Стеф развернулся и уверенной походкой направился за молоденьким полицейским.

Мы с Марком сели на стулья в коридоре, которые нам предложил дежурный. Однако настроение нашего отца слишком быстро менялось: ведь когда я вместе со Стефом просил его защищать Джорджа, он отказывался от этого, как только мог, а теперь он не только убедил мистера Стеллса представлять интересы племянника миссис Картер, но и добился для Стефа разрешения на участие в защите Джорджа вместе со Стеллсом. Наверное, Стефан его очень долго уговаривал, раз отец пошел на такие шаги. Хотя, может ему самому захотелось, чтобы его сын блеснул в раскрытии какого-нибудь дела?

— Это круто! — присвистнул Марк.

— Что круто? То, что нам не разрешили увидеться с Джорджем?

— Нет, то, что Стеф с сегодняшнего дня — уже без пяти минут адвокат, — пояснил брат.

— Просто удивительно, что отец уговорил Стеллса защищать Джорджа. И, раз он согласился, значит, у миссис Палмер хватит денег заплатить ему за услуги.

— Конечно, ни один адвокат не стал бы представлять чьи-то интересы не убедившись, что клиент платежеспособен, — поддакнул Марк.

— Как думаешь, у Стефа не выйдет уговорить Тейлора, чтобы он разрешил нам увидеться с ним? — спросил я, заранее подозревая, что именно ответит брат.

— Полагаю, что нет. Если бы нам сразу разрешили увидеться с Джорджем, как его друзьям... А сейчас, по-моему, и так ясно, что Тейлор не допустит, чтобы мы поговорили с подозреваемым, — вы сказал ожидаемый ответ Марк.

— И Тейлор еще не знает, что Стеф будет участвовать в защите Джорджа. Представляешь, как наш детектив обрадуется, когда увидит Стефа не в роли нашего брата, у которого сняли отпечатки пальцев, а в роли помощника адвоката? — я улыбнулся.

— Он, по крайней мере, сильно удивится, — кивнул Марк. — Кстати, Стеф очень неплохо смотрится в роли напыщенного и всезнающего законника, правда? — Марк засмеялся.

— Еще бы, — воскликнул я. — Он будто бы рожден для этого!

Марк посмотрел на часы, висевшие на стене напротив нас, и немного взволнованно произнес:

— Где же мистер Стеллс? Почему он еще не пришел?

— Стеф же сказал, что он подойдет позже. Просто опаздывает, — предположил я.

— Надеюсь, — он вздохнул. — Вдруг он передумал?

— Марк! Почему ты такой паникер? — возмутился я. — Ничего страшного еще не произошло, а ты уже себя накручиваешь. Ну, с чего вдруг Стеллс должен передумать, если он уже даже письменно согласился защищать Джорджа и взять себе в помощники Стефа?

— Не знаю, — Марк пожал плечами. — Просто нервничаю немного.

— Вот именно! А ведь все складывается отлично: раз Стеф будет разговаривать с Джорджем, значит, от него мы сможем узнать все необходимые нам подробности, — ответил я.

— Стеф уже идет обратно! — Марк поднялся со стула.

Я тоже встал и посмотрел в сторону кабинета Тейлора. Стеф шел по коридору с невозмутимым выражением на лице, слегка помахивая кожаным портфелем. Подойдя к нам, он не дал нам задать ни одного вопроса, а сразу выпалил:

— Видели бы вы лицо Тейлора, когда я сказал, что пришел к нему как помощник адвоката, который защищает Джорджа! Он был в шоке!

— Мы уже предположили, что так оно и будет, — ответил я.

— Ага! Еще очень странно быть в роли защитника: Тейлор на меня так смотрел, как будто я пытаюсь вынюхать у него какие-то подробности дела. Непонятное чувство: с одной стороны, я понимал, что он меня уважает, а с другой — что ненавидит, потому что я пришел с четким намерением развалить его расследование и оправдать его единственного подозреваемого. А тут еще тот факт, что я сын его давнего знакомого-адвоката! — Стеф усмехнулся.

— Что насчет свидания с Джорджем? — встрял я в монолог брата, которого переполняли эмоции после его дебюта в юриспруденции.

— Мне разрешат с ним увидеться, когда придет мистер Стеллс. Мы с ним вместе побеседуем с Джорджем, - ответил Стеф.

— Отлично! — обрадовался я. — Не забудь спросить про завещание, и про алиби, и...

— Я уже составил для себя список вопросов, которые надо задать. Надеюсь, что мистер Стеллс его одобрит, — в радостном возбуждении перебил меня брат.

— Когда должен прийти адвокат? — все не терпелось Марку.

Стеф взглянул на свои часы и ответил:

— Он звонил мне и предупредил, что задержится: у него сегодня было судебное заседание. Вообще, он должен был уже подъехать.

В ожидании адвоката, мы снова сели на стулья в коридоре.

— Раз Стеллс согласился на защиту, значит, мать Джорджа смогла оплатить его услуги? — спросил Стефа Марк.

— Не совсем так, — замялся Стеф.

— Его друзья будут оплачивать счет? — предположил я.

Стеф замотал головой.

— Тогда кто? — Марк в замешательстве посмотрел на Стефа.

— Я просил отца защищать Джорджа, но он отказался. Когда Стеллс сказал, сколько будет стоить его услуги, я понял: матери Джо не потянуть такую сумму. И я уговорил отца оплатить работу адвоката, и обещал, что верну все деньги, которые он потратит, когда закончу учебу, — признался Стеф. — Матери Джо я назвал немного другую сумму, которую она в состоянии выплатить.

Я смотрел на старшего брата круглыми от удивления глазами. Никогда бы не подумал, что Стеф такой благородный! Неужели есть еще что-то, чего я не знал о нем? Может, по выходным он - волонтер в каком-нибудь приюте для бездомных собак, и просто скрывал это от нас за личиной высокомерия? Но факт оставался фактом – Стеф взял на себя большую ответственность перед нашим отцом, дав обещание выплатить все деньги, которые будут потрачены на защиту его друга. Этот поступок заставил меня с большим уважением относиться к нему, и дал мне повод думать, что у моего старшего брата все же были какие-то хорошие качества, типа заботы о близких и неравнодушия к проблемам других людей.

Марк тоже выглядел удивленным, но только не поступком Стефа:

— Как только отец согласился оплатить адвоката совершенно незнакомому ему человеку?

— Но Джордж ведь мой друг! И не забывай, я же сам решил выплатить всю сумму через пару лет.

— Наверное, отец просто хотел, чтобы ты почувствовал ответственность перед другими людьми, — ввернул я небольшую реплику.

Стеф повернулся ко мне и напыщенно спросил:

— Хочешь сказать, что я веду себя безответственно?

— Я думаю, что после твоего поступка я стал больше тебя уважать, — пояснил я.

Стеф задумчиво посмотрел на меня, а потом усмехнулся:

— Наконец я смог доказать своему брату, что я не бессердечный эгоист!

— Да, это было не лишним, — засмеялся я.

У Стефа зазвонил телефон. Брат встал и, отойдя немного в сторону, ответил на звонок. Марк снова начал нервничать из-за того, что Стеллс все еще не приехал, а я — снова его успокаивать, приводя доводы о том, что адвокат не может отказаться защищать кого-то, если уже согласился на это. Стеф убрал телефон в карман и, взволнованный, подошел к нам.

— Мне звонил мистер О'Брайн, друг Стеллса — начал брат. — Адвокат Джорджа попал в автомобильную аварию, когда ехал в участок. Это произошло буквально час назад.

Я и Марк вскочили со стульев.

— Не может быть! — воскликнули мы с ним в один голос.

— Что с ним? Он сможет защищать Джорджа или нет? — спросил Марк, плохое предчувствие которого так неожиданно подтвердилось.

— Вряд ли. Стеллс в больнице, у него многочисленные переломы, травма головы, и что-то еще, — я не до конца понял, что говорил О'Брайн. Он был очень взволнован, — расстроено ответил Стеф.

— И как это произошло? — спросил я.

— Я не понял, где именно случилась авария, но О'Брайн сказал, что машина Стеллса врезалась в грузовик, который в этот момент поворачивал. Не знаю, кто там виноват, но Стеллсу очень не повезло — у него серьезные травмы, — сказал Стеф.

— И что же нам теперь делать? К Джорджу никто не приедет сегодня? — спросил я.

— Нет, — покачал головой Стеф. Он выглядел очень расстроенным и поникшим. — Раз Стеллс не сможет защищать Джорджа, значит, у него теперь нет адвоката.

— Как же твое разрешение на участие в защите? — ничего не понимая, спросил я.

— Вот именно, участие! — воскликнул Стеф. — Я не могу заниматься делом самостоятельно: у меня еще нет права вести частную практику!

— Но ведь руководитель твоей кафедры мог бы взяться за защиту Джорджа, — сказал Марк.

— Одно дело дать согласие на участие в защите для своего студента, а другое — самому защищать кого-то, — Стеф провел ладонями по щекам. — Ясное дело — он никогда не пойдет на это только из-за просьбы нашего отца.

— Но надо же что-то делать! — от бессилия воскликнул я. — Нельзя же бросать Джорджа на произвол судьбы!

— Ну, тут всегда есть вариант, — ответил Стеф. — Джорджу назначат государственного защитника.

— Ты уверен, что он сделает все возможное, чтобы защитить его в суде, и не пойдет на поводу у прокурора? — возмутился Марк.

— Нет, не уверен, — разозлился Стеф. — Но я не могу защищать его сам! Или ты хочешь попробовать сделать это самостоятельно?

— Да, хочу! — вдруг сказал Марк. — Еще увидишь, на что я способен!

— Не смей меня! Тебе не дадут даже встретиться с Джорджем, не то, что проводить расследование: ведь для этого нужен доступ к документам! Подумай, что говоришь! — посоветовал уязвленный Стеф.

— Когда я не думал, прежде чем сказать? — серьезно произнес Марк и, посмотрев Стефу в глаза, твердым шагом направился к выходу из участка.

Стеф молча стоял на месте, удивленный поступком Марка, который редко выходил из себя.

— И почему вы все время ругаетесь? — задал я риторический вопрос.

— Марк, похоже, воспринял арест Джорджа серьезней, чем я думал, — в свою очередь произнес Стеф. — С чего бы ему так сильно переживать за того, с кем никогда не встречался?

— Думаю, у него должны быть какие-нибудь причины для этого. Например, сочувствие к другим людям, — я пожал плечами, умолчав, что Марк уже встречался с Джорджем, и что мы с братом затеяли что-то типа небольшой игры в детективов.

— Мне надо зайти к Тейлору — предупредить, что адвокат не придет, а потом в больницу к Стеллсу, — вздохнул Стефан.

— Ладно, а я пойду за Марком, если он, конечно, еще не уехал, — я попрощался с братом и вышел на улицу, где увидел Марка, стоявшего на пороге и с серьезным видом смотревшего куда-то вдаль.

После посещения участка, мы с братом поехали домой. Родителей еще не было, и мы оказались дома одни. Выпустив Ресси погулять на задний двор, я поднялся в комнату к Марку, который ждал меня там. Мы собирались обсудить, что будем делать дальше. Наша надежда на то, что нам разрешат встретиться с Джорджем, умерла также быстро, как и родилась, поэтому теперь нам с Марком нужна была другая стратегия. Несчастный случай, произошедший сегодня с адвокатом, которого отец даже согласился оплатить для Джорджа, очень расстроил нас. Ведь мы надеялись, что он сможет помочь племяннику миссис Картер, а все получилось совсем по-другому. К тому же, Марк со Стефом поссорились. Но я надеялся, что к вечеру они забудут свои разногласия, потому что мне совсем не хотелось бы наблюдать за тем, как они будут дуться друг на друга. Стеф тоже не

был виноват — он сделал все, что мог. И я уверен: если бы у него была возможность защищать Джорджа, то он непременно воспользовался бы ей.

Теперь единственная зацепка, которую мы могли использовать — это зашифрованные записи в записной книжке. И хотя я не был уверен в том, что они каким-то образом относятся к ограблению и покушению на убийство, другого выбора просто не было. Когда я зашел в комнату, Марк сидел за столом и изучал какую-то книгу. Я решил не говорить с ним о ссоре со Стефом: пусть они сами разберутся между собой.

— Ты попросил мистера Бруклина о помощи? — я решил напомнить Марку о его вчерашнем намерении.

— Да, я подходил к нему сегодня, — отстраненно ответил Марк, погруженный в чтение.

— Что он ответил?

Марк, наконец, отложил книгу, на обложке которой было написано «Принципы шифрования текста».

— Смотрю, ты сам решил заняться расшифровкой записной книжки, — усмехнулся я.

— В общем, мистер Бруклин, как только увидел записи, сказал, что это не простой шифр. В криптографии существует множество различных способов шифрования: шифр Гронсфельда, система Вижинера, шифр Сцигала и много других. Мистер Бруклин, кстати, дал мне почитать эту книгу: здесь подробно рассказывается о принципах, лежащих в основе каждой системы кодирования, — Марк похлопал ладонью лежавшую на столе книгу, которую только что читал. — Но в некоторых записях, которые есть в записной книжке, используется не какой-то конкретный шифр, а их сочетание, что, конечно, намного усложняет работу раскодирования.

— И мистер Бруклин согласился помочь? — с надеждой спросил я.

— Он согласился, — с улыбкой сказал Марк. — Сказал, что постарается сделать расшифровку как можно быстрее, если для меня это так важно.

— Он не спрашивал, зачем тебе понадобилось расшифровывать эти записи?

— Естественно, он этим поинтересовался, — кивнул Марк. — Я решил сказать ему почти правду: что хочу помочь одному своему приятелю избежать неприятностей, и что расшифрованные сведения дадут мне возможность доказать его непричастность к одному событию.

— Как он отреагировал на такую странную формулировку?

— Засмеялся, — ответил брат. — Сказал, что я мог бы найти другой способ, чтобы попросить его стать руководителем моей дипломной работы.

— А ты хотел бы этого?

— Еще бы! — вздохнул Марк. — К мистеру Бруклину не так просто попасть: к нему всегда огромная очередь, и он сам выбирает только лучших, по его мнению.

— Зато теперь-то ты точно будешь его студентом, — успокоил я брата.

— Честно признаться, я не стал разубеждать его в причине моего визита к нему, но был очень рад, что мне так повезло! Насколько я понял из его слов, он уже внес меня в свой собственный список тех, кто будет под его руководством на старшем курсе. Это просто фантастика! — радостно воскликнул Марк. — Хоть какое-то хорошее событие за сегодняшний день.

— Теперь, когда Джордж остался без защиты, нам точно нельзя бросать наше расследование. Ведь если отец снова не поможет в поисках адвоката, то...

— ...то Джорджу назначат госзащитника, — усмехнулся Марк. — Стефу только и остается рассчитывать на это.

— А что ему еще делать?

— Не знаю, может он и прав, — согласился брат. — В любом случае, если мы не можем поговорить с Джорджем, то должны сосредоточиться на записной книжке. Завтра надо будет узнать, можно ли навестить миссис Картер в больнице: она тоже могла бы рассказать нам много полезной информации, — предложил он.

— Ты знаешь, в какой больнице она находится?

— Нет, но это мы можем узнать у соседней Боба, например, у миссис Коллинз: она производит впечатление вездесущей старушки, — ответил Марк.

— Сегодня я встречаюсь с Бобом, — кивнул я. — Так что расспрошу обо всем его любопытную соседку.

— Отлично! — обрадовался Марк. — Значит, я могу заняться чтением...

Я вздохнул:

— Марк, ты, наверное, не читаешь только когда спишь.

— Это плохо? — брат внимательно посмотрел на меня, прищурил глаза.

— Да нет, — я пожал плечами. — Просто я думаю, что ты мог бы заняться чем-нибудь еще. Например, ...

— ...например, ты мог бы пойти сейчас к Бобу и заодно спросить миссис Коллинз о больнице, в которую отвезли миссис Картер, — закончил за меня фразу Марк и снова взял в руки книгу, которую читал до этого.

— Ладно, тебя не переделаешь, — махнув рукой, я вышел комнаты и спустился вниз.

Пока шел на встречу к Бобу, я думал, как рассказать ему о том, что Кэлли в него влюбилась. Я вспоминал, как она рассказывала об

этом своей подруге, и мне почему-то становилось смешно. Все это выглядело как-то неестественно, очень странно, и совершенно не укладывалось в моем сознании. Я даже не мог себе представить реакции Боба на это известие, но все же я немного хотел того, чтобы ради интереса или ради любопытства Боб согласился бы подыграть Кэлли. Думаю, что ей самой бы не захотелось иметь с Бобом ничего общего, если бы она знала, какой он несерьезный и как быстро менялись его интересы.

Перед тем как идти к Бобу, я зашел к миссис Коллинз, его соседке. Она открыла мне дверь раньше, чем я успел позвонить. Обратившись ко мне по имени, она с милой улыбкой предложила войти. Когда за мной закрылась створка двери, соседка Боба, продолжая улыбаться, поинтересовалась целью моего визита. Я постарался быстро и ясно объяснить ей то, зачем пришел, потому что ее молчаливое созерцание меня немного напрягало. Когда я упомянул миссис Картер, женщина прижала руки к груди и покачала головой, приговаривая:

— Какое несчастье, молодой человек, что тут и говорить! Я была в ужасе, когда узнала о случившемся.

— ... Вот я и подумал, что мы с друзьями могли бы навестить миссис Картер в больнице. Вы не знаете случайно, куда именно ее положили? - продолжал я.

— Да-да, конечно, я все знаю! — с запалом воскликнула миссис Коллинз. — Я сразу же выяснила это у врачей скорой помощи, которые приезжали на вызов. В наше время никому нельзя доверять: вдруг на месте врачей в машине оказались бы бандиты, которые и проломали голову несчастной? Я и документы у них проверила: поэтому могу сказать, что все в порядке, - заверила она меня, похлопав рукой по плечу.

Ничуть не сомневаясь в дотошности престарелой сотрудницы ЦРУ, я поспешил покивать ей в ответ.

— Как называется больница? — уточнил я.

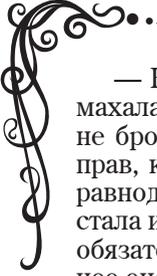
— Ее отвезли в Общеклиническую больницу на Фрут стрит, - ответила миссис Коллинз.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил я. — Может, вы тоже хотели бы навестить миссис Картер, вместе с нами?

— О, Томми! — она снова улыбнулась своей фирменной улыбкой. — Ты такой воспитанный мальчик! Но я уже навещала миссис Картер, и целых два раза. Но, к сожалению, в тот момент она плохо себя чувствовала, и врачи не дали мне возможности увидеться с ней. Спасибо, что предложил, но думаю, тебе с друзьями не очень хотелось бы тащить с собой старую и больную женщину. Я навещу миссис Картер как-нибудь в другой раз.

Я чуть было не сказал «вот и отлично», но вовремя опомнился:

— Ну что вы! Нам бы было бы приятно пойти с вами...

— Нет-нет-нет! Это даже не обсуждается! — миссис Коллинз замахала руками в знак протеста. — Какие же вы с друзьями молодцы: не бросаете несчастных стариков в беде! Мой покойный муж был прав, когда говорил, что в Америке еще много хороших людей, не равнодушных к проблемам других, — женщина опустила взгляд и достала из кармана платок, которым промокнула сухие глаза. — Но вы обязательно сообщите мне, как чувствует себя миссис Картер. Я за нее очень переживаю.

— Да, конечно, мы к вам зайдем, — пообещал я. — Еще раз спасибо за помощь!

Миссис Коллинз открыла дверь и, когда я вышел, произнесла:

— Какие у меня заботливые соседи!

Я улыбнулся и быстрым шагом пошел к дому Боба, который, к счастью, был всего в нескольких метрах. Миссис Коллинз хоть и производила впечатление милой и добродушной старушки, невероятно любящей своих соседей, но это только на первый взгляд. Странное ощущение, но у меня создавалось впечатление, что она постоянно за всеми шпионила и что-то вынюхивала. Не знаю, так ли это, но слова Боба о том, что она бывшая сотрудница ЦРУ, не выходили у меня из головы. Конечно, это предположение могло появиться просто из-за ее поведения, но может, бывших разведчиков не бывает?

Когда я пришел, Боб был дома один, поэтому мы с ним расположились в гостиной у телевизора, чтобы посмотреть боевик, диск с которым недавно купил Боб. Пока мы приготовили попкорн, принесли побольше подушек на пол, я ходил по дому с легкой ухмылкой. Боб это заметил и стал расспрашивать, из-за чего я так странно ухмылялся. Когда мы уже смотрели фильм, который, как я и думал, оказался довольно банальным, я повернулся к другу, во всю хрустевшему жареной кукурузой и явно увлеченному сюжетом, и быстро выпалил:

— Кэлли в тебя влюбилась! — после этого я не сумел сдержаться и захихикал.

Боб никак не отреагировал на мое высказывание, продолжая выкрикивать наставления главному герою фильма, которому в одиночку предстояло убить оставшуюся к тридцатой минуте половину криминальных авторитетов Лос-Анджелеса. Меня не удивило поведение друга, потому что Боб обожал боевики и иногда воспринимал их слишком серьезно. Я потряс его за плечо и повторил, справившись с подступившим к горлу смехом:

— Боб, Кэлли в тебя влюбилась!

Друг посмотрел в мою сторону и спросил:

— Что ты сказал?

Мне уже стало смешно не от того, что Кэлли испытывала какие-то нежные чувства к моему другу, а от того, что мне приходилось повторять это ему в третий раз:

— Я сказал, что Кэлли в тебя влюбилась!

Боб перестал жевать попкорн и отвлекся, наконец, от фильма, поставив его на паузу. Он непонимающе посмотрел на меня, потом осторожно спросил:

— Какая еще Кэлли?

Я постарался справиться с приступом хохота, который меня душил, и ответил:

— Ну, наша Кэлли, Кэлли Берч!

Боб застыл на секунду. На его лице отразилось полное замешательство, как будто я только что говорил с ним на китайском языке. Потом он засмеялся и, отставив тарелку в сторону, покачал головой:

— У тебя последнее время глупые шутки, друг! Да если бы Кэлли в меня влюбилась, то точно разболтала бы об этом всем вокруг: она же не умеет держать язык за зубами!

— Так оно и есть! — заверил его я. — Я случайно подслушал ее разговор с Шерил сегодня после уроков — Кэлли сказала, что ты ей подмигнул, еще она так расхваливала тебя: у тебя прекрасное чувство юмора, и ты, оказывается, очень даже симпатичный...

Боб засмеялся:

— Ты шутишь? Ведь так?

— Нет, я серьезно! Что так сложно в это поверить?

— Да, сложно поверить в то, что блондинка, над которой я подшучивал, в меня влюбилась, и говорит при этом, что у меня отличное чувство юмора!

— Она испытала его на себе, — ввернул я небольшую реплику.

Боб никак не отреагировал на мою шутку, наверное, был очень поражен новостью.

— И что мне теперь делать? — вдруг спросил он.

Я пожал плечами:

— Конечно, правильнее было бы сделать вид, что ничего не произошло, и ты ни о чем не знаешь. Но ты ведь понимаешь, как это скучно! И, поэтому, было бы круто, если бы ты...

— ...подыграл Кэлли, — закончил за мной Боб.

— Именно, — кивнул я. — Только представь, как она воодушевится, когда поймет, что ты тоже к ней неравнодушен! К тому же, за этим будет очень смешно наблюдать со стороны.

Боб на секунду задумался:

— Но, с другой стороны, это будет нечестно по отношению к ней, потому что все это будет только игра.

— Да ладно тебе, Боб: ты забыл, с кем имеешь дело? Это Кэлли, она ничего и не поймет: она же блондинка!

— Даниэла тоже блондинка, — возразил Боб.

— Но она же другая, не такая как Кэлли, — пояснил я. — Говоря слово «блондинка», я имел ввиду тип мышления, а не цвет волос.

— Нет, Том, мне кажется, что это слишком жестоко. Пусть лучше все останется так, как есть.

Я удивленно посмотрел на Боба:

— Ты когда успел стать таким добрым и хорошим? Я что-то пропустил этот момент.

— Слушай, я решил, что мы ничего не будем разыгрывать, значит, не будем. Давай фильм дальше смотреть, — Боб снова включил кино, и за весь вечер ни разу не возвращался к этой теме.

Оказавшись дома после посиделок с Бобом, я сразу направился в комнату Марка. Но брата там не было. Мама, у которой я поинтересовался его местонахождением, сказала, что когда она вернулась с работы около семи часов, Марк уже куда-то ушел. Меня это удивило, потому что обычно у брата не бывало дел вне стен его комнаты после того, как закрывалась библиотека. Мама же выдвинула предположение, что Марк ушел в кино, и предложила мне позвонить ему. Делать этого я не стал, а решил просто дожждаться его прихода.

Около половины одиннадцатого я попытался дозвониться до брата, но он не брал трубку. Когда время перевалило за четверть двенадцатого, а на улице было уже довольно темно, я начал нервничать. Марк никогда не задерживался так долго, тем более никого не предупреждая о том, что собирался куда-то идти. В половину двенадцатого приехал отец вместе со Стефаном. Узнав, что Марк еще не вернулся, папа предположил, что он пошел в ночной клуб. Когда Стеф это услышал, он покатился со смеху:

— Да вы что! Такого просто не может быть!

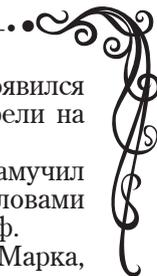
— Думаешь, что только ты один способен ходить в ночные заведения? — неожиданно спросил отец.

— Вообще-то Марку еще нет двадцати одного года — его не пустят в ночной клуб, — напомнил я, поражаясь тому, что мои родители даже не нервничали из-за отсутствия Марка, а выдвигали какие-то странные теории.

— Может быть, охранники этого не заметили, — пожал плечами папа, явно стараясь как можно быстрее скрыться в своем любимом кабинете.

— Да, ведь по внешнему виду Марку вполне можно дать больше, чем двадцать один год, — с сарказмом закивал Стеф.

— Хватит уже! — воскликнул я. — Вы себя слышите? «Марк пошел в кино», «Марк пошел в ночной клуб», «Марк выйдет старше своих лет» — это просто смешно! Марк никогда не пойдет просто так в ночной клуб, к тому же его туда точно не пустят — выглядит он явно не как ты, Стеф. Я пробовал дозвониться до него, но он не отвечает. С ним что-то случилось! — я пытался достучаться до сознания своих родных.

В этот момент входная дверь открылась, и на пороге появился Марк, выглядевший очень довольным. Мы втроем посмотрели на него, и, наконец, отец произнес:

— Хорошо, что ты вернулся именно сейчас, иначе Том замучил бы всех полицейских в городе, разыскивая тебя, — с этими словами он завернул за дверь кабинета, куда за ним последовал и Стеф.

— Ты где был? Видел сколько времени? — я смотрел на Марка, совершенно ничего не понимая.

Тот, улыбаясь, прошел мимо меня по направлению к лестнице и невозмутимо сообщил:

— Просто загулялся немного, даже забыл, что завтра рано вставать.

— Загулялся?! Что-то раньше за тобой такого не наблюдалось, — не успокаивался я. — Ты хотя бы позвонил, предупредил, что задержишься.

— Ты за меня переживал? Как это мило! — рассмеялся Марк.

Я в недоумении застыл на месте. Выяснить причину странного поведения брата мне хотелось невероятно сильно, но еще сильнее было желание помочь Джорджу, который сейчас находился в тюрьме, поэтому я спросил:

— Тебе не интересно узнать, в какой больнице лежит миссис Картер?

Мы зашли в комнату брата. Марк сел на кровать и ответил:

— Да, конечно, совсем забыл об этом. Ты виделся с миссис Коллинз?

— Именно так. Как она мне рассказала, тетю Джорджа отвезли в Общеклиническую больницу на Фрут стрит, — расположившись рядом с братом, сказал я.

— Значит, завтра нам надо навестить ее, — Марк говорил, а я чувствовал, что его мысли были заняты совершенно другими проблемами. — Ты у Стефа не спрашивал о Стеллсе? Как там дела с адвокатом для Джорджа?

— Нет, твои ночные приключения немного изменили мои планы, — съязвил я, надеясь, что он мне сейчас все объяснит.

Марк усмехнулся, но ничего не сказал.

Во втором часу ночи меня разбудил Стеф. Привычки моего старшего брата оставляли желать лучшего, но когда он, бесцеремонно разлегшись на моей кровати, включил свет и растолкал меня, это было уже верхом наглости.

— Стеф, что тебе нужно? Сейчас ночь! А люди ночью, представь себе, спят, и им не нравится, когда их будят, — я пытался спихнуть брата на пол, потому что он просто припечатал меня к стене.

Стеф сел на другом конце кровати и произнес:

— Извини, что разбудил, мне хотелось рассказать о делах Джорджа.

Я тоже поднялся и, уже забыв про плохие манеры Стефа, спросил: — Мне кажется, или ты хочешь сказать, что ему назначили государственного адвоката?

Стеф кивнул:

— Так и есть. Я точно могу сказать, что такой адвокат намного лучше, чем полное его отсутствие, но все же понимаю: этого явно не достаточно для Джорджа. Он не сможет обеспечить ему нужной защиты, будет не так тщательно искать доказательства его невиновности.

Я вздохнул.

— Про завещание ты ничего подробнее не узнал?

— Нет, теперь Тейлор мне ничего сообщать не обязан: я же больше не участвую в защите Джорджа вместе со Стеллсом, — покачал головой брат.

— Ты бы все равно мне ничего не рассказал: тебе надо соблюдать адвокатскую тайну и все такое...

— Какой ты умный! Смотрю на тебя и удивляюсь: мыслишь так, как будто закончил юридический колледж, — иронически заметил Стеф.

Я довольно улыбнулся:

— Еще бы! Я очень сообразительный. Кстати, ты узнал что-нибудь о Стеллсе?

— Да, — кивнул брат. — Дела у него, мягко говоря, не очень хорошие. Он сейчас в коме, но врачи говорят, что шанс у него есть.

Я хотел рассказать Стефу о наших с Марком планах насчет помощи Джорджу. Мне хотелось поделиться с ним своими мыслями и впечатлениями, хотелось, чтобы Стеф, будучи заинтересованным положительным для Джорджа исходом расследования, помог нам доказать его невиновность. Так мы бы больше времени проводили вместе. И наши отношения были бы, как и несколько лет назад, когда Стеф еще не поступил колледж, — более тесные и доверительные. Сейчас старший брат немного отдалился от нас, но я не сказал бы, что мы совсем мало общались, или стали относиться друг другу хуже. Просто мы теперь виделись реже, у Стефа появилась собственная жизнь, к чему я привыкал очень долго, потому что Стеф всегда был рядом, и мы везде были вместе. Сейчас я старался проводить больше времени с Марком, и меня очень пугала мысль, что однажды и он тоже, как Стеф, станет жить своей жизнью, в которой места для меня будет меньше, чем сейчас. Поэтому я так хотел узнать, что за важные дела появились у него в последнее время. Он сам мне сказал, что расскажет, когда все выяснится до конца. Но, зная Марка и помня его радость, когда он узнал, что сестра Боба закончила невероятно престижный университет, мне почему-то казалось, что все его дела сводятся к тому, чтобы перевестись на учебу именно туда. И если это случится, то я останусь совсем один, чего мне совершенно не хотелось бы.

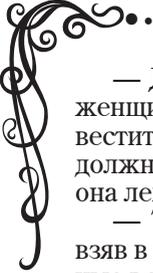
Наш уговор с Марком держать все в тайне пересилил мое желание поделиться планами с братом, поэтому я промолчал и не стал посвящать Стефа в нашу небольшую тайну. Стеф еще немного поболтал со мной на разные темы, никак не касавшиеся Джорджа, и около двух часов мы, наконец, легли спать.

На следующий день после окончания занятий мы с Марком встретились на Кембридж стрит, чтобы оттуда вместе дойти до здания больницы. До этого мы зашли в близлежащий цветочный магазин, чтобы купить букет цветов для миссис Картер: мы надеялись, что они хоть немного поднимут ей настроение. Больница, куда положили тетю Джорджа, располагалась на Фрут Стрит, недалеко от моста Лонгфелло, соединявшего Кембридж и Запад Энд, где и расположена Общеключенная больница штата. Мы прошли по Север-Гроув стрит и вышли прямо к центральному входу клиники. Перед нами предстало высокое здание из светлого кирпича, справа к которому примыкало большое крыло в семь этажей. Для посетителей был специально оборудован отдельный проход к дверям больницы, который отделяли от проезда, предназначенного для машин скорой помощи, высокие железные поручни. Мимо нас проехали две машины неотложки, навстречу которым, не успевали они подъехать, выбегало несколько врачей. Из первой машины на каталке вывезли кричавшую на всю улицу, должно быть от боли, женщину, а из второй – пьяного бомжа с окровавленной головой, горланившего песни. От всего увиденного мне стало не по себе. Страшно было представить, что видели каждый день сотрудники больницы. Должно быть, что-то пострашнее пробитой головы.

Внутри больница была заполнена разномастными посетителями, среди которых были и дети, и пожилые люди. Некоторые разговаривали между собой на иностранных языках, а кто-то находился здесь целыми семьями, о чем можно было судить по небольшим кучкам людей разных поколений с напряженным выражением на лицах. Вся обстановка внутри помещения говорила, что это больница, и запах, и цвет стен, и бледное, больничное освещение. Мало кому нравилось находиться в таких местах, вот и я относился к числу таких индивидуумов. Поэтому искренне сочувствовал миссис Картер, которую мы пришли навестить.

Мы нашли стойку регистратуры, за которой находилась полная чернокожая женщина. Она разговаривала с каким-то мужчиной, у которого была перебинтована рука. Он что-то доказывал администратору, размахивая здоровой рукой и периодически топая ногами. Как только мы подошли к ним, он тут же рванул с места и вылетел за двери, на улицу.

— Не обращайтесь внимания, у нас тут каждый день так, — отмахнулась администратор, заметив, что меня и брата удивило странное поведение незнакомца. — Вы что-то хотели?

— Да, — кивнул Марк. — Миссис Грэдстоун, — обратился он к женщине по имени, прочитав его на бейджике. — Мы хотели бы навестить миссис Лауру Картер, которая недавно поступила сюда. Ее должно быть привезла «скорая». Вы не подскажите, в какой палате она лежит?

— Так, посмотрим, — деловито произнесла миссис Грэдстоун, взяв в руки компьютерную мышку. Она что-то пощелкала, ввела данные в компьютер, а затем сообщила: — Да, миссис Картер находится у нас уже несколько дней. Кем вы ей приходитесь? — вдруг спросила миссис Грэдстоун.

Я и Марк немного замялись.

— Мы ее соседи. Хотим поинтересоваться здоровьем миссис Картер: на нашей улице все так за нее волнуются, — ответил я с улыбкой после небольшого колебания.

— И почему на моей улице нет таких заботливых соседей? Все только и норовят высказать мне свои претензии, — грудным голосом засмеялась администратор.

Мы, улыбаясь, закивали, надеясь, что она нас пропустит к миссис Картер.

— У вас с собой есть какие-то документы, чтобы я могла зарегистрировать вас как посетителей? — поинтересовалась женщина.

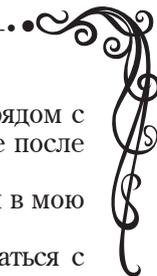
К счастью, у нас с Марком были документы, и мы смогли без проблем зарегистрироваться.

— Ну, что ж, наш санитар вас проводит, — миссис Грэдстоун показала рукой в сторону невысокого парня в светло-зеленой пижаме. — Чак, проводи их к миссис Картер. Это которая в четырехста семьдесят восьмой палате! — уточнила она.

Я вздохнул с облегчением: хоть не зря приехали сюда. Чак в это время соскочил с места и, не говоря ни слова, побежал к лифту, из чего мы сделали вывод, что нам надо бежать за ним. Вместе с нами в лифт набилось куча народа, все с такими злыми лицами, что мне стало немного страшно. Мы доехали до четвертого этажа, где, по-видимому, и находилась нужная нам палата, и вышли вслед за Чаком, который продолжил бежать по коридору с бешеной скоростью. Наконец, преодолев несколько поворотов и пройдя мимо бесчисленного количества дверей, я увидел на одной из них табличку с номером 478. Чак открыл перед нами дверь и, сказав на удивление дружелюбным голосом: «Проходите», быстро исчез в неизвестном направлении.

Через открытую дверь я увидел миссис Картер, которая лежала на кровати с закрытыми глазами. Кроме нее в палате никого не было. Марк постучал в дверь, чтобы как-то привлечь ее внимание. Женщина открыла глаза и повернула голову в нашу сторону.

— Здравствуйте, миссис Картер, — улыбнулся я. — Меня зовут Том, а это Марк. Мы дружим с вашими соседями, зашли, чтобы узнать, как вы себя чувствуете.

Женщина слегка кивнула и приподнялась на подушках:

— Проходите, садитесь, — она указала рукой на стулья рядом с кроватью. — С Марком я уже знакома — ты заходил ко мне после первого ограбления.

— Да, — подтвердил он. — Это мой брат, — Марк кивнул в мою сторону.

Мы зашли в палату. Раньше мне не приходилось встречаться с миссис Картер, меня она тоже не знала. Тетя Джорджа оказалась еще довольно молодой женщиной, не старше шестидесяти лет, хотя я представлял ее немного по-другому. Голова миссис Картер была обмотана бинтом, под светлыми, голубыми глазами залегли небольшие синяки. Весь ее вид говорил о том, что чувствовала она себя совсем не важно. Миссис Картер была блондинкой с матовой кожей, на которой отпечаталось еще немного морщин. У нее был приятный овал лица и широкая, добродушная улыбка. Глядя на эту женщину, было сложно представить, что она могла так сильно насолить кому-то, что некто решил жестоко расправиться с ней. Миссис Картер была облачена в больничный халат, к ее правой руке подходило несколько трубок, соединявшихся с рядом стоявшими аппаратами, один из которых беспрерывно пищал. На тумбочке, рядом с кроватью, находилась ваза со свежими нежно-розовыми лилиями, лежали очки и упаковки с таблетками.

Я сел на стул, а Марк, который все это время держал букет, решил, наконец, его вручить. Миссис Картер заулыбалась и попросила поставить цветы в воду:

— Спасибо, это так приятно — когда о тебе беспокоятся не только близкие люди, но и даже те, с кем ты лично не знакома. Вот, эти цветы, — она посмотрела на орхидеи, — принес мне мистер Грин, мой сосед. Такой интеллигентный и приятный мужчина.

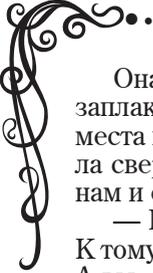
— Как вы себя чувствуете? — спросил я, пока брат устанавливал цветы в вазу.

— Неплохо, — пожала плечами женщина, — уж точно лучше, чем было несколько дней назад. Рана, конечно, немного болит, но самое главное, что я жива. Остальное можно пережить.

— Вы правы, — поддакнул Марк, садясь на стул. — Как вы думаете, кто мог проникнуть в ваш дом?

Миссис Картер опустила глаза и сжала губы. Было видно, как ей тяжело вспоминать обо всем, что произошло.

— Я просто не представляю, что могло понадобиться этому человеку в моем доме, — после небольшой паузы произнесла она слегка дрожащим голосом. — Ему были не нужны деньги, драгоценности, кредитные карты — он не взял ничего ценного. Он вообще ничего не взял! За что он так жестоко поступил со мной? Что я ему сделала? Почему мне выпала такая страшная участь? — женщина быстрым движением вяла кружевной платок, лежавший рядом с ней, и приложила к глазам.

Она опустила голову, ее плечи затряслись. Миссис Картер горько заплакала. Мне стало так жаль эту бедную женщину, что я, встав с места и подойдя к кровати, взял миссис Картер за руку. Она положила сверху свою ладонь и крепко сжала мою. Марк тоже подошел к нам и ободряющим голосом произнес:

— Не переживайте, миссис Картер. Я уверен, что все обойдется. К тому же, вы сами нам только что сказали, что главное — это жизнь. А вы — живы, и, значит, сможете вынести все трудности, которые выпали вам.

Я с благодарностью посмотрел на брата: сам я бы никогда не смог в словах так точно выразить то, что сейчас чувствовал.

Миссис Картер посмотрела на нас с улыбкой:

— Спасибо, — с чувством поблагодарила она. — Хотя мне сейчас тяжело принять то, что со мной случилось, я знаю, что все сделала правильно. Никто не вправе карать человека за что бы то ни было, кроме Господа Бога. А возвращаясь к вашему вопросу о том, кто бы мог на меня напасть, я скажу, что не могу с точностью утверждать, был ли это мужчина или нет. В коридоре было темно, но я все же сказала бы, что это был именно мужчина. Среднего роста, худой, должно быть молодой, потому что в его движениях чувствовалась сила, на которую старик уже не способен. Я видела его близко, но не могу описать внешне — на нем была черная маска, а в комнате было темно, только из окна падал свет от уличных фонарей.

Я вздохнул и переглянулся с Марком. Описание, которое дала миссис Картер нападавшему, невозможно было сравнить вообще ни с кем. Но детективу Тейлору его вполне хватило, чтобы упечь Джорджа за решетку. Миссис Картер тем временем продолжала:

— Я проснулась от шума с первого этажа. Когда стала прислушиваться, у меня возникло ощущение, что кто-то бросает на пол разные мелкие предметы. Мне стало жутко, я очень испугалась. Ко мне уже наведывался незваный гость в мое отсутствие, но я и подумать не могла, что он посмеет вломиться ко мне в дом еще раз! У меня в спальне нет телефона, поэтому чтобы позвонить в полицию, мне надо было выйти в коридор. Стараясь не шуметь, я прокралась к двери и замерла, чтобы услышать, что творится внизу. Казалось, что все стихло. Я уж подумала, что у меня просто разыгралось воображение. Немного успокоившись, я все же решила позвонить в полицию. Выглянув за дверь, я никого не разглядела в темноте, и стала медленно двигаться к телефону, до которого мне оставалось пройти совсем немного. Дойдя до лестницы, я взглянула вниз и застыла на месте от ужаса: прямо напротив меня, всего в паре футов, стоял человек во всем черном и в черной маске, на которой были прорезаны дырки для глаз. Увидев меня, он, видно, очень испугался, потому что резко дернулся с места, намереваясь убежать. Но вдруг остановился, заметив, как я напугана. Ни говоря ни слова, я бросилась к телефону,

схватила трубку и не успела набрать номер. Грабитель ударил меня чем-то по голове, и я потеряла сознание. Когда очнулась, в доме уже никого не было. Я сразу же вызвала полицию. Спустившись вниз, я не обратила внимания на беспорядок, так как еще с первого ограбления ничего не убрала: у меня совсем не было сил для этого. Через несколько минут приехала полиция, а с ними и скорая помощь. Если бы не врачи, думаю, вряд ли я бы сейчас себя так хорошо чувствовала.

— Детектив Тейлор не говорил вам: может у него уже есть подозреваемые? — я понял, что Марк решил выяснить, знает ли миссис Картер об аресте Джорджа.

Женщина кивнула:

— Да, детектив сообщил, что он нашел преступника, но пока не сказал мне его имени. Он допрашивает его и пытается заставить признаться в содеянном: Тейлор говорит, что он все отрицает. Еще он намекал мне, что на меня мог напасть мой племянник, Джордж. Но я в это не верю: он очень хороший парень, и любит меня. Но вы, наверное, с ним не знакомы...

— Нет, мы знаем Джорджа, — улыбнулся Марк. — Наш старший брат его лучший друг.

— Ну, надо же! — обрадовалась женщина. — Как он, вы не знаете? Почему-то Джордж мне не позвонил сегодня и вчера тоже. Мне уже начали лезть дурные мысли в голову — может, на него напал тот человек, что и на меня? — она взволнованно взглянула на нас.

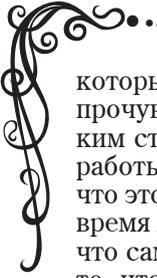
— Мы виделись с ним, он в порядке. Можете не волноваться, — сохранил я. Пусть лучше сам Тейлор скажет этой бедной женщине, что посадил за решетку ни в чем не повинного человека. — Детектив Тейлор не спрашивал вас о завещании, которое было найдено у вас дома? — поинтересовался я.

— Да, припоминаю, что я рассказывала ему об этом, — ответила миссис Картер. — Дело в том, что я решила немного изменить свое старое завещание, по которому после моей смерти все отходило моему племяннику Джорджу.

— Можно задать нескромный вопрос? — улыбнулся Марк. — Почему вы изменили завещание? Ведь Джордж не такой плохой наследник...

Миссис Картер отложила платок в сторону и пояснила:

— Полгода назад я узнала, что у меня рак. Но вы не пугайтесь, все уже в норме — я полностью здорова. К счастью, опухоль была не серьезной, врачи сделали мне операцию, и теперь я совершенно здорова. Конечно, если не брать в расчет дырку на голове, — усмехнулась она. — После того, как я узнала о болезни, мне было очень тяжело в психологическом плане, и мой лечащий врач посоветовал мне посещать групповые тренинги для больных раком. На этих занятиях я узнала о существовании замечательного фонда. Его организаторы помогали собирать деньги на операции людям,

которые не в состоянии оплатить дорогостоящее лечение. Я на себе почувствовала всю тяжесть, которая ложится на плечи людей с таким страшным диагнозом. Поэтому не могла не оценить важность работы таких организаций. Внимательно изучив ее, и убедившись, что это не обманщики, наживающиеся на бедах других, я некоторое время жертвовала небольшие суммы в этот фонд. Но потом поняла, что самое лучшее, что я могу сделать, это оставить после себя что-то, что действительно помогло бы в развитии такого прекрасного дела, как помощь другим людям. Поэтому я немного изменила завещание: недвижимость, которой я владею, доставалась Джорджу, а оставшиеся деньги, — у меня есть некоторые накопления, — я хотела пожертвовать этому фонду. Я составила завещание пару дней назад, даже еще не подписала его, поэтому не успела сообщить своим родственникам об этом. Но, поверьте, я никого не обидела бы своим решением. А почему вы спрашиваете об этом? Детектив Тейлор вас тоже допрашивал?

— Можно и так сказать, — хмыкнул я, вспоминая нашу беседу с полицейским.

— Он сказал нам, что по новому завещанию, все, что у вас есть, отходило благотворительному фонду, — уточнил Марк.

— Этого не может быть! Наверное, вы что-то не так поняли: я никогда не поступила бы так со своими родственниками. Да и с чего бы мне такое делать: мы с ними в прекрасных отношениях. И кроме них у меня никого не осталось — только моя сестра и ее сын. Своих детей у меня нет, — развела руками миссис Картер.

— Наверное, вы правы: мы ошиблись, — согласился Марк. — Скажите, у вас есть какие-нибудь соображения насчет того, зачем вор решил проникнуть в ваш дом снова?

— Я думала об этом, — кивнула нам миссис Картер. — У меня спрашивается только один вывод: если в субботу, когда злоумышленник проник в мой дом в первый раз и у него была возможность осмотреть все основательно, он ничего не нашел, значит вещь, которая ему была нужна, по его представлению я должна постоянно носить с собой. Вот после моего приезда он и решил попытать счастья во второй раз.

— Что это может быть, как вы думаете? — с интересом спросил я.

Миссис Картер развела руками в стороны:

— Понятия не имею! Я не ношу с собой постоянно кукую-то определенную вещь, разве что кошелек, но вряд ли он был нужен вору: его не интересовали деньги.

— Новое завещание вы брали с собой в поездку? — как бы между прочим спросил Марк.

— Вы задаете совершенно такие же вопросы, как и детектив Тейлор! — заметила женщина.

— Вы делаете комплемент моей эрудиции, — улыбнулся Марк.

— Не за что! Вы, Марк, с вашим братом производите впечатление очень сообразительных молодых людей, — засмеялась миссис Картер. — По дороге к сестре я думала заехать к нотариусу, чтобы заверить завещание, поэтому взяла документ с собой. Но по пути к адвокату я попала в небольшую аварию, и мне пришлось отложить свой визит. После того, как мы во всем разобрались, было уже поздно, и я сразу поехала к сестре, а заверить завещание решила позже. Но руки до сих пор до него не дошли.

— Значит, вы считаете, что предположение детектива Тейлора о том, что нападение на вас мог совершить Джордж совершенно невозможно? — спросил я.

— Конечно, что тут думать! Я и так знаю это, — без тени сомнения подтвердила миссис Картер. — Как только мистеру Тейлору в голову такое могло придти!

— Мы знаем, что ваш племянник учится в колледже, — Марк перевел разговор на другую тему. — А на какой специальности?

Я совершенно не удивился, что брат этим поинтересовался. После того, как он поступил в университет, Марк у всех и каждого при первой возможности выяснял, где и по какому направлению тот обучался. Наверное, после этого ему становилось легче, и он понимал, что получал образование в учреждении не хуже, чем у других.

— Он оканчивает технологический колледж, потом будет работать инженером, — с улыбкой пояснила миссис Картер. — Я думала, что вы знаете об этом — вы же говорили, что знакомы с ним...

— Да, но с Джорджем близко дружит наш старший брат, а мы просто немного знаем друг друга, — ответил я.

— Недавно я читал одну очень интересную книгу — «Исследование по истории XX века», — вдруг встрепенулся Марк. — Мне она так понравилась, что теперь я хочу обязательно познакомиться с автором. Ее написал Бенджамин Бакер. Вы с ним случайно не знакомы? Я теперь у всех спрашиваю — вдруг мне повезет, — Марк захихикал совершенно несвойственным ему смехом.

Миссис Картер улыбнулась:

— К сожалению, нет, я не знаю мистера Бакера. У меня были знакомые с фамилией Вайкер, но это явно вам не подходит.

— Жаль, надеюсь, когда-нибудь моя мечта осуществится, — вздохнул Марк.

Миссис Картер начала рассказывать нам, о чем она мечтала, когда была в возрасте Марка, и убеждать его, что у него все получится, а я был удивлен тем, что брат вдруг упомянул писателя в разговоре с миссис Картер.

— Представляю, как вы были расстроены, когда вернулись в понедельник из поездки и обнаружили, что в доме кто-то побывал, — Марк снова начал спрашивать тетю Джорджа о произошедших событиях.

Миссис Картер округлила глаза и сообщила нам пораженным голосом:

— Я была шокирована, открыв дверь и увидев страшный беспорядок — мебель перевернута, все шкафы и комоды просто вывернуты наизнанку! Такого я в своей жизни еще не видела, — женщина покачала головой. — Когда я уезжала на несколько дней к сестре, мне и в голову не могло прийти, что кто-то сотворит такое с моим домом.

— Наверное, Джордж тоже был с вами? — спросил я.

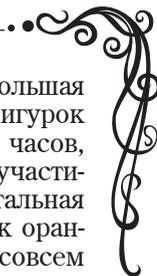
— Моя сестра живет недалеко от Бостона, а Джордж сейчас живет отдельно, в городе, хотя иногда приезжает домой на выходные. Но в этот раз его не было. Как сказала Эмили, у него были какие-то дела, и он не смог заехать домой, — ответила миссис Картер.

Поговорив еще немного с тетей Джорджа, мы с Марком решили, что пора уходить. Миссис Картер уже начинала нервничать из-за того, что мы задавали слишком много вопросов о ее племяннике, поэтому нам пришлось притвориться просто любопытными подростками. К тому же мы поняли, что и сестра миссис Картер ей тоже ни о чем не сообщила, а значит, мы приняли верное решение не говорить об аресте Джорджа. Мне очень хотелось, чтобы к тому моменту, когда Тейлор скажет ей, что Джордж был задержан, его уже выпустят на свободу.

После того, как мы ушли из больницы, Марк предложил перекусить в кафе, а заодно обсудить наш разговор с миссис Картер. Недалеко от клиники, как мне сказал Марк, было очень хорошее кафе, которое имело интересное название — «Pierrot»³.

Оно расположилось на углу дома на Кембридж стрит, проходившей параллельно улице, на которой находилась Общеклиническая больница штата. Над входом в кафе висел небольшой красный козырек, на котором белыми буквами было написано название заведения, а под одним из окон был прикреплен совсем маленьким вазон с цветами, выглядевший немного нелепо на фоне большого окна. Внутри кафе оказалось намного привлекательней, чем снаружи. Увидев внутренний интерьер, я понял, почему владельцы выбрали такое название для своего заведения. Прямо при входе стоял столик, на котором помимо разных лакомств находилась большая статуэтка, изображавшая Пьеро. Он был одет в разноцветный костюм, сшитый из сине-оранжевых треугольников ткани, на глаза у него была надетая черная повязка с прорезьями, а шею увенчивал широкий белый воротник. Стены кафе украшали многочисленные картины, изображавшие выше названного персонажа во всевозможных позах, и драматические маски красивого золотистого цвета и тоже с повязкой на глазах. Одна из стен в кафе была не оштукатурена и представляла собой простую кладку из красного кирпича, что придавало помещению

³ Название кафе – «Пьеро»

какой-то особый шарм. Именно на этой стене находилась небольшая полка, на которой располагалась коллекция фарфоровых фигурок все того же Пьеро. Некоторые из них были сделаны в виде часов, некоторые изображали небольшую театральную сценку с его участием, а на одной из них был Пьеро, сидевший в позе Лотоса. Остальная часть помещения была выдержана в темно-розовых, ближе к оранжевым, тонах. На окнах висели белые шторы, которые были совсем короткими, и закрывали только половину окна. Все столы были сервированы и накрыты белыми скатертями. Внутри названное Марком кафе показалось мне полноценным рестораном, поэтому меня очень заинтересовал вопрос о том, сколько здесь стоило пообедать. Родители давали мне не так много карманных денег, а тратить последние на еду мне не очень хотелось. Брат заверил меня, что он часто ходил сюда со своими знакомыми из Гарварда и пообедать здесь совсем недорого.

Мы сели за угловой столик, располагавшийся напротив входа. Подошедший официант подал нам меню в красной кожаной, очень красивой обложке, открыв которое мне стало немного не по себе.

— Марк, ты видел, сколько здесь стоит еда?! — зашипел я на брата, который как ни в чем ни бывало изучал меню.

Тот пожал плечами:

— Вообще, когда мы здесь обедали, за меня всегда платил кто-нибудь из друзей, поэтому я не очень-то обращал внимание на цены.

— Ну, а сейчас ты что скажешь? — я с интересом посмотрел на него.

Марк полистал меню и, ничуть не изменившись в лице, вынес вердикт:

— Не волнуйся, я угощаю!

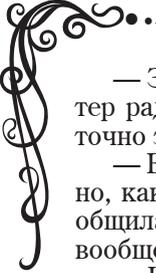
Я вздохнул, размышляя, как мне поступить: заказать много дорогой еды, чтобы позлить Марка, или наоборот, взять себе что-нибудь, что стоит меньше десяти баксов, чтобы не разорить его. Пока я страдал от мук совести, думая, что же делать, Марк рассуждал вслух о том, что он хотел съесть на обед. Когда подошел официант, чтобы записать наш заказ, я все же решил сдержать свой порыв, и заказал недорогой салат, бифштекс и апельсиновый сок. После того, как мы остались наедине, я спросил брата:

— Какие у тебя впечатления от миссис Картер?

— Она произвела на меня очень хорошее впечатление, — ответил он. — Знаешь, что меня удивило: Стеф сказал, что по новому завещанию все отходит фонду, а миссис Картер — что только часть ее имущества.

— Стеф мог неправильно понять Джорджа. Или Джордж неправильно понял Тейлора, — предположил я.

— Или Тейлор специально сказал Джорджу неправду, — продолжал размышлять Марк.

— Зачем?! Он ведь думает, что это Джордж напал на миссис Картер ради того, чтобы выкрасть завещание. Значит, он должен был точно знать, что в нем написано, — не согласился с ним я.

— Если рассуждать с позиции Тейлора, Джордж мог не знать точно, какая именно часть отходит фонду, и, когда миссис Картер сообщила ему о своем решении изменить завещание, решил, что она вообще лишила его наследства, — парировал Марк.

— Но зачем ему обманывать Джорджа?

— Чтобы он быстрее признался, - брат покачал головой.

— Нет, Марк, что-то здесь не так, - я задумался. — Надо уточнить у Стефа, точно ли он все понял о завещании.

Марк тут же набрал номер старшего брата и протянул мне телефон, пояснив при этом:

— Мы все еще не разговариваем.

Я думал, что страсти вокруг вчерашнего посещения полицейского участка уже улеглись, но, видимо, ошибся.

— Привет, Стеф, — поприветствовал я его, когда брат взял трубку. — У меня к тебе маленький вопрос: помнишь, ты рассказывал мне о том, что полицейские нашли новое завещание тети Джорджа?

— Помню, — неохотно отозвался Стеф.

— Что именно она оставила благотворительному фонду? Все имущество или только какую-то часть? Только ты не спрашивай, зачем мне это нужно, — сказал я, предупреждая вопрос Стефа.

Брат хмыкнул:

— Даже и не думал: у тебя всегда очень странные вопросы. Если по делу, то Джордж сказал мне, что полицейские показали ему завещание, где было указано, что накопления на банковском счете его тетки переходят благотворительному фонду.

— Ты же до этого говорил, что все переходит фонду! — закричал я.

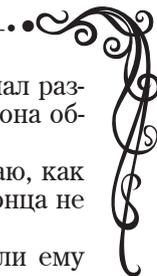
— Не вопи, я не мог такого сказать, — с упорством произнес Стеф. — Точно помню, что даже несколько раз повторил тебе, что только часть, а не все имущество! Тебе стоит чистить уши почаще, — беззлобно посоветовал брат.

Переубеждать Стефа было бесполезно, поэтому я просто положил трубку и сообщил все Марку.

— Так и думал, что Стеф как всегда что-нибудь напутал! — воскликнул брат.

— Нет, это я так подумал, - начал спорить я.

— Это не важно, — сразу закрыл тему Марк. — Фонду отходила только часть имущества, и Джордж об этом не знал. Миссис Картер тоже сможет подтвердить, что ничего не говорила об этом племяннику. Тогда почему Тейлор так уверен, что Джордж знал о существовании завещания?

— Тейлор может сказать, что Джордж случайно подслушал разговор своей тетки с адвокатом, или еще с кем-нибудь, с кем она обсудила свое решение, - ответил я.

— Это тоже возможно, - согласился Марк. — Я не понимаю, как можно с такой легкостью обвинить человека, ни в чем до конца не разобравшись?

— Наверное, детектив считает, что все уже выяснил, или ему просто не хочется работать. Хотя, вспоминая его, я бы склонился к первому варианту, — кивнул я.

Пришел официант с заставленным тарелками подносом в руках. Поставив их на стол и пожелав нам приятного аппетита, он удалился. Взглянув на еду, которую взял себе Марк, я поморщился. На одной из тарелок лежала смесь чего-то непонятного, и выглядело все это блюдо совершенно не аппетитно.

— Что это такое? — я ткнул пальцем в тарелку со смесью, которую Марк начал есть.

— Невероятно вкусно! — с набитым ртом затараторил Марк. — Это морской коктейль с рыбным филе в соусе из белого вина. Ты попробуй, это очень-очень вкусно! — он подвинул тарелку ближе к мне.

Я поддел вилкой небольшой кусочек странного блюда и осторожно положил в рот, ожидая чего-то страшного. Но к своему удивлению, я обнаружил, что все оказалось довольно вкусно. После того, как я съел почти половину из тарелки Марка, он позвал официанта, и заказал еще одну порцию для меня.

— Теперь мы знаем, где именно была миссис Картер на выходных, и что Джорджа с ней не было, — продолжил Марк, когда я оставил в покое его тарелку с морским коктейлем и принялся за свою, которую мне принес официант.

— Значит, она не сможет подтвердить его алиби, — поддакнул я.

— Вот именно, но возможно, найдутся друзья или знакомые, которые видели его в ночь ограбления. Ведь миссис Картер сказала, что у Джорджа были какие-то дела в городе, — сказал Марк.

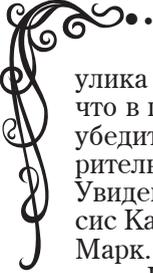
— Джордж уже должен был сказать об этом полиции. Если его кто-то видел, Джорджа уже отпустили бы.

— Ты прав, — со вздохом согласился Марк. — Самое важное, что мы выяснили — завещание миссис Картер забирала с собой. Этот факт тоже не в пользу Джорджа.

— Почему? Я думаю, что как раз наоборот. Ведь если завещание было у миссис Картер с собой, Джорджу было очень просто, после того как он перевернул у нее дома все вверх дном, приехать домой к матери и украсть завещание, — объяснил я свою позицию.

Марк покачал головой:

— Нет, ты ошибаешься. По логике Тейлора, если бы Джордж украл завещание у миссис Картер в поездке, то это была бы прямая

улика против него. Сейчас же детектив все может объяснить тем, что в первый раз Джордж проник в дом, чтобы найти завещание и убедиться, что тетка решила разделить его наследство с благотворительным фондом. Не найдя его, он предпринял вторую попытку. Увидев завещание, Джордж пришел в ярость и решил убить миссис Картер, но, к счастью у него ничего не вышло, — предположил Марк.

— В этом случае Джордж поступил нелогично, открыв дверь своим ключом, - возразил ему я.

— Ну, здесь Тейлор тебе ответил бы, что Джо вряд ли родился с отмычками в руках. Он, скорее всего, не планировал убивать миссис Картер, а значит, просто не подумал об этом, — ответил брат.

— Кстати, помнишь, как описала преступника миссис Картер? Худой, среднего роста человек в черном костюме и маске. Это ведь тоже может быть уликой против Джорджа, — напомнил я.

Марк развел руками:

— Каким же образом? Если нас с тобой одеть во все черное, нацепить маску, то Тейлор скажет, что это мы напали на миссис Картер!

Я засмеялся:

— Ага, и для чего же?

Брат прищурил глаза и наклонился вперед:

— Чтобы помочь Джорджу украсть завещание!

Услышав то, что сказал Марк, я вдруг подумал, что, возможно, так оно и было.

— Что, если не Джордж проник в дом, а кто-то, кого он нанял для этого? Какой-нибудь бандит или даже его друг? – спросил я.

Марк нахмурился и откинулся на спинку стула:

— Мы же с тобой договорились о том, что верим в невиновность Джорджа...

— Да, но вдруг все было именно так? Вдруг Джордж нас всех просто обманул?

— Послушай, у нас нет совершенно никаких доказательств того, что такое могло иметь место. Давай мы вначале подождем, пока мистер Бруклин расшифрует записи, а потом посмотрим, что нам делать дальше? — предложил Марк.

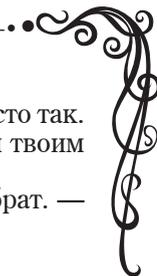
Я кивнул:

— Конечно. Но все же ты согласен, есть один процент, что может быть и такой вариант?

— Ноль целых одна сотая процента, - уперся Марк.

Пообедав, Марк даже не дал мне посмотреть на счет и расплатился, как и обещал, сам. Когда мы вышли из кафе, Марк взглянул на часы и сообщил:

— Забыл тебе сказать, но у нас сегодня есть еще одно важное дело. Надеюсь, ты ничего не планировал делать вечером?

Я сложил руки на груди и деловито произнес:

— Надо было сразу понять, что ты заплатил за меня не просто так. Наверное, и в это кафе специально привел, чтобы я оказался твоим должником и не смог тебе ни в чем отказать?

— Еще бы, я все спланировал заранее, — подыграл мне брат. — У меня же логическое мышление, ты что, забыл?

— И как я только мог не подумать об этом!

Марк улыбнулся:

— Если серьезно, то вчера вечером я думал о нашем расследовании, и решил, что нам надо изучить версию того, что преступником может оказаться Бенджамин Бакер.

— Ты шутишь? Он же очень старый!

— Ты предположил, что Джордж нанял кого-то, чтобы тот проник в дом миссис Картер. Что если, Бакер заплатил кому-нибудь, чтобы этот человек выкрал какой-то предмет из дома?

— Ну, да, такое возможно, — согласился я.

— Так вот, я решил, что нам надо выяснить, есть ли какая-то связь между миссис Картер и писателем Бакером, — пояснил Марк. — Детектив Тейлор ясно дал нам понять, что не собирается заниматься этим.

— Поэтому ты и сочинил историю про книгу для миссис Картер? — наконец, я понял мотивы брата.

— Вот именно! Я думал, что ты сразу догадаешься.

— И ты считаешь, если она сказала, что не знает никакого Бакера, то это еще не значит, что миссис Картер говорит правду? — уточнил я.

Марк кивнул:

— Ведь если у них были какие-то разногласия в прошлом, то она может просто умолчать про них. Тем более, мы совершенно посторонние для нее люди — с чего бы ей рассказывать нам об этом? Вчера вечером я ползал по интернету и узнал, что сегодня в шесть часов состоится встреча Бакера с читателями. Он пишет сейчас новую книгу, и, перед ее выходом в свет, будет устроен творческий вечер писателя. Кстати говоря, вход бесплатный, — Марк мне подмигнул.

— Все это хорошо, но зачем нам туда идти?

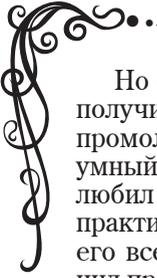
— Как зачем? Чтобы лучше узнать его! Мы же хотим выяснить, Бакер подставил Джорджа или нет, а как мы это сделаем, если не познакомимся с писателем поближе? — убеждал меня брат.

— Хорошо, я пойду с тобой на эту встречу. Только не говори, что она будет на другом конце города!

— Нет, но придется заехать домой: поедем на машине, — загадочным голосом произнес Марк.

— Ты будешь за рулем! — с ужасом воскликнул я.

— Не бойся, я уже лучше вожу, — постарался успокоить меня брат.

Но его слова меня совсем не воодушевили. Полгода назад Марк получил водительские права. О том, как он сдавал экзамен, я лучше промолчу, иначе может возникнуть впечатление, что Марк не такой умный, каким казался. Но на самом деле, все намного проще: Марк любил учиться, читать и доказывать разные теории, но что касалось практики, особенно, если она далека от его специальности, то здесь его всегда поджидали большие трудности. Когда он все-таки получил права, его радости не было предела. Марк сразу же взял машину отца, и предложил мне прокатиться вместе с ним. Я, конечно, знал, что с вождением у него плохо, но не ожидал, что настолько. Как только Марк оказался один на трассе в потоке машин, на него напал ступор, а потом паника. Он начал вертеть руль в разные стороны, перепутал газ с тормозом, и, в конце концов, влетел в фонарный столб, сильно разбив машину и напугав меня до смерти. С тех пор он садился за руль только вместе со Стефом, чтобы тот контролировал его езду вокруг нашего квартала на скорости две мили в час. В университете он тоже предпочитал ездить на автобусе. Поэтому перспектива оказаться в машине вместе с Марком на водительском сиденье мне совсем не понравилась.

— Может, стоит попросить Стефа или кого-то из родителей отвезти нас? Хотя я не понимаю, зачем — мы и на общественном транспорте неплохо доедем, — я упирался, как мог.

— Я хочу похвастаться перед тобой своими достижениями в вождении, — Марк гордо поднял голову и победно улыбнулся.

— Что насчет такси? — робко предложил я, слабо веря в то, что брат снова не спутает газ с тормозом.

— Нет, — оборвал меня Марк. — Вот увидишь, я справлюсь.

— Надеюсь на это, — буркнул я. — Но кто даст тебе машину после того, как ты разбил папину?

— Я уже договорился с мамой — она обещала дать мне свою машину. Хоть кто-то в меня верит, — укоризненно произнес брат.

— Не сомневайся, я тоже в тебя верю, — подбодрил его я, понимая, что мне не оставалось ничего, кроме того, чтобы смириться.

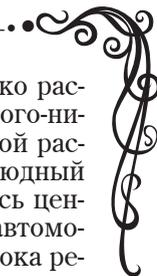
Мама не подвела Марка и через полчаса он, довольный собой, садился за руль ее автомобиля, а я — рядом с братом, с ужасом представляя, что меня ждет дальше.

Марк заложил координаты здания, где проходила встреча с писателем, в навигатор. Увидев, что нам предстояло ехать довольно долго, да и еще и по оживленным улицам, я вздохнул. Либо Марк слишком самоуверен, либо он действительно чему-то успел научиться. Когда машина уже начала трогаться с места, я с надеждой посмотрел на брата:

— Может, все-таки мама сама нас довезет?

Марк отмахнулся:

— Не бойся, Стеф научил меня правильно вести себя на дороге!

Я, ничего не сказав, отвернулся к окну. Оставалось только рассчитывать, что мы доедем до конца квартала и не собьем кого-нибудь. На небольшой скорости мы проехали улицу, на которой расположен наш дом, свернули направо и преодолели немногочисленный квартал. Затем Марк выехал на перекресток, где начиналась центральная улица. Впереди нас ждал небольшой затор из-за автомобильной аварии, и нам пришлось подождать на светофоре, пока регулировщик разрешил проехать дальше. Все это время Марк сидел с непроницаемым выражением лица, и было невозможно понять, нервничал ли он. Женский голос из навигатора, порекомендовал нам свернуть налево, чтобы объехать пробку, в которую мы должны были попасть через несколько кварталов. Это было неожиданно, потому что до этого дорога проходила прямо еще пару миль. Но брат проявил не свойственную ему за рулем собранность и реакцию, и резко свернул на указанную дорогу. Я был удивлен результатами, достигнутыми Марком с помощью Стефа. Мне стало интересно, какими методами тот обучал его, что добился того, чего не смогли сделать инструкторы.

— Когда Стеф увидел, как я вожу, он сказал, что знает, что мне нужно, чтобы научиться водить машину правильно, — ответил Марк на мой вопрос. — Мы с ним поехали на автодром, где он сказал, что пока я не обеду все препятствия, я не уйду оттуда. Мне надо было срочно готовиться к тесту, я нервничал, что не успею. В конце концов, часа через полтора, я так разошелся, что даже не заметил, как объехал все указатели, даже не задев ни один из них, на довольно приличной скорости. После того, как я это сделал, мне больше не было страшно за рулем.

— Стефу надо подрабатывать инструктором по вечерам, — засмеялся я.

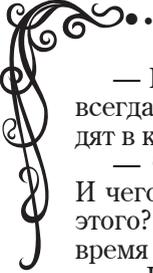
— Он сказал, что мне просто не хватало уверенности в своих силах, поэтому, как только на дороге что-то происходило, я начинал паниковать, заранее настраиваясь на неудачу, — продолжал разговаривать Марк, успевая следить за дорогой и переключать скорость.

Проезжая мимо кафе, куда мы с Бобом часто ходили, Марк притормозил на светофоре, а я изучал улицу и пешеходов. Вдруг я увидел за одним из столиков того самого кафе, которые стояли под открытым небом, Боба, а с ним рядом Кэлли Берч! Я просто не поверил своим глазам: Боб что-то рассказывал ей, она смеялась в ответ, и вели они себя вполне дружелюбно по отношению друг к другу.

— Марк! Боб в кафе вместе с Кэлли! — в полном недоумении закричал я своему брату.

Тот посмотрел в ту сторону, куда я указывал пальцем, и засмеялся:

— И что такого?

— Как это – что? – в возмущении воскликнул я. — Мы с Бобом всегда подшучивали над Кэлли, она нас ненавидела, а сейчас они сидят в кафе и строят друг другу глазки!

— От ненависти до любви — один шаг, — улыбнулся брат. — И чего ты так переживаешь? Ну, нравятся они друг другу, и что из этого? Боишься, что Боб тебя бросит одного, и будет проводить все время с Кэлли?

— Нет, этого я уж точно не боюсь, - я покачал головой, уверенный в том, что наша дружба с Бобом слишком крепкая, чтобы разрушиться так быстро и на пустом месте.

Тут я вспомнил разговор Кэлли и Шерил в школе, о котором уже успел забыть, наш разговор с Бобом, и его реакцию, когда я сказал ему о том, что Кэлли в него влюбилась. Значит, он сам был к ней равнодушен, но почему-то скрывал это от меня. Когда же я сказал ему о чувствах Кэлли, он опять промолчал и даже старался дать мне понять, что ему все равно. Неужели он мне не доверял? Или боялся, что я раскрою его тайну, посмеюсь над ним? Просто промолчать я не мог, поэтому решил, что после того как мы вернемся с Марком домой, я встречу с Бобом и выясню, почему он так поступил, скрыв от меня всю правду.

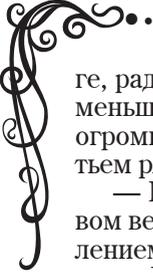
ГЛАВА 6

Мы подъехали к зданию, где проходил творческий вечер писателя Бенджамина Бакера, за десять минут до начала мероприятия. Оставив машину на подземной парковке, мы поднялись на лифте на пятый этаж. Как только двери лифта открылись, мы увидели большую толпу людей, которые что-то оживленно обсуждали между собой. В основном это были люди среднего возраста, реже пожилые, а также много журналистов и фотографов. Но я заметил и небольшие группы молодежи с блокнотами в руках. Они походили на студентов какого-нибудь литературного вуза, которые пришли послушать человека, чье мнение для них много значило. Я представлял себе творческий вечер совсем по-другому, а то, что я увидел, было больше похоже на пресс-конференцию. Перед входом в зал стояла большая картонная афиша, на которой был изображен мистер Бакер в полный рост. У него в руках была, насколько я понял, новая книга, которая должна скоро выйти в свет. Надпись по центру афиши гласила:

— Встречайте новые «Великие разоблачения в истории литературы XX века» Бенджамина Бакера! — озвучил Марк вслух рекламный слоган. — Очень интересно, — он задумчиво посмотрел на меня и пошел вперед.

В центре зала был установлен большой стол, на котором были разложены книги и брошюры. К нему были придвинуты четыре стула. Напротив каждого из них на столе стояла бумажная табличка с именем. Окна в помещении были завешаны тяжелыми длинными шторами, а люстры окутывали комнату мягким желтоватым светом. Напротив стола, за которым и полагалось сидеть писателю, были установлены ряды складных стульев для посетителей, для журналистов был отведен первый ряд, где они и находились, сидя в молчании и изучая что-то в своих планшетах. Многие стулья были еще свободны, так как большинство людей прогуливалось по залу.

Пока мы ждали начала конференции, Марк взял несколько листовок со стола. В одной из них рассказывалось о том, какой большой вклад в развитие американской литературы сделал Бакер своим творческим трудом, перечислялись все его награды, кратко описывалась биография писателя. В другой брошюре речь шла о новой кни-

ге, ради которой здесь все и собрались. Ее выход был намечен чуть меньше, чем через месяц, и из статьи, я понял, что этого ждали с огромным нетерпением. Мы с Марком решили занять места в третьем ряду, откуда было все прекрасно видно и слышно.

— Никогда бы не подумал, что книга по истории в двадцать первом веке может наделать столько шума и вызвать интерес, — с удивлением произнес я.

— Еще какой! — с энтузиазмом поддержал тему Марк. — Тем более ее написал Бенджамин Бакер – очень влиятельная фигура в мире литературы.

— Неужели он так популярен? Я думал, что сейчас читают только детективы и любовные романы, — я пожал плечами.

— И очень сильно ошибался. Бакер пишет уже более пятидесяти пяти лет! То есть практически всю свою жизнь. Только представь, сколько книг он издал за это время! И все они были очень популярны, не смотря на то, что были посвящены биографиям знаменитых авторов и исследованиям их жизни и творчества, — объяснял брат.

— Поверить не могу, что это кто-то читает, — вздохнул я, уже представив какая скукота ожидает читателя под обложкой новой книги.

— Том, если тебе не нравятся серьезные книги, это еще не значит, что их никто не читает, — с укором ответил Марк.

На стул рядом со мной села довольно полная женщина, на вид около шестидесяти лет, с крашенными в темно-каштановый цвет волосами. Как только она оказалась рядом со мной, я чуть не задохнулся от слишком сильного и терпкого запаха духов. Это почувствовал и Марк, потому что, когда я, скорчив недовольное лицо, повернулся к брату, он с пониманием покивал мне в ответ. Женщина, похоже, не собиралась молча дожидаться начала встречи, и обратилась к нам:

— Вы тоже поклонники творчества мистера Бакера?

— Мы учимся на литературном факультете, и нам интересно услышать мнение мистера Бакера по некоторым вопросам, — уклончиво ответил Марк.

— Я слежу за его творчеством уже почти двадцать пять лет, — с ностальгией в голосе произнесла она. — Когда я узнала, что сегодня состоится творческий вечер Бенджамина, то сразу же решила для себя, что должна обязательно на нем присутствовать, — женщина ласково назвала писателя по имени.

— Что вы думаете о предстоящем выходе новой книги Бакера? — ради приличия поинтересовался я.

— О! У меня просто буря эмоций! – воскликнула горячая поклонница. — Я считаю, что это одно из лучших произведений писателя. По непроверенной информации, — женщина наклонилась к нам и

перешла на более тихий тон, — в новой книге Бенджамин разоблачает великих авторов современности в их писательской нечистоплотности. И все это абсолютная правда! А если это так, то...

— ...многим писателям новая книга вряд ли придется по вкусу, — закончил Марк.

— Именно! — с восторгом откликнулась незнакомка. — Приятно встретить человека, который тебя понимает...

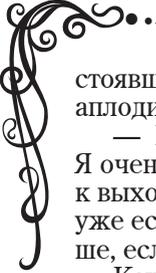
Появление в зале темноволосого мужчины, облаченного в строгий костюм, прервало нашу светскую беседу. Он подошел к столу и позвонил в большой колокольчик. Все находившиеся в зале, заметив звонившего, быстро расселись по стульям, и в комнате стало заметно тише.

Мужчина выпрямился во весь свой огромный рост, одернул пиджак и улыбнулся широкой голливудской улыбкой:

— Здравствуйте, меня зовут Роджер Хиггинс, — обратился он к аудитории. — Я менеджер мистера Бенджамина Бакера. Как вы все знаете, мы собрались здесь, чтобы обсудить премьеру его новой книги «Великие разоблачения в истории литературы двадцатого века», которая состоится через месяц. Организовывая сегодняшний вечер, мы думали, прежде всего, о вас, наши дорогие читатели, поэтому всю интересующую информацию о новой книге и процессе ее создания вам расскажет сам Бенджамин Бакер, — менеджер протянул руку в сторону кулисы, расположенной в дальней части комнаты.

Через секунду из-за нее появился писатель, одетый в черный смокинг, в сопровождении пожилой женщины и молодого человека. Многие люди встали, чтобы поприветствовать любимого автора, остальные аплодировали сидя. Виновники вечера, не торопясь, прошли к столу и расселись каждый на свое место. Пожилую даму звали Джоан Бакер, она являлась супругой писателя. Миссис Бакер была невысокой сухощавой блондинкой с темно-серыми глазами. Ее волосы были уложенными в высокую прическу, которая гармонировала со строгим атласным темно-синим платьем, у которого был полностью закрытый верх. Она держалась довольно живо, постоянно улыбалась и иногда переглядывалась со своим мужем. Молодой человек оказался ассистентом писателя, и ему вряд ли было больше двадцати пяти лет. На табличке, стоявшей перед ним, значилось его имя: Чед Трейси. Это был парень со светлорусыми волосами, ярко-кариими глазами, которые скрывались за круглыми очками. На нем был простой серый костюм без галстука, и по внешнему виду ассистент Бакера чем-то напоминал Гарри Поттера.

Бенджамин Бакер выглядел немного бодрее, чем когда мы с ним впервые встретились в издательстве. Казалось, что даже морщин у него на лице стало меньше. Писатель придвинул к себе микрофон,

стоявший на столе, и поздоровался с публикой. В ответ послышались аплодисменты. Когда они немного стихли, он продолжил:

— Еще раз здравствуйте, рад вас всех видеть здесь сегодня. Я очень польщен тем интересом, который проявила общественность к выходу моей новой книги. В брошюрах, которые, как я вижу, у вас уже есть, подробно рассказывается о ней, но я решил, что будет лучше, если я сам обо всем расскажу и отвечу на вопросы.

Как только он замолчал, одна из журналисток в первом ряду подняла руку и обратилась к писателю:

— Здравствуйте, мистер Бакер, меня зовут Ребекка Блэк, я представляю еженедельное издание «Мир искусства». Расскажите, пожалуйста, как именно вам пришла идея о написании такой неоднозначной книги?

— Здравствуйте, мисс Блэк, я, право, удивлен: почему же неоднозначной? На мой взгляд, все предельно ясно: основная идея книги завязана на развенчании слухов, связанных с работами многих писателей двадцатого века. Я не хотел бы раскрывать все сюжетные линии, но могу сказать: в ней нет непроверенной, либо ложной информации...

— То есть, все, что описано в книге — правда? — уточнила Ребекка.

— Да, так и есть. Я давно обдумывал замысел этой книги, уже более десяти лет. Именно тогда и началась работа над ней. Мне понадобилось много времени, чтобы собрать всю нужную информацию, потому как, чтобы доказать что-либо надо хорошо потрудиться. А тем более это касается подтверждения или опровержения слухов, которыми полнится литературное сообщество.

Подняла руку другая журналистка:

— Антония Санчес, журнал «Наследие». Не считаете ли вы, что, придавая огласке чужие тайны, вы тем самым выставляете и себя в неприглядном свете?

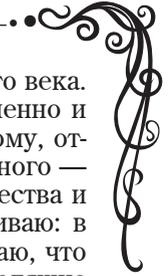
После этого вопроса собравшиеся в зале недовольно зашумели.

— Тихе, все в порядке. Я отвечу на этот вопрос, — успокоил поклонников Бакер. — Меня всегда интересовали тайны, загадки и необъяснимые явления в жизни известных личностей, но я никогда не опустил бы до того, чтобы перебирать грязное белье других людей на глазах у всего мира!

После этого ответа зал снова взорвался аплодисментами. Бакер кивнул и предложил другому журналисту задать вопрос:

— Кристиан Дуглас, газета «Главная весть». Чего вы ожидаете от издания своей новой книги?

— Если вы намекаете, что я хочу заработать деньги на том, чтобы перемывать другим кости, то я вас разочарую, — это не так. Как вы помните, около двадцати лет назад я написал книгу, которая была похожа на мою нынешнюю работу, но отличалась тем, что в ней рас-

сказывалось о писателях, живших намного раньше двадцатого века. Сейчас я решил, что людям будет интересно узнать, как именно и кем писались произведения современной литературы. Поэтому, отведя на ваш вопрос, я жду от выхода своей книги только одного — что она поможет повысить культурный уровень нашего общества и даст много поводов для размышления и анализа. Подчеркиваю: в книге нет вымысла, я ничего не приукрашивал. Но я понимаю, что каждый человек может иметь свою точку зрения на происходящие события, а значит, признаю тот факт, что кто-то, возможно, не согласится с моим видением этой проблемы.

После монолога Бакера, хрупкая брюнетка, которая оказалась журналисткой из неведомого мне журнала «Библиотека», спросила:

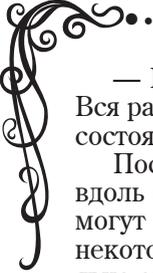
— В начале девятнадцатого века писатель Тимоти Мердок опубликовал книгу, по содержанию очень похожую на вашу. Не боитесь, что вас обвинят в не оригинальности сюжета? Тем более, вы сами сказали, что подобную книгу уже выпускали.

— Мердок — один из моих любимых авторов, — с чувством ответил мистер Бакер. — Нет, совсем не боюсь. Я уже говорил, что предыдущая моя книга рассказывала о далеком времени, почти средневековье. Что касается мистера Мердока, как вы, должно быть, знаете, в его бессмертном творении речь шла немного о другом: он описывал состояние литературного общества в конце восемнадцатого века, разбирался в причинах этого состояния и анализировал их предпосылки. А значит, повторить этот гениальный шедевр мне все-таки не удалось, — Бакер улыбнулся и стал очень похож на старую черепаху.

Журналисты задали еще несколько вопросов, и, после того как их профессиональное любопытство было удовлетворено, поклонники писателя тоже смогли пообщаться с ним. Люди в зале спрашивали Бакера на весьма отвлеченные от конференции темы: поклонников интересовало его здоровье, прошлые труды, творческие планы на будущее. Новая книга волновала собравшихся уже меньше, чем в начале вечера. Бакер сообщил, что, несмотря на возраст, он уже сейчас планировал выпустить в следующем году книгу, посвященную своей жизни — «Творческие мемуары Бенджамина Бакера». Еще через несколько лет он обещал порадовать читателей новинкой, пока не имевшей названия. Как заверил Бакер, работа над ней велась уже несколько месяцев, в чем ему активно помогал его ассистент, а в прошлом лучший студент на курсе истории американской литературы, который вел сам Бакер в Гарвардском университете. Писатель не стал раскрывать завесы тайны о будущем содержании книги, но заверил, что она обязательно придется по душе читателям.

При упоминании его имени Чед смутился и слегка улыбнулся.

— Моя помощь совсем ничтожна по сравнению с усилиями мистера Бакера, которые он прикладывает к написанию каждой своей книги, — прокомментировал Трейси.

— Не скромничай, Чед! — Бакер похлопал юношу по плечу. — Вся работа по сбору информации легла на тебя: я-то уже не всегда в состоянии дневать и ночевать в библиотеках.

После того, как творческие мемуары писателя были исследованы вдоль и поперек, менеджер Бакера сообщил поклонникам, что они могут подписать книги, которые принесли с собой, или приобрести некоторые из работ писателя прямо сейчас. Это предложение было явно ожидаемым. Люди с энтузиазмом вскочили со своих мест и нетерпеливо занимали очередь, которая успела образоваться за считанные секунды. Марк предложил мне купить какую-нибудь книгу и тоже подписать ее.

— Просто ради приличия, — пояснил он.

Я же был уверен, что брат в восторге от Бакера после того, как изучил его биографию, но не хотел мне в этом признаваться.

Приобретя книгу с чарующим названием «Размышления об истории», мы встали в конец очереди. Перед нами толпилось уже довольно много людей, остальные потрошили книжный прилавок, скупая сразу по три-четыре книги. Жена Бакера вместе с Чедом уже ушли, и в зале остался только менеджер, как тень стоявший за спиной писателя, и сам Бакер.

Когда подошла наша очередь, Марк с улыбкой, которая доходила чуть ли не до ушей, протянул Бакеру только что купленную нами книгу. Я тоже улыбнулся: не хотелось выделяться из толпы своей кислой миной. Мне даже стало казаться, что мы пошли на эту встречу не из-за того, что брат начал подозревать писателя в нападении на миссис Картер, а только потому, что Марк любил книги, а жанр, в котором писал Бакер, заставлял моего брата визжать от восторга. Но я решил промолчать, чтобы не травмировать самооценку Марка — он мог обидеться, а мне этого совсем не хотелось.

Писатель морщинистыми руками открыл форзац книги, и поднял задумчивый взгляд на нас:

— Кому мне подписать книгу? — он улыбнулся, от чего все его лицо сморщилось, как сушеная груша.

— Меня зовут Марк, подпишите для меня, - восторженно попросил брат.

— Молодой человек рядом с вами не желает, чтобы я упомянул его в своем послании? — Бакер перевел взгляд на меня.

— Из-за природной скромности, присущей мне, я даже не смел на это надеяться! Но раз вы сами предложили, то я не могу отказаться, — я опустил глаза в пол и убрал руки за спину. — Меня зовут Том.

Марк, взглянув на меня, вздохнул. Я старался сдерживать смех, чтобы не разочаровать Бакера, и отметил про себя, что я очень не плохой актер.

— Вам не стоило смущаться, — посоветовал мне Бакер, подписывая книгу чернильной ручкой. — Я очень уважаю своих поклон-

ников, тем более таких юных, как вы. Это дает мне надежду на то, что история интересна не только профессорам в университетах, но и молодому поколению, — он исписал целый лист и в конце поставил размашистую роспись.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Марк, принимая книгу из рук Бакера. — Я так давно мечтал с вами встретиться! Когда я прочел вашу «Цитадель», я решил, что это просто гениально! — брат стал размахивать руками в разные стороны, пытаясь описать свои чувства от прочитанного. — Я много читал о вас, ваша биография очень впечатляет!

Бакер явно был рад словам моего брата. Он встал и пожал ему руку:

— Очень рад слышать такое из ваших уст, мой юный друг!

— О! Мистер Бакер, вы не представляете, как много значит для меня ваше рукопожатие, — Марк наклонил голову, как бы признавая гениальность стоявшего перед ним человека.

Я слегка растерялся, так как не ожидал от брата такого бурного проявления чувств. Он тем временем принялся расхваливать произведения Бакера, рассказывать о своих впечатлениях от них. Бакер слушал все это с восторгом на лице, без конца повторяя «Спасибо». Когда поток информации иссяк, и Марк, наконец, успокоился, Бакер сел на стул и с уважением в голосе спросил:

— Чем вы занимаетесь, Марк? Я вижу, что вы очень интересуетесь историей, давно мне не приходилось встречать таких людей, как вы.

— Мне очень приятно слышать такие слова от вас, — Марк слегка покраснел. — На самом деле, я учусь в университете на специальности, связанной с экономикой, но моим хобби всегда были книги и история.

— Вы очень интересный человек, Марк! Готовы связать свою жизнь с экономикой, но в душе всегда любили историю! Я поражен вашей разносторонней личностью, — ответил Бакер.

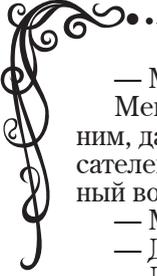
— Спасибо, — признательно кивнул ему мой брат.

— Что же ваш товарищ? Он, наверное, тоже хочет чем-то со мной поделиться? — Бакер с интересом посмотрел на меня.

Я был этому не очень рад, потому как совершенно не хотел ничем с ним делиться, но изобразил воодушевление и закивал головой. Марк решил спасти мое положение, явно понимая, что мне на тему истории сказать нечего.

— Это мой брат. Обычно у него всегда есть, что сказать, но сейчас он просто немного растерялся: мы с ним ваши большие поклонники, — Марк похлопал меня по плечу и улыбнулся.

— Я приятно поражен! — воскликнул Бакер. — Вы даже братья, и у вас общие, заслуживающие уважения интересы! Я, признаться, обескуражен.

— Мы совсем не хотели вас смущать, — тихо произнес я.

Меня удивляло, что Бакер нас не узнал. Мы ведь стояли рядом с ним, даже перекинулись парой фраз. Очень странно, как он стал писателем с такой памятью. Хотя, возможно, на нее повлиял преклонный возраст, в котором находился Бакер?

— Мне очень неудобно просить вас, но... — вдруг начал Марк.

— Для вас — что угодно, — Бакер сделал резкий жест рукой.

— Дело в том, что мой брат в будущем хочет связать свою карьеру с писательской деятельностью. Я был бы очень вам признателен, если бы вы взяли Тома подработать в издательство, чтобы он мог изнутри прочувствовать книжное дело, — Марк с надеждой посмотрел на Бакера.

Я совсем не ожидал услышать такое от Марка. Не понимая, зачем брат все это делал, и как мне на это реагировать, я впал в ступор. С одной стороны мне не хотелось подставлять Марка, потому что он очень старался, чтобы Бакер ему поверил, но меня поражало то, что брат меня ни о чем не предупредил. В следующую секунду я решил, что Бакер ни за что не согласится просить у кого-то, чтобы меня взяли в издательство, и даже расслабился. Но писатель, в глазах которого вдруг загорелся огонек, неожиданно произнес:

— С радостью, Марк! Я еще не видел таких юных дарований, как вы! Ваш брат меня восхищает ничуть не меньше вашего! Считайте, что все уже улажено. Мой менеджер позвонит вам, чтобы уточнить день, когда Том сможет начать. Оставьте свой телефон.

Хиггинс с легкой ухмылкой подошел к Марку, чтобы обменяться контактами, а Бакер обратил свое внимание на меня:

— Том, я вижу вы слегка переволновались. Но вы зря нервничаете, теперь ваш мечта сбылась: я уже вижу вас на тропе писательской стези, у вас большое будущее!

— Э, да, но... я... не... мне... — слова застряли у меня в горле.

— Бросьте, у вас все получится! — Бакер махнул рукой.

У меня было огромное желание тоже махнуть рукой и сказать Бакеру, что в своей жизни я не написал ни одного нормального сочинения, уже не говоря о чем-то серьезном. Еще мне хотелось все свалить на Марка, развернуться и уйти, чтобы встретиться с Бобом. Но я почему-то стоял на месте и глупо улыбался, не в состоянии выдать из себя ни слова.

Марк оставил свои координаты и, повернувшись к Бакеру, принял благодарить его.

— Спасибо я должен сказать вам — теперь я знаю, что в мире есть еще несколько талантливых молодых людей, — Бакер улыбнулся.

За нами в очереди осталось всего два человека, другие почему-то ушли, так и не дождавшись автографа. При этом никто не ругался и не рвался вперед: либо литературные фанаты такие культурные, либо им не очень хотелось лично встретиться с писателем. Бакер

подписал книги оставшимся поклонникам и, откланявшись, ушел вместе с менеджером. В зале остались только продавец книг, складывавший нераспроданный товар в коробки, которого, к слову сказать, осталось совсем мало, охрана, и те самые двое поклонников, лица которых теперь светились счастьем. Мы с братом молча вышли в коридор и в таком же молчании дождались лифта. Вниз мы ехали, не сказав друг другу ни слова.

На парковке я открыл дверь нашей машины, и в молчании опустился на переднее сидение. Марк сел за руль и вдруг рассмеялся. Я давно не слышал, чтобы Марк так хохотал. Он облокотился руками о руль, положил на них голову, и гоготал во всю глотку. Я с удивлением смотрел на Марка, но больше меня волновала моя судьба. Наконец, приступ хохота отпустил моего брата, и он откинулся на спинку сиденья. Заметив мой взгляд, Марк произнес:

— Давно я так не смеялся!

— Очень весело! — воскликнул я. — Я просто не понимаю, зачем ты это сделал? Наплел какой-то бред этому Бакеру, добился, чтобы он взял меня на работу. Ты вообще думал, когда все это творил?

— Я все и всегда обдумываю, прежде чем сделать, — сообщил Марк.

— Значит, ты решил всерьез заняться Бакером?

— Да, что-то мне подсказывает, что все связано именно с ним...

— А мне что-то подсказывает, что в ближайшие дни я буду вынужден вместо встреч с Даниэлой и своими друзьями проводить вечера в дурацком издательстве! Позволь спросить, зачем ты устроил этот спектакль? — я развел руками.

— У меня неплохо получилось, правда? — все еще посмеиваясь, спросил Марк.

— Да уж, я даже подумал, что ты и правда увлекся творчеством Бакера!

— Ну, мне он, как писатель, очень симпатичен. Но Бакер может оказаться грабителем, которого мы ищем, поэтому не стоит расслабляться. Теперь, после того, как я очень профессионально устроил тебя на работу в издательство, ты сможешь узнать больше информации.

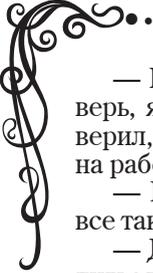
— Так я и думал, что сам ты не захочешь сидеть весь вечер в обществе занудного старика! — с обидой ответил я.

— Не злись, это все для пользы дела, — «приободрил» меня Марк. — К тому же, Бакер, на мой взгляд, не такой уж и занудный.

— Ты не подумал, что он будет задавать мне вопросы, попросит проявить мои, так расхваленные тобой, писательские таланты? Как мне выкручиваться тогда? — поинтересовался я.

— Что-что, а выкручиваться у тебя всегда хорошо получалось! — заметил брат.

— Сегодня ты доказал, что и сам с этим неплохо справляешься, — хмыкнул я.

— Но тебя мне не переплюнуть, — снова засмеялся Марк. — Поверь, я сам не ожидал, что все так выйдет. Честно, я до конца не верил, что смогу разговорить Бакера, и что он согласится взять тебя на работу!

— Никогда не поверю! Ты все заранее обдумал, поэтому у тебя все так удачно получилось, — все еще обижаясь на Марка, ответил я.

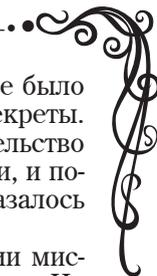
— Да, я решил не рисковать, но оно того стоило: ты будешь находиться рядом с Бакером, и сможешь выяснить, он ли наш загадочный грабитель.

Мы выехали с парковки, когда на улице уже темнело, часы в машине показывали половину восьмого. В пути мы не разговаривали, так как Марк был слишком увлечен процессом вождения, и я смог обдумать все, что только что произошло.

Факт того, что мне, так неожиданно для меня, придется работать в издательстве, совершенно не радовал. К тому же, неизвестно, что именно мне надо будет там делать: распечатывать бумажки или помогать Бакеру в сборе информации для его мемуаров. Именно последнего я и боялся: писатель быстро поймет, что я совершенно ничего не смыслил в этой области, и выгонит меня. Но с другой стороны, мне незачем было переживать: все это придумал Марк, он меня не предупредил, поставил в глупое положение, пусть сам во всем и разбирается, если меня уволят. В то же время, если брат был так уверен, что Бакер замешан в покушении на миссис Картер, я смогу реально помочь Джорджу, если выясню что-то, что даст полиции основание подозревать писателя. По крайней мере, я на это надеялся. Меня одолевали противоречивые чувства, но, в конце концов, я решил смириться с тем, что мне придется слегка поднапрячься. Успокаивала меня только мысль о том, что я смогу помочь хорошему человеку спасти его жизнь.

Через полчаса езды по городу, мы были дома. Как только мы зашли в коридор, Марк сразу же поспешил похвастаться родителям, которые были в гостинной, своими успехами в управлении автомобилем. Мне хотелось как можно быстрее отправиться к Бобу, но Марк позвал меня в свидетели своих достижений, поэтому пришлось немного задержаться. Отец в ответ на эмоциональный рассказ Марка одобрительно покивал, сказав, что очень за него рад, мама же, казалось, вздохнула с облегчением, узнав, что не придется ремонтировать ее машину. После того, как Марк утолил свою потребность в признании и похвале, я был отпущен погулять.

Вырвавшись из-под опеки брата, я позвонил Бобу, предупредив его о своем визите. Тот веселым голосом сообщил, что будет ждать меня на улице. Добравшись до его дома, я уже начал злиться от мыслей, которые крутились в моей голове. Мне было не по себе из-за того, что мой лучший друг скрыл от меня свои истинные намерения. Можно сказать, — обманул. Я никогда не боялся рассказывать Бобу

о своих чувствах к кому бы то ни было, я доверял ему, и мне было неприятно осознавать, что у него от меня могли появиться секреты. Это расценивалось в моем понимании как небольшое предательство с его стороны, ведь он прямо сказал мне, что ему жаль Кэлли, и поэтому он не хотел ее разыгрывать. Но на самом деле все оказалось совсем по-другому.

Уже подходя к дому друга, я вспомнил о своем обещании миссис Коллинз зайти к ней и сообщить о состоянии миссис Картер. Не желая разочаровывать пожилую женщину в сложившемся у нее впечатлении обо мне, я вначале заглянул к ней. Открыв дверь и увидев меня на пороге, миссис Коллинз расплылась в улыбке и сняла очки:

— Здравствуй, Томми! Смотрю, что ты не забыл обо мне, это очень приятно, — она предложила мне зайти внутрь.

Как только я оказался в доме, ко мне, заливаясь лаем, подбежала маленькая пушистая собачка с нежно кремовой шерстью. Я практически не разбирался в породах собак, хотя наша семья и держит дома одного из представителей этих прекрасных животных. Поэтому я не смог определить, что именно за порода у любимца миссис Коллинз. Мне не очень хотелось долго с ней разговаривать, мои мысли были заняты совершенно другим, и я решил не расспрашивать ее о животном, так как знал — собачники могут до бесконечности говорить о своих питомцах.

— Зашел сказать, что мы навестили сегодня днем миссис Картер. Нам разрешили с ней увидеться: она чувствует себя вполне нормально, бодро, хотя, конечно, напугана тем, что с ней произошло, — сообщил я миссис Коллинз, которая, слегка прищурив глаза, очень внимательно меня слушала.

— Очень рада это слышать! — кивнула она, как только я замолчал. — Значит, завтра я тоже наведаюсь к ней: может, она вспомнит какие-то подробности нападения... — задумчиво произнесла миссис Коллинз. Любопытства этой женщине было не занимать.

— Не думаю, что ей будет приятно снова вспоминать все случившееся, — попытался возразить я, вспоминая, как мы разговаривали сегодня с миссис Картер, и как больно ей было ворошить в памяти тяжелые воспоминания.

Но миссис Коллинз было не так-то просто остановить:

— Чем чаще ты говоришь о своих проблемах, тем легче тебе становится. Это — аксиома, — пожилая женщина убежденно отмела в сторону все мои сомнения.

Чувствуя, что все мои доводы все равно не сыграют для миссис Коллинз совершенно никакой роли, я через пару минут беседы с ней попрощался и ушел. Миссис Коллинз осталась довольна той новостью, которую я ей сообщил, и тем, что я не забыл о своем обещании, а я был рад тому, что меня, наконец, не изучал пристальный взгляд ее хитрых глаз.

Боб ждал меня, сидя на скамейке, которая стояла недалеко от порога его дома. Увидев меня, он встал мне навстречу, широко улыбаясь, как будто довольный чем-то. Мне не составило труда догадаться, чем именно он был так обрадован. Мы пожали друг другу руки, как обычно, и вернулись к скамейке. Я хотел рассказать ему о том, что я сегодня видел его вместе с Кэлли, но Боб меня опередил:

— Друг, ты не представляешь, что сегодня произошло, после того, как ты уехал к Марку! — возбужденно воскликнул он. — Когда вчера ты мне рассказал про Кэлли, я просто этому не поверил, и сегодня решил проверить, так ли это на самом деле. Я подошел к ней после занятий, чтобы пригласить в кафе. И она согласилась! Причем она явно этого ожидала, потому что так приветливо улыбалась: я даже подумал, не мерещится ли мне. Мы сходили с ней в кафе, поболтали. Она вела себя совершенно не так, как раньше: не была высокомерной, капризной, наоборот! Я был поражен ее поведением. Хотя я до сих пор не могу понять, разве такое может быть на самом деле? Ведь мы с ней никогда даже не общались нормально, постоянно ссорились и ругались, — с горящими глазами рассказывал Боб.

— Постой, — я перебил его. — Значит, ты не поверил мне? Разве я тебя когда-то обманывал?

Боб покачал головой:

— Нет же, ты все не так понял! Я имел в виду, что сам не поверил в то, что Кэлли могла в меня влюбиться! Я поверил тебе, иначе и быть не может!

— Почему ты мне ничего не сказал? Не доверял мне, боялся, что я предам тебя и разболтаю всем? — обиженно спросил я.

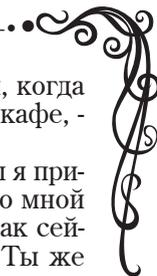
— Нет! — нетерпеливо крикнул Боб. — С чего ты это взял?! Я решил проверить, так ли все на самом деле. Ведь Кэлли могла придумать это, специально обставить так, чтобы ты услышал их разговор. Мне не хотелось, чтобы ты знал о моих намерениях, потому что, сам не замечая, мог выдать меня: своим поведением или как-то еще. Я решил, что расскажу тебе завтра, когда хоть что-нибудь узнаю точно.

— Получается, что Кэлли тебе не нравится? — я уже ничего не понимал из того, что говорил мне Боб. Никогда бы не подумал, что в голове моего друга мог родиться такой заковыристый план.

— Когда я приглашал ее на свидание, мной двигало только любопытство, но потом, после того, как мы немного пообщались, я слегка изменил свой мнение. Теперь мне хотелось бы снова увидеться с ней за пределами школы, — Боб улыбнулся.

— Боб, я могу честно сказать тебе, что ничего не понял! Но я чувствую, что ты меня не обманываешь, — признался я. — Кстати говоря, я видел вас сегодня в кафе: вы очень мило общались, — захихикал я.

— Вот почему ты был такой недовольный, когда пришел! — на Боба снизошло озарение.

— Я решил, что ты мне не доверяешь, и поэтому обманул, когда сказал, что Кэлли тебе не нравится, а сам — пригласил ее в кафе, - ответил я.

— Нет, я хотел убедиться, что она сказала правду. Если бы я пришел на следующий день и в открытую предложил ей пойти со мной куда-нибудь, а рядом стоял бы ты, хихикающий, вот прямо как сейчас, она бы, если обманывала, решила, что ее план удался. Ты же знаешь, какой вредной и хитрой она всегда была! А если бы Кэлли говорила правду – обиделась бы, подумав, что я издеваюсь над ней, — наконец, доходчиво объяснил мне Боб.

— Ладно, теперь я знаю, что ты очень любишь придумывать противоречащие сами себе планы: все можно было бы сделать и по-другому.

— Эй, это ты так даешь мне понять, что мне не хватает мозгов? — Боб изобразил возмущение.

Я засмеялся:

— Это я так даю тебе понять, что я уже замерз на улице!

— Конечно, пошли в дом, - Боб расслабился, наверное, обрадовавшись тому, как все разрешилось.

После того, как Боб мне все объяснил, у меня не осталось никаких сомнений относительно искренности нашей дружбы. Я просто в очередной раз убедился, что у моего друга нестандартное мышление в отношении некоторых проблем. Пробыв у Боба несколько часов, я около половины одиннадцатого ушел домой.

Ближе к часу ночи я услышал, как хлопнула входная дверь. Все были дома, поэтому я понял, что явился Стеф, пропадавший где-то весь вечер. Я еще не спал, и решил подождать, зайдет ко мне брат или нет. Через пару минут дверь моей комнаты слегка приоткрылась и в проеме показалась кудрявая голова Стефана.

— Эй, Том, ты уже спишь? – громким шепотом спросил он, просачиваясь внутрь.

Я уже лежал в кровати, пытаюсь заснуть, но меня почему-то мучила бессонница. Поэтому я был рад визиту своего брата, так как надеялся, что после разговора с ним мне наконец-то удастся погрузиться в царство Морфея.

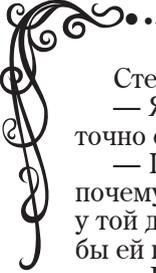
— Нет, проходи, — ответил я, включая ночник. — Гуляли?

Стеф сел в кресло и придвинулся ближе к кровати. Он был одет на удивление совсем просто: в черные брюки и кремовую рубашку, что для него в последнее время было не свойственно.

— Мы с Ланой ходили в кино, после — в ресторан, потом гуляли по городу, — объяснил брат.

Мне не терпелось спросить брата о том, что меня больше всего волновало:

— Есть какие-то новости о Джордже? Ты не знаешь, как он? Его отпустили?

Стеф вздохнул:

— Я сегодня не был в полиции. Но если бы его отпустили, я бы точно об этом знал.

— Послушай, меня мучает один вопрос: я никак не могу понять, почему мать Джорджа не объяснила всю ситуацию сестре и не взяла у той денег на адвоката для сына? Неужели миссис Картер отказала бы ей в этом?

— Как мне сказала сама миссис Палмер, она считает бесполезным говорить миссис Картер о том, что ее племяннику нужен хороший адвокат. Во-первых, миссис Палмер не хотела волновать свою сестру, но это не главное. Мать Джорджа сказала мне, что у миссис Картер, на самом деле не так уже много денег. Ее муж был бухгалтером, когда-то они жили совсем неплохо. Но за пару лет до своей смерти он решил вложить деньги в строительство консервного завода где-то на юге, и через год потерял все свои деньги. Это сильно подкосило его, он вскоре умер. Кажется, у него случился сердечный приступ. Поэтому даже если миссис Палмер и попросила бы сестру оплатить услуги адвоката, та с большим трудом смогла бы это сделать, — Стеф развел руками.

— Но ведь смогла бы! Миссис Палмер могла хотя бы попросить сестру о помощи. В тюрьме ее сын! И ему предъявляют очень серьезное обвинение, — возмутился я, совсем не понимая логики этой женщины.

— Я с тобой согласен, но если бы ты знал миссис Палмер, то понял бы, почему она так говорит. У матери Джорджа очень тихий, спокойный характер, она сильно привязана к старшей сестре — она ведь заменила ей мать, когда та рано умерла. По нраву они совершенно разные, и младшая, можно сказать, подчиняется старшей, поэтому и боится ее расстроить, — объяснил брат.

— Все равно, никогда не смогу этого понять! — разозлился я. — Вот взять тебя, меня и Марка: мы же не такие — постоянно друг с другом спорим!

— Не все же люди одинаковые, — не согласился Стеф. — Просто мы другие, и нам сложно принять чью-то точку зрения, которая не совпадает с нашей. Хотя я тоже считаю, что мать Джорджа не права, но я же не могу ей приказывать!

— Джордж не пробовал попросить мать о помощи?

— Он сам уговаривал мать не говорить миссис Картер о том, что его задержали. Наверное, тоже не хотел ее волновать, — брат пожал плечами и по его виду я убедился, что он и сам не одобрял поступков матери Джорджа.

— Ладно, — для себя я решил, что если мать Джорджа не хотела содействовать тому, чтобы ее сына быстрее освободили, значит, за нее это постараемся сделать мы с Марком. — Джорджу уже предъявили обвинение?

— Еще нет, но, думаю, скоро это случится, — удрученным голосом произнес Стеф.

— Слушай, а ведь существуют какие-то ограничения для того, чтобы держать человека под стражей до того момента, как ему предъявят обвинение?

— Да, сорок восемь часов, — кивнул брат. — Если завтра полиция не предъявит ему обвинения, то они обязаны будут его отпустить.

— Так это же отлично! — я слегка воспрял духом. — Если рассуждать логически, то никаких серьезных улик у полиции против Джорджа нет!

— Кроме очень подходящего мотива, возможности совершить нападение и отсутствия какого-либо алиби! — усмехнулся Стеф.

Я задумался:

— Но если подумать: быть может, мотив был у кого-то еще? Почему полиция не хочет работать в этом направлении?

— Я тебе отвечу: обвинить Джорджа — самый простой способ передать дело в суд и отделаться от лишней головной боли.

Не в состоянии успокоиться, я выдвинул еще одно предположение:

— Должно быть опознание преступника жертвой, ведь так? Значит, миссис Картер должна будет опознать в Джордже напавшего на нее незнакомца. Но ведь она никогда не скажет полицейским, что Джордж и есть тот самый грабитель!

— Здесь вообще все просто, — отмахнулся Стеф. — Тейлор решил мне ознакомиться с показаниями миссис Картер. Согласно ее словам, она видела неизвестного человека, как ей показалось, мужчину, в черном и в черной маске с прорезями для глаз. Она может сказать его примерный рост, описать телосложение. Еще ей показалось, что он был молодой. Исходя из этого описания, просто невозможно определить какого-то конкретного человека. Даже если бы поймали настоящего преступника, миссис Картер никогда бы не узнала в нем именно того, кто на нее напал. Ведь самого главного — лица — она не видела. Поэтому опознание в этом случае играет довольно небольшую роль. Главное — наличие мотива, отсутствие алиби и возможность совершить данное преступление, — Стеф прочитал мне небольшую лекцию по криминалистике.

— Но это же не справедливо!

— Закон для всех один, — уклончиво ответил брат.

— Ненавижу, когда ты строишь из себя адвоката, — обиженно произнес я.

— Прости, по-другому не получается, — пожал плечами Стеф.

— Ты же узнаешь завтра, предъявили Джорджу обвинение или нет? — я, наконец, почувствовал, что хочу спать. Блаженно растянувшись под одеялом, я зевнул.

Стеф без обиняков подтвердил:

— Конечно, для меня это очень важно — Джордж мой друг.

— Сообщишь потом нам?

Стеф замялся:

— Марк же все еще на меня дуется. Я тебе позвоню, ладно?

— Нет, — оборвал его я. — Ты позвонишь Марку, и вы с ним миритесь.

В субботу мне, как обычно, не хотелось идти в школу, но маме снова удалось выгнать меня из дома. Зато погода не подкачала — было отличное солнечное осеннее утро, поэтому вскоре мое настроение слегка улучшилось. В школьном автобусе обсуждали очередные сплетни, которые в этот раз распускала точно не Кэлли, так как она была занята другим важным занятием: милой болтовней с Бобом. Я сидел рядом с Даниэлой, которая выпрашивала у меня подробности так неожиданно начавшейся дружбы между моим другом и ее соперницей на школьных конкурсах красоты. Я сам не мог понять, с чего вдруг Бобу могла приглынуться такая девушка, как Кэлли, но факт оставался фактом: всю дорогу до школы они хихикали на самом заднем сиденье автобуса.

Почти на всех уроках мне «повезло» оказаться вместе с Бобом, который без устали рассказывал о том, какая Кэлли оказывается интересная и общительная девушка. Ближе к обеду мне позвонил Стеф и сообщил отличную новость:

— Тейлор решил провести опознание, и когда миссис Картер узнала, что во всем обвиняют ее племянника, она сразу же позвонила адвокату, — радостно прокричал в трубку Стеф. — Обвинение Джорджу пока не предъявили, поэтому Тейлору пришлось отпустить его под подписку. Все-таки миссис Картер смогла изыскать средства для спасения жизни своего племянника. Как ты и говорил.

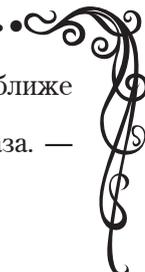
— Круто! — я был очень рад, что все так хорошо сложилось для Джорджа. — Я, как и всегда, оказался прав.

— Ага, конечно. Но Джордж все равно под следствием, — не преминул напомнить Стеф.

— Зато теперь у него есть адвокат. Кстати, ты звонил Марку?

— Да, — довольно ответил брат. — Мы вроде бы снова разговариваем.

На большой перемене, когда мы с Бобом вместе отправились в столовую, я встретился с Даниэлой, которая все утро была на других занятиях. Она выглядела расстроенной и взволнованной. Заметив это, я поинтересовался, что произошло. Дана предложила сесть за отдельный стол, поэтому мне пришлось попросить Боба найти себе какую-нибудь компанию. Особенно уговаривать мне его не пришлось, потому как Боб и сам был рад присоединиться к Кэлли, которая, завидев его, помахала ему рукой. Мы с Даной взяли еду и устроились за столом у окна, которое выходило на спортивную площадку. Оставшись со мной наедине, Даниэла чуть не расплакалась.

— Успокойся! — не понимая в чем дело, я придвинул стул ближе к Дана и обнял ее за плечи. — Расскажи, что случилось?

— Я не знаю, как сказать, — Дана посмотрела мне в глаза. — Только обещай, что не будешь горячиться.

Я напрягся:

— Тебя кто-то обидел?

Дана кивнула и слегка всхлипнула.

— Я старалась не показывать, как мне обидно и больно, но больше не могу сдерживаться. Понимаешь, ты, наверное, не замечал раньше, что некоторые ко мне настроены не очень дружелюбно. Я не знаю, почему они так себя ведут, может, завидуют. Но есть один человек, который меня просто ненавидит. По крайней мере, мне так кажется, — начала Даниэла.

По моему мнению, Даниэла слегка преувеличивала: да, невозможно понравиться всем и каждому, кто-то обязательно будет видеть в тебе врага и сплетничать у тебя за спиной. Даниэла — яркая личность, которая не боялась показывать свою индивидуальность, и многим это не нравилось или казалось странным. Некоторые ее не понимали, но большинство уважали и считались с ней. Сама Даниэла никогда не обращала внимания на то, что другие о ней думают. Поэтому мне было странно слышать, что Дана заикнулась на чем-то мнении о ней.

— Стив Макклейн, — произнесла Дана. — Он меня ненавидит, но я не знаю, за что!

— С чего ты это взяла? — не понял я. — Стив, конечно, не самый воспитанный из тех, кого я знаю, но вряд ли он ненавидит тебя.

Стив Макклейн учился в нашей школе. Он на год старше нас и имел репутацию местного хулигана. У руководства школы часто возникали с ним проблемы из-за того, что он постоянно где-то пакостил, подшучивал над учителями или дрался с кем-то после уроков. Но я никогда не слышал, чтобы он плохо отзывался о Даниэле.

— Нет, это именно так! — упорно твердила Дана.

Плечи Даниэлы вздрагивали, руки немного тряслись, а во взгляде я видел страх. Глядя на нее, мне начинало казаться, что произошло что-то действительно серьезное, и все, что говорила мне Дана, не плод ее фантазий.

— Он давно подшучивал надо мной из-за моего внешнего вида, но я не обращала на него внимания. Я привыкла, что некоторые не понимают меня, и мне было абсолютно все равно, что он обо мне думает. Но пару недель назад все его издевки и подколы стали приобретать угрожающий характер. Я сначала подумала, что мне просто кажется, но сегодня я убедилась: я была права, когда чувствовала, что мне надо держаться от него подальше... — быстро протараторила Даниэла.

— Что он сделал? — в тот момент я полностью поверил Дане. Меня заедала мысль о том, что человека, который был мне очень дорог, кто-то сильно и незаслуженно обидел.

Даниэла молча подняла рукав кофты, и чуть выше локтя я увидел огромный кровоподтек. Я в ужасе уставился на ее руку, не зная, что сказать. Слова как будто застряли у меня в горле. Даниэла, должно быть, прочитав все на моем лице, положила руку мне на плечо и начала объяснять:

— Том, я не знала, что мне делать. Все произошло так быстро, я очень сильно испугалась!

— Как это случилось? — я поднял взгляд на лицо Даны. Мысленно я уже был готов разорвать Стива на части.

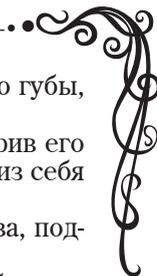
Даниэла опустила рукав и сложила руки на груди:

— На последнем уроке мы с ним оказались в одном классе, и он сел за парту, которая стояла рядом с моей. Он все занятие кидал мне на стол записочки с всякими гадостями: все в его стиле. После того, как прозвенел звонок, и я хотела пойти в столовую, уже в коридоре, он схватил меня за руку и оттащил в угол. Ты не представляешь, как мне стало страшно! Когда мы остались вдвоем, у него было просто жуткое выражение лица, он начал шипеть на меня, что-то типа: «Думаешь, ты самая крутая, я помогу тебе слегка сбить спесь. Думаешь, тебя кто-то сможет защитить, я могу прямо сейчас ударить тебя, и никто ничего не заметит». И все в таком духе. Потом он пригрозил мне, что если я расскажу кому-то об этом, то он избьет меня. Но я не смогла сдержаться, я сразу все тебе решила рассказать, потому что мне страшно за свою жизнь! — Даниэла кинулась мне на шею и разрыдалась.

Ребята, которые сидели за соседними столами, с подозрением покосились на нас, но ничего не сказали. Пока Дана рыдала у меня на плече, мои руки инстинктивно начали сжиматься в кулаки. Я почувствовал глущую ненависть к Макклеину. И как он мог так разговаривать и угрожать моей Дане? На что Стив рассчитывал? Что Даниэла промолчит, а он будет продолжать свою травлю? Чего он хотел добиться своим низким поступком? И тут я увидел Макклеина с гадкой улыбочкой на лице, стоявшего в очереди за едой. Он держал в руках поднос и о чем-то пересмеивался со своими друзьями. Недолго думая, я вскочил с места и побежал к нему. Злость и обида за Даниэлу застилали мне глаза. Макклеин выше и крупнее, чем я, но меня это не останавливало. Завидев меня, он повернулся в мою сторону и, держа поднос в одной руке, другой провел по угольно-черным волосам, и издевательски засмеялся:

— Что случилось, Уиллсон? Волосы в двери прищемил?

Ни говоря ни слова, я с размаху ударил его кулаком по лицу. Макклеин уронил поднос, и пошатнулся. По столовой прокатился крик изумления. Все вокруг застыли на местах, ожидая, что будет дальше.

— Ты что, экстази пережрал? — он в ужасе дотронулся до губы, которая сочилась кровью.

— А то ты не понимаешь, что случилось! — заорал я, ударив его в живот. — Тварь, ты как посмел угрожать Даниэле? Ты что из себя возомнил?

Макклейн согнулся от моего удара, но, услышав мои слова, поднял голову и, снизу посмотрев на меня, оскалился:

— Не понимаю, о чем ты! Такие тупые идиотки, как Робинсон, меня не интересуют!

Его слова взбесили меня еще больше, и я снова замахнулся, чтобы нанести еще один, заслуженный им, удар, но Макклейн, воспользовавшись моим замешательством, обхватил меня за талию и повалил на пол. Скинуть его с себя я не мог — Макклейн намного мускулистей и сильней, чем я. Прижав меня к полу, он несколько раз ударил меня по лицу:

— Эта крашенная стерва сама напросилась: она должна была быть со мной! А выбрала такого неудачника, как ты!

После его ударов у меня перед глазами все потемнело: мимо проплывали яркие звездочки, а голос Макклейна доходил до моих ушей, словно сквозь вату. Через несколько секунд я увидел над собой уже не одного Макклейна, а еще и Боба, Джоша, Кристиана и несколько ребят из своего класса, которые оттащили Стива от меня. У них завязалась драка, в которой Макклейн явно не выходил победителем. Еще через секунду я увидел озабоченное лицо Даниэлы. Она помогла мне встать. Я приложил руку к голове, пытаясь сфокусировать зрение. Потасовка между моими друзьями и друзьями, подоспевшими на помощь Макклейну, все еще продолжалась. Я ни о чем не успел подумать, когда в помещение столовой вбежал охранник, который принялся разнимать драку, тут же пришел директор, пообещавший исключить всех, кто сейчас же не перестанет махать кулаками. Это подействовало, и все слегка успокоились. Остальным было приказано возвращаться на занятия, а нас мистер Нельсон попросил пройти в его кабинет. Мне пришлось оставить взволнованную Даниэлу, и пойти к директору.

По дороге Макклейн, которому помимо губы в процессе драки разбили нос и подбили глаз, держался подальше от меня. Рядом со мной шел Боб, который одобрительно похлопал меня по плечу и сказал, что я молодец. Я же не очень хорошо соображал, и просто пытался ощупать свое лицо: мне казалось, что Макклейн сломал мне челюсть.

Директор приказал всем заходить в кабинет. Когда за нами закрылась дверь, Мистер Нельсон, встав за столом напротив нас, внимательно изучил наши побитые лица и спросил:

— И кто же, позвольте поинтересоваться, зачинщик?

Макклейн сразу же принял обиженный вид и ткнул в меня пальцем:

— Это он! Он псих, ненормальный! Я просто стоял в столовой, а Уиллсон налетел на меня с кулаками, я пытался защититься, мне помогали от него отбиваться мои друзья!

Дружки Макклейна закивали, поддерживая его.

Я возмущился:

— А оскорблять девушек и применять к ним силу — нормально?

Макклейн раздул ноздри и уничтожающе посмотрел на меня:

— Что за чушь ты несешь? — он повернулся к директору. — Уиллсон — наркоман, обкурился чего-то, а теперь ему в голову приходят бредовые идеи.

Джош нахмурился и сделал шаг по направлению к Макклейну:

— Ты кого в наркомании обвиняешь? Тебя самого уже пару раз видели с таблетками, на других не наговаривай!

— Может, мало тебе сейчас было? Мы можем и другой глаз украсить, — предложил Боб.

Банда Макклейна напряглась и враждебно косилась в нашу сторону.

— Стоп! — директор решил пресечь заново начинавшуюся перепалку. — Уиллсон и Макклейн останутся, а остальные будут ждать в приемной до тех пор, пока я их не вызову.

Недовольные и слегка потрепанные, остальные участники драки вышли в коридор. Я остался почти наедине с виновником всего произошедшего, и меня снова начала захлестывать злость. Директор опустился на кресло и спросил:

— Вы думали, что творите, когда устроили этот кавардак в столовой? Что, если бы вы покалечились или других покалечили?

Мы оба молча смотрели в пол. Думаю, в тот момент мы были готовы убить друг друга на месте, останавливало нас только присутствие мистера Нельсона.

— Меня не интересует причина драки — это в любом случае грубое нарушение внутреннего распорядка и неумение сдерживать свои эмоции. Вы оба получите выговор в личное дело: может, это хоть чему-то вас научит. Подумать только, — мистер Нельсон покачал головой. — Втянуть в драку с десятком человек! Вашим родителям сообщат, и вы отправитесь домой только под их присмотром. Сейчас пойдете к медсестре, чтобы она посмотрела, нет ли у вас серьезных повреждений. И скажите остальным, пусть идут с вами. Нам только коллективного перелома носа не хватало! — больше мистер Нельсон не сказал ни слова, просто проводил нас мрачным взглядом карих глаз.

Медсестра, к счастью, никаких переломов у меня не обнаружила, просто обработала мои ссадины йодом и заклеила пластырем, посоветовав обратиться в больницу, чтобы убедиться в отсутствии у меня сотрясения мозга. Но она посоветовала это и всем остальным, поэтому я не слишком переживал из-за своего здоровья. У Макклейна

тоже не нашлось ничего серьезного, кроме еще больше подмоченной репутации.

Взглянув на себя в зеркало, я не очень вдохновился увиденным. Ссадина на щеке, разбитая губа и кровоподтек на руке, которой я ударился, когда падал. Несмотря на то, что Макклеин тоже побил меня, я чувствовал какое-то внутреннее удовлетворение от того, что отстоял честь любимой девушки. И теперь все будут знать об этом.

Выйдя из медпункта, я увидел Даниэлу, которая сидела на стуле рядом с дверью. Заметив, что я вышел, она вскочила на ноги и, затаив дыхание, во все глаза смотрела на меня, ожидая моей реакции. Мы молча смотрели друг на друга, пока Даниэла не расплакалась. Она подбежала ко мне, и мы крепко обнялись.

— Томми, прости, пожалуйста, что я тебя втянула во все это! Теперь у тебя будут из-за меня проблемы, я не должна была говорить тебе, мне нужно было самой во всем разобраться!

Я слегка улыбнулся:

— Как бы ты разобралась? Если он меня побил, то что бы сделал с тобой... Зато теперь он точно не посмеет даже подойти к тебе.

Дана осмотрела мое лицо и вздохнула:

— Никогда бы не подумала, что Макклеин окажется такой свиней!

— Кстати, ты была права: он завидовал. Завидовал тому, что ты выбрала меня, а не его, — произнес я.

— Все было очевидно — я выбрала самого мужественного и смелого парня в мире, — улыбнулась, вытирая слезы, Даниэла. — Ты, наверное, никогда не дрался вот так, по-настоящему?

Я пожал плечами:

— Для тебя — все, что угодно...

Чуть позже приехал отец. Увидев мое лицо, он настоял на том, чтобы я показался врачу. После утомительных процедур в больнице, где надо мной проделали какие-то манипуляции и выписали витамины, мы с отцом вернулись домой. В машине мы не обмолвились ни словом, но я не заметил, чтобы отец был чересчур зол. Как только мы вошли в дом, нам на встречу показалась взволнованная мама. Чуть взглянув на мои ссадины, она схватилась за сердце и бросилась ко мне. Прижав меня к себе, мама начала выспрашивать, что случилось, и не сломал ли я себе что-нибудь. Отец быстро ответил, что все в порядке, и сдержанно предложил мне пройти с ним в его кабинет. После этого предложения я слегка напрягся, так как подумал, что всю дорогу отец просто сдерживался, а теперь, один на один, решил выплеснуть весь свой гнев на меня. Для себя я решил занять позицию уверенного в своей правоте и держаться соответствующим образом. Вдохнув как можно больше воздуха, я прошел вслед за отцом в кабинет и сел в кресло напротив стола. Это сразу вызвало у меня

неприятную ассоциацию о моем сегодняшнем посещении кабинета директора, где я был в таком же положении, как и сейчас.

Кабинет отца — его любимое место в доме, вход в которое не всегда открыт для всех. Здесь он работал над делами, которые находились у него в производстве, можно сказать, вершил судьбы людей, определяясь с линией их защиты. Один его неверный шаг — и человек мог лишиться свободы, чаще всего навсегда, учитывая специфику дел, на которых специализировался отец. Он брался за самые сложные и порой казавшиеся безвыходными дела, но отец всегда предъявлял условие своим клиентам — они должны быть невиновны в том, в чем их обвиняли. Если у отца будет хоть малейшее сомнение относительно невиновности клиента, он не станет защищать его.

Обстановка кабинета соответствующая — располагающая к размышлениям и неспешным раздумьям. Самое главное — освещение. Оно приглушенное и создавало впечатление уюта и комфорта. Само помещение кабинета не большое, правильной квадратной формы с высокими окнами, которые украшали белые тюли и тяжелые темно-коричневые шторы. Стол из массива темного дерева, располагавшийся по центру комнаты, постоянно завален бумагами, но мне всегда казалось, что они имели какую-то, только отцу ведомую, систему, а не просто были разбросаны в хаосе. Отец не любил кресла на колесиках, а предпочитал большие стулья, смахивающие на трон. Именно такой и стоял в его кабинете, отделанный темно-зеленой кожей и по цвету древесины составлявший дуэт столу. Вдоль одной из стен располагался высокий, до самого потолка, деревянный стеллаж с книгами, в основном посвященными юриспруденции и адвокатуре. Напротив него находилась небольшая витрина, за стеклом которой выставлены дипломы и грамоты, которые когда-то получил отец. Рядом с ней стоял бар, где отец хранил свое любимое красное вино, а справа от двери располагался диван, обтянутый красной с белым рисунком тканью. Прямо перед столом стояли два небольших кожаных кресла, в одном из которых сидел я.

Папа закрыл дверь, не спеша сел за стол. Облокотившись об него руками, он скрестил пальцы и подпер ими подбородок. Цепкий взгляд моего отца просверлил меня насквозь, я даже подумал, что могу ничего не говорить, потому как он уже прочитал мои мысли. К моему удивлению, он вдруг безо всякой злости и недовольства в голосе спросил:

— Расскажешь, кто тебя так? — он указал рукой на мое лицо.

Я опустил голову и дернул плечом:

— Просто подрался в школе, с кем не бывает.

— Ну, да, учитывая, что раньше ты никогда не дрался, — уточнил папа.

— Не дрался, — повторил за ним я.

— Но здесь были крайние обстоятельства, и ты не смог сдержаться, — он сделал размашистый жест рукой.

— Да, — коротко ответил я.

— Как тебе последствия? — поинтересовался отец.

— Смотря какие: если считать моральное удовлетворение и собственную самооценку, то я доволен; если же говорить о ссадинах и синяках — то они болят и мне совсем не нравятся, — я постарался точнее отразить свои чувства от происшедшего.

— Это именно то, что я и ожидал услышать. Поверь мне, любой на твоём месте и в твоём положении думал бы так же. Теперь давай поговорим о других последствиях. Мистер Нельсон сказал мне, что в твоём личном деле будет записано об этом инциденте. Небольшая, но пакость. Как ты считаешь, это того стоило? — отец слегка наклонился вперед.

Я задумался на секунду, а потом решил рассказать отцу все, как было на самом деле:

— Макклеин, парень, с которым мы подрались, — уточнил я, — причинил боль человеку, который мне очень дорог. Он угрожал избить Даниэлу, если она расскажет кому-нибудь о том, что он издевался над ней и морально ее унижал. Так продолжалось бы и дальше, если бы она не рассказала об этом мне. Я не сдержался и ударил его. Но он физически сильнее меня, я один с ним бы не справился. Он повалил меня на пол и тоже пару раз ударил. Это увидели мои друзья, и решили заступиться за меня. На помощь Макклеину пришли его друзья, и между ними завязалась драка. Я не жалею о том, что сделал. Считаю, что поступил правильно. Теперь Макклеин не посмеет даже приблизиться к Даниэле.

На лице отца не отразилось никаких эмоций.

— Теперь мне яснее видны мотивы твоего поступка, — наконец произнес он. — Похвально, что ты решил вступить за честь девушки, тем более, насколько я знаю, ты питаешь к ней какие-то теплые чувства. Я тоже считаю — нельзя жалеть о том, что было сделано. Прошлого не вернуть, корить себя бесполезно: мы уже ничего не сможем изменить. Уверенность в своей правоте тоже делает тебе честь в моих глазах — я считаю это качество очень важным в человеке. И ненависть, и злость по отношению к обидчику мне вполне понятны, — кивнул отец. — Теперь, после того, как ты рассказал мне все, как было, я вижу, что виновником конфликта был Макклеин, если я правильно запомнил его фамилию. Его поступок был низок и противозаконен. Также я вижу, что в твоём сердце живут благородные порывы и искренние чувства к людям. Это не может меня не радовать.

Папа опустил руки на стол и вздохнул. Он внимательно посмотрел на меня и уже немного другим, более теплым тоном продолжил:

— Но я также вижу, что в силу своего юного возраста, неопытности и горячности, ты допустил несколько ошибок. Во-первых, ты

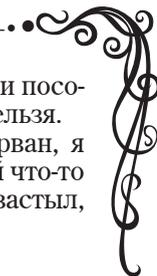
втянул в конфликт совершенно посторонних людей, и они тоже пострадали, хотя были ни при чем. Во-вторых, ты поддался импульсу, первому порыву, который проснулся в тебе, когда ты услышал страшные подробности, которые рассказала тебе Даниэла. Я понимаю, что в таких ситуациях очень сложно мыслить логически, но это, к сожалению, единственное преимущество, имеющееся у нас перед противником, который таким образом и надеется ввести нас в заблуждение, чтобы мы сами себя потопили. Нет, я ни в коем случае не имею в виду Даниэлу, — покачал головой отец, увидев на моем лице непонимание. — Это образное мышление, чтобы ты понял, где допустил промахи. Но вся эта ситуация будет для тебя хорошим опытом. Человеку свойственно делать ошибки. Глупому человеку свойственно повторять свои ошибки. Ты должен увидеть то, в чем ты был не прав, и запомнить, раз и навсегда, что так делать не стоит. Тебе ведь самому это не выгодно: посмотри, лицо в садах, в личном деле — выговор, друзья тоже слегка пострадали от рук врагов, а директор совсем не в восторге от твоего поведения, — отец развел руками. — Согласись, моральное удовлетворение теперь кажется такой ничтожной вещью по сравнению с другими, негативными последствиями?

— Да, — выдохнул я, вдумываясь в слова отца.

— Все можно было сделать по-другому, так, чтобы и Макклейн получил свое, и чтобы ты и другие не пострадали. Например, Даниэла могла рассказать сложившуюся ситуацию своим родителям, они пришли бы к директору, и, уверяю тебя, Макклейну мало бы точно не показалось. Но девочка была напугана, она не знала, что делать. Рассказала все тому, кому могла довериться, — тебе. Ты вспылал, и побежал разбираться с негодником. Нормальная ситуация для того, кто никогда в таких ситуациях не был. Но теперь-то ты знаешь, что бывает, когда погорячишься, поэтому в будущем будешь действовать с трезвой головой и холодным расчетом. Тебе очень пригодится в жизни это качество, а сейчас как раз подходящее время, чтобы учиться.

Выйдя из кабинета отца, я уже по-другому смотрел на случившееся. Конечно, я чувствовал вину перед друзьями за то, что втянул их в конфликт, но в то же время гордился ими: ведь они вступились за меня. Ощущать поддержку с их стороны было для меня очень важным. И эта ситуация еще раз показала мне, что я не ошибся, доверившись Даниэле, и что наши чувства были взаимны.

Я был очень благодарен отцу за то, что он просто поговорил со мной, помог посмотреть на себя со стороны. Ведь он мог обвинить во всем меня, накричать и запереть дома. Но потом я бы не чувствовал к родителям ничего кроме злости и обиды, в своем поступке видел бы только положительные стороны, и при похожих обстоятельствах в будущем поступил бы также. Теперь же, после нашего разговора,

я воспринял обстоятельства иначе и относился к ним так, как и посоветовал отец: ошибаться можно, но повторять свои ошибки нельзя.

Поскольку мой обед в школе был так неожиданно прерван, я очень хотел есть. Зайдя в кухню, я увидел там Марка, который что-то искал в холодильнике. Посмотрев на меня, он на мгновение застыл, после чего непонимающее пожал плечами и произнес:

— Ты поскользнулся или неудачно поиграл в футбол?

Я подошел к шкафчику, где хранился чай, и, открыв дверцу, спросил:

— Неужели мама не пожаловалась тебе на мое плохое поведение в школе?

Марк закрыл холодильник и улыбнулся:

— Наверное, она хотела, чтобы ты сделал это сам, — он сел за стол и, открыв банку с мороженым, которое только что достал из морозилки, зачерпнул большой его кусок ложкой.

Заварив себе чай, я сел рядом с братом и сказал:

— Сегодня я первый раз по-настоящему подрался.

Марку, который никогда и ни с кем в своей жизни не дрался, и который по своему характеру в принципе не конфликтный человек, наверное, было сложно меня понять. Брат привык сдерживать свои эмоции, часто скрывать истинные чувства, он постоянно что-то не договаривал до конца, и любил, когда его слова окутаны слегка уловистой завесой тайны. Я же совсем другой человек: очень эмоциональный, вспыльчивый и часто не мог сдерживать натиска чувств, которые кипели во мне. Я редко скрывал свои эмоции, мне было легче сказать все, что я думал, чем лукавить о своем отношении к кому-то. Хотя врать я тоже умел неплохо, но обычно это получалось у меня спонтанно, я никогда не обдумывал заранее план своих действий, в отличие от Марка, который привык действовать по четко намеченной траектории.

Брат с удивлением посмотрел на меня и поинтересовался:

— И кто же этот счастливчик, удостоившийся чести первым нанести тебе побои?

— Стив Макклеин, он учится в нашей школе, но на год старше, — ответил я.

— Из-за чего у вас произошла стычка?

— Макклеин обижал Даниэлу, я за нее заступился, — когда я говорил это, то снова ощутил странное чувство гордости за себя. Может, я был не прав, но теперь, когда все сделано, я старался найти в своем поступке и какие-то положительные стороны. Хотя знал, что если передо мной снова станет выбор, как поступить, я уже не сделаю так, как поступил сегодня.

Марк одобрительно кивнул головой:

— За это не стыдно первый раз подраться.

— Ты так считаешь? — я в недоумении посмотрел на брата. Мне казалось, что он никогда не поймет моего поступка.

— Конечно, я тебя понимаю, — словно читая мои мысли, продолжил Марк. — Когда тебе кто-то дорог, ты сделаешь все, что угодно, чтобы защитить его. Я думаю, ты поступил не так плохо, как это может показаться со стороны.

— Ты меня удивляешь, — признался я. — Даже предположить не мог, что ты скажешь именно то, что только что сказал.

Марк вздохнул:

— Иногда приходится быть твердым, чтобы отстоять себя или тех, кто рядом с тобой. Только в следующий раз постарайся разобраться с врагами каким-нибудь другим способом: смотреть на твои синяки не очень приятно, — он улыбнулся.

Я рассказал Марку о том, как все произошло. Также я рассказал ему о своем разговоре с отцом, и о том, что после этого, я еще больше стал уважать его, увидев в нем мудрого и понимающего человека, который очень любил меня. Будучи от природы чувствительным, но не показывая этого другим, мне было важно знать и чувствовать потребность близких во мне, понимать, что я им дорог. Брат, услышав о том, что отец даже не наказал меня, полностью одобрил его решение, сказав, что намного важнее осознать свои ошибки в голове, а не физическими страданиями.

— Ели уж мы заговорили о семейных отношениях, то хочу тебя обрадовать: мы со Стефом помирились, — с довольным видом сообщил Марк, после того, как мы вдоволь наговорились о моих подвигах в школе.

— Я знаю — Стеф звонил мне сегодня, чтобы сказать об освобождении Джорджа из-под стражи, заодно сообщил и об этом, — кивнул я, радуясь тому, что отношения моих братьев перестали быть напряженными.

— Да, мы же совсем забыли о Джордже! — встрепенулся Марк. — Нам надо обязательно увидеться с ним.

— Думаю, что это будет очень просто устроить: Стеф точно знает, где сейчас его друг и вряд ли станет скрывать от нас, если мы спросим его об этом, — ответил я.

Старшего брата дома не было, поэтому Марк позвонил ему, чтобы выяснить интересующий нас вопрос. Из сказанного Стефом следовало, что, как только Джорджа выпустили сегодня днем, он поехал в свою квартиру в Бостоне. Так как мы решили встретиться с ним, Марк спросил у Стефа номер мобильного Джорджа, объяснив это тем, что хочет поздравить последнего с благополучным разрешением ситуации, на что Стеф ответил, что ситуация еще не разрешилась до конца, но номер Джорджа он все-таки нам дал. Получив желаемое, Марк сразу же позвонил Джо и, представившись, попросил о встрече. Джордж узнал Марка и, выслушав радостную речь моего брата о своем замечательном освобождении из-под стражи, согласился, но предупредил, что выглядит не лучшим образом. Заверив,

что на внешний вид ему совершенно наплевать, Марк записал адрес квартиры и положил трубку. Поняв, что брат хотел отправиться к Джорджу прямо сейчас, я с сожалением в голосе отметил, что пообедать мне сегодня, наверное, не удастся. Марк сжалился надо мной и согласился подождать, пока я поем.

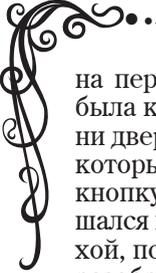
Чтобы не откладывать поездку к Джорджу, мы сразу же после того, как я закончил трапезу, пошли собираться. Мне нужно было переодеться, потому что рубашка, в которой я был в школе, порвалась во время драки, а брюки испачкались кетчупом. Найдя в шкафу новую одежду, я постарался быстрее переодеться, так как Марк ждал меня внизу, и мне самому очень хотелось встретиться с Джо. Выйдя из своей комнаты, я увидел маму, которая явно хотела со мной поговорить. По ее взволнованному виду я уже подозревал, что именно она будет мне внушать. Я понимал, что она переживала за меня и желала мне только самого лучшего, но сейчас я был настроен на то, чтобы снова заняться нашим с Марком расследованием, и мне совсем не хотелось вести долгие разговоры о моральных принципах и правильном поведении в обществе.

— Том, — спокойно и уверенно начала мама. — Я знаю, что отец уже поговорил с тобой и надеюсь, что ты вынес для себя правильные уроки из происшедшего. Но мне хотелось бы самой побеседовать с тобой на эту тему, так как считаю, что в воспитании важна, как отцовская твердая рука, так и мягкая материнская забота, — как всегда, когда дело касалось, по мнению мамы, щепетильных вопросов, она прибегала к философии и приукрашивала свою речь высокими словами.

— Мам, меня Марк ждет внизу, не хочу чтобы он состарился там, пока я спущусь к нему, — ответил я, пытаясь таким образом дать маме понять, что не настроен на беседу с ней. — Может, мы позже с тобой поговорим, когда я вернусь?

— Хорошо, — мама неожиданно для меня согласилась. — Я буду ждать, когда вы вернетесь. Только, пожалуйста, гуляйте не очень долго, и приходите пораньше, — мама дала последнее наставление. Я заверил ее, что мы вернемся уже через пару часов, и волноваться ей не о чем. Мама только вздохнула, посмотрев на меня взглядом встревоженных глаз.

Квартира Джорджа располагалась в одном из многочисленных в Бостоне домов из красного кирпича, в районе Север Энд, на Купер стрит. На и без того узкой улице, разделявшей однотипные дома друга от друга, где могла бы проехать только одна машина, вся обочина с одной стороны была заставлена разномастными автомобилями. Четырехэтажный дом с небольшими окнами, выходящими на солнечную сторону улицы, выглядел несколько уныло. Его не спасали даже элегантные темно-коричневые балконы, сооруженные какими-то умельцами прямо над входом в обувной магазин, находившийся

на первом этаже здания. Дверь, служившая в этом доме входной, была кипенно-белой в обрамлении выкрашенного в цвет яркой зелени дверного проема. Рядом находился домофон с номерами квартир, которых оказалось совсем немного – всего шесть. Марк нажал на кнопку с цифрой пять. Из динамика через несколько секунд послышался мужской голос, должно быть Джорджа. Связь была очень плохой, постоянно что-то скрежетало, и было практически невозможно разобрать, кто находился на том конце провода.

— Ребята, это вы? — прозвучало из динамика.

— Да, Джордж, это Марк и Том, — подтвердил я.

— Проходите, четвертый этаж, — подсказал нам голос.

Раздался писк, после которого замок в двери щелкнул, и мы смогли зайти внутрь. В подъезде было чисто, стены покрыты зеленой краской, а пол выложен кафельной плиткой. Лифта здесь, конечно же, не было, и нам пришлось идти пешком. На каждой площадке располагалось по две квартиры, двери у которых были совершенно одинаковые: деревянные, покрытые темно-коричневой краской. На наше счастье, лестница оказалась довольно узкой, а лестничные пролеты маленькими, и мы скоро оказались на последнем этаже здания. Джордж уже ждал нас, стоя у открытой двери квартиры. Выглядел он уставшим и расстроенным, но уже успел побриться и был одет в свежую одежду.

— Привет, заходите, — он пропустил нас вперед и закрыл за нами входную дверь. — Подрался? — спросил Джо, посмотрев на мое лицо.

— Ничего интересного — пришлось объяснить кое-кому, где находится выход, — мне совсем не хотелось распространяться на тему моего конфликта с Макклеynom.

— Бывает, — с пониманием в голосе отозвался Джордж. — У меня не прибрано — времени не было. Так что придется вам потерпеть мой кавардак, — усмехнулся он, убирая с обеденного стола полную пепельницу окурков и грязные кружки с остатками коричневой жидкости, должно быть, чая или кофе.

— Это еще ничего, у меня в комнате иногда бывает и хуже, — подержал его я.

Честно сказать, я явно преувеличил масштабы своего беспорядка. Такого хаоса, как в квартире у Джорджа, я не видел еще нигде, разве только в кино. Большая комната, которая объединяла в себе гостиную, столовую и кухню одновременно, находилась в полнейшем захламлении. Прямо у входной двери в квартире лежала куча грязной обуви, причем в ней можно было обнаружить как легкие летние сандалии, так и теплые зимние сапоги. Весь пол в помещении был в пятнах, по углам клубами летала пыль, а на выкрашенном в некогда белую краску потолке, который теперь стал непривлекательного серого оттенка, пауки сплели невероятных размеров паутину. Справа от входа я заметил дверь, которая, по моему предположению, долж-

на была вести в спальню. Она была закрыта, поэтому нам с Марком не удалось оценить состояние другой комнаты, но созерцания гостиной нам вполне хватило.

Стекла в трех небольших окнах комнаты, которые не содержали на себе никаких признаков штор или жалюзи, были покрыты толстым слоем пыли, а несколько цветов в горшках, томившихся на подоконнике, похоже, не поливали пару недель. Мебели в квартире у Джорджа оказалось совсем немного: средних размеров диван, обтянутый потрепанной от времени серой тканью, расположился у дальнего окна, напротив него на старенькой тумбочке стоял телевизор – тоже не самого современного типа. Пространство вокруг этого дуэта было завалено хламом в виде оберток из-под конфет, пивных банок и пачками с остатками чипсов. На диване стояла тарелка с недоеденными макаронами, которые выглядели уже закисшими. На одной из стен я увидел большую картину, изображавшую странные и длинные разноцветные полосы, которые пересекались под самыми непредвиденными углами – мне так и не удалось разобрать, что это было. Кухня, которая отделялась от гостиной, если так можно было назвать комнату, содержащую только диван и телевизор, широкой барной стойкой, оказалась совсем небольшой и вмещала только самую необходимую технику и утварь. Старенький и очень маленький холодильник с жирным налетом на дверце, тарактел так, что, казалось, он вот-вот взлетит. Рядом с ним, на кухонном гарнитуре слегка мрачноватой коричневой гаммы, который тоже выглядел довольно потасканным, стояла микроволновая печь, выделявшаяся среди остальной техники и предметов интерьера своей чистотой и новизной. Наверняка Джордж купил ее совсем недавно, иначе вряд ли она выглядела бы такой свежей. Все кухонное пространство, особенно мойка, было завалено грязной посудой — от чайных ложек до огромных кастрюль. В центре всей этой какофонии располагался круглый деревянный стол, весь усыпанный крошками и испачканный разливами когда-то на него напитками.

Джордж предложил нам сесть за стол, но, заметив наше замешательство, нашел страшную сальную тряпку и быстро смахнул мусор. В результате этой манипуляции все, что раньше находилось на столе, оказалось на полу. Не обращая на это никакого внимания и явно довольный проделанной им работой, Джордж первым сел за стол. Я выдвинул предложенный Джорджем стул и, стараясь, чтобы хозяин ничего не заметил, осмотрел его на наличие остатков какой-либо еды. Но стул оказался чистым. Мы с Марком тоже сели за стол, после чего Джордж начал рассказывать нам о своих злоключениях по поводу проведенных им в тюрьме дней. Живописуя ужасы тюремной жизни, Джордж взял пепельницу, которую только что убрал со стола, вытряхнул ее содержимое прямо в раковину, где лежала немытая посуда, и, поставив перед собой, закурил.

Я взглянул на Марка: он сидел, вытянувшись по струнке, со странным выражением на лице. Слегка улыбнувшись, я подумал, что мой брат, должно быть, не ожидал увидеть Джорджа именно с такой стороны.

Когда Джо закончил изливать на нас свои страдания и выкурил уже пять сигарет, я почувствовал, что в квартире стало просто нечем дышать.

— Может, откроем окно? — предложил я.

Джордж согласился и поднял раму одного из окон. Пока он отходил, Марк жестом показал мне, что жутко устал и пора бы переходить к делу. Снова оказавшись за столом, Джордж спросил, чем его скромная персона могла так заинтересовать нас. Марк попытался изобразить что-то типа беззаботности, но у него это не очень получилось:

— Мы хотели бы поближе познакомиться с друзьями нашего брата, тем более что ты его лучший друг. Стеф очень сильно за тебя переживал, поэтому мы решили поддержать тебя своим визитом, — Марк улыбнулся.

— Да, это приятно, когда о тебе кто-то беспокоится, — согласно кивнул Джо, доставая из пачки новую сигарету.

Понимая, что больше не выдержу, я намекнул:

— Ты так много куришь! Не думаешь, что это вредно?

К счастью, Джордж понял, что нам не доставлял удовольствия сигаретный дым, и убрал пачку с зажигалкой со стола.

— Знаете, очень странно было осознавать себя в роли главного подозреваемого в том, что ты ограбил и пытался убить собственную тетку, — Джордж упростил нам задачу, и сам перешел к интересующей нас теме.

— Полиция пошла по самому легкому пути, — заметил Марк, внимательно глядяваясь ему в лицо.

В серых глазах Джорджа я заметил отчаяние:

— Даже если сейчас я на свободе, это еще не значит, что завтра Тейлор не придет за мной с ордером на арест! — он опустил голову. — Могу сказать вам честно: я никогда бы не совершил такого преступления. Но, как мне сказал адвокат, я, на данный момент, — главный подозреваемый.

— Потому что других вариантов у Тейлора просто нет! — воскликнул я. — Ведь это же очевидно — ты не виновен.

Джордж взглянул на меня и грустно ответил:

— Если бы это было также очевидно и для полиции...

— Слушай, Джо, Тейлор должен был допрашивать тебя, предъявлять доказательства, свидетельствующие в пользу его версии. Можешь что-нибудь рассказать об этом? — спросил Марк.

Джордж пожал плечами:

— Детектив меня допрашивал: поинтересовался о моем алиби, которое никто подтвердить не может — в ночь нападения на мою тетку

я был один, здесь, в квартире. Когда произошло второе нападение, не поверите, но я тоже был здесь...

— ...и тоже в одиночестве, — закончил за него Марк.

— Да, — подтвердил Джо. — Еще Тейлор решил, что у меня был прямой мотив – якобы я хотел найти завещание тети Лауры, чтобы удостовериться в том, что она передала часть имущества какому-то фонду, а когда нашел — взбесился и ударил свою тетку по голове чем-то тяжелым. Большой глупости о себе я еще никогда не слышал! Я ведь даже не подозревал о том, что тетя Лаура решила разделить свое имущество.

— Если представить ситуацию: ты узнаешь, не от миссис Картер, а от кого-то еще, что она приняла решение разделить твоё наследство между тобой и благотворительным фондом, как ты бы поступил? — спросил я.

— Даже не знаю: наверное, спросил бы у нее, правда ли это? Если бы так и было, то поинтересовался бы причинами такого решения. В конце концов, наследство моей тетки принадлежит ей, и только она может им распорядиться так, как ей этого хочется. В любом случае, я уверен: она никогда бы не оставила меня вообще без ничего. Мы в хороших отношениях, с чего ей так поступать?

Я был склонен верить Джорджу, тем более мы изначально были уверены в его невиновности, и сейчас его слова поставили для меня точку в сомнениях относительно его причастности к нападению, которые до этого у меня все равно время от времени возникали.

— Кстати, я не совсем понял одну вещь, — включился в разговор Марк. — Давайте представим, как обстояло дело с точки зрения Тейлора. Ты проник в дом миссис Картер. Когда ты был там в первый раз у тебя имелась уйма времени, чтобы обыскать весь дом, но ты, как думает Тейлор, не нашел завещания. Тогда ты предпринял вторую попытку после того, как миссис Картер вернулась домой, так как полагал, что она увозила завещание с собой. Правильно я описал ситуацию? — обратился Марк к Джорджу.

— Да, именно так Тейлор и говорил мне на допросе, — согласился Джо.

— Отлично! — довольный собой, Марк улыбнулся. — Теперь у меня созрел логичный вопрос: куда ты первым делом должен был заглянуть в поисках завещания, когда обыскивал дом своей тети во второй раз?

Джордж на секунду задумался, после чего ответил:

— Ну, наверняка я бы обыскал ее вещи, с которыми она приехала от моей матери.

— Вот именно! Тейлор давал тебе ознакомиться с протоколом осмотра дома миссис Картер? — спросил Марк.

— До того, как тетя наняла мне адвоката, я читал протокол, но был в таком подавленном состоянии, что вряд ли обратил бы внимание на такие мелочи, — покачал головой Джо.

— А ведь это очень важно! — воодушевленно заговорил мой брат. — Тут может быть несколько вариантов. Первый: твоя тетя разобрала вещи, до того, как легла спать в тот день, когда подверглась нападению, поэтому, обнаружив это, ты снова принял обыскивать все вокруг. Второй: миссис Картер оставила сумки не разобранными, и тогда логично предположить, что просмотрев в первый раз все закоулки, ты точно знал, что завещания дома нет, значит, должен был осмотреть ее багаж. И только после этого, если завещание она все-таки успела выложить, начать обыскивать дом, — заключил Марк. — Также важно знать, где именно находились дорожные сумки миссис Картер в ночь второго нападения. Ведь по версии Тейлора, ты увидел завещание, разозлился и ударил свою тетю. Мы с Томом навещали миссис Картер в больнице, — Марк кивнул в мою сторону. — И твоя тетя сказала нам, что грабитель ударил ее, когда увидел, как она вышла в коридор и хотела вызвать по телефону полицию, а сам нападавший стоял на лестнице. Если багаж был на втором этаже, то, когда оглушил миссис Картер, ты не мог знать содержание завещания, конечно, учитывая, что оно находилось в сумке.

— Еще твоей тете показалось, что грабитель сам испугался, когда увидел ее. То есть он совсем не хотел с ней встречаться, — добавил я.

— Кстати, где находилось завещание, когда полиция приехала на вызов во второй раз? — Марк задумчиво посмотрел на Джорджа.

Тот в полном недоумении пожал плечами:

— У меня его, естественно, не было. Детектив Тейлор сказал, что завещание лежало на столе в кабинете, на первом этаже.

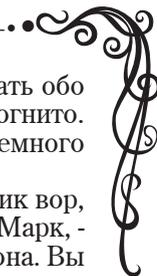
— Это еще раз доказывает, что необходимо выяснить, разбирали ли сумки миссис Картер, и где именно она оставила завещание в тот день, — подвел итог Марк.

Джордж смотрел на нас во все глаза и выглядел удивленным.

— Ребята, я поражен тем, что вы мне сейчас сказали! — он обвел нас взглядом горящих глаз. — У меня складывается впечатление, что вы затеяли что-то наподобие собственного расследования — вы столько всего знаете об обстоятельствах моего дела, чего даже я толком не знал. И говорите так обстоятельно, как будто целыми днями только об этом и думали, — с хитринкой в голосе закончил он.

Я переглянулся с Марком, по виду которого понял: он тоже, как и я, слегка нервничал, не зная, стоит ли признаваться. Молчание за столом продлилось совсем не долго, и я ответил:

— Стеф много рассказывал о твоих проблемах, а у нас очень живое воображение, вот мы и подумали, что навестив тебя, не только ближе познакомимся с тобой, но и узнаем подробнее о том, что произошло, — я старался говорить спокойно, так как решил, что Джорджу не обязательно знать о наших похождениях. Он точно расскажет

Стефу, тот поднимет нас на смех и запросто может разболтать обо всем отцу. Будет лучше, если мы на время сохраним свое инкогнито.

Вдруг Джордж ударил ладонью по столу и, подавшись немного вперед, воскликнул, будто бы что-то неожиданно понял:

— Я вспомнил! Когда в дом тети Лауры в первый раз проник вор, я видел вас там! Тебя, Том, ты был с Бобом Брауном, и тебя, Марк, — ты показывал мне записную книжку и хотел знать, не моя ли она. Вы точно решили поиграть в детективов!

— Вообще-то, записная книжка никак не относится к ограблению, — с серьезным видом произнес Марк.

— Это не важно, — махнул рукой Джордж. — Все равно здесь что-то не так...

— На мой взгляд, это ты сейчас играешь в детектива, — недовольно произнес я, всем своим видом стараясь показать, что Джордж ошибся в своих выводах.

Я встал из-за стола и решил немного походить по комнате, так как усидеть на месте больше не мог.

— Ладно, проехали, — наконец, успокоился Джордж. — Может, хотите чаю?

Вспомнив грязные кружки и немытую посуду, я поспешил отказаться:

— Нет, спасибо, я только недавно пообедал, и, наверное, слегка переел — чай в меня точно не вместится, — я улыбнулся.

Марк, похоже, тоже не горел желанием угощаться из посуды Джорджа:

— Спасибо за предложение, но я, пожалуй, откажусь: нам уже пора, — он поднялся на ноги.

— Спешите? — спросил Джордж, не выказав ни малейшего разочарования из-за нашего отказа.

— Да, Тому сегодня надо как можно раньше вернуться домой, — сообщил Марк.

Я вздохнул. Вот зачем Марк выставил меня маменькиным сынком? Наверное, как и всегда, пытался всех судить по себе.

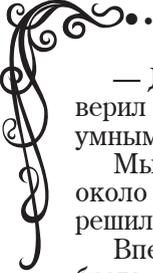
Джордж усмехнулся:

— Ясно. Даже могу предположить, с чем именно это может быть связано, но промолчу.

— У меня еще один вопрос: на завещании нашли твои отпечатки пальцев? — спросил Марк у Джо.

— Нет, — спокойно ответил тот, как будто ожидал такого вопроса. — Тейлор объяснил это тем, что я был в перчатках. Хотя вы, наверное, это уже знаете, раз говорили с моей тетей.

— Твоя тетя очень разговорчивая женщина, — сказал Марк. — Не забудь рассказать своему адвокату то, о чем мы сегодня говорили. Правда, он и сам должен был разобраться. Он ведь хороший адвокат, да?

— Даже не сомневайтесь: мой адвокат — один из лучших, — заверил нас Джордж. — Но приятнее быть не испуганным клиентом, а умным клиентом.

Мы вышли из дома, в котором располагалась квартира Джорджа, около восьми часов вечера. Погода была отличной, и мы с Марком решили прогуляться, а не сразу спускаться в метро.

Впечатления от того места, где жил близкий друг моего старшего брата, оставляли желать лучшего. Хотя я и привык к хорошим условиям, по моему мнению, даже небогатую квартиру можно обустроить так, чтобы было приятно возвращаться туда каждый вечер. Или, по крайней мере, убраться, так как я просто не представлял себе, как можно жить в такой помойке. Однако этическая сторона характера Джорджа никак не могла повлиять на мое убеждение о том, что он никаким образом не причастен к нападению на миссис Картер.

Еще меня в который раз удивил собственный брат, приводивший такие факты, о которых я даже никогда бы не предположил. Только сейчас, успев переварить всю информацию, я понял, что место нахождения завещания и багажа миссис Картер в момент второго проникновения в ее дом действительно играли немаловажную роль в доказательстве невиновности Джорджа.

— Эй, ты очень ловко сегодня подкинул Джорджу идею насчет сумок миссис Картер, — похвалил я Марка, когда мы, не спеша, шли по Хановер стрит, которая вскоре должна была вывести нас в центр города — на Конгресс стрит.

— Я доволен собой, — коротко ответил Марк. — Надеюсь, ты заметил, в какой обстановке живет Джордж? — брат задал животрепещущий для него вопрос.

— Еще бы, — ответил я. — Интересно, Стеф бывал у него? Представлю его воспоминания от увиденного!

— Думаю, ничего хорошего, — Марк сморщил нос и прищурился, как будто ему было очень противно представлять эту картину.

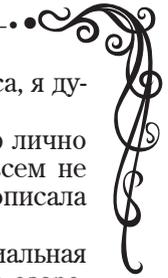
— Наверное, ты захочешь спросить у миссис Картер, где она оставила завещание, когда вернулась из поездки к сестре, — предположил я.

Марк отрицательно покачал головой:

— Теперь нам незачем доказывать невиновность Джорджа — с этой задачей прекрасно справится его адвокат. Ты же помнишь, что про него сказал Джо — он один из лучших, — пояснил Марк. — Мы же должны сосредоточиться на том, чтобы выяснить, кто еще имел мотив для проникновения в дом и попытки убийства миссис Картер.

— Хм, раз так, то, я думаю, у нас есть версия того, кто бы это мог быть, — деловито произнес я.

— Именно так, — подыгрывая мне, ответил Марк. — Злой и хитрый писатель Бенджамин Бакер мог каким-то образом быть заинтересован в ограблении.

— Вариант с проникновением в дом миссис Картер Эванса, я думаю, совсем несостоятелен, — подвел итог я.

— Точно, — подметил Марк. — Вариант того, что Бакер лично участвовал в ограблении, тоже можно отбросить — он совсем не подходит на роль молодого и ловкого незнакомца, которого описала миссис Картер.

— Слушай, Марк, мне только что пришла в голову гениальная мысль! — воскликнул я, почувствовав, что на меня снизошло озарение. — И как мы раньше об этом не подумали!

— Говори скорей, — поторопил меня брат.

— Ограбление и нападение на миссис Картер произошли поздно ночью. Как преступник добрался до ее дома и уехал обратно? Ведь он не мог воспользоваться общественным транспортом, только на собственной машине!

— Ну, да, логично было бы предположить, что именно так оно и было. Только что-то я не вижу здесь ничего гениального, — пожал плечами Марк.

— Ты развивай мысль дальше, — подсказал я ему. — Преступник знал, что миссис Картер не будет дома в ночь на воскресенье, он должен был быть уверен, что она точно уехала.

— Ты хочешь сказать, что он следил за ней? — сомневаясь, спросил брат.

— Возможно, не именно за ней, а за домом. Дожидался момента, когда она куда-нибудь уйдет на продолжительный промежуток времени. Для этого ему надо было приезжать к ее дому, наблюдать за происходящим. Если не постоянно, но хотя бы иногда. А чужую машину мог бы кто-то заметить, — объяснял я.

— Но грабителем мог быть и кто-то из местных, тогда бы никто и не обратил на него никакого внимания, — возразил Марк.

— Что ты уперся? — возмутился я. — Мне пришла в голову такая отличная идея, а ты рубишь ее на корню, даже не дослушав!

Марк поднял руки вверх, показывая, что больше не будет спорить:

— Хорошо, я слушаю!

— Так вот, если преступником был кто-то не из близлежащих домов, то чужая машина могла броситься в глаза. А если представить, где именно расположен дом миссис Картер, то можно вспомнить, что недалеко от нее живет...

— ...миссис Коллинз! — Марка осенило.

— Именно! — я был рад, что брат наконец-то понял, к чему я клоню. — Ты же знаешь, какая она дотошная и любопытная, все и всегда замечает.

— Да-да, помню рассказы Боба о ее давней дружбе с ЦРУ, — вставил скептическую реплику Марк.

— Все это весело и забавно, но она действительно могла что-то видеть. Когда пообщаешься с ней больше, то поймешь, какая

она надоедливая, — вспоминая свои встречи с соседкой Боба, ответил я.

— Не обижайся, я пошутил, — улыбнулся Марк. — На самом деле, твое предположение мне действительно нравится. Пока еще не поздно, нам надо поторопиться к ней в гости: попить чай по-соседски, поинтересоваться ее здоровьем...

— И спросить, довольна ли она качеством нашей с Бобом стрижки газона, — добавил я.

Путь до дома миссис Коллинз занял у нас чуть больше получаса. Было уже половина девятого, на улице темно, но мы надеялись, что любознательная соседка Боба не откажется поболтать на очень интересующую ее тему — покушение на миссис Картер.

Увидев нас на пороге, пожилая леди улыбнулась, и сразу предложила пройти в дом. Я представил Марка миссис Коллинз, которая пристальным взглядом изучила его. Только после этого она спросила, чем обязана нашему столь позднему визиту.

— Мы знаем, что вас очень волнует состояние миссис Картер, мы тоже за нее переживаем, — начал Марк. — Еще Том сказал мне, что вы хотели навестить ее, вот мы и подумали, что могли бы обсудить с вами новости: может, у нас получится вычислить того, кто напал на миссис Картер, — по дороге сюда, я и Марк определили стратегию нашего разговора, и решили, что если дадим миссис Коллинз понять, что мы предельно с ней откровенны в своих намерениях, она станет более разговорчивой и менее подозрительной.

Услышав слова моего брата, миссис Коллинз не смогла скрыть своей радости. Она заметно оживилась, в глазах появился задорный огонек, а улыбка стала более естественной, чем раньше. Должно быть, ей приятно было осознавать, что к ее мнению прислушались, и даже просили высказать свои соображения, которых явно накопилось довольно много.

— Проходите в гостиную, а я заварю нам чай, — засуетилась женщина. — Вот, сюда, заходите, — она проводила нас в комнату и усадила на диван. — Подождите немного, я очень-очень быстро вернусь!

Миссис Коллинз чуть ли не вприпрыжку поспешила на кухню, находившуюся по соседству с гостиной. Мы с Марком переглянулись и подмигнули друг другу, понимая, что наш план удался.

Гостиная любопытной и всезнающей пожилой леди выглядела очень уютной. Мягкий диван, обтянутый песочного цвета тканью с занятым набивным рисунком, изображавшим необычные цветы, которых в природе, должно быть, не существовало, казалось, излучал домашнее тепло. Когда наступали холодные вечера, можно с удовольствием зарыться в его теплые и большие подушки, и забыть, что где-то за окном бушует непогода. Рядом с диваном стояло кресло, такое же теплое и уютное. Напротив находился небольшой деревянный столик, на котором лежали журналы, посвященные ру-

коделию, стояла интересная шкатулка с расписной крышкой, чуть приоткрытой, из-под которой выглядывала неаккуратно сложенная измерительная лента. Наверняка миссис Коллинз увлеклась вязанием и шитьем, а может быть и вышивкой. Пол в комнате, покрытый паркетом, был начищен до блеска. Я нигде не увидел клубов пыли или мусора, везде царила идеальная чистота.

Мягкий свет, падавший от расставленных по углам комнаты высоких торшеров с витыми коваными ножками на обои нежной персиковой расцветки, создавал в помещении почти волшебную атмосферу. У окна, украшенного легкими темно-розовыми шторами, на противоположной от нас стороне гостиной стояла деревянная кресло-качалка. Через один из подлокотников был перекинут вязаный платок, а на самом кресле лежала открытая книга. Сверху, на ее распахнутых страницах, виднелись забытые хозяйкой очки. Позади дивана располагался шкаф, сделанный из тяжелого на вид дерева. Сверху он был украшен затейливыми узорами, вырезанными очень искусно, а дверцы радовали глаз блестящими стеклами, за которыми выстроились в ряды разные фигурки и безделушки. На одной из полок я заметил довольно большую коллекцию фарфоровых туфелек разного размера и цвета. Они производили впечатление настоящих, будто бы их только что сняла со своей ножки сказочная фея. У стены напротив расположилась большая тумба с телевизором, выглядывшим самым современным из имевшихся в комнате вещей. Тумба тоже была деревянной и тяжелой, под стать шкафу, а сверху миссис Коллинз накрыла ее симпатичной вязаной салфеткой, которую, возможно, учитывая ее интерес к рукоделию, сделала сама.

Уют в этом доме особенно чувствовался после того, как мы побывали в гостях у Джорджа. Здесь все казалось невероятно спокойным, умиротворенным, в отличие от места обитания лучшего друга Стефа, где царил такой бардак и хаос, что было невозможным представить, как там мог жить человек.

Как только миссис Коллинз скрылась в соседней комнате, к нам подбежал тот самый маленький песик, которого я видел, когда заходил к ней в прошлый раз. Собака была похожа на небольшую болонку, с шерстью нежного кремового цвета. Озорные глаза-угольки светились задорной радостью, приоткрытый рот с торчащим розовым язычком, казалось, изогнулся в улыбке, а маленькие ушки со слегка свисающими кончиками придавали собачке еще более очаровательный вид. Пушистая густая шерсть делала ее похожей на мягкий воздушный шарик или одуванчик. Это милое создание без конца виляло хвостиком, подпрыгивало на месте то ли от радости, то ли от волнения, но было видно, что нас совершенно не боялось. Марк протянул руку, чтобы погладить собаку. Она тут же встала на задние лапки, и оперевшись передними на колени моего брата, повизгивая от удовольствия, с радостью принимала оказываемые ей знаки внимания. Я

тоже погладил собачку, после чего она отблагодарила меня, облизав все руки. Это же она проделала и с Марком. Мы уже привыкли, что Ресси постоянно нас слюнявила, поэтому отнеслись к этому совершенно спокойно. Было видно, что собака обладала дружелюбным характером, и была готова расцеловать любого гостя.

Пока мы развлекались, играя с псом и пытаясь угадать, как его зовут, вернулась миссис Коллинз с подносом в руках, на котором стоял красивый чайный сервиз, оформленный в фиолетовых тонах, и угощения в виде посыпанных корицей крендельков и пирожных с заварным кремом. Так как я очень любил сладкое, то сразу решил, что зайти к миссис Коллинз было не такой уж и нудной затеей.

— О, Микки уже познакомился с вами! — воскликнула она, заметив собаку.

— Мы с Марком как раз угадывали его имя, — ответил я. — Очень милый пес!

— У нас дома тоже живет собака, — сообщил Марк. — Только она немного больше, — он улыбнулся.

— Какая это порода? — решил поинтересоваться я.

— Честно сказать, я не знаю, — ответила миссис Коллинз. — Мне подарили Микки после того, как умер мой муж три года назад. С Микки мне веселее и не так одиноко по вечерам, — погрузневшим голосом продолжала она. — Вы, наверное, уже успели заметить, что Микки очень веселый, всегда в хорошем настроении, он стал моим лучшим другом, — женщина расставила посуду перед нами на столике и устроилась на кресле, рядом с нами.

Конечно, миссис Коллинз не смогла пройти мимо и не спросить меня о происхождении садин на моем лице. Мне почему-то захотелось сказать ей правду:

— Я подрался, защищая свою девушку, — услышав мои слова, Марк опустил глаза и улыбнулся. Еще бы: хоть он и уверял меня в том, что поступил бы также, я уже начал сомневаться в его искренности. Марк никогда не влюблялся, откуда бы ему знать, что эти чувства могли побудить меня к такому поступку.

У миссис Коллинз была иная реакция. Она кокетливо засмеялась и кивнула:

— В молодости мы часто поступаем под влиянием мгновения, яркого чувства. У вас сейчас самый прекрасный возраст, незачем прятать свои эмоции, ведь все мы проходим через это, — она ностальгически вздохнула и уверила меня, что любовь залечит все мои раны.

Внешне миссис Коллинз была похожа на обычную американскую пожилую даму. Худая и невысокая, она была одета в домашние брюки неяркого голубого оттенка, простую персикового цвета кофту с длинным рукавом, сверху которой была накинута клетчатая жилетка. Прическа присутствовала на ее голове постоянно: даже сейчас

она демонстрировала ореол из кипенно белых сильно начесанных волос. Возраст миссис Коллинз я бы определил как не старше семидесяти пяти, хотя, возможно, она была и моложе. На лице женщины было много морщин, особенно вокруг глаз, а на коже с легким загаром кое-где виднелись еле заметные пигментные пятна. У миссис Коллинз некрупные черты лица, аккуратный нос, и тонкие губы, которые она часто поджимала, как будто чем-то недовольна или что-то задумала. Из-за тяжелого взгляда, казалось, что она все время что-то обдумывала, прищулив глаза и внимательно к тебе присматриваясь. Чувствовалось, что она очень любопытная, но теперь, оказавшись у нее дома и немного с ней поговорив, я бы сказал, что она была неплохой женщиной, просто одинокой. Ей очень скучно, поэтому она выискивала любые возможности поговорить или выведать самые незначительные новости, чтобы потом обсудить это, неважно с кем, самое главное – общение. А уж если рядом с ней происходило что-то действительно серьезное, на миссис Коллинз это производило невероятное впечатление, и она стремилась вмешаться и влезть во все любой ценой. Конечно, прошлое женщины, связанное с ЦРУ, тут явно не причем – человек, которому скучно и целый день нечего делать, не обязательно должен служить в разведке, если он везде и всюду пытался быть первым.

Миссис Коллинз налила нам чай и предложила сладости. Не долго думая, я положил себе на тарелку всего и побольше. Марк же ограничился одним пирожным, которого ему хватило на все время, пока мы были у миссис Коллинз. Мы немного поговорили о собаках, так как нас всех интересовала эта тема, и всем нам было, что сказать. После чего миссис Коллинз сама перешла к сути дела.

— Вы говорили, что хотели обсудить происшествие, которое недавно случилось на нашей улице, — начала она. — Вот что я вам скажу: миссис Картер, бедняжка, не заслужила этого. Я знаю, она очень порядочная и культурная женщина.

— Мы тоже так думаем, — поспешил убедить ее я. — Вы слышали, что полиция задержала племянника миссис Картер? Они считают, что именно он напал на нее.

Миссис Коллинз в недоумении округлила глаза:

— Не может быть!

— Не волнуйтесь, его уже отпустили, правда, под подписку о невыезде, — добавил Марк.

— Бог мой, какой ужас! Какой произвол! — сокрушалась миссис Коллинз, поставив чашку с чаем на столик. — Вы только подумайте: куда катится полиция — лишь бы обвинить кого-нибудь, ни в чем при этом не разбираясь! Как они могли придумать такую глупость?! Я знаю Джорджа с пеленок — он очень привязан к своей тетке и никогда не причинил бы ей вреда, — голосом, не терпящим возражений, заявила она.

— Миссис Картер вам ничего не сказала? — решил уточнить я.

— Нет, — покачала головой женщина. — Наверное, ей хотелось сохранить это втайне от любопытных глаз и избежать лишних вопросов.

— Нас интересует один вопрос, может, вы сможете помочь нам, — обратился Марк к миссис Коллинз. — Вы помните ночь, когда вор проник в дом миссис Картер в первый раз?

— Да, — уверенно кивнула она. — Это было в ночь на воскресенье. Вы с друзьями устраивали вечеринку на лужайке Браунов, я долго не спала. Но у меня нет к вам совершенно никаких претензий: имея изумительно подстриженный вами газон, я готова с радостью послушать современную музыку еще раз! — улыбнулась миссис Коллинз.

— Раз вы не спали, то, возможно видели что-то подозрительное? — спросил Марк.

— К сожалению, нет. Мне и самой хотелось бы помочь в поисках виновника, но я ничего не могу сказать о подробностях преступления, — расстроено ответила женщина.

— До того, как в дом миссис Картер проник вор, может, за неделю или даже раньше, вы не видели незнакомых людей или машин неподалеку? — продолжал расспрашивать Марк.

Миссис Коллинз задумалась.

— Хороший вопрос, молодой человек. Когда я размышляла над случившимся, то даже не приняла этот занятный факт во внимание. Но теперь вижу, что это на самом деле очень важно, — погрузившись в свои мысли, миссис Картер как будто оторвалась от реальности.

— Постарайтесь вспомнить точно: вы ведь с большой долей вероятности могли видеть преступника — дом миссис Картер располагается совсем недалеко от вашего, — я постарался помочь миссис Коллинз отыскать в памяти именно те факты, которые были нам так нужны.

На лице женщины застыло напряженное выражение, она свела брови и прикусила нижнюю губу. Но уже через секунду затуманенный взгляд миссис Коллинз прояснился, и она радостно улыбнулась:

— Да, я вспомнила, — женщина схватила чашку с чаем и сделала большой глоток. — Я точно видела кое-что необычное!

— И что же это? — нетерпеливо переспросил Марк.

Миссис Коллинз медленно опустила чашку на журнальный столик и, положив руки на колени, произнесла:

— За несколько дней до того, как в дом Лауры Картер проник незнакомец, я днем сидела на лужайке напротив своего дома, вместе с Микки. Вдоль дороги растет много кустов, поэтому меня с улицы не очень хорошо видно, — она сделала небольшую паузу, после чего, более тихим голосом добавила: — Я раскрою вам маленький секрет.

Хотя многие считают меня старой и полуслепой, это совершенно не так: у меня хорошее зрение для моего возраста, к тому же я еще не такая старая, чтобы не замечать очевидного, — она прищурилась и слегка отклонилась назад, как будто ожидая, что мы поспешим заверить ее в том, что тоже так считали.

— Еще бы, вашей хватке можно только позавидовать, — искренне ответил я.

Миссис Коллинз осталась явно довольной моим замечанием, потому что с охотой принялась рассказывать дальше:

— Я знаю машины не только всех своих соседей, но и тех, кто живет на соседних улицах и даже некоторых людей из соседних кварталов. Например, у вашего брата, его, кажется, зовут Стефан, золотистая BMW кабриолет, а ваш отец ездит на джипе Мерседес, — миссис Коллинз все говорила и говорила, а мне оставалось только удивляться тому, откуда она могла знать такие подробности, если даже никогда не была лично знакома с нашим отцом. — Вот и в тот день, сидя в кресле, я наблюдала очень интересную картину. Совершенно незнакомая мне темно-зеленая машина с тонированными стеклами несколько раз проезжала мимо меня и, соответственно, мимо дома миссис Картер. Было ощущение, что она ездил кругами, а после того, как автомобиль несколько раз обогнул наши дома, он просто уехал. Я не разглядела водителя через темные окна. Кстати говоря, машина не выглядела новой, она была довольно старой, — наблюдательная соседка подробно изложила нам описание подозрительного автомобиля, привлекшего ее внимание.

Мы с Марком оживились.

— Вы уверены, что это не могла быть машина кого-нибудь из местных? — уточнил я, подозревая, что Марк очень хотел задать этот вопрос.

Миссис Коллинз покачала головой:

— Уверена абсолютно точно, сомнений быть не может. Если бы это был кто-то из людей, живущих неподалеку, я бы знала эту машину.

— Может, кто-то приезжал в гости, — никак не успокаивался в своих подозрениях Марк.

— Не смешите меня: кто так ездит в гости? По несколько раз объезжая вокруг одного и тоже места, на низкой скорости, — отмахнулась женщина. — Вот что я вам скажу: моя интуиция меня никогда не подводила. И сейчас я чувствую, что этот случай точно связан с ограблением!

— Хорошо, — сдался Марк. — Когда именно произошел этот случай?

— В понедельник, — без обиняков заявила миссис Коллинз. — А в ночь на воскресенье и случилось это бесчеловечное деяние.

— В какое время вы видели машину? — продолжал допрос брат. Женщина пожала плечами:

— Не могу сказать точно до минуты, но примерно в половине двенадцатого.

— Больше вы не видели этот автомобиль? — спросил я.

— Понимаете, — начала миссис Коллинз, — последние несколько недель у меня выдались насыщенными на события: я ездила в гости к подруге, работала в саду. Еще я часто отлучалась в магазин за покупками — дело в том, что я увлеклась шитьем, и теперь закупаю все необходимые мне для этого занятия принадлежности. Поэтому времени понаблюдать у меня выдалось очень мало, — с сожалением вздохнув, объяснила она.

— Жаль. Но, если, предположить, что случай, свидетелем которого вы стали, имел отношение к нападению, то, скорее всего, вы видели машину преступника, — подвел итог Марк.

— Может, вы запомнили марку автомобиля, его номер? — поинтересовался я.

— Нет, к сожалению этого я не запомнила. И мне вообще кажется, что у него не было номеров. Хотя, возможно, я просто этого не помню, — ответила миссис Коллинз. — Думаете, что я действительно могла видеть настоящего преступника?

— Именно так, — подтвердил Марк.

— О! — воскликнула женщина, всплеснув руками. — Если бы я тогда знала о том, что потом случится, я бы обязательно запомнила все приметы автомобиля и сообщила в полицию.

— Сообщить в полицию о таких сведениях никогда не поздно: ведь сейчас они разрабатывают Джорджа в качестве основной версии. И сказать об этом адвокату Джо было бы не лишним, — рассудил Марк. — Мы сообщим ему.

— Да-да, обязательно! Я очень хочу помочь несчастному мальчику: то, что с ним произошло, — так несправедливо!

Миссис Коллинз, в силу присущего ей любопытства, расспросила нас, какой точки зрения на произошедшее придерживались мы.

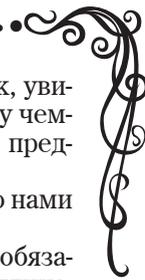
— Конечно, мы считаем, что Джордж не совершал нападения на миссис Картер, — высказался Марк.

Я тоже решил присоединиться к обсуждению:

— Мы, как и вы, обдумывали ситуацию и пришли к выводу, что преступник хотел найти что-то конкретное, и этого не было там в первый раз, когда он проник в дом в ночь на воскресенье. Во второй раз он снова не нашел, что искал, так как Джордж сказал, что из дома ничего не пропало. Но точнее, думаю, об этом скажет миссис Картер, когда выйдет из больницы...

— Почему же полиция думает, что именно Джордж напал на свою тетку? — спросила миссис Коллинз.

— Детектив Тейлор, который ведет это дело, считает, что Джордж искал новое завещание, пока еще не подписанное миссис Картер. Согласно ему, денежные накопления, то есть только часть имущества,

переходила после смерти благотворительному фонду. Джордж, увидев завещание, потерял над собой контроль и ударил свою тетку чем-то тяжелым по голове, — мой брат кратко изложил позицию представителей власти.

Миссис Коллинз молча обдумывала только что сообщенную нами информацию.

— Вы не переживайте: у Джорджа хороший адвокат — он обязательно ему поможет, — я постарался приободрить миссис Коллинз, которая выглядела расстроенной после того, как узнала все обстоятельства.

— Надеюсь на это, — ответила она голосом, который не сильно обнадеживал.

Допив чай, мы с Марком покинули уютный дом миссис Коллинз около десяти часов вечера.

ГЛАВА 7

Помня о своем обещании вернуться домой не очень поздно и обнаружив на своем мобильном несколько пропущенных звонков от мамы, я был готов, как только переступил порог дома, к серьезным нравоучениям и разговорам. Но понял, что ошибся: мама так и не вышла встретить нас. Поэтому я с братом поднялся к нему в комнату и удобно устроился в кресле, предварительно убрав с него кучу одежды, вперемежку сваленной на него. Марк предложил обсудить полученные сегодня нами сведения. Он достал блокнот в твердой обложке. Когда брат открыл его, я в лишний раз убедился, что он воспринял все очень серьезно: страниц двадцать были с усердием исписаны кривым почерком Марка. Заметив мое удивление, брат пояснил, что записывал в этот блокнот все факты и улики, которые нам известны. На этот раз он пометил все, что нам удалось узнать от миссис Коллинз.

— Итак, что мы имеем: за шесть дней до первого происшествия миссис Коллинз видела подозрительную машину, которая нарезала круги вокруг дома миссис Картер...

— Кстати, не факт, что водитель следил именно за домом миссис Картер, — перебил я Марка.

— Знаешь, странная закономерность получается: вначале все замечающая старушка видит неместную машину, водитель которой ведет себя очень странно, а через несколько дней в дом миссис Картер проникает вор. По меньшей мере, очень удивительное совпадение, тебе не кажется? — Марк внимательно изучил меня взглядом и, поняв, что мне нечего ему ответить, продолжил: - Мы уже определились с основной версией мотива, незачем снова обсуждать его. Будем считать, что преступник не нашел искомую вещь. Значит, он должен попытаться счастья вновь.

— Думаешь, он на это решится? В третий раз? — с сомнением спросил я.

— Вряд ли он профессиональный вор. Такой не стал бы рисковать во второй раз — ведь полицейские могли устроить засаду, прошло слишком мало времени после его первой попытки; и он точно не катался бы на машине у всех на виду. Его могли видеть много людей: надо, чтобы адвокат Джорджа занялся этим. Я позвоню Джо, и расскажу ему обо всем, — ответил Марк, записывая что-то в блокнот.

— Также мы знаем, что преступник, по описанию миссис Картер, должен быть молодым, потому как он показался ей очень ловким и быстрым. Он среднего роста и предположительно ездит на старой темно-зеленой машине неизвестной марки. У него был ключ от дома и, естественно, он должен быть каким-то образом связан с миссис Картер, — рассуждал я.

— У нее есть что-то, что ему очень нужно. Это не драгоценности и не деньги – ничего из этого не было похищено. Значит, это какая-то ценная для преступника вещь, необязательно дорогая. Может быть, она именно для него представляет интерес, — подхватил за мной Марк.

— Что ты предлагаешь? Изучать всех знакомых и друзей миссис Картер? Можно состариться, так и не закончив. Кто знает, может она гипербобщительная женщина, — я пожал плечами.

— Нет, этого мы делать не будем, — успокоил меня Марк. — Подождем новостей от мистера Бруклина по расшифровке текста. Конечно, я понимаю, что записная книжка попала к дому миссис Картер совершенно случайно, и записи в ней являются личными заметками писателя, но вдруг это нам чем-то поможет.

— Что-то слабо мне в это верится, но так как других вариантов нет, то я, пожалуй, поддержу тебя, — наигранно скептически произнес я.

— Ты не забывай о своей работе в издательстве, — напомнил брат. — Понимаешь, я чувствую, что мы на правильном пути.

— Что-то у вас с миссис Коллинз сегодня интуиция не на шутку разыгралась, - шутливо заметил я.

— Значит, мы очень чувствительны, и это, по крайней мере, меня часто выручает в сложных ситуациях, — спокойно ответил брат, закрыв свой блокнот.

— Закончил писать роман о любви? — стараясь сохранять невозмутимый вид, поинтересовался я.

— Ха-ха, — членораздельно произнес Марк. — Кому-то еще предстоит серьезный разговор с мамой.

— Ты подслушивал?! — в негодовании крикнул я.

— Вы стояли в коридоре и громко говорили — я просто невольный свидетель, - ответил Марк — сама невинность.

— Так и знал, что ты воспользуешься случаем, чтобы подколоть меня: ты всегда так делаешь, — я изобразил недовольство поведением брата.

— Пожалуйста, не начинай, — Марк выставил руки вперед, как будто отгораживаясь от конфликта. — Это ни для кого не секрет: именно ты всегда и всех подкальываешь!

— Бывает, — согласился я. — Но у тебя это получается ни чуть не хуже моего: прежде, чем пошутить над кем-то, ты обязательно постараешься найти его самое больное место.

— Разве не все так делают? — Марк выглядел слегка удивленным.

— Представь себе, — да. У меня получается шутить само по себе, я ничего не планирую заранее.

— Хватит, не задавайся. Я тебе не позволю этого сделать, — улыбнулся брат.

— Даже и не думал, — я посчитал, что вышел победителем в споре с Марком, поэтому прекратил свои старания.

Мама навестила меня только через час, когда я уже ложился спать. До этого я все-таки вспомнил про заданное в школе сочинение и списал один из его вариантов из интернета. Конечно, я понимал, что много баллов мне за него не поставят, но, по крайней мере, я сдам работу в срок. При разговоре мама выглядела спокойной и не выказывала совершенно никаких признаков раздражения. Она, вопреки моим ожиданиям, не стала читать мне нравоучения. Пространно рассуждая о сложности выбора, который всем приходится совершать в тот или иной момент жизни, мама пыталась внушить мне все те же истины, что и отец пару часов назад. Выслушав длинную речь, я согласился со всеми утверждениями мамы, чем очень обрадовал ее. В конце концов, остались довольны мы оба: мама убедилась, что я осознал все, что она хотела до меня донести, а я в очередной раз утвердился в мысли о том, что у меня потрясающие родители, относившиеся ко мне с пониманием и терпением.

Воскресенье пролетело совсем незаметно. Утром я вместе с Даниэлой отправился в торговый центр. Я намеревался купить Дане платье, которым она грезила все последние дни, но сразу ей об этом не сказал. Когда я предложил ей зайти в магазинё чтобы она показала мне то самое платье, Даниэла, поняв, в чем дело, схватила меня за руку и, радостно щебеча о предстоящей покупке, повела в нужный бутик. Платье оказалось довольно симпатичным, но, на мой взгляд, совершенно обыкновенным – нежно-зеленого оттенка с длинным рукавом. Дана прокрутилась у зеркала с полчаса, а мне пришлось все это время восторженно комментировать ее выбор. Когда же мы вышли из магазина, и Даниэла гордо несла в руке бумажный пакет, в котором находилось желанное платье, она выглядела необычайно счастливой. Без устали меня благодаря, Дана принялась размышлять, с чем она может надеть это платье, с чем она может его обуть, чем украсить. От такой встряски я слегка устал, и мне стало казаться, что утро тянется бесконечно. Но мне было приятно видеть Даниэлу счастливой, поэтому я стойко стерпел все уготованные мне испытания.

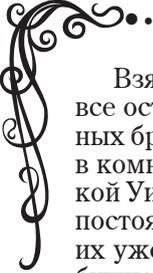
После удачного посещения магазина я собирался встретиться с друзьями в парке и взял с собой Дану, которая с радостью согласилась составить мне компанию. Долгая прогулка в обществе моих

самых лучших друзей перетекла в посещение кино и окончилась посиделками в кафе, где мы с энтузиазмом обсуждали только что увиденный фильм.

Ближе к пяти часам, когда наша веселая компания вышла из кафе, Боб сообщил мне, что сегодня нам еще предстоит подстричь газон одних из его соседей. Семья Райли жила напротив Боба. У них перед домом большая лужайка, поэтому я предположил, что наша работа затянется надолго. Мои ожидания оправдались: мы с Бобом провозились со стрижкой около полутора часов, выслушивая не прекращавшиеся наставления главы семейства, Ника Райли, и отбиваясь от агрессивной и злой собаки, которую хозяева почему-то отказывались на время нашей работы запереть в доме.

Уставший, я оказался дома только в семь вечера. Здесь меня тоже поджидал сюрприз, но на этот раз приятный. К нам в гости приехала семья маминого брата Кевина. Сегодня дома было особенно многолюдно и шумно, учитывая, что у дяди Кевина четверо детей и самому младшему из них совсем недавно исполнилось девять лет. Роуз, жена маминого брата, армянка по национальности. Вся ее семья переехала в Америку относительно недавно, около десяти лет назад, но сама тетя Роуз жила здесь довольно долго. По ее словам, если бы она осталась на родине, то ее ждала бы тяжелая жизнь. Тетя Роуз родилась в большой и бедной семье, поэтому, как только у ее отца появилась возможность поехать в США, он сразу же отправился в путь. Уже позже, когда отец Роуз стал получать достаточно денег, чтобы содержать, если не всю свою семью, а только ее часть, он перевез сюда старшую дочь, Роуз, и сына, а спустя большой промежуток времени, который занял не одно десятилетие, вся семья смогла перебраться на постоянное место жительства в Штаты. Здесь, двадцать лет назад, тетя Роуз и встретила моего дядю Кевина.

Рик, младший сын брата моей мамы, увидев меня, бросился обниматься и хвалиться новыми игрушками, которые купил ему мой отец сегодня днем, когда они ездили по магазинам. Рик очень смысленный мальчик, он невероятно лобознательный, отлично учился в школе, а также участвовал в школьных театральных постановках. К нему я привязан больше всех своих двоюродных братьев и сестер. Когда его семья приезжала к нам в гости, или если мы навещали их, я большую часть времени проводил с ним, хотя у дяди Кевина есть и дети моего возраста. Рик смуглый, но черты его лица больше европейские, чем восточные. Внешне он напоминал своего отца. У него темно-серые глаза, четко очерченные скулы и красивые каштановые волосы, которыми он сам очень гордился, потому что родители постоянно отмечали этот факт при посторонних. Пока его взгляд и лицо выдавали в нем беззаботного ребенка, щеки по-детски слегка надуты, и не ясно, каким он будет в более взрослом возрасте. Но он обладал веселым, легким на подъем нравом, что не могло ни нравиться людям.

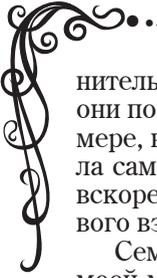
Взяв меня за руку, Рик привел меня в гостиную, где находились все остальные. Кроме тети Роуз, дяди Кевина, двух своих двоюродных братьев и сестры, Стефа и Ланы, своих родителей, я обнаружил в комнате и свою бабушку со стороны отца, Мэри, вместе с дедушкой Уильямом. Это было большой неожиданностью, потому что они постоянно проживали в Англии, откуда родом мой отец. Я не видел их уже полтора года, поэтому был невероятно рад их приезду. Бабушка с дедушкой тепло поприветствовали меня, посетовали на то, что редко со мной виделась, и что с последней встречи с ними я очень вырос. На мой рассказ о недавно произошедшей драке они отреагировали совершенно спокойно. Бабушка отмахнулась рукой и сказала, что в юности все дерутся, но до сих пор живы, так что и мне волноваться не о чем. Свой приезд, как объяснил мне дед, они планировали заранее, и, договорившись с моими родителями, решили сделать свой визит сюрпризом для всех остальных, прилетев сегодня днем.

Я был обескуражен таким внезапным собранием своих родственников, которых в комнате толпилось больше десятка человек. Они все переговаривались, что-то бурно обсуждали, хохотали, и мне казалось, что я находился не дома, а на каком-то приеме, который почему-то проходил в теплой домашней атмосфере. Надо сказать, что отношения между всеми нами очень тесные и близкие. Несмотря на то, что в нашей родословной смешалось так много разных кровей, сильно отличавшихся друг от друга, мы были уверены, что мы одна семья и между нами нет совершенно никаких различий: ни национальных, ни личностных. Все мои родственники всегда находили общий язык друг с другом, а наши совместные встречи, которые случались не так часто, как хотелось бы, оставались в моей памяти навсегда. Прочная связь между нами, которую я ощущал очень остро, для меня крайне важна. Она давала мне чувство принадлежности к чему-то важному, постоянному, большому, что будет рядом со мной в течение всей моей жизни.

На диване я заметил Лану, сидящую рядом с тетей Роуз, которая, по своему обыкновению, наверняка рассказывала что-то забавное, потому как громко хохотала на весь дом. Лана сегодня впервые познакомилась с нашими родственниками, и сейчас выглядела несколько смущенной. Оно и понятно: она точно даже и не предполагала таких огромных масштабов нашей семьи. Увидев меня, Лана улыбнулась в знак приветствия. Тетя Роуз, с которой я не виделся несколько месяцев, вскочила с дивана и расцеловала меня в обе щеки. Разглядев на моем лице следы драки, она не преминула показать меня дяде Кевину, который, выслушав причитания жены, взерошил мне волосы и посоветовал записаться в какую-нибудь секцию, чем вызвал бурю негодования у тети Роуз, которая явно рассчитывала на то, что он меня отругает.

Лили, Мартин и Дэйв обнялись со мной в знак приветствия. Лили старше меня на два года, а Мартину и Дэйву по шестнадцать лет, и они близнецы, похожие друг на друга как две капли воды. У них обоих угольно черные волосы, карие глаза и белозубые улыбки, совершенно одинаковая слегка пружинящая походка, фигура и рост, но они полярно разные личности. Дэйв очень тихий, спокойный молчун, постоянно летавший где-то в своих мыслях. Мартин же невероятно активный, заводила и душа любой компании. Если его расшуметь, то звонкий смех Мартина можно услышать даже на улице. Наверное, это наследственная черта, передававшаяся ему от матери, которая тоже любила посмеяться от души. Лили же наделена тонким аристократическим нравом. И она прекрасно соответствовала ему своим внешним видом. Лили всегда утонченно одета, или в красивое классическое платье, или в элегантный костюм - я ни разу не видел ее в джинсах или спортивных брюках. У нее изо дня в день идеальная прическа, из которой не выбивался ни один волосок, неброский макияж и аккуратный маникюр. У Лили восточная очень яркая от природы внешность: слегка вьющиеся черные волосы, черные глаза в обрамлении ореола пушистых ресниц, казалось, все время смеялись, четко очерченные контуры губ слегка изогнуты в легкой улыбке, а смуглое лицо чуть-чуть тронато румянцем на щеках. Внешне Лили похожа на свою мать. Но у тети Роуз довольно большой нос с четко выраженной горбинкой, у Лили же строение носа ближе к европейскому типу. Моя мама говорила, что это единственная черта, доставшаяся Лили от отца. По нраву же моя двоюродная сестра очень добрая и жалостливая, хотя она и пыталась скрывать это от посторонних под маской высокомерия.

Пока я все это время смотрел на своих самых близких людей, на меня нахлынули воспоминания из маминых рассказов. Дядя Кевин с самого детства был очень привязан к своей сестре, моей маме. Их родители умерли, когда моей маме и ее брату не было и двадцати лет, поэтому им пришлось пережить немало проблем вместе. Моя мама родилась в Нью-Йорке, в очень обеспеченной семье. Ее отец владел несколькими крупными банками в Штатах, но, незадолго до своей смерти, разорился, увлекшись азартными играми. Оставшись без денег, он пытался залить свое горе алкоголем, что для него окончилось плачевно. Однажды после очередного веселого вечера в пьяной компании, когда он возвращался домой, его насмерть сбила машина. После трагической гибели мужа, моя бабушка, о которой мама всегда отзывалась с нежностью и теплотой, прожила совсем недолго. Через год у нее нашли рак поджелудочной железы, и вскоре она умерла. Мама со своим братом остались совсем одни, почти без средств к существованию. Моя бабушка смогла сохранить небольшую сумму, которую было решено потратить на образование для моей мамы. Но даже этих денег не хватило, поэтому ее брату пришлось найти допол-

нительную работу кроме своего основного места. К концу обучения они погрязли в долгах, которые им предстояло отдавать, по меньшей мере, в ближайшие десять-пятнадцать лет. В те дни, как рассказывала сама мама, жизнь казалась никчемной и бесполезной вещью, но вскоре она повстречала моего отца. Они полюбили друг друга с первого взгляда, и через пару месяцев после знакомства поженились.

Семейные корни отца тянулись из Англии. У него, в отличие от моей мамы, было счастливое и беззаботное детство в семье нейрохирурга, которым работал мой дед Уильям, и бухгалтера, которым была моя бабушка Мэри. Отец единственный ребенок в семье, но он воспитывался в строгости и с самого детства был приучен к жесткому самоконтролю и самостоятельности. Он получил юридическое образование в Оксфорде, а после уехал по приглашению адвокатской фирмы в Америку. Отец обладал независимым характером, поэтому он отказался даже от той минимальной помощи, которую предложили ему родители. Всего, чего он когда-либо добивался, он достигал только собственным трудом. Доходов отца в то время вполне хватило, чтобы выплатить все долги моей мамы и ее брата, но вскоре дела отца не заладились, и ему пришлось оставить место адвоката в Нью-Йорке и наша, тогда еще не такая большая, как сейчас, семья, переехала в Арлингтон. Позже, когда у отца появилась возможность снова расширить свою адвокатскую деятельность, мы переехали в Бостон, где он открыл контору вместе со своим хорошим знакомым. Слышать этот рассказ от мамы, который она мне поведала несколько лет назад, было немного странно: все это казалось мне далеким и непонятным, так как я смутно представлял себе отца студентом, а маму - оставшуюся на попечение старшего брата молодой девушкой. Но теперь я уже по-другому ко всему относился и считал историю нашей семьи важным для себя знанием.

Обнявшись и поболтав со всеми, я обнаружил, что Марка не было среди тех, кто собрался в этот вечер в гостиной. Я спросил у мамы о том, где он мог быть. Она мне ответила, что не видела его с обеда, когда тот ушел, как сам сказал, по делам. Мне было очень любопытно знать, что за дела могли быть у Марка в воскресный вечер, ведь он прекрасно знал, что все мы собирались в этот день на ужин. Может, он встречался с Джоном Бруклином по поводу зашифрованных записей? Но почему он ничего не сказал мне об этом? Марку такое поведение было совсем не свойственно.

Ближе к восьми часам все, кто был в доме, собрались за столом в большом зале, так как в столовой мы просто не помещались. Зал мы использовали крайне редко, и, честно признаться, мне он не особенно нравился. На мой взгляд, он слишком большой и пафосный, но его оформлением занимались родители, поэтому он отражал их представление об идеальной приемной для значительного числа гостей. Это просторная, около трехсот тридцати квадратных футов,

комната с большими высокими окнами из витражного цветного стекла. Стены в зале, выкрашенные белой краской, отделаны декоративным золотым орнаментом и украшены подобранными друг к другу по охотничьей тематике картинами в красивых широких рамах. По центру комнаты расположен деревянный и очень длинный стол, за которым нашлось место всем. Из мебели здесь больше ничего нет, кроме огромной деревянной тумбы для музыкальной техники, и телевизора, который занимал часть одной из стен комнаты. Под потолком зала висели три хрустальные люстры, как будто водопадом спускавшиеся почти до крышки стола, не доставая до нее примерно одного метра. Кроме этих люстр в зале находились еще две, менее длинных и не таких внушительных по размеру, по бокам от трех основных над столом.

К началу ужина домой пришел Марк, который, увидев столько наших родственников в сборе, даже на секунду застыл в удивлении на пороге комнаты. Бабушка с дедушкой встали из-за стола, чтобы поздороваться с ним, за ними подтянулась и вся остальная родня. Мне ужасно хотелось при всех спросить его, куда он так надолго уходил, но, вспомнив наш разговор, я решил, что брат сам мне все расскажет, по крайней мере, он обещал. Когда все вернулись на свои места, мама предложила начать праздничный вечер. В этот раз она наготовила особенно много еды, которая была не только в большом количестве, но и не в меньшем разнообразии. Мама призналась, что ей пришлось пригласить повара из ресторана, чтобы он помог с приготовлениями, так как одна она просто не справлялась. Все оценили по достоинству ее заботливость и желание сделать нашу встречу идеальной.

За время ужина я заметил, что отец как-то странно смотрел на Стефа, а последний упорно сверлил глазами стол. Я был готов списать это на какую-нибудь мелкую провинность своего старшего брата, которую папа расценил как небрежность или несобранность, но я ошибся. Через пару минут Стеф вдруг встал, держа в руке бокал шампанского, и попросил увлеченных едой и разговорами родственников, которым не терпелось вдоволь поговорить друг с другом, отвлечься на пару минут. Все с интересом направили взгляды в его сторону, забыв про свои беседы. Я только в этот момент обратил внимание на одежду Стефа, которая даже для семейного ужина была чересчур праздничной. Отливающий иссиня черным в ярком свете люстр костюм, белоснежная рубашка со строгим и тонким идеально завязанным галстуком, тщательно причесанные слегка выющиеся волосы, горящие огнем глаза, - брат выглядел торжественно-взволнованным и готовым произнести пламенную речь. Что он и сделал.

— Я очень рад тому, что сегодня мы собрались все вместе, в чем есть немалая заслуга моего отца, который сумел нас организовать, - Стеф слегка наклонил голову в сторону отца в знак благодарности, тот кивнул ему в ответ. Родственники же одобрительно улыбнулись,

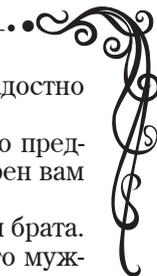

переглядываясь между собой. — В следующем году я заканчиваю колледж, что, несомненно, ознаменует окончание важного этапа моей жизни. Но не означает, что таких моментов в ней больше не предвидится, — он сделал паузу, как будто собираясь с мыслями. — За время моего обучения, как в школе, так и в колледже, со мной произошло много событий: и хороших, и плохих. Я заимел врагов, но все-таки больше повстречал хороших друзей. Но самое главное — я встретил человека, с которым хотел бы разделить свою жизнь, — он подал руку Лане, сидящей рядом с ним, и помог ей встать. Сегодня Лана выглядела потрясающе: короткое платье цвета слоновой кости с рукавами, открывавшими плечи и отделанными крупными стразами в тон ткани, подпоясанное по талии шелковой лентой чуть более темного оттенка; красиво уложенные в высокую прическу черные волосы, яркий макияж с красной помадой на губах. Было заметно, что Лана нервничала, поправляла и без того идеально лежащие волосы, но широко и открыто улыбалась. Обменявшись с ней взглядом, Стеф продолжил:

— Вчера я сделал Лане предложение своей руки и сердца, на которое она ответила согласием. И сегодня мы хотим официально объявить вам о своей помолвке, — Лана протянула левую руку вперед и продемонстрировала широкое кольцо из желтого золота с огромным темно-оранжевым камнем, в обрамлении мелких белых и зеленых камней, которые захватывали его со всех сторон снизу, подобно мощной львиной лапе. По бокам от большого камня располагались композиции из мелких вишневого цвета камней, изображавшие распускающиеся цветы, сердцевина которых была сделана в виде сердца.

Вначале за столом воцарилось молчание — по реакции присутствующих было видно, что они поражены, — но через несколько секунд последовали бурные аплодисменты и одобряющие возгласы. Сияющие лица Ланы и Стефана дополнили общую картину, превратив происходящее в полную идиллию.

Я был обескуражен новостью, сообщенной братом, так как не ожидал, что он решит жениться в таком юном возрасте, и считал, что он еще слишком несерьезен для этого ответственного шага. Но сегодня оказалось, что я сильно ошибался в намерениях Стефа. Я посмотрел на него и увидел в его глазах счастье и радость, от чего мне почему-то захотелось плакать, — так сильно он был мне дорог, и я желал ему самого лучшего, что только есть на свете. Я видел, как отец подошел к Стефу и крепко обнял его, похлопав по плечу, потом обнял Лану, давая этим понять, что полностью одобрял выбор Стефа и принимал ее в нашу семью. Мама вытирала слезы, которые, не переставая, бежали из ее глаз, и говорила, как она счастлива за своих детей. Все родственники наперебой поздравляли моего старшего брата и его будущую жену. Подойдя к Стефу, я еще не успел

ничего сказать, как он схватил нас с Марком в охапку и радостно воскликнул:

— Я так счастлив сейчас, вы просто не можете себе этого представить! — а потом чуть тише добавил: — И я очень благодарен вам обоим за то, что вы всегда со мной.

Меня это очень растрогало: я понял, как важен и ценен для брата. Марк же, который забыл про вечную истину, уверяющую, что мужчины не плачут, от этих слов пустил слезу, и это не осталось незамеченным.

— Маркиз, не плачь, я как минимум еще год проживу с тобой под одной крышей! — рассмеялся Стеф.

Марк сделал вид, что ничего не произошло, и наигранно недовольным голосом произнес:

— Уверен, ты еще не раз сумеешь вывести меня из себя!

— Кстати, что у тебя с лицом? — спросил Стеф, обратившись ко мне. До ужина ему явно некогда было думать о других, ведь впереди его ожидало очень важное событие.

— Подрался с парнем из нашей школы, — ответил я. — Ему казалось, что Даниэла должна быть с ним, а не со мной. И этот факт его сильно раздражал.

Стеф понимающе улыбнулся:

— Да, Том, любовь приносит не только счастье, но страдания, — он похлопал меня рукой по плечу.

К нам с Марком подошла Лана. Я обнял ее, а она вдруг вцепилась в меня руками и, прижимая к себе, испуганно спросила:

— Том, я, наверное, глупо выглядела сейчас?

Я поспешил разубедить ее в этом:

— Как раз наоборот: ты выглядела сногшибательно красивой! И Стеф тебя любит. Это он мне по секрету сказал, — я ей подмигнул, чем вызвал веселую улыбку.

Все наперебой пытались ближе рассмотреть кольцо, которое было невероятно ярким и необычным.

— Еще Стефан решил сделать гравировку, — Лана сняла кольцо и повернула его к нам внутренней стороной. По золоту была сделана красивая надпись: «God Joined Us 10.22.2007»⁴. — В этот день мы впервые встретились, — с нежностью в голосе произнесла она.

— Это ручная работа, а не модная сейчас лазерная гравировка, — похвалился Стеф, любуясь своим подарком.

Тетя Роуз не смогла сдержать эмоций и расплакалась:

— Боже мой, как это прекрасно! Быть свидетелем того, что в мире еще остались настоящие и искренние чувства!

После ужина, который прошел в радостной и счастливой обстановке, за разговорами о дате свадьбы и ее организации, я вместе с Марком и Стефом вышел на улицу, где уже стемнело и заметно по-

⁴ «Бог соединил нас 10.22.2007 г.»

холодало. Мы, не спеша прогуливаясь по тротуару вдоль домов, обсуждали помолвку моего старшего брата.

— Я заметил еще в начале ужина, что папа на тебя как-то испытующе смотрит, - поделился я своими впечатлениями.

— Да, ты верно подметил, - с улыбкой кивнул в ответ Стеф. — Он единственный был в курсе всего. Я попросил его постараться собрать наших родных вместе так, чтобы они ни о чем не догадывались. А вечером я собирался объявить о помолвке.

— Все прошло идеально. И все так быстро скооперировались, — заметил Марк.

— Это заслуга отца, - уважительно произнес мой старший брат.

— Пока еще я не могу до конца осознать того, что сегодня произошло. Я совсем не ожидал, что вы решите жениться так скоро, как-то даже и не думал о такой перспективе, — честно признался я.

— А я давно думал об этом, - в свою очередь разоткровенничался Стеф. — И решил: зачем тянуть, если я полностью уверен в том, что сделал правильный выбор и не сомневаюсь в своих чувствах к Лане? Поэтому купил кольцо, которое когда-то ей очень понравилось, и сделал то, что хотел.

— Кольцо действительно очень красивое: я таких никогда не видел. Но оно, должно быть, дорогое? — осторожно поинтересовался Марк.

— Отец оказал мне небольшое безвозмездное спонсорство, - улыбнулся Стеф. — Но это детали: главное, что вчера я впервые настоящему почувствовал, что такое любовь.

Родственники, осчастливившие, в хорошем смысле этого слова, нас своим визитом,

конечно, остались переночевать. Утром дядя Кевин вместе со всей своей большой семьей уехал, пообещав, что обязательно навестит нас в следующем месяце. Вообще, все были необычайно воодушевлены новостью, сообщенной Стефом за ужином. Теперь родственники без усталости обсуждали помолвку моего старшего брата и Ланы, хотя все понимали, что свадьба состоится не раньше, чем через год. Бабушка с дедушкой удивили всех еще больше, когда сказали, что собрались поехать в длительное путешествие по Европе. Прямо из нашего дома они отправились в аэропорт, куда их подвез отец. Оттуда они должны были вылететь в Данию, где и начиналось их большое паломничество.

Меня радовал позитивный настрой, в котором находились мои родные по поводу свадьбы Стефа, потому как я сам еще не смог до конца свыкнуться с мыслью о том, что, пусть не так скоро, но у моего брата появится собственная семья, и все уже больше никогда не будет так, как прежде. Мне было с кем обсудить за этот вечер свои чувства, но и после того памятного дня рядом со мной остались мои

родители и братья, которые тоже были не прочь перекинуться парой слов на эту тему.

Первый учебный день на следующей неделе тянулся необычайно долго. От скуки меня не спасали даже бесконечные рассказы Боба о его вчерашней прогулки с Кэлли, которая происходила после того, как мы с ним расстались, закончив со стрижкой лужайки вредных Райли. Успокаивал меня тот факт, что ссадины на лице стали заживать и уже практически не болели. После второго урока меня вызвали к директору. Эта новость меня совсем не обрадовала, а скорее наоборот. Помня о том, что я натворил в субботу, мне не хотелось встречаться с мистером Нельсоном снова. Ожидая встретить директора в самом наихудшем расположении духа, я был приятно удивлен, когда увидел, что он настроен ко мне очень благодушно. Предложив мне присесть, мистер Нельсон занял свое место за письменным столом и спокойным тоном произнес:

— У меня есть для вас хорошая новость, мистер Уиллсон, — обратился ко мне он. — Я решил не заносить выговор о произошедшем накануне в ваше личное дело.

Услышав слова мистера Нельсона, я слегка приподнялся на кресле. Я поверить не мог, чтобы директор решил меня не наказывать! Сказанное им привело меня в полное недоумение.

— В том, что произошло, виноват именно я. И сейчас я понимаю, что мой поступок был опрометчивым и неправильным: я не должен был поддаваться своим чувствам и идти на поводу у своих эмоций, — я решил извиниться перед директором, так как чувствовал свою вину перед ним и перед всей школой: эти люди совсем не заслужили моего не уважения к ним.

Мистер Нельсон принял мои извинения кивком головы и, улыбнувшись, добавил:

— Кстати, о чувствах. Я не осуждаю тебя за то, что ты сделал, — директор внимательно посмотрел на меня. — И еще одно: у тебя очень хорошие и преданные друзья, готовые защитить тебя в любой ситуации. Надеюсь, ты это оценишь.

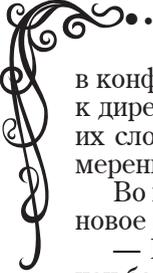
Я смущенно улыбнулся:

— Спасибо, ваши слова для меня очень важны.

— Ну, думаю, на этом наша беседа может считаться оконченной, — директор встал и проводил меня до двери кабинета.

Оказавшись в коридоре, я долго обдумывал слова мистера Нельсона. Что он имел в виду, когда говорил о преданности мои друзей? Может, кто-то из них решил вступить за меня перед директором и взять всю вину на себя? Но кто это мог сделать? Боб, Джош или Кристиан? А может быть, за меня заступился весь мой класс?

Оказавшись на уроке, я первым делом рассказал всем о нашем разговоре с мистером Нельсоном. Узнав, что мне удалось избежать выговора, все очень обрадовались, единогласно приняв мою сторону

в конфликте с Макклэйном. Друзья признались, что они подходили к директору с просьбой не наказывать меня слишком строго, но, по их словам, он был непреклонен и довольно решителен в своих намерениях.

Во время обеда в столовой я встретился с Даниэлой, облаченной в новое платье. Увидев меня, она сходу спросила:

— Ну, как тебе? Нравится? – она покрутилась на месте, совсем как балерина из музыкальной шкатулки.

Я еще вчера устал без конца повторять одно и то же, и сейчас она требовала, чтобы я снова превратился в попугая.

— Ты – великолепна, - вслух произнес я.

Конечно, я поделился своей радостью и с Даной, которая все утро была на других занятиях. Как только я сказал, что ко мне не будет применено никаких взысканий, Даниэла радостно улыбнулась:

— Вот видишь, директор тоже человек и отлично тебя понимает, — она с нежностью мне улыбнулась и слегка сжала мою руку.

— Еще он намекнул мне, что кто-то из моих друзей вступился за меня перед ним, но я у всех спросил, все говорят, что он даже и слышать не хотел ни о каких просьбах, - я добавил еще одну деталь к своему монологу.

Даниэла засмеялась:

— Том, это я ходила к директору и объяснила ему, как все было на самом деле. Я сказала, что ты просто защищал меня, и что во всем случившемся виновата я, потому что поступила глупо, втянув тебя в свои проблемы.

— Что? — переспросил я, не веря своим ушам. – Но зачем ты так сказала? Это ведь я должен нести всю ответственность.

— Нет, — Дана покачала головой. — Все началось с меня, поэтому виновата я. Мистер Нельсон понял мотивы твоих поступков, поэтому изменил свое решение. Он сказал мне, что если все было именно так, как рассказала я, то он даже хотел бы чем-то поощрить тебя, но ему не позволяет это сделать школьный устав. Поэтому он просто забудет о том, что ты натворил в столовой.

Я был поражен словами Даниэлы. То, что она заступилась за меня, приняв всю ответственность, было очень смелым решением. И в моих глазах ее поступок сделал Дану еще более важным человеком в моей жизни.

— Спасибо, — с признательностью ответил я. Чувства переполняли меня, и мне было сложно найти еще какие-то слова, чтобы выразить свою благодарность.

— Спасибо я должна сказать тебе, — ответила Дана. — И если уж мы заговорили на эту тему, то у меня есть еще одна новость: сегодня Макклэйн подошел ко мне и извинился, сказав, что его поведение по отношению ко мне с этих пор изменится, и больше таких ситуаций, как та, что произошла в субботу, не повторится.

— Значит, все было не зря, — улыбнулся я.

В конце последнего урока я уже не знал, куда деться от безделья. Как назло это был урок химии, и мистер Уэльс снова минут двадцать занудным голосом рассказывал нам о необходимости присутствия данного предмета в школьной программе. Когда, наконец, прозвенел звонок, я первым выскочил из кабинета. Ко мне подошел Боб, решив поделиться новостями о своей сестре. Она уже нашла себе хорошую работу, вчера устроила дома вечеринку для своих друзей, и еще ему казалось, что она могла с кем-то встречаться.

— Знаешь, Боб, ей вообще-то двадцать два года, и она вполне может с кем-то встречаться, — мне на мобильный пришло сообщение от Марка, и я пытался его прочитать, поэтому слушал болтовню Боба в пол уха.

— От кого сообщение? — спросил Боб, заглянув в телефон.

— От Марка, — ответил я. — Он пишет, что позвонил профессор Бруклин, и ему надо с ним встретиться. Он зовет меня с собой.

— Кто этот профессор? — поинтересовался Боб, который был не в курсе наших с Марком дел.

— Это долгая история, — усмехнулся я. — Лучше я тебе позже все расскажу.

Сам не понимая, как мы с братом во все это ввязались, я, однако, уже перебирал в голове наши возможные действия, после того, как мы посетим профессора. На самом деле, все зависело от того, сумел ли он расшифровать записи или же нет, о чем в них говорилось, и как мы сможем это использовать в поисках настоящего преступника.

Я позвонил брату, чтобы узнать, где и во сколько мы встретимся. Он сказал мне, что у профессора сегодня выходной, поэтому мистер Бруклин предложил Марку приехать к нему домой, где брат и будет меня ждать. На мой вопрос, зачем Марку тащить с собой к профессору меня, он ответил, что раз мы начали искать преступника вдвоем, то теперь мы должны и продолжать наши поиски тоже вместе.

К счастью, профессор жил совсем близко от моей школы, поэтому я смог без проблем добраться до его дома. На Гейтс стрит я сел на автобус, который довез меня по Дорчестер авеню на Хоус стрит, откуда, как следовало из навигатора в моем телефоне, до дома мистера Бруклина оставалось пройти пешком двести восемьдесят футов. Это был жилой квартал с разномастными домами в два или три этажа, отделанными сайдингом всех возможных расцветок. Узкие улицы радовали глаз чистотой, а вокруг аккуратных домиков были разбиты клумбы и росли высокие деревья. Было тихо, и прохожих в разгар рабочего дня я здесь почти не застал.

Когда я оказался на пересечении Мейфилд и Плезант стрит, голос из навигатора сообщил мне, что я на месте. Оглядевшись по сторонам, я увидел на стене гаража, примыкавшего к одному из домов, табличку с нужным мне номером. Это был большой трехэтажный

дом нестандартной постройки. Своим внешним видом он выделялся среди обычных квадратной формы зданий. Кроме гаража, куда могла бы поместиться только одна машина, к дому примыкала небольшая пристройка. Все стены были обшиты белым сайдингом, а оконные проемы отделаны темно-вишневыми панелями. Я заметил, что в доме было два входа, каждый из которых выходил на одну из улиц, на углу пересечения которых и стоял дом. На одной из сторон здания была сделана небольшая остроконечная трехэтажная башня в три окна, крышу которой увенчивал длинный шпиль. Рядом с ней расположился центральный вход. Порог, обнесенный коваными перилами, был довольно маленьким, однако на нем смогла уместиться кресло-качалка и несколько напольных горшков с цветами. Фронтальная часть навеса, укрывавшего порог от дождя, была украшена рисунками, похожими на трафаретные. Они изображали зеленые стебли растений с диковинными красными ягодами. Территория, примыкавшая к дому, только усиливала впечатление, что его хозяин любил возиться в саду. Вокруг все утопало в зелени. Подъездная дорожка к гаражу находилась в обрамлении кипарисов, растущих в красивых горшках, под окнами была засеяна лужайка, на которой раскинулись пушистые зеленые кусты и радовали глаз яркие осенние цветы, а ступени лестницы, ведущей к входу в дом, были заставлены вазами с неизвестными мне цветами нежно белых и фиолетовых оттенков. По дороге к входной двери, я заметил на участке большие и маленькие фигурки сказочных персонажей: гномов, животных и людей, расставленных среди растений.

Дверь, в которую я позвонил, была сделана из светлого дерева, со вставленным по центру овальным непрозрачным стеклом. Через несколько секунд она открылась, и на пороге появился Марк. Не ожидая, что именно он откроет мне дверь, я в изумлении посмотрел на брата и развел руками в стороны:

— А где мистер Бруклин?

Марк отошел в сторону, пропуская меня в дом, и с довольной улыбкой ответил:

— Он в гостиной, ждем только тебя.

— Я смотрю, ты чувствуешь здесь себя, как дома, - заметил я, когда Марк закрыл за мной дверь.

— Я уже не раз бывал дома у профессора Бруклина, поэтому он вполне доверяет мне открывать входную дверь.

Я только присвистнул в ответ на слова Марка. Никогда бы не подумал, что он заведет себе в друзьях старого преподавателя и будет проводить у него дома свое свободное время. Но если вспомнить про любовь моего брата к науке, это обстоятельство становилось не таким уж странным фактом, как могло показаться вначале.

Внутри дом, в котором жил профессор, был довольно уютным. Кремовые обои в коридоре, почти невесомые шторы на окнах, изо-

билие цветов и запах домашней выпечки, — все создавало здесь теплую домашнюю атмосферу. Пока я шел вслед за Марком в гостиную, где нас ждал мистер Бруклин, я мысленно уже успел нарисовать себе его примерный портрет. Невысокий, возможно толстый, в круглых очках и строгом костюме, непременно с лысиной и крючковатым носом. Именно таким я представлял себе почтенного преподавателя, посвятившего свою жизнь изучению экономики.

В просторной комнате, куда привел меня Марк, никого не было.

— Профессор, наверное, на кухне, — обыденным тоном произнес мой брат и предложил мне подождать его.

Фраза Марка совсем не состыковывалась с тем образом, который сотворил себе я. По моим представлениям, мистер Бруклин должен был сидеть за столом, заваленным книгами и тетрадями с записями, рядом с ним должна стоять доска, на которой он мог бы записывать формулы и уравнения, а по другую сторону от него — обязательно висеть карта мира. Но в гостиной я ничего подобного не увидел, и решил, что у профессора точно есть кабинет.

В комнате был средних размеров камин, выложенный камнем. В этот день его не топили, но по золе, оставшейся в нем, было видно, что он находился в рабочем состоянии. На каминной полке были расставлены фигурки слонов, уток и разных других животных, а также фотографии, некоторые из которых изображали пожилую рыжеволосую женщину, сидевшую в обнимку с пушистой собакой, а другие — дымчатого цвета кота с пронзительно желтыми глазами. Напротив камина стоял большой диван из темно-коричневой кожи, по бокам от него располагались небольшие тумбочки, служившие опорой для двух бра с нежно кремовыми абажурами. Ближе всего к камину находилось кресло из такой же кожи, что и диван. Позади мягкой мебели был установлен гостиний гарнитур, включавший трехстворчатый сервант с красивой фарфоровой и хрустальной посудой, большой бар с зеркалом, на котором расположились разномастные бутылки со спиртным, и большой книжный шкаф, полностью заставленный книгами.

Мы с братом в ожидании мистера Бруклина сели на диван.

— Он расшифровал записи? — задал я очень интересующий меня вопрос.

Марк утвердительно кивнул:

— Да, но пока он мне ничего рассказал. Как только я пришел, профессор сразу отправился на кухню.

— Зачем?! — ничего не понимая, воскликнул я.

— Сейчас узнаешь, — хитро прищурился Марк, который как будто чего-то ожидал.

Когда профессор Бруклин через минуту вошел в комнату, я вначале не поверил своим глазам. На месте ожидаемого мной строго-

го преподавателя с жестким взглядом стоял среднего роста, слегка полноватый дедушка со смешными ямочками на румяных щеках, его курносый нос венчали очки в черной квадратной оправе. Вопреки моим ожиданиям, он не был лысым, а скорее наоборот: его голову украшала белая копна волос. Поверх домашнего костюма, состоящего из легких брюк коричневой расцветки и светлой рубашки, на мужчине был надет усыпанный изображениями сочных фруктов фартук, доходивший почти до колен, на его ногах красовались смешные лилового оттенка тапочки, а в руках, облаченных в цветастые варежки-прихватки, он держал поднос с печеньем. Улыбаясь широкой добродушной улыбкой, он обвел нас взглядом добрых серых глаз и, поставив поднос на деревянный столик у двери в гостиную, весело сообщил приятным голосом:

— Успел вынуть печенье из духовки как раз вовремя!

Не обратив никакого внимания на мое замешательство, мистер Бруклин, увидев меня, снял одну из прихваток и поспешил мне навстречу:

— Очень рад с тобой познакомиться, Том! — он с энтузиазмом пожал мою руку своей широкой ладонью. — Марк рассказывал мне много хорошего о вашей семье.

— Приятно это слышать, — в свою очередь ответил я, с интересом рассматривая профессора, которого совсем не ожидал увидеть именно таким — добродушным и улыбчивым.

Профессор снял другую прихватку-варежку и фартук, положил все это на диван, и, убрав одну руку в карман брюк, слегка прищурившись, констатировал:

— Насколько я понял из беседы с Марком, вам не терпится узнать, что же именно было зашифровано в тех записях, которые он передал мне несколько дней назад, — указательным пальцем правой руки он поправил очки, сползшие на кончик носа.

— Да, эти записи — очень важная деталь, которая поможет нам в решении нашей задачи, — Марк поверхностно очертил круг наших интересов.

— Тогда предлагаю более не затягивать и перейти к делу, раз все, наконец, в сборе, — он улыбнулся мне одобряющей улыбкой и жестом предложил нам следовать за ним.

Мы поднялись за профессором на второй этаж по широкой деревянной лестнице, перила которой были украшены тем же рисунком, что и навес перед домом. Оказавшись перед открытой дверью в комнату, куда нас привел мистер Бруклин, я осторожно заглянул внутрь. Это был кабинет. Марк вместе с хозяином прошел по направлению к столу, расположенному у окна, а я медленно зашел вслед за ними, восхищенно разглядывая обстановку.

Небольшая комната, казалось, была насквозь пропитана духом науки и размышлений. Большую часть пространства занимал, конечно,

книжный шкаф, полки которого, заставленные книгами разных форматов и размеров, тянулись по бокам от входной двери к окну. Мне еще никогда не доводилось видеть таких больших библиотек, поэтому она произвела на меня сильное впечатление. Огромный стол был занят компьютером, стопками книг, тетрадей и кипами исписанных листов бумаги. Под потолком, отделанным декоративными деревянными балками, висела кованая люстра в средневековом стиле, в углу комнаты расположилось английское кресло с характерными ушками-крыльями, обтянутое темно-вишневой тканью в золотистую полосу, а на окне, выходившем на передний двор, отсутствовали шторы. Их место занимали простые белые жалюзи, полностью поднятые в этот час дня.

Профессор Бруклин занял свое место за столом и принялся перебирать бесконечные тетради. Пока он этим занимался, мне не давало покоя вишневое кресло. Мне очень хотелось иметь такое дома, но родители наверняка посчитали бы это глупой затеей. Поэтому я решил хотя бы посидеть на нем. Удобно устроившись в глубине подушек, я довольно улыбнулся. Мой визит к профессору не прошел даром — кроме того, что мистер Бруклин расскажет нам о расшифровке записей, я еще и успел посидеть в настоящем Вольтеровском кресле.

Марк, который все это время стоял ко мне спиной, обернулся. Увидев меня, он укоризненно посмотрел на меня и покачал головой, но промолчал.

Наконец, профессор нашел нужную ему тетрадь и издал обрадованный возглас:

— Ага! Нашел-таки! — после этого он снова поправил очки и, потерев ладони, пролистал несколько страниц. — Зашифрованные слова есть не на всех страницах, к тому же расположены они среди обычных записей. Я выписал их все, — мистер Бруклин указал на открытую тетрадь, лежащую перед ним.

Чтобы увидеть шифр, мне пришлось оставить удобное кресло, чего мне очень не хотелось делать. Мы с Марком встали за спиной профессора, и через его плечо я увидел страницу, примерно наполовину исписанную набором букв. Мистер Бруклин продолжил:

— На первый взгляд совершенная несурезица, бессмысленные буквы. Но это только на первый взгляд, — он с азартом посмотрел на нас. — На самом деле, это очень искусно зашифрованная фраза. Я давно изучаю криптографию, расшифровал уже много текстов, но с таким работаю впервые. Шифр, который вы мне принесли — очень сложный. Человеч, составивший его, несомненно, талантлив: не каждый сможет сделать такое. Во-первых, при шифровании текста, был использован не один, а несколько шифров, которые накладываясь друг на друга, образовали нечто совершенно гениальное. Признаться, мне было очень интересно работать с этими записями, - сообщил

профессор, разглядывая свою работу. — Во-вторых, это не просто закодированные бессвязные слова, это текст. Я бы даже сказал небольшое стихотворение, которое я составил из зашифрованных слов, разбросанных по всем листам, переданных мне Марком. Я потратил много времени, но оно того стоило!

— Что же у вас получилось? — в нетерпении спросил Марк, одевая очки.

Профессор Бруклин перевернул страницу и указал на небольшой стих. Марк взял тетрадь в руки и прочел вслух:

*«Письмо мое прощальное прочти,
В нем истину ты сможешь найти.
Но помни: правда есть только одна.
И Время поможет узнать, где она».*
В комнате воцарилось молчание.

— Да, я тоже ничего не понял, — сказал профессор, посмотрев на наши задумчивые лица. — Но можете не сомневаться: я перепроверил все несколько раз, и уверен, что расшифровал записи верно!

— Я не понимаю, зачем Бакеру понадобилось так изощренно шифровать странный стишок, в котором нет ничего конкретного? — пожал плечами, произнес я.

После моих слов я заметил, что Марк переменялся в лице и, казалось, готов стукнуть меня чем-то тяжелым. А профессор Бруклин, наоборот, оживился, услышав фамилию Бакер.

— Пойдите, этот шифр составил Бенджамин Бакер?! И как я сразу не догадался! — он хлопнул себя ладонью по лбу. — Он ведь обожает секреты и загадки, в своих книгах все время использует такие приемы, — тут он на секунду задумался, после чего спросил: — Как у вас оказался этот шифр?

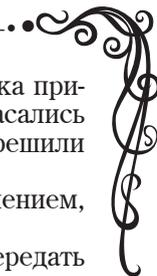
Только в этот момент я понял, какую глупость совершил, упомянув фамилию писателя. Теперь нам придется объясняться перед профессором, придумывать какие-то отговорки.

— Да, Том, объясни, откуда у нас этот шифр, — язвительным тоном поддакнул мистеру Бруклину Марк.

Поняв, что брат справедливо винил во всем меня, и переводил все стрелки в мою сторону, я лихорадочно перебирал в голове возможные предлоги, под которыми мы могли бы получить записи. Не придумав ничего лучшего того, чтобы сказать правду, я ответил:

— Мы случайно нашли записную книжку, и решили постараться вернуть ее хозяину. Она была не подписана, поэтому нам пришлось прочитать все записи. Так Марк обнаружил шифр, который, как мы думали, поможет нам найти ее хозяина.

— Но вы же сами только что сказали, что считаете Бакера автором этих строк, — нахмурился Бруклин.

— Да, так и есть. Мы предположили, что записная книжка принадлежит мистеру Бакеру, но у нас были сомнения. Мы опасались отдать ее в чужие руки, так как она очень дорогая. Поэтому решили в этом убедиться, - пояснил я.

Мистер Бруклин, кажется, был удовлетворен моим объяснением, потому что снова повеселел.

— Что ж, значит, теперь вы можете, ничего не опасаясь, передать ее в руки законного владельца, — произнес он. — Очень интересная история. Где же он умудрился ее потерять?

— Мы нашли ее в городе, на тротуаре. Наверное, мистер Бакер проходил мимо и случайно выронил ее из кармана, — ответил Марк, смотря на меня пристальным взглядом.

— Бывает, — согласился профессор. — Когда я расскажу ему о случившемся, он мне просто не поверит!

Я испуганно застыл на месте. Значит, мистер Бруклин знает Бакера! Это самый худший из вариантов, который только можно было предположить.

— Думаю, ему будет не очень приятно узнать, что его записи кто-то читал, — тихо произнес я.

— Да, — подхватил Марк. — Мы сделали это только ради поиска владельца записной книжки. Наверное, мистеру Бакеру не стоит ничего говорить.

Мистер Бруклин пожал плечами и ответил:

— Вы правы. Пожалуй, я сохраню ваш секрет. Но если вас еще интересует вопрос о том, что значат эти записи, то, скорее всего, они не значат совершенно ничего: он писатель и, должно быть, пробовал свои силы для написания новой книги. И надо сказать, очень умело: даже меня заставил попотеть!

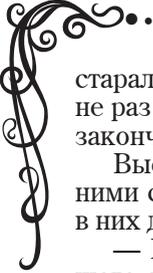
— Но ведь можно предположить, что их написал не мистер Бакер, а кто-то другой? — вдруг спросил Марк.

— Да, такое возможно. Бенджамин мог просто переписать этот шифр, — согласился профессор.

Я понял, о чем говорил Марк, и продолжил его мысль:

— Мистер Бакер пишет исторические книги. Он мог где-то наткнуться на этот шифр и попытаться расшифровать его самостоятельно.

— Знаете, ваши предположения мне нравятся, но кое-что не сходится. Если бы он хотел расшифровать стих, он бы первым делом обратился ко мне, так как знает, что ему я бы не отказал в помощи. И второе: наткнувшись где-либо на этот код, он не стал бы «разрывать» его на части и «раскидывать» по всей записной книжке. Бенджамин просто бы выписал его, - рассуждал мистер Бруклин. — Поэтому мне напрашивается только один вывод: Бенджамин сам зашифровал эти строки. Является ли он их автором или нет, я сказать не могу. Но Бен явно не хотел, чтобы кто-то узнал об этом стихотворении, раз так по-

старался над шифром. И опять же, он не обратился ко мне, хотя я уже не раз помогал ему в подобных случаях, — с ноткой обиды в голосе закончил свой монолог мистер Бруклин.

Выслушав рассуждения профессора, мы с Марком полностью с ними согласились. Его слова выглядели довольно правдоподобно, и в них действительно был смысл.

— Ну, что ж, — профессор встал из-за стола. — Теперь вы можете, ни в чем не сомневаясь, вернуть найденную записную книжку мистеру Бакеру. Такой шифр мог придумать только он!

Мы с Марком спустились следом за хозяином на первый этаж.

— Печенье, должно быть уже остыло. Пойдемте пить чай, — предложил профессор, когда все мы оказались на кухне.

— С удовольствием, — кивнул я, вспоминая ароматную выпечку на подносе мистера Бруклина.

Мы расположились за небольшим круглым столом. Мистер Бруклин напоил нас ароматным черным чаем, угостил хрустящим фисташковым печеньем и развлекал смешными случаями из своей преподавательской деятельности. Находясь там, я чувствовал, как от профессора исходила мягкая и теплая волна энергии. Рядом с ним я не ощущал скованности или неудобства, мистер Джон Бруклин был совсем не похож на всех преподавателей, которых я когда-либо встречал, и я находился под впечатлением от его добродушного нрава и совершенно нескучной, хорошо поставленной речи. К стати сказать, он не стал интересоваться происхождением ссадин на моем лице. Это не могло не радовать меня, потому как я уже устал объяснять причину драки каждому встречному, и мне не хотелось оказаться в неловком положении перед профессором. Кто знает, как бы он отреагировал на мой рассказ: возможно, для него драки совершенно неприемлемы.

За чаем я с открытым ртом слушал его интересные рассказы о путешествиях, которые он когда-то совершил вместе со своими близкими друзьями или женой, истории о его непростой юности, проведенной на службе в армии, о том, как он начал преподавать, и как знакомство с Марком положило начало их дружескому общению. Два часа в компании пожилого преподавателя, сердце которого никогда не постареет, пролетели совсем незаметно. Мы выпили весь заваренный чай и съели все печенье. Но самое главное, я чувствовал, что между нами не осталось преград и барьеров, которые обычно мешали свободному общению между разными поколениями. Уходя из дома мистера Бруклина, мне казалось, что я знаю его всю свою жизнь, и мне было странно осознавать тот факт, что раньше я даже не знал о его существовании.

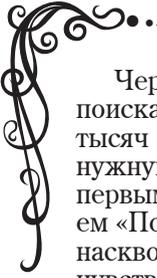
Марк, конечно, спросил о моих впечатлениях. Когда я сказал, что теперь отлично понимаю, почему он часто проводит время не в компании своих друзей, а в обществе мистера Бруклина, брат искренне

обрадовался, заметив, что ни капли не сомневался в том, что мы с профессором запросто найдем общий язык.

Сразу ехать домой нам не хотелось, поэтому мы с братом отправились в Макконнелл Парк, чтобы обдумать информацию, полученную от мистера Бруклина. Парк расположился всего в миле езды от дома мистера Бруклина, рядом со скоростной Юго-восточной дорогой. Макконнелл Парк был бы совершенно ничем не примечателен среди остальных подобных ему, если бы помимо игровой и детской площадок, здесь не находилась бы красивая набережная, откуда открывался великолепный вид на Бостонскую бухту залива Массачусетс. Совсем рядом с немногочисленными лавочками, стоявшими под деревянными навесами, крытыми черепицей, находился яхт-клуб Дорчестера. Поэтому кроме завораживающего вида бухты, мы могли любоваться белоснежными яхтами, пришвартованными у берега. Надо сказать, что они не отличались большими габаритами, но, на мой взгляд, это не делало их менее привлекательными. Отец Боба являлся членом этого клуба, поэтому мне уже приходилось бывать здесь. Хотя и очень редко, но пару раз за год я вместе с моей семьей и семьей моего лучшего друга совершал небольшое путешествие на белоснежной красавице мистера Брауна. Эти прогулки всегда меня завораживали. Плеск воды, расступавшейся под мощью яхты, невероятный красоты вид, открывавшийся с палубы, бескрайнее море и ветер, бивший в лицо, от которого иногда перехватывало дыхание — все это заставляло мое сердце биться быстрее от переполнявших его чувств, когда казалось, что впереди меня ожидало что-то очень хорошее, и что случится это, непременно, совсем скоро.

Вблизи Макконнелл Парка не бывает многолюдно, поэтому это было идеальным местом, чтобы спокойно обсудить ход нашего расследования. Нам предстояло выяснить, что за странное четверостишие, расшифрованное с помощью профессора Бруклина, было с такой тщательностью закодировано в записной книжке писателя.

Мне и Марку показалось наилучшей идеей прибегнуть к помощи интернета. Сейчас, когда без его участия не обошелся ни один день в жизни современного человека, интернет, можно сказать, стал кладезем полезной информации, в которой, как мы надеялись, окажется что-то нужное и нам. Недавно приобретенный планшетный компьютер Марка оказался очень кстати в нашем деле. С его помощью мы без проблем оказались на просторах интернета. Не придаваясь особым мучениям, мы с братом решили просто ввести расшифрованный текст в поисковый запрос. Было очевидно, что если Бакер не был автором этих строк, то он должен был их где-то прочитать. В Интернете же обязательно найдется и та самая книга, из которой Бакер выписал этот небольшой стих, при условии, конечно, что он не позаимствовал его из древнего манускрипта, высеченного на камне за несколько сот лет до нашей эры.

Через несколько секунд после того, как Марк нажал на кнопку поиска, на экране отобразилась страница, содержащая несколько сот тысяч результатов. Это давало нам надежду на то, что мы найдем нужную нам книгу. Изучив несколько ссылок, идущих по списку первыми, мы обнаружили стихотворение под романтическим названием «Послание к Элизабет». Оно занимало несколько страниц и было насквозь пропитано духом любви и лиризма, что говорило о пылких чувствах человека, написавшего его. Мне было сложно понять того, кто писал эти строки: неужели он не мог все высказать названной Элизабет при встрече? Зачем было распляться на такие высокие дифирамбы и сочинять такие сложные обороты, чтобы просто признаться в своих чувствах? После озвучивания этих вопросов вслух, я получил четкий и ясный ответ Марка, который придерживался диаметрально противоположной точки зрения:

— В жизни люди не всегда могут открыто говорить о своих чувствах, а многие просто боятся это сделать. Возможно, автор как раз и был одним из таких нерешительных, а может быть, он, будучи творческой личностью, хотел не только признаться в любви на словах, но и выразить это на бумаге.

— Да, думаю, Элизабет точно заснула, пока дочитала до конца, — наигранно зевнув, небрежно заметил я.

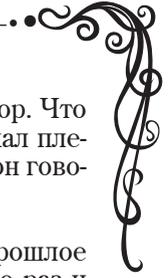
— А ты, как и всегда, шутишь, — скептически произнес Марк. Я только с улыбкой кивнул в ответ.

Автором посвящения был неизвестный мне Кларенс Марлоу, Марк же, увидев его имя, удовлетворенно кивнул.

— Я знаю этого писателя, — сказал он. — Читал пару его романов, но мне они не пришлись по душе: я предпочитаю научную или историческую литературу, а его книги, хотя это и шедевры, меня не вдохновили.

Стихотворение, написанное Кларенсом Марлоу, оказалось довольно длинным. Ближе к концу, когда писатель, наконец, решил, что пора заканчивать, мы наткнулись на уже знакомые нам строчки:

*«...Я скажу тебе о чем-то сейчас,
О том, что навсегда связало нас:
Это было давно, но со мною теперь,
Открой памяти запретную дверь.
Возьми в свои руки судьбу мою,
Тебе – доверяю, и ключ главный дарю:
Письмо мое прощальное прочти,
В нем истину ты сможешь найти.
Но помни: правда есть только одна.
И Время поможет узнать, где она.
Прошу, никогда не забудь обо мне,
Ведь я вечно с тобой: наяву и во сне».*

Прочитав стихотворение до конца, Марк вздохнул:

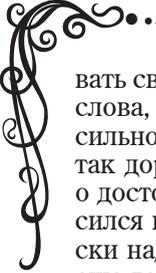
— Только Элизабет могла бы понять, что имел в виду автор. Что за прощальное письмо он просит ее прочитать? — Марк пожал плечами, как будто задавал вопрос сам себе. — О какой истине он говорит? Что связывало его с этой незнакомкой?

Размышления Марка натолкнули меня на мысль:

— Послушай, в стихотворении явно есть указания на прошлое писателя: он говорит Элизабет о том, что когда-то их связало раз и навсегда, что это событие произошло давно, но он до сих пор его помнит. Значит, нам надо узнать хоть немного о прошлом Марлоу: это поможет нам понять, о чем он говорил в своем стихотворении, - высказал я свои предположения.

Марк их одобрил, и мы, снова прибегнув к помощи интернета, отыскали автобиографию автора «Послания к Элизабет», написанную личным биографом писателя.

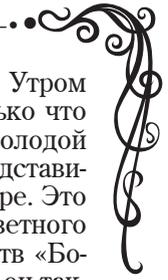
Кларенс Вернер родился в 1805 году в семье немецкого переселенца, решившего попытать счастье на просторах Америки, тогда еще не сформировавшейся окончательно в единое государство. Отец будущего писателя стал фермером, но не стал богачом, о чем так мечтал. Когда родился Кларенс, в семье уже было пятеро детей, и шестой ребенок только ухудшил положение и без того небогатой семьи. Детство юноши прошло безрадостно, в тяжелой работе, а в будущем его ожидала участь его отца: взять в свои руки управление небольшой фермой, чтобы прокормить большое семейство, ведь в семье Вернер до появления на свет Кларенса рождались только девочки, а значит, именно он должен был стать наследником скудного состояния. К семнадцати годам юноша понял, что больше не может владеть таким существованием, тем более что у него не было совершенно никакой предрасположенности к тому, чем занимался его отец: по ночам еще совсем юный Кларенс писал стихи, небольшие рассказы и грезил о приключениях в неизвестных городах и странах. Однажды, когда Кларенс выполнял обычную рутинную работу, его мать, убираясь дома, обнаружила записи сына. Она уже давно была обеспокоена тем фактом, что Кларенс непохож на своих сверстников и все свободное время проводил не с товарищами за их обычными развлечениями, а в одиночестве в своей комнате. Теперь она поняла, чем он занимал весь свой досуг, и это встревожило ее: ведь тяжелая работа, которая должна была стать большей частью жизни сына, не допускала проявления слабости, нежности и мечтательности, которыми были пропитаны наброски рассказов Кларенса. Женщина показала изобильные бумаги мужу, который пришел в ярость, поняв, что его единственный сын оказался ни на что не способным неженкой, не связывающим свою судьбу с фермой, ради которой старший Вернер пошел на большие жертвы. Когда Кларенс вернулся домой, отец призвал его к ответу. Кларенс решил, что более не стоило скры-

вать своих увлечений, и во всем честно признался. Услышав от сына слова, больно ранившие его, отец не сдержался и в приступе гнева сильно избил его, и на глазах сына бросил в огонь все то, что было так дорого юноше – его мечты о лучшей жизни, о свободе выбора, о достойном существовании в мире, где он не будет изгоем. Он бросился к камину, где в языках пламени тлели его последние проблемски надежды, и голыми руками вытащил несколько листов бумаги, еще только тронутые горячим дыханием огня. Этот случай заставил Кларенса решиться на то, чего он так долго желал, но не мог себе позволить: он собрал вещи и ушел из дома с несколькими долларами в кармане. Он поступил бы так намного раньше, если бы кроме опостылевшего дома его ничего не держало бы в родных краях. Но было еще одно обстоятельство, не дававшее Кларенсу положить конец своим страданиям. Прекрасная Элизабет, дочь богатого плантатора Арчи Френсиса, покорившая юное сердце Кларенса в тот день, когда он впервые ее увидел. Если бы Элизабет была равнодушна к нему и не давала бы ему никаких поводов думать, что его чувства взаимны, Кларенс уже давно ушел бы из дома. Но Элизабет, хотя и выросшая в роскоши и комфорте, обладала нежным отзывчивым сердцем, которое Кларенс покорила своими наивными и романтичными стихами. Поэтому в тот момент, когда Кларенс решил покончить с прежней жизнью, его мысли были заняты только Элизабет. Он предложил ей бежать с ним, и она согласилась. Они уехали из родных краев, и к рассвету, когда несчастный отец обнаружил, что его дочь пропала, Кларенс и Элизабет были уже далеко. Их не остановили ни трудности, ни лишения, которые, несомненно, ожидали их впереди. Молодые люди поженились и поселились в небольшом городе, находившемся за тысячи миль от их прежнего дома. Кларенс устроился на должность журналиста в местную газету, для которой писал небольшие рассказы и статьи, получая за свою работу слишком мало, чтобы прокормить их двоих с Элизабет. Девушке же, привыкшей к совершенно другим условиям жизни, пришлось тоже найти способ заработать на жизнь: она убирала в доме местного судьи, помогала на кухне, а изредка присматривала за детьми соседской девушки, которая одна воспитывала двух малышей и у местного населения, конечно, вызывала только отвращение.

По ночам, когда у Кларенса оставалось время, свободное от его основной работы, он писал. Потому что желание создать нечто большее, чем статья в несколько абзацев в захолустной газетенке, жгло его сердце. За эти долгие ночи, проведенные за неустанным трудом, из-под его пера вышло несколько романов, пока никому неизвестных, но в будущем им предстояло потрясти ума и сердца людей, надолго оставив в них свой след.

Нищенское существование двух юных влюбленных, наполненное лишениями, могло бы продолжаться и дальше, если бы не счастли-

вый случай, круто изменивший жизнь Кларенса Вернера. Утром 15 августа 1825 года, когда Кларенс как обычно принес только что оконченную статью в редакцию газеты, где он печатался, молодой человек встретил на пороге кабинета главного редактора представительного джентльмена в черном сюртуке и таком же цилиндре. Это был Жорж Николс, помощник и правая рука известного газетного магната сэра Сэмюэля Гордона, владевшего сетью издательств «Бостон говорит». Но Кларенс еще не знал, кто стоит перед ним, он также не знал и цели его визита. Как только он переступил порог кабинета, главный редактор представил мистеру Николсу неприметного парнишку в потертом пиджаке, как подающего надежды молодого автора. Жорж Николс объяснил, что он приехал сюда с конкретной целью: присоединить небольшое издательство, в котором работал Кларенс, к крупной сети сэра Гордона. Большую часть старого персонала предлагалось распустить, этот вопрос был почти решен, оставалось обсудить детали, когда мистер Николс поинтересовался, были ли в издательстве авторы, заслуживающие внимания сэра Гордона. Главный редактор в числе претендентов упомянул и имя Кларенса. Именно в тот момент последний вошел в дверь кабинета, за которой его уже ожидало блестящее будущее. Жорж Николс попросил Кларенса показать ему свои изданные произведения, на что юный писатель достал из сумки пачку потрепанных листов бумаги, исписанных неровным почерком. Прочитав несколько страниц, Николс без обиняков предложил Кларенсу работу в издательстве сэра Гордона, которое находилось в одном из крупнейших городов Америки того времени – Бостоне. Жалование Кларенса повысилось, его задача теперь состояла в ведении еженедельной колонки под названием «Газетный роман» в одной из газет, принадлежавших Сэмюэлю Гордону.

Главному редактору, под началом которого теперь находился Кларенс, не понравилась его немецкая фамилия. Он посоветовал молодому человеку взять себе какой-нибудь псевдоним, которым тот смог бы подписывать свои публикации. Так 1826 году Кларенс Вернер стал Кларенсом Марлоу. С этих пор жизнь писателя, которому только-только исполнился двадцать один год, наконец, улыбнулась ему широкой улыбкой. Через год его первый роман, названный «На широкой дороге», уже полностью опубликованный в виде маленьких газетных рассказов, заметил другой крупный издатель, искавший юных дарований. На волне романтизма, царившей в американской литературе начала девятнадцатого века, роман Марлоу, изданный несколькими тиражами через год после его переезда в Бостон, позволил совершить писателю головокружительный взлет из самых низов общества в писательскую элиту. Но богатство не умерило творческого рвения Кларенса и его желания писать. В течение следующих двух лет были изданы еще три романа талантливого писателя: «Джу-

лия», «Каменный путь» и «Забывтый мираж». В возрасте тридцати пяти лет Кларенс Марлоу написал двенадцать романов, три сборника рассказов и поэтический двухтомник, включавший и его ранние стихотворения, которые когда-то давно были сожжены в огне далекого домашнего очага. И это далеко не все произведения, написанные рукой талантливого романиста.

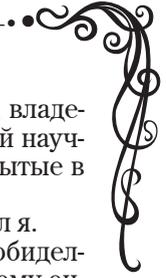
Кларенс не общался со своими родственниками на протяжении двадцати пяти лет, как и его жена, оставившая ради него свою семью, положение в обществе и богатство. Но сама судьба распорядилась так, что окончательно уйти от прошлой жизни Кларенсу Марлоу так и не удалось. В весеннее утро 24 апреля 1847 года в дверь роскошной квартиры Марлоу позвонил неизвестный мужчина. Открывший дверь Кларенс не успел рассмотреть звонившего: незнакомец, облаченный во все черное, с надвинутой на глаза шляпой, выстрелил в писателя из револьвера два раза и скрылся в неизвестном направлении, оставив на двери в квартиру записку, приколотую к створке ножом: «Элизабет навсегда». Писателя, истекавшего кровью, нашли через несколько минут перепуганные выстрелом соседи. Через пять дней Кларенс Марлоу скончался.

Только спустя год после трагической кончины мужа, Элизабет Марлоу призналась своему близкому другу и биографу писателя, что Кларенс стал получать угрозы от неизвестного мужчины задолго до убийства. В один из таких дней, только что прочитавший очередное письмо от убийцы Кларенс задумчиво произнес: «Они могут убить меня, но тебя они никогда не получают». Тогда женщина заподозрила, что отец нашел ее и Кларенса и теперь одержим жаждой мести, но ото всех вопросов муж только отмахивался. После убийства Кларенса версия Элизабет была проверена, но так и не нашла своего подтверждения. Арчи Френсис утверждал, что с тех пор, как его непутевая дочь сбежала с сыном местного фермера, он больше никогда ее не видел, и не знал, как сложилась ее судьба. Убийцу писателя так и не нашли.

Незадолго до гибели Кларенс Марлоу написал стихотворение «Послание к Элизабет». Об этом стало известно лишь после оглашения его завещания, состоявшегося на следующий день после похорон писателя. Кларенс помимо всего своего имущества, завещал Элизабет конверт, в котором находилось это стихотворение. Также имелось указание опубликовать его только после смерти Элизабет. Тайна этого поступка, открывшегося лишь в 1897 году, спустя год после кончины жены великого автора, до сих оставалась окутана туманом неизвестности.

Когда мы закончили читать автобиографию, я поинтересовался у брата:

— И чем же тебе не понравились произведения этого автора? Ты ведь так любишь читать, я думал, тебе все равно, в каком стиле написана книга.

Марк покачал головой:

— Нет, хотя меня и восхищают все без исключения люди, владеющие силой слова, я отдаю предпочтение более обоснованной научной литературе. Разные стороны человеческих чувств, раскрытые в книгах, меня не сильно привлекают.

— Это потому, что ты ученый сухарь! — беззлобно ответил я.

Если бы на моем месте был любой другой человек, Марк обиделся бы на него на всю оставшуюся жизнь. Но это сказал я, поэтому он, облизав губы и сложив их в недовольном изгибе, сказал:

— Просто потому, что я мыслю логически и люблю делать четкие выводы, а не размытые предположения, которых в книгах писателей-романистов хоть отбавляй.

— Это была просто шутка! — улыбнулся я, заметив по реакции брата, что он все же слегка обижен.

Марк засмеялся:

— Я это понял, можешь не стараться – подлизываться ко мне бесполезно!

— Что ты думаешь о намерениях Бакера, когда он так тщательно зашифровывал кусочек этого стихотворения? — я решил перевести разговор на важную для нас тему.

— Знаешь, я считаю, что если Бакер зашифровал этот стих, он не хотел, чтобы кто-нибудь его увидел и понял, что писатель заинтересовался им. К тому же, если Бакер занимался этим стихотворением с особой тщательностью, он, возможно, понял, о чем идет речь в послании Марлоу. А это значит, что он мог попытаться предпринять какие-нибудь действия после этого открытия. Ну, и если рассуждать еще более обще, то можно предположить, что «Послание к Элизабет» как-то связано с миссис Картер, — Марк построил очень лихую цепочку логических умозаключений, в которых лично я сильно сомневался.

— Хочешь сказать, что миссис Картер может быть внучкой или правнучкой Марлоу? — удивился я.

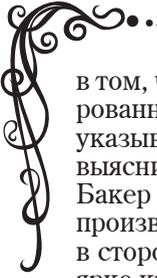
— Нет, — Марк отрицательно качнул головой. — Здесь сказано, что у Кларенса и Элизабет не было детей, — брат указал пальцем на статью, отображавшуюся на экране компьютера.

— Хорошо, но каким мистическим образом миссис Картер может быть связана с Марлоу и Бакером? — я окончательно сдался в своих попытках разгадать эту тайну.

— Пока даже не представляю, но мы обязательно должны это выяснить: потому что если между ними есть связь, то это говорит о наличии мотива и у другого человека, а не только у Джорджа, — ответил Марк.

— Но ведь между ними может не быть вообще никакой связи! — напомнил я увлекшемуся расследованием брату.

— Ты прав, — согласился он. — Но так как других зацепок у нас нет, давай предположим, что Бакер каким-то образом заинтересован

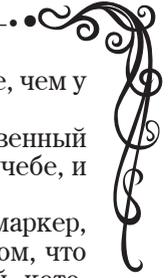
в том, чтобы проникнуть в дом миссис Картер. В этом случае зашифрованные пометки из его записной книжки могут непосредственно указывать на его мотив совершить это преступление. А раз так, надо выяснять, что значат эти строки из «Послания к Элизабет». Почему Бакер выбрал именно их, а не любое другое четверостишие из этого произведения? О чем в них говорится? – Марк отложил компьютер в сторону и посмотрел вдаль, на горизонт, за который уже садилось ярко-красное осеннее солнце.

Чуть раньше семи часов мы с братом были дома. Не теряя ни минуты, мы поднялись к нему в комнату, и, расположившись на полу, приступили к делу. Нам не терпелось докопаться до истины, узнать, что именно скрыто за странными строчками, написанными писателем в далеком девятнадцатом веке. Для этой цели Марк предложил использовать лист ватмана, которого у него имелось в избытке, для того, чтобы сгруппировать наши предположения в единое целое. Поэтому, выписав на отдельный лист расшифрованные записи и распечатав полный вариант «Послания к Элизабет», мы прикрепили их к нашей сделанной на скорую руку «доске».

— Поверить не могу: я анализирую стихотворение писателя девятнадцатого века в компании со своим братом-гением! Никогда бы даже не подумал, что я буду заниматься чем-то подобным, – я покачал головой и глубоко вздохнул.

— Ты просто себя недооценивал, – усмехнулся Марк, изучая стихотворение.

Никогда не отличаясь аналитическим мышлением, мне бы не пришлось в голову заняться на досуге какими-то мыслительными изысканиями, тем более в области литературы, которую я всегда считал скучной и неинтересной. Читая, я все время засыпал уже на второй странице, сочинения я и не пытался попробовать написать сам. Что говорить об анализе произведений, тайну написания которых не могут разгадать уже больше века ученые, посвятившие этому занятию свою жизнь! Поэтому сидя рядом с братом в его комнате, смотря на то, с каким вниманием он вчитывался в четверостишия «Послания к Элизабет», глядя на выписанный им фрагмент из стихотворения, я ощущал противоречивые чувства. С одной стороны, я не привык к таким занятиям и всегда подшучивал над Марком за его любовь к научным трудам, считая, что в жизни есть более интересные вещи, чем сутками просиживать над учебниками, глотая книжную пыль. С другой же, я чувствовал, что у меня появился интерес к тому, что мы делали. Это уже не было скучными прогулками по городу в издательство Бакера или в полицейский участок. Мы пытались разгадать тайну, которая заинтересовала такого заметного человека в мире литературы, как Бенджамин Бакер. Тайну, которая не была раскрыта на протяжении такого длительного промежутка времени. И, возможно,

у нас даже что-то из этого получится. Возможно, даже раньше, чем у великого разоблачителя знаменитых людей.

Чувство заинтересованности и желание раскрыть таинственный секрет пересилили во мне лень и многолетнюю нелюбовь к учебе, и я с энтузиазмом включился в работу.

— Смотри, — Марк указал рукой, в которой он держал маркер, на распечатку со стихотворением. — Марлоу пишет: «...О том, что навсегда связало нас: это было давно...». Что связало людей, которых ожидали совсем разные судьбы, которые никогда не были бы вместе, если бы не...

— ...побег Марлоу из дома, когда с ним сбежала и Элизабет! — воскликнул я, пораженный пришедший мне мыслью.

— Точно! — улыбаясь, воскликнул Марк. Он записал напротив соответствующих строчек стихотворения несколько слов: «Побег из дома». После этого он произнес: — Дальше Марлоу пишет: «... это было давно, но со мною теперь, открой памяти запретную дверь...». Что бы это могло значить? — Марк в раздумьях потер подбородок рукой. — Марлоу сбежал из дома задолго до того, как написал это стихотворения — это мы уже выяснили. Поэтому это событие никак не могло быть в настоящем писателя, в те минуты, когда он писал «Послание к Элизабет». Однако если читать эти строчки, Марлоу считал, что прошлое к нему вернулось, хотя и случилось все описанное очень давно.

— «...Открой памяти запретную дверь...» — это может быть намеком на то, чтобы Элизабет вспомнила о событиях, происходивших в те дни, — я продолжал рассуждать вслед за братом.

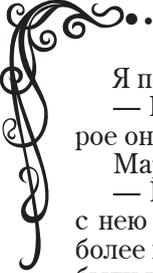
— Да, — кивнул брат, делая пометки рядом со стихотворением. — Следующая строчка — «...Возьми в руки судьбу мою...» — я не могу представить, что это может значить. Но вот дальше все более-менее ясно, — Марк указал на строку: «...Тебе — доверяю, и ключ главный дарю...».

Я щелкнул пальцами в воздухе, тоже поняв смысл написанных слов:

— Писатель имел в виду следующее четверостишие, где говорится о прощальном письме Марлоу. Кларенс называл его ключом к своей судьбе, который он доверяет только Элизабет! — я радостно улыбнулся, смутно осознавая, что мы движемся напрямую к разгадке так интересующей нас тайны.

Брат только кивал, продолжая записывать наши мысли рядом со стихотворением.

— Дальше автор призывает Элизабет прочитать его прощальное письмо, чтобы в нем отыскать истину, — сосредоточенно глядя на ватман, уже изрядно исписанный пометками, произнес брат. — Как ты думаешь, что может быть прощальным письмом писателя? — Марк посмотрел на меня, ожидая моего ответа.

Я пожал плечами:

— Мне в голову приходит только одно: последнее письмо, которое он написал Элизабет...

Марк не согласился:

— Как-то слабо в это верится! Марлоу любил Элизабет, прожил с нею всю свою жизнь. Зачем ему писать ей какие-то письма, тем более прощальные, ведь они никогда не расставались, всегда и везде были вместе. Это даже в автобиографии писателя упоминается, - пояснил свою точку зрения Марк.

— Постой-постой! – перебил его я. – Может, речь идет о завещании Марлоу? Оно как нельзя лучше подходит на роль его прощального письма!

Марк задумался:

— Не знаю, — медленно ответил он. — Может ты и прав, но мы никогда не сможем выяснить этого наверняка: вряд ли завещание находится в открытом доступе, чтобы мы смогли тщательно изучить его.

— Тогда почитаем стихотворение дальше – может, это нам как-то поможет, — предложил я. — «...Помни, правда есть только одна, и время поможет узнать, где она...». Возможно, писатель предупреждает Элизабет о том, что он придумал несколько ложных путей, чтобы запутать следы? Но причем здесь время? Как оно сможет помочь отыскать верный путь?

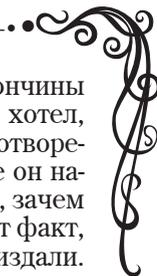
Брат молча записал мои предположения на ватман. Потом он скрестил ноги и, выпрямившись и сложив руки в замок, задумчиво произнес:

— Надо все обдумать.

— Давай, обдумаем, — ответил я, устроившись рядом с ним.

Мы сидели в молчании не больше пяти минут. За это время у меня в голове жужжал огромный рой мыслей, перебывавших друг друга. Я был в очередной раз поражен умениями своего брата, искренне считая его если не гением, то, по крайней мере, большим эрудитом с развитым логически мышлением. Еще неделю назад я не думал, что мое мнение о нем может настолько сильно измениться. Раньше я, конечно, считал Марка «ботаником», книжным червем, но не понимал, насколько он талантлив и разносторонне развит. Я не то, чтобы не уважал его за это, я просто не воспринимал его всерьез. Сейчас же, поняв, что Марк далеко не просто выскочка или зубрила, я стал гордиться тем, что мне повезло, и он именно мой брат.

Еще я пытался сформировать общую картину, которая должна была сложиться из того, что мы узнали, анализируя стихотворение Кларенса Марлоу, убитого в столь молодом возрасте. Послание, изученное нами, было адресовано конкретно Элизабет, и именно она могла бы понять его истинный смысл. Но она давно умерла, у нее не осталось детей или внуков, и мы никогда не сможем узнать, разгадала ли она загадку, оставленную ей мужем, или нет. Однако писа-

тель хотел, чтобы стихотворение было опубликовано после кончины Элизабет. Этот поступок был очень странным: если Марлоу хотел, чтобы кроме его жены никто не знал о существовании стихотворения, зачем он велел представить его на суд публики. Если же он наоборот хотел, чтобы послание было обнародовано, непонятно, зачем было ждать смерти Элизабет, чтобы сделать это. Очевиден тот факт, что Марлоу хотел, чтобы стихотворение, в конце концов, издали. Значит, прощальное письмо, о котором идет речь в главном четверостишии, зашифрованном с такой тщательностью Бакером, должно быть доступно не только Элизабет, но и всем читателям. И если к завещанию невозможно получить доступ простому поклоннику или исследователю творчества Марлоу, то прощальным письмом должно быть что-то, к чему есть доступ у каждого.

Когда меня посетила эта простая, но гениальная мысль, я повернулся в сторону Марка, чтобы сказать ему о своих соображениях. В этот момент Марк тоже посмотрел на меня горящими глазами. Увидев реакцию друг друга, мы рассмеялись.

— Ты хотел сказать, что завещание не может быть прощальным письмом писателя, потому что оно не общедоступно? — улыбаясь, уточнил Марк.

— Именно так я и хотел сформулировать свою идею! — подтвердил я.

— Мы с тобой хорошо сработались, раз мыслим в одном направлении, — ответил брат. — Теперь осталось понять, что на самом деле является прощальным письмом.

Наши рассуждения прервал телефонный звонок. Это был мобильный Марка. Брат взял трубку. Через пару секунд, он прикрыл ладонью телефон и прошептал:

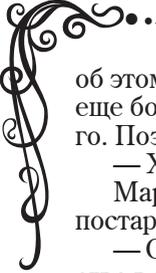
— Это Хиггинс! — после этого он довольно улыбнулся.

Звонок менеджера Бакера мог означать для меня только одно: в самое ближайшее время меня ожидал первый рабочий день в моей жизни. Как я мог предположить, что моя первая работа будет связана с расследованием, в которое ввязались мы с братом, и что мне придется изображать из себя страстно влюбленного в книги ценителя искусства, чтобы один из самых популярных писателей не заподозрил меня в обмане?!

Через минуту Марк уже закончил разговор и, продолжая самодовольно улыбаться, сообщил:

— Мистер Хиггинс сказал, что завтра ты сможешь встретиться с Бенджаминном Бакером, чтобы обсудить интересующие тебя вопросы, — Марк захихикал, должно быть, не в силах сдержатъ смех, дувший его.

Понять Марка мне было слишком легко: не удивительно, что его невероятно забавляла перспектива того, как глупо я буду выглядеть в роли книголюба, на досуге сочинявшего рассказы! Но я не помянул

об этом, потому что в сложившейся ситуации мои оправдания только еще больше насмешили бы Марка, а этого мне хотелось меньше всего. Поэтому я просто спокойно спросил:

— Хиггинс уточнил, куда именно мне надо будет придти?

Марк, казалось, был слегка обескуражен моей реакцией, но тоже постарался не выдать себя:

— Он сказал, что мистер Бакер будет ждать тебя в своем издательстве в два часа дня. Еще Хиггинс предложил тебе, если ты захочешь, взять с собой свои рассказы, чтобы мистер Бакер смог оценить их с профессиональной точки зрения, - я заметил, как Марк прикусил губу, должно быть, чтобы не разразиться оглушительным смехом.

Да если бы я написал в своей жизни хоть одну страницу, я бы с удовольствием взял ее с собой! Но у меня никогда не было таланта излагать свои мысли на бумаге, к тому же я не обладал необходимой для этого занятия усидчивостью и терпением, у меня не было совершенно никакого желания писать. О чем Марк думал, когда затеял этот спектакль? Как я появился в кабинете Бакера, даже не зная о чем можно с ним говорить и что обсуждать?

Мысли отчаяния, скорее всего, отразились на моем лице слишком ясно, чтобы Марк не смог их прочитать. Больше он не мог сдерживаться и засмеялся. В этот момент меня настолько разозлила вся эта странная ситуация, что я, больше не пытаюсь скрыть своего раздражения, закричал:

— Я согласился подыграть тебе, даже согласился изображать из себя кропящего по ночам опусы дурака, и как ты отплатил мне? Поднял меня на смех? Издеваешься надо мной? Я могу в любой момент просто встать и уйти! Могу не пойти ни к Бакеру, ни к Хиггинсу, вообще больше никогда о них даже не думать! Я все это делал ради тебя, потому что считал, что раз ты что-то запланировал, значит, это точно поможет нашему делу, приблизит нас к разгадке тайны, позволит нам помочь Джорджу! Думаешь, я ради развлечения все это терпел? У меня куча других, более интересных развлечений, которыми у меня даже нет времени заняться, потому что я постоянно с тобой, помогаю тебе! Считаешь, я просто так, от нечего делать с тобой таскался, неблагодарная свинья! — слова вырвались из моего рта сами по себе. У меня в груди как будто взорвался вулкан, вышлеснув потоки лавы, которые обжигали мое сердце горькой обидой.

Марк, услышав мой длинный монолог, перестал смеяться и снова стал серьезным, именно таким, каким я привык видеть его всегда. Он опустил взгляд и вздохнул, как будто набирался храбрости сказать что-то. После этого он резко вскинул голову вверх и, смотря мне в прямо глаза горящим взглядом голубых пронзительных глаз, заговорил:

— Хотя ты сказал сейчас все это, я знаю, что ты так не думаешь. Ты знаешь, я никогда не пытался поставить тебя в глупое положение

ние, жестоко посмеяться над тобой или обидеть. Я всегда заботился о тебе, ты знаешь, что между нами не может быть никакой вражды или недоверия. Я на твоей стороне, и, поверь, прежде чем втянуть тебя в какое-то сомнительное предприятие, я сто раз все обдумаю и рассмотрю все варианты! — Марк смотрел на меня широко открытыми глазами, давая этим понять, что даже не думал опозорить меня перед Бакером или кем-либо другим.

— Ладно, но я же не могу пойти к Бакеру с пустыми руками, — я слегка понизил голос, хотя внутри все еще чувствовал сильное раздражение, но уже сумел его сдержать.

Марк подмигнул мне, отчего я, как по команде, улыбнулся, но тут же снова принял суровый вид, чтобы брат ни о чем не догадался. Марк тем временем встал с пола и, подойдя к письменному столу, достал из ящика небольшую стопку листов бумаги с напечатанным на них текстом. Снова сев рядом со мной, он протянул листы мне.

— Это твои рассказы. Думаю, на первый раз хватит: скажешь, что выбрал только самые лучшие, на твой взгляд.

Я взял из рук Марка стопку листов и пролистал ее. Страниц было около двадцати, все с набранным текстом. Я внимательней посмотрел на первый лист: самая первая строчка оказалась заглавием рассказа «Последний миг», через несколько страниц было еще одно название — «Дом, где всегда горит свет», и, наконец, последний рассказ, занимавший не так много страниц как предыдущие, назывался «Осенняя незнакомка». Я, не понимая, где Марк раздобыл эти рассказы, спросил:

— Ты не боишься, что Бакер узнает, кто на самом деле написал эти рассказы, если прочтет их?

Марк покачал головой:

— Я уверен, что он никогда не догадается, кто является их автором. Потому что это я написал их.

В нерешительности спросить что-либо у брата, пораженный его признанием и испытывая чувство, отвратительно похожее на стыд за свои слова, я молча застыл на месте. Не зная, что сказать, я посмотрел на Марка совершенно другими глазами. Я увидел в нем не только преданного друга и брата, но и талантливого человека, который вызвал у меня неподдельное восхищение.

— Но почему ты сам не пошел на работу в издательство, если пишешь рассказы? Тебе было бы намного интересней проводить там время, чем мне, — спросил я, не понимая мотивов брата.

Марк улыбнулся:

— Может я и пишу небольшие рассказы, которые, на самом деле, вряд ли заслуживают особого внимания, но зато ты прекрасно находишь выход из, казалось бы, тупиковых ситуаций, ты очень находчивый. Чего нельзя сказать обо мне: я часто теряюсь, когда надо быстро принять важное решение. Поэтому ты сможешь разузнать

больше полезной информации, находясь в издательстве, чем я, - честно признался брат.

Чувство стыда за несправедливо сказанные слова стало невыносимым, когда я слушал Марка.

— Марк, прости, пожалуйста, что я на тебя накричал. Я не хотел, у меня само по себе все это вырвалось. Я, правда, не знаю, что на меня нашло, — запричитал я. — Пожалуйста, не злись на меня, я на самом деле не считаю, что ты неблагодарная свинья, — смущенно закончил я.

Брат улыбнулся и похлопал меня по плечу:

— Я не обиделся. Мне тоже стоит извиниться: я немного перегнул палку, подшучивая над тобой. Думаю, что нам просто надо забрать свои слова назад и забыть о том, что произошло. Из-за этого расследования накопилось напряжение, которое надо было как-то снять, вот ты и взорвался как извергающийся вулкан.

Обрадованный тем, что брат меня простил, я с готовностью предложил вернуться к тому, от чего нас отвлек телефонный звонок Хиггинса — к поиску разгадки тайны «Послания к Элизабет».

В ответ на мое предложение Марк выдвинул весомый аргумент:

— Стихотворение больше ста лет пролежало на полках книжных магазинов, и его никто не расшифровал. Если мы попытаем счастья завтра, оно точно никуда не денется, — брат встал и, подняв с пола ватман, продолжил: - Надеюсь, ты прочитаешь рассказы, прежде чем идти к Бакеру? Он может задать тебе какой-нибудь вопрос — тебе надо быть готовым к этому.

Я с твердой убежденностью в голосе пообещал:

— Конечно, я все их прочитаю. Можешь во мне не сомневаться.

Мы повесили ватман на стену в комнате Марка, после чего я ушел к себе, ведь мне еще предстояло оценить писательское творчество моего брата.

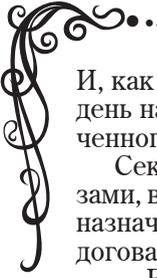

Глава 8

Рассказы, написанные Марком, произвели на меня сильное впечатление. Я не подозревал, что мой брат мог сочинять романтические истории, с трагическим или, наоборот, с прекрасным, почти сказочным концом. Два часа, в течение которых я приобщался к творчеству Марка, пролетели совсем незаметно, и, хотя я никогда не отличался любовью к чтению, его рассказы заинтересовали меня. Я не мог оценить их с литературной точки зрения, не мог ничего сказать о правильности построения сюжета или употребления конкретных слов. Мне было легко читать, и хотя остросюжетной линии в его рассказах не было совсем, — они были больше похожи на повествование, — мне действительно было интересно узнать, как сложатся отношения героев в конце, сумеют ли они признаться в своих чувствах к друг другу.

Прочитанные мною истории, дали мне понять, что Марк, так ревностно отвергавший всякое проявление чувств, серьезно увлекавшийся наукой, утверждавший, что «размытые предположения» его только раздражают, оказался по-настоящему романтической натурой. Это стало для меня настоящим открытием, так как я никогда не знал брата с этой стороны. Мне даже в голову не приходило, что Марк мог думать или тем более писать о таких совсем уж ненаучных вещах, как отношения и чувства. Эти соображения сбили меня с толку, и я не знал, могу ли сказать о них брату, так как боялся его обидеть. Но ведь он сам дал мне эти рассказы, признался, что написал их, хотя мог просто соврать, отвечая на мой вопрос, и настоял, чтобы я их прочел. Может быть, он хотел, чтобы я знал о его увлечении, оценил его труд, или просто хотел поделиться своей тайной? Но о творческом хобби Марка могут знать его друзья: вполне возможно, что кто-то из них тоже писал. Поэтому я не знал, как мне воспринять поступок брата, и решил дождаться того момента, когда он сам обо всем у меня спросит.

Рассказы Марка утвердили меня в убеждении о том, что он сам должен был попасть к Бакеру на работу. Здесь бы Марк реализовал и раскрыл свой писательский талант, который у него, как я убедился, был. Бакер помог бы ему, не стесняясь, рассказать о своем увлечении, здесь бы его приняли, как своего, поняли бы и дали важные и нужные Марку советы. Но брата что-то побудило принять совершенно иное решение, отличное от того, что казалось правильным мне.

И, как бы то ни было, именно из-за этого я находился на следующий день на пороге издательства «Art Magazine» за пять минут до назначенного мне менеджером писателя Бакера срока.

Секретарша Бакера, та самая милая девушка с тесно-карими глазами, встретила меня, как обычного посетителя, поинтересовавшись, назначена ли у меня встреча с писателем. На мой ответ о том, что я договаривался с его менеджером о встрече, она спросила:

— Вас зовут Том Уиллсон? — она внимательно посмотрела на меня.

— Да, — кивнул я.

— Отлично! — мисс Миллер встала из-за стола. — Мистер Бакер с самого утра только о вас и говорил. Его очень впечатлили ваш энтузиазм и желание показать себя с творческой стороны в столь юном возрасте.

Она прошла мимо меня к двери и, повернув ручку, жестом подала мне знак, чтобы я немного подождал в коридоре. Открыв дверь, она зашла в кабинет. Через пару секунд, ее силуэт снова появился в дверном проеме.

— Проходите, мистер Бакер вас ждет, — она отошла в сторону, чтобы я смог пройти, и закрыла за мной дверь, когда я оказался внутри. Слова секретаря заставили меня нервничать еще больше. Если Бакер действительно серьезно настроен в отношении меня, то это не сулило ничего хорошего.

Оказавшись в кабинете знаменитого писателя я, несмотря на свою, так расхваленную Марком находчивость, сильно растерялся. Но, стараясь сохранять самообладание, я прошел на середину комнаты и осмотрелся вокруг в поисках мистера Бакера. Но его нигде не было. Кабинет, оформленный в современном офисном стиле, с выкрашенными в белую краску стенами и потолком, казался холодным и недружелюбным. Большой стол, располагавшийся прямо напротив входной двери, был заставлен картонными коробками с книгами, разноцветными папками, набитыми бумагами, и разными предметами обхода, типа мелких сувениров и статуэток. С правой стороны от двери находилось окно, обходившееся без штор, и из-за этого казавшееся «голым». Я прошел немного влево и обнаружил еще один стол, крышка которого была свободной от каких-либо предметов. Она была обтянута темно-красной тканью, сам же стол был деревянный, и сильно отличался по стилю от всей обстановки комнаты. Рядом с ним стоял кожаный офисный стул, на котором находились большие каминные часы, на вид сделанные из бронзы. Они подходили скорее к антуражу, царящему в богатом загородном доме, чем в ультрасовременном офисе.

Я никак не мог понять, с кем разговаривала мисс Миллер, если в кабинете никого не было. В поисках ответа я прошел обратно, по направлению к окну, и, завернув за угол, увидел длинный встроенный в стену книжный шкаф, пока еще только наполовину заполненный разномастными книгами, а рядом с ним узкую винтовую железную лестницу, ве-

душую на верхний этаж. Через открытую дверь сверху послышалось шуршание, как будто кто-то перебирал газеты. Поняв, что писатель, скорее всего, находился именно там, я довольно громко произнес:

— Здравствуйте, мистер Бакер! Это Том Уиллсон.

— Да-да! — последовал незамедлительный ответ из комнаты наверху. — Я вас слышу. Уже спускаюсь.

Через пару секунд в дверном проеме показался силуэт писателя, а еще через секунду я увидел и его самого. Мистер Бакер, с копной вьющихся седых волос, облаченный в строгий черный костюм с бабочкой, был похож на пожилого джентльмена из фильмов тридцатых годов. Его морщинистое лицо, слегка обвисшие щеки и маленькие глаза с нависшими над ними густыми бровями выдавали в нем уже порядком постаревшего, но не утратившего внешнего лоска мужчину. Мистер Бакер вынул из кармана брюк очки и, нацепив их на нос неуклюжим жестом руки, стал спускаться вниз. Он вцепился в поручень лестницы морщинистой рукой, похожей на черепашую лапу, с таким остервенением, что мне стало не по себе, и я поспешил помочь ему. Писатель с радостью принял мою помощь, и, облокотившись рукой о мое плечо, уже более резво зашагал по лестнице. Когда самое сложное мероприятие для мистера Бакера завершилось, он одернул пиджак и, испытующе посмотрев на меня, спросил:

— Вы, наверное, и не предполагали, что такие старые люди, как я, еще в состоянии написать хоть строчку, не говоря уже о двухтомнике по исследованию истории двадцатого века?

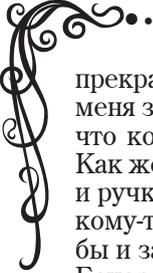
Я был застигнут врасплох вопросом мистера Бакера. Я уже убедился, что он был в не состоянии спуститься с лестницы, что уж говорить о написании книги — он, наверное, тут же засыпал, оказываясь в кресле за столом. Но все же я не решился произнести свои мысли вслух, поэтому соврал:

— Я всегда считал, что только люди, умудренные большим жизненным опытом, могут написать по-настоящему хорошие исторические книги с углубленным анализом.

В ответ на мое высказывание мистер Бакер улыбнулся, от чего его дряблые щеки, испещренные пигментными пятнами, смешно задергались, а бледные губы обнажили ряд на удивление ровных белых зубов:

— Вы мне, конечно, льстите, но как приятно слышать из уст других признание своего труда! — он похлопал меня по плечу и предложил сесть. В качестве стула выступал большой сундук, стоявший рядом с книжным шкафом. Сам писатель сел в кресло рядом с заваленным коробками столом.

— Наверное, вас интересует вопрос, почему в моем кабинете творится такая какофония? — заметив удивление на моем лице, спросил Бакер. Я же просто кивнул в ответ. — Ох, уж эти переезды с места на место! — вдруг воскликнул писатель. — Еще две недели назад я

прекрасно обходился кабинетом в восточной части здания, а теперь меня загнали в эту крысиную нору! Это решение мне объяснили тем, что комнатенка на втором этаже поможет мне спокойно работать. Как же! Я мог бы писать и на аэродроме, если бы у меня были бумага и ручка. Эти происки Джерома сведут меня с ума! Подумать только, кому-то понадобился кабинет, и меня нагло выгнали, вот сюда! Пусть бы и забирал себе этот спичечный коробок, — негодование мистера Бакера нарастало с каждым сказанным им словом. — Теперь я уже две недели сижу в окружении коробок и тюков, мне просто некогда их разобрать! Ведь Джером требует рукопись, а как я могу ее закончить, если я даже не могу ее найти! — Бакер вскочил с кресла и пружинящей походкой подошел к окну.

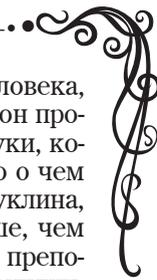
Улыбнувшись, я почувствовал, что уже не ощущал того сильно-го волнения, которое терзало меня, когда я только вошел в кабинет. Сейчас Бакер перестал казаться мне таким страшным, как раньше. Теперь я стал воспринимать его как пожилого писателя, который хотя был уже и не в том состоянии, чтобы писать серьезные книги, но и не собирался сдаваться так легко.

Мистер Бакер снова повернулся ко мне:

— Все же оставим мои проблемы и вернемся к цели вашего визита. Насколько я помню, ваш брат Марк при нашей встрече очень просил меня помочь вам освоиться в мире литературы. Что ж, я только «за»! Признаться, мне очень нравится процесс открытия новых, юных дарований, многие из которых даже представить себе не могут, насколько глубоки их таланты! И я чувствую, что вы именно из таких, — Бакер снова улыбнулся. — Что ж, я вижу, что природа наградила вас еще одним прекрасным даром — даром скромности. Другой бы на вашем месте со всем жаром начал убеждать меня в своей неповторимости. Вы же, что делает вам честь в моих глазах, лишь принимаете мои похвалы со смущенной улыбкой на лице. Поэтому я, с вашего позволения, возьму инициативу в свои руки и предложу вам показать мне свои работы, коих, я не смею сомневаться, у вас достаточно, — Бакер вернулся к столу и тяжело опустился на кресло.

Речь Бакера поразила меня своей литературностью. Разговаривая с ним, можно было подумать, что читаешь исторический роман позапрошлого века. К тому же, я удивился, когда он упомянул о смущенной улыбке, блуждавшей по моему лицу. Чем-чем, но скромностью я уж точно никогда не был наделен.

Мысленно благодаря Марка, я вынул из рюкзака стопку его рассказов, и отдал престарелому писателю. Тот, аккуратно взяв листы из моих рук, принялся их изучать. Минут пять мы сидели в полном молчании, которое прерывалось лишь тяжелым дыханием Бакера и его причмокиванием, когда он перелистывал листы, полностью погрузившись в чтение историй, написанных моим братом. Наблюдать за Бакером для меня было довольно забавным зрелищем. Сидя в его кабинете

на большом деревянном сундуке, напротив такого великого человека, каким все считали Бенджамина Бакера, я вдруг подумал, что он просто обычный старик, у которого, должно быть, есть дети и внуки, который прожил долгую и интересную жизнь. И ему точно было о чем рассказать другим. Он был чем-то похож на профессора Бруклина, с которым меня познакомил мой брат. Конечно, Бакер старше, чем мистер Бруклин, он был занят в совсем иной отрасли, нежели преподаватель Марка, и выглядел он совсем не так, как профессор Бруклин. Но было в них обоих что-то, что их объединяло. Я не могу сказать точно, что это за черта, но, возможно, они оба виделись мне представителями туманного и далекого для меня мира — мира науки, ученых и литераторов, которые, как мне казалось, обязательно собирались раз в неделю или месяц все вместе. Они, наверняка, встречались в каком-нибудь большом замке, где садились в мягкие кресла и, с бокалами виски в руках, обсуждали книги друг друга, свои достижения на литературном поприще, а, возможно, и раскрывали загадочные тайны знаменитых писателей прошлого.

Пока я следил за реакцией Бакера, читавшего рассказы, я невольно думал о том, что, он, возможно, связан с покушением на миссис Картер. И мне было сложно представить, что бы могло заставить его совершить такой низкий поступок. Хотя я совсем не знал писателя, мне почему-то хотелось верить, что наша версия ошибочна, и Бакер даже не знал о существовании тети Джорджа. Но тогда у меня не оставалось никаких предположений насчет того, кто бы мог напасть на нее. Поэтому я решил просто плыть по течению и посмотреть, что получится из нашей сумасбродной затеи.

Бакер, наконец, отложил листы на стол и, сняв очки в толстой роговой оправе, расплылся в широкой улыбке. Он взмахнул руками в воздухе, как будто был очень рад встретить старого знакомого, и с уважением в голосе произнес:

— Ну, что я могу сказать, молодой человек, — это гениально! — писатель постучал рукой по стопке с рассказами. — Конечно, их стоит доработать, литературный язык слегка хромает. Но в целом, я поражен вашим талантом! Не каждый в вашем возрасте может излагать свои мысли и чувства таким изысканным способом! — он заметил на моем лице выражение недоверия к его словам и помахал в воздухе указательным пальцем: — Уж поверьте моему, страшно сказать, почти шестидесятилетнему опыту! За это время мне приходилось читать такие опусы, что Шекспир, увидь он их в печати, перевернулся бы сто раз в гробу!

Я засмеялся:

— Неужели все бывает настолько плохо?

Бакер закивал головой:

— Вы не поверите, что пишут люди! И ведь они свято верят в то, что однажды их, с позволения сказать, творения, опубликуют! А ведь

многие из них на самом деле печатают. Это, знаете ли, с моей точки зрения, настоящая чума современного литературного общества — куча бездарей, однако, обладающих кое-какими средствами, чтобы печататься, строчат свои никчемные книжонки, уже от названия которых хочется плакать от отчаяния! — Бакер надел очки, схватил со стола потрепанную тетрадь в мягкой черной обложке и, пролистав пару страниц, продолжил: — Недавно я зашел в книжный магазин на Девоншир стрит, и был настолько поражен выбором литературы, представленной в нем, что был просто обязан записать названия этих «произведений искусства», — Бакер закончил фразу с явным отвращением в голосе. — Нет, вы только послушайте! «Карающий кулак, летящий вдаль» — ну, ведь это же никуда не годится! — писатель, внимательно присмотревшись к записям, сообщил голосом, полным возмущения: — А, вот еще одно: «Отчаяться, чтобы любить!» Ох, уж эти любители бульварных романов! — тут Бакер ткнул пальцем в тетрадь и воскликнул: — Название, которое я вам сейчас зачитаю, можно назвать самым нелепым из всех, что мне приходилось когда-либо видеть: «Бесплодные потуги в поисках счастья!» Выпустить такое «творение» в свет мог только слабоумный, а о его авторе я лучше промолчу, — заключил Бакер, откладывая тетрадь в сторону. — Как вы, должно быть, понимаете, этими примерами я хотел вас убедить, что вам незачем стесняться своих проб пера. Это совершенно нормально, именно в вашем юном возрасте обычно проявляются первые ростки настоящего литературного таланта. Но не будем забегать вперед, — писатель закинул ногу на ногу и принял более свободную позу, в отличие от той, в которой он сидел раньше.

Я решил немного сыграть на самолюбии писателя, чтобы еще больше расположить его к себе:

— Мне очень приятно слышать такие высокие отзывы о моей работе именно от вас. Понимаете, мне очень хотелось бы узнать жизнь писательской и издательской деятельности изнутри. Увидеть будни писателя своими глазами, — этим я надеялся поддержать в Бакере его уверенность в моем желании показать себя.

Бакер вернул мне стопку листов с рассказами и ответил:

— Что ж, в вашем желании нет ничего сверхъестественного. И я с радостью помогу вам притворить его в жизнь. У меня есть к вам предложение, — писатель откинулся на спинку кресла и положил руки на деревянные подлокотники. — Мне сейчас, как никогда, нужна помощь. Дело в том, что я занят сбором информации для своей следующей книги, и у меня совсем не остается времени на то, чтобы заниматься текущей работой. Мой ассистент тоже сильно загружен, но, по крайней мере, он пока не жалуется, — Бакер усмехнулся. — Как видите, в моем кабинете сейчас жуткий беспорядок — я даже не могу найти рукопись, над которой работал несколько последних недель. Поэтому я предлагаю вам стать моим помощником на некото-

рое время — на столько, сколько сами сочтете нужным. После сможете устроиться в издательство — там всегда есть вакансии. А мои рекомендации всегда к вашим услугам, — Бакер с интересом взглянул на меня, ожидая моей реакции.

Работа помощником Бакера меня совсем не впечатляла. Но уже не потому, что я считал старого писателя скучным и занудным, или потому что не хотел тратить свое свободное время. Поговорив с ним, я сильно изменил свое первоначальное мнение. Просто я чувствовал, что эта работа мне совсем не нужна, я никогда не смогу понять людей, посвятивших свою жизнь, как Бакер, литературе и писательской деятельности, и обманывать писателя мне совсем не хотелось. Если бы Марк пришел в издательство сам, это не только помогло бы в расследовании нашего дела, но было бы полезно и для него самого, ведь Бакер так высоко оценил его рассказы. К тому же, я начал еще больше сомневаться в правильности наших выводов о причастности Бакера к покушению на миссис Картер, поэтому моя работа в издательстве могла бы и не привести к желаемому результату, а оказаться бесполезной тратой времени. Но, помня о своем обещании Марку, я радостно улыбнулся в ответ на предложение Бакера и признательно ответил:

— Мистер Бакер, для меня честь стать помощником такого великого человека и писателя как вы! Я с радостью приму ваше предложение.

Бакер заметно оживился и, поднявшись с кресла, сообщил:

— Раз мы с вами достигли взаимовыгодного решения, предлагаю вам приступить к вашим обязанностям прямо сейчас. Мне нужно к половине четвертого быть на собрании исторического общества, — он взглянул на наручные часы. — Поэтому я оставляю свой кабинет в ваше распоряжение: если вас не затруднит, разберите книги в этих коробках, — Бакер указал рукой на стоявшие на столе картонные коробки, набитые книгами. — Расставьте их в стеллажи, только следите, чтобы книги одного жанра были на одной полке, а другого — соответственно, на следующей. Книги отсортированы, и, полагаю, вам не составит труда во всем разобраться, — Бакер взял стоявший рядом с креслом портфель из коричневой кожи с большой пряжкой, служившей, по-видимому, застежкой, и, подойдя к входной двери, добавил: — Если у вас будут какие-то вопросы, обращайтесь к мисс Миллер — она вам обязательно поможет.

Я последовал за Бакером в коридор, где он познакомил меня с уже известной мне девушкой-секретарем, представив ее как Мелинду Миллер.

— Мисс Миллер, это мой новый помощник, — Том, — писатель положил руку мне на плечо и, обратившись ко мне, спросил: — Не возражаете, если я буду обращаться к вам по имени?

— Конечно, нет, — смущенно улыбувшись, кивнул я в ответ.

— Мисс Миллер, — продолжал БAKER. — Молодой человек может мне с книгами у меня в кабинете, если у него возникнут вопросы, не откажите ему в помощи.

Секретарь поспешила его заверить:

— Можете не сомневаться во мне, мистер БAKER!

Через минуту, отдав последние наставления секретарю, писатель ушел. Мисс Миллер тут же обратилась ко мне:

— Вижу, вы нашли общий язык с мистером БAKERом?

— Да, мистер БAKER взял меня к себе в помощники, на время. Но я надеюсь задержаться здесь как можно дольше – мне бы очень хотелось работать в издательстве, и мистер БAKER предоставил мне шанс показать, на что я способен.

Мисс Миллер, улыбаясь приветливой белозубой улыбкой, ответила:

— Тогда не смею вас больше задерживать!

Улыбнувшись ей в ответ, я вернулся в кабинет. Как только я остался один, мне представился отличный шанс тщательно осмотреть кабинет БAKера. Запереть дверь я не мог — это обязательно вызвало бы подозрения у мисс Миллер — поэтому мне пришлось действовать на свой страх и риск, надеясь, что меня не застигнут врасплох в самый неподходящий момент.

Обыск я решил начать с письменного стола, находившегося в дальнем углу комнаты. Я сам не знал, что хотел найти в вещах писателя, но очень рассчитывал, что шанс, так удачно выпавший мне, принесет хоть какие-то результаты. Теперь, как никогда раньше, наша с Марком теория о причастности писателя БAKера к ограблению миссис Картер представлялась мне чрезвычайно сомнительной. Но я решил, что раз уж мы ввязались в расследование, надо идти до конца, и, по крайней мере, убедиться, что БAKER не замешан в покушении на миссис Картер.

Перебирая стопки бумаг в ящиках, я успокаивал себя мыслью о том, что БAKER вернется еще не скоро, а у мисс Миллер не было совершенно никаких поводов заглядывать в кабинет. В столе не нашлось ничего интересного: кипы бумаг, разные канцелярские мелочи, несколько чистых блокнотов и небольшая стопка журналов, на титульной странице которых горела золотом надпись «Литературные изыски». Оставив стол в покое, я решил заглянуть в коробки, которые занимали довольно много места в кабинете. Если БAKER еще не успел разобрать все свои вещи, то доказательства его причастности к преступлению, если таковые имелись, с большой долей вероятности будут именно там. В нескольких из коробок я обнаружил коллекцию статуэток, изображавших самых разных персонажей: животных, людей, машин и сказочных героев. Все они были завернуты в прозрачную пленку и переложены плотной желтоватой бумагой. В другой коробке находились подшивки журналов, в основном посвященных

литературе. В остальных же лежали книги, которые мне еще предстояло разобрать.

Поняв, что ошибся в своих предположениях, я посмотрел в сторону лестницы, ведущей на второй этаж кабинета. Было очень опасно подниматься туда, когда в любую минуту в комнату мог войти кто угодно. Но мне было необходимо убедиться, что, по крайней мере, в кабинете писателя нет ничего, что связывало бы его с миссис Картер. Поэтому я быстро взобрался по крутой лестнице вверх и зашел в комнату. Здесь не было окон, поэтому стоял кромешный мрак. Нашупав выключатель, я зажег свет. Тут же вспыхнули несколько ламп, стоявших по углам маленькой квадратной комнаты. Свет был довольно тусклым, но я мог прекрасно разглядеть, что представляло собой это помещение. Обои темно-бордового цвета с золотистым рисунком делали эту комнату еще более темной, штукатурка на потолке кое-где осыпалась, и на полу были видны следы от ее падения. Здесь явно давно никто не убирался: пыль лежала толстым слоем на деревянной крышке стола, стоявшем справа от входной двери, небольшая полка с книгами и папками тоже была вся покрыта пылью. Чистыми были только некоторые из предметов, расставленных по комнате. Я понял, что это были вещи Бакера, который только недавно переселился в этот кабинет, поэтому начал осматривать комнату именно с них.

Перебрав с десяток папок, небрежно раскиданных по полке, я не нашел ничего, что могло бы меня заинтересовать. Оглядевшись вокруг, я понял, что вряд ли из моей идеи выйдет что-то толковое. Бакер не оставил бы меня одного в кабинете, если бы не был уверен, что я не смогу ничего найти. Если он преступник, то, скорее всего, надежно спрятал все, что могло бы связать его с миссис Картер. В этот момент у меня мелькнула внезапная мысль — здесь явно чего-то не хватало. Это было странное ощущение, ведь я никогда не бывал в этой комнате, и не мог знать, что находилось здесь раньше. Но чутье подсказывало мне, что в комнате не было какого-то важного предмета. Еще раз осмотревшись вокруг я вдруг понял, чего именно здесь не хватало. Когда я только зашел в кабинет и никак не мог найти писателя, я подошел к лестнице и услышал, как шуршат газеты: Бакер должен был перебирать газетные страницы, когда я был внизу. Но сейчас я не видел в комнате ни одной газеты. Бакер никак не мог взять их с собой, потому что я сам помогал ему спуститься с лестницы и точно помню, что у него в руках или в карманах не было никаких газет.

Я выдвинул ящики в столе и перебрал все бумаги, прощупал крышку стола, посмотрел даже за ним на полу, быстро осмотрел все папки на книжных полках, пролистал все книги - ни следа газет. Это было очень странно, потому что больше в комнате просто не было места, куда можно было бы что-то спрятать. И сам факт того, что Ба-

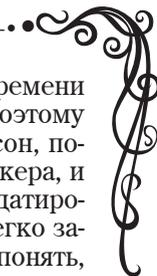

кер постарался спрятать газету, говорил о том, что эта мистическим образом исчезнувшая печатная продукция очень важна для писателя, и он не хотел бы, чтобы ее нашли.

Из этого я сделал вывод, что в комнате должен быть замаскированный сейф или «полка с секретом». Я смотрел много шпионских фильмов, знал, как агенты искали спрятанные улики, и как легко это у них получалось. На деле же все обстояло совсем по-другому. У меня было очень мало времени, я был в совершенно незнакомом помещении, и мне предстояло найти тайник, где, как я предполагал, должна быть спрятана газета, которую я даже в глаза не видел. Я не мог себе представить, как буду осуществлять свой план, но все же решил внимательней осмотреть стол, так как обычно именно в такой старинной мебели делали тайные ящики или ниши. У меня не было никакого представления о том, как должны выглядеть эти тайники, и как найти их на ощупь. Облазив стол вдоль и поперек, прощупав каждую деталь, каждый уголок древесины, я понял, что даже если в столе что-то и было спрятано, мне этого никогда не найти.

После осмотра стола в моем распоряжении оставались только стены, где, по моим предположениям, можно было замаскировать сейф. Но проблема была в том, что в комнате не висело ни одной картины, а как можно спрятать сейф на голой стене я не мог себе представить.

Осознав, что мои поиски ни к чему не приведут, я решил применить другую тактику. Я решил воспроизвести все действия Бакера в тот момент, когда я вошел в его кабинет. Встав возле стола, я наклонился, как будто читал газету. Потом Бакер услышал меня и должен был спрятать ее. Он сделал это очень быстро, потому что вышел ко мне секунд через пять-десять после того, как ответил на мое приветствие. Поэтому версии о том, что Бакер мог ворочать стол, снимать полки или производить какие-то сложные манипуляции, можно было отбросить. Должен быть какой-то рычаг, который открыл бы тайную дверцу или сейф, при этом бесшумно – ведь я не слышал никаких подозрительных звуков. Обернувшись назад от стола, я снова наткнулся взглядом на эти злополучные полки. Проведя по ним рукой, я вдруг нащупал, как мне показалось, небольшое углубление снизу, на самой последней полке. Я надавил на него пальцем, после чего услышал еле различимый щелчок. Я отошел на пару шагов назад и осмотрел полки, но их внешний вид никак не изменился. Но я точно слышал какой-то звук, поэтому огляделся вокруг и, к своей огромной радости, увидел, что прямо над столом, где только что была обычная стена, слегка приоткрылась небольшая дверца. Невероятно довольный собой, я подошел к ней и заглянул внутрь. Как я и предполагал, это был небольшой тайник. К счастью, там не было сейфа или замка, и я смог без проблем рассмотреть его содержимое. Внутри лежало несколько пачек с деньгами, два письма, адресованные Бакеру не-

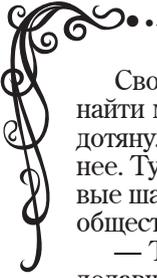
известной Беатрис Редсон, и потрепанная, пожелтевшая от времени газета. У меня не было времени изучить найденные вещи, поэтому я сфотографировал письма, посланные писателю некой Редсон, посчитав, что, они, возможно, тоже являлись уликой против Бакера, и каждую страницу газеты «Новости Бостона», которая была датирована 1902 годом. Убрав все на место, я закрыл дверцу. Она легко защелкнулась, и в приглушенном свете ламп было невозможно понять, что на этом месте только что была дверь, ведущая в тайник.

Спустившись вниз, я вздохнул с облегчением. Роясь в вещах писателя, я сильно нервничал, боялся, что меня могут поймать с поличным. Поэтому я был очень рад, что все, наконец, закончилось, и мои страдания не были напрасны. Обыск кабинета слегка затянулся, пока я пытался отыскать тайник, и мне нужно было как можно быстрее расставить книги по местам.

Перед моими глазами предстал стол с пятью открытыми картонными коробками средних размеров, внутри которых виднелись книги. На кафельном полу, рядом с офисным столом, находилось еще парочка таких коробок, только немного большего размера. Чтобы разобраться в вещах Бакера мне понадобится около двух часов, если не больше. Я вздохнул от нахлынувшей на меня тоски, но мне было необходимо завоевать доверие писателя, поэтому я принялся за работу.

Литературные предпочтения мистера Бакера меня совсем не удивили: в его библиотеке преобладали книги по истории и литературе, также попадались философские трактаты и даже книги по психологии. В одной из коробок я обнаружил интересную подборку литературы о криптографии – науке шифрования текстов. Пролистав несколько книг, я заметил на полях пометки, сделанные от руки, некоторые строки были выделены красным карандашом, а уголки страниц кое-где были загнуты. Это еще раз доказывало, что мистер Бруклин был прав в своих убеждениях относительно Бакера, когда был уверен, что именно он зашифровал четверостишие в записной книжке. Но только зачем он это сделал, о каком «последнем письме» шла речь в «Послании к Элизабет», как все это может быть связано с миссис Картер? Вопросы все также оставались без ответа, но теперь у меня была надежда, что моя работа у Бакера и найденные мною в тайнике вещи прольют свет на наши с братом безуспешные поиски истины.

На улице темнело, когда я уже заканчивал расставлять книги по их новым местам на полках стеллажа. Марк за время моей напряженной работы написал мне пару сообщений. Он поинтересовался моими успехами в общении с Бакером, а потом предложил заехать за мной в издательство на машине, ссылаясь на то, что уже поздно, а на дорогу домой у меня уйдет много времени. Я же догадывался, что на самом деле он снова выпросил право покататься на маминой машине и теперь хотел похвастаться этим передо мной. Меня же совсем не прельщала перспектива ехать на метро, поэтому я согласился.

Свободных полок в стеллаже уже не осталось, а мне еще предстояло найти место для дюжины книг. Поэтому я, воспользовавшись стулом, дотянулся до самой верхней полки с намерением расставить книги кучнее. Тут я услышал, что в кабинет кто-то вошел. Раздались неторопливые шаги, и я решил, что писатель вернулся с собрания исторического общества. Обернувшись, я чуть не упал со стула от неожиданности.

— Ты кто?! Что ты здесь делаешь?! — молодой человек в очках, делавших его похожим на Гарри Поттера, с изумлением смотрел на меня большими карими глазами. — Почему ты роешься в вещах мистера Бакера? — выражение его лица приобрело враждебный вид, поэтому мне пришлось прервать его гневные крики:

— Мистер Бакер вас, наверное, не предупредил, — я слез со стула и, подойдя ближе к парню, протянул ему руку для пожатия: — Меня зовут Том Уиллсон, мистер Бакер взял меня к себе в помощники, временно, — слегка сконфуженно закончил я, заметив, что молодой человек не очень доволен моими объяснениями.

Все же он пожал мою руку и, вскинув голову вверх, надменно произнес:

— Меня зовут Чед Трейси — я ассистент мистера Бакера. Кстати, он ничего не упоминал о тебе. Должно быть, не счел это важным.

Мне было неприятно терпеть его наглость, но, ради пользы для расследования, я сделал вид, что пропустил его высказывание мимо ушей.

— Мистер Бакер такой занятой человек — конечно, он мог забыть предупредить о моем приходе, — я постарался улыбнуться как можно приветливее. — Он попросил меня помочь расставить книги, — я указал рукой в сторону стеллажа.

После моих слов Чед как будто немного подобрел. Он натянуто улыбнулся и с отсутствием всякого интереса в голосе спросил:

— Значит, ты не помогаешь мистеру Бакеру в сборе материала для его новой книги?

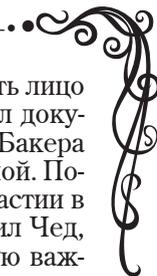
Я усмехнулся и покачал головой:

— Хотя я и интересуюсь писательской деятельностью, но такую ответственную работу мистер Бакер мне бы ни за что не доверил.

Чед поправил очки и оценивающе окинул меня взглядом. Я почувствовал себя неуютно под взглядом его испытующих глаз, и при любых других обстоятельствах поспешил бы закончить наш разговор. Но сейчас мне надо было выяснить как можно больше информации о Бакере и его окружении, поэтому я притворился, что не заметил враждебности Чеды и продолжил беседу:

— Мы с тобой уже встречались: я и мой брат приходили на творческий вечер мистера Бакера на прошлой неделе. Я помню, он тебя хвалил. Ты, наверное, ему очень помогаешь!

Парень слегка расслабился. Я заметил, что между нами уже не чувствовалось такого сильного напряжения как пять минут назад.

— На вечере было много народа, а я не стараюсь запомнить лицо каждого, — ответил Чед самодовольным тоном. — Я подписал документ о неразглашении содержания и хода работы мистера Бакера над новыми книгами, так как это является коммерческой тайной. Поэтому впредь постарайся не задавать мне вопросов о моем участии в его проектах — я все равно не отвечу, — по тому, как говорил Чед, я чувствовал, что он очень старался подчеркнуть неопределимую важность своего участия в работе Бакера.

— Хорошо, я же не знал о существовании этого документа, — согласился с ним я.

— Если у тебя будут вопросы, лучше спроси обо всем у самого мистера Бакера, — посоветовал Чед.

— Обязательно так и сделаю, — заверил его я.

Чед был явно не предрасположен к беседе. Общих тем разговора я больше найти не мог, поэтому решил, что на сегодня мне лучше закончить свою работу и отправиться домой.

— Уже поздно. Мне, наверное, пора заканчивать. Надеюсь, мистер Бакер останется доволен моей работой.

— Да, я передам мистеру Бакеру, что ты разобрался с книгами, — более дружелюбно ответил Чед, должно быть, радуясь тому, что смог от меня избавиться.

Как только я вышел из кабинета, меня окликнула мисс Миллер:

— Том, ты уже уходишь?

— Я выполнил задание, думаю, могу быть свободен, — я пожал плечами.

Она кивнула:

— Конечно. Я уже сама хотела предложить тебе оставить всю работу на потом. Кстати, звонил Мистер Бакер — он предупредил, что сегодня уже не придет, и просил передать тебе, что ты можешь придти завтра — у него будет для тебя какое-то поручение, — добавила секретарь.

— Хорошо, я приду, как и сегодня, после обеда — у меня же еще занятия, — предупредил я.

— Без проблем, — улыбнулась девушка. — Значит, до завтра?

— Именно так, — ответив ей улыбкой, я пошел к выходу.

Звонить Марку мне не пришлось: не успел я выйти за двери издательства, брат написал мне, что ждет меня у входа. Спустившись вниз и оказавшись на улице, я глубоко вздохнул. На улице уже стемнело, узкие улицы с высокими небоскребами были полны людей и машин, и обычный для больших городов шум заполнял окружающее меня пространство. Этот день оказался на удивление напряженным и долгим. К тому же таких приключений в моей жизни еще не бывало. И я чувствовал, что сильно устал, поэтому был невероятно рад, что мне не придется толкаться в душном метро.

Машину мамы я увидел сразу, как вышел на улицу. Оказавшись в уютном салоне, я поприветствовал Марка, который с нескрываемым

нетерпением ждал меня. Днем я сказал ему, что нашел кое-что интересное в кабинете Бакера. Теперь ему хотелось как можно скорее услышать подробнее о новостях, что, как я догадывался, и стало еще одной причиной того, почему он решил забрать меня, наряду с желанием похвастаться своими водительскими умениями. Не став томить брата долгим повествованием о своих похождениях, я показал ему фотографии писем и газеты из тайника писателя. Марк сразу же скопировал всю информацию на свой планшетный компьютер, чтобы мы могли на большом экране лучше разобрать текст. Мы быстро пролистали все файлы. Фотографий было больше двадцати, чтобы изучить их все, нам потребовалось бы много времени, поэтому мы решили заняться этим, когда будем дома. К тому же, впереди нам, точнее Марку, еще предстояла занимательная поездка по пробкам, где он мог проявить все свои великолепные навыки вождения. По дороге домой я успел пересказать брату все, что случилось со мной за этот день, и поделиться своими впечатлениями от общения со старым писателем. На мой взгляд, он был не таким уж скучным и нудным, как могло показаться в начале. Еще я сообщил брату о высокой оценке его работ Бакером, назвавшим рассказы Марка «гениальными». Брат смутился, и ответил, что хотя ему и лестно получить похвалы из уст самого Бакера, не стоило забывать, что он оставался нашим главным подозреваемым. Что же касалось меня, то если говорить о причастности Бакера к покушению на тетю Джорджа, то после того, как я узнал о существовании тайника в его кабинете, я понял, что у него был какой-то секрет. Быть может, он связан с тем, что случилось с миссис Картер. Но, в любом случае, нам еще только предстояло это выяснить.

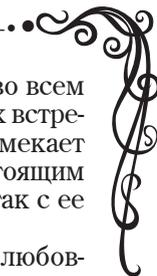
Хотя ссадины у меня на лице уже начали заживать и совсем меня не беспокоили, не успел я переступить порог дома, как на меня налетела мама с тубиком неизвестной мне мази в руках. Она объяснила, что врач посоветовал ей нанести эту мазь на мои царапины, чтобы они быстрее сошли. Мне пришлось подчиниться ее упорной настойчивости, и, только после того, как мама сочла свой родительский долг выполненным, я смог вернуться к Марку, который, я ни на секунду не сомневался, уже принялся за изучение найденных мною бумаг.

Конечно, я оказался прав в отношении своего брата. Я застал его, сидящем на полу перед развернутым ватманом, который мы вчера повесили на стену. В руках у Марка был его планшет, и мне не составило труда догадаться, что именно он так сосредоточенно на нем изучал. Увидев меня на пороге, брат улыбнулся и спросил:

— Мама тебя подлечила?

Я прошел в комнату и, сев рядом с ним, ответил:

— Намазала меня какой-то мазью, хотя ведь и так ясно, что ничего серьезного у меня нет. Нашел что-нибудь интересное? — полюбопытствовал я, заглядывая Марку через плечо.

— Пока нет, — он протянул мне компьютер, чтобы я сам во всем убедился. — Некая Беатрис Редсон пишет о необходимости их встречи, что им обязательно нужно обсудить что-то важное. Она намекает на то, что Бакер знает, в чем дело, и, если бы он был «настоящим джентльменом и другом», то он никогда бы не поступил бы так с ее «несчастливым мужем», — процитировал Марк.

— О, у нашего престарелого Бакера, кажется, намечается любовная интрига! — захихикал я. — Но вряд ли это как-то связано с миссис Картер.

Пока Марк рассказывал мне содержание письма, я успел сам прочитать его.

Марк пожал плечами

— Нельзя сказать наверняка. Мы не знаем, кто такая эта Редсон. Может, это миссис Картер, только называет она себя другим именем.

— У тебя, я смотрю, разыгралась фантазия, Марк! — засмеялся я.

— А у тебя нет? — скептически спросил он. — Кто сказал, что речь идет о любовной интрижке?

Я на секунду растерялся:

— Разве из того, что написано в письме этого не следует? И так ясно, что Бакер решил рассказать мужу этой Беатрис о своей связи с ней.

— Что за бред?! — воскликнул Марк. — И как тебе в голову приходят такие мысли!

— Ты как будто не о том же подумал, — возмутился я. — Только не надо, не притворяйся и не ври, что ты бы никогда такого даже не предположил!

Марк слегка насупился и, о чем-то задумавшись, наконец, произнес:

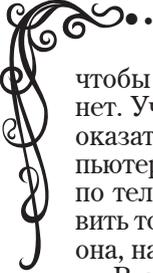
— Я бы сказал, что нам надо прочитать второе письмо от миссис Редсон.

Я уже успел забыть, что письма было два, и решил, что, действительно, вместо того, чтобы спорить, разумнее было бы прочитать следующее письмо. Марк открыл фотографию конверта, в котором находилось следующее письмо от Беатрис Редсон.

— Хорошо, что ты сфотографировал конверт, — обрадовался Марк. — Так мы сможем узнать дату, когда письмо было прислано. — Брат увеличил изображение. — Согласно штемпелю это письмо пришло позже первого на неделю, и восемь дней назад.

— Тебе не кажется странным, что сейчас, когда можно просто позвонить по телефону или отправить все, что тебе нужно, по электронной почте или факсу, Беатрис вдруг решила завалить Бакера любовными письмами, посланными по обычной почте? — меня очень удивлял поступок этой женщины.

— Это не обязательно должно оказаться любовным письмом, — напомнил он. Конечно же, у Марка нашлось объяснение и для того,

чтобы отправить письмо по старинке: — Ничего странного в этом нет. Учитывая сколько лет Бакеру, сомневаюсь, что Беатрис может оказаться современной молодой женщиной, хорошо владеющей компьютером. Речь в письме идет о чем-то конфиденциальном, поэтому по телефону она не могла ему ничего рассказать и по факсу отправить тоже — это могло попасть в чужие руки. Ну, а лично встречаться она, наверное, не хотела.

В следующем письме неизвестная Беатрис почти умоляла Бакера не совершать поступка, «который навсегда разрушит ее жизнь и жизнь ее сына». Она просила его одуматься, взывала к его совести и напоминала, что некий Льюис считал Бакера своим другом и никогда не простил бы ему такого «низкого предательства».

— Вряд ли речь идет о любовных делах Бакера, — согласился я с Марком после прочтения второго письма. — Кажется, Бакер нашел какой-то неприглядный секрет в прошлом Льюиса и решил как-то использовать это против его жены.

— Безобидный дедушка оказался не таким уж и безобидным, — усмехнулся Марк. — Надо постараться выяснить, кто такая Беатрис Редсон.

— Постой, у меня есть идея, — я взял из рук Марка компьютер открыл браузер.

— Что ты хочешь делать?

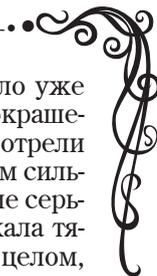
— Бакер — широко известный писатель, значит и среди его знакомых должно быть много знаменитых людей. У них наверняка полно скелетов в шкафу. Беатрис боится, что некая тайна будет раскрыта, после чего рухнет жизнь всей ее семьи. А чего ей бояться, если она никому не известная домохозяйка или просто обычная женщина? Значит, она — знаменита, поэтому и боится огласки. Раз так, то ее имя точно можно найти в интернете, — я набрал в поисковом запросе «Беатрис Редсон», и на экране появилось множество ссылок с этим именем.

— Ты — гений! — воскликнул Марк. — Так, посмотрим, — брат открыл самую первую в списке статью и начал читать: — Беатрис Редсон, вдова знаменитого писателя детективов Льюиса Редсона, подарившего миру более пятидесяти прекрасных работ в жанре напряженного криминального триллера. Скончавшийся несколько лет назад супруг оставил ей все свое состояние, которое на данный момент оценивается в полмиллиарда долларов, — брат присвистнул. — Ей точно есть о чем волноваться.

— Но ведь Льюис умер, что такого мог раскопать в его прошлом Бакер, что это могло бы разрушить жизнь всей его семьи? — удивился я.

— Это должно быть что-то очень серьезное, — задумавшись, произнес Марк.

Брат открыл еще одну ссылку, ведущую на новостной сайт. Здесь была опубликована фотография миссис Редсон. С экрана монитора

на нас смотрела сморщенная старая женщина, на вид ей было уже больше восьмидесяти лет. Реденькие волосы на голове были окрашены в темно-каштановый цвет, маленькие запавшие глаза смотрели очень холодно и недружелюбно, а надутые губы были слишком сильно накрашены вишневой помадой. В ее ушах блестели большие серьги с огромными камнями ярко-красного цвета, а на шее лежала тяжелая подвеска с камнями того же оттенка, что и в серьгах. В целом, эта женщина производила отталкивающее впечатление. К фотографии прилагалась небольшая статья, начинавшаяся броским заголовком: «Вдова Редсона против «грязного белья» Бакера». Статья была двухнедельной давности. Речь шла о выходе предстоящей книги Бенджамина Бакера «Великие разоблачения в истории литературы XX века» и об отношении к этому вдовы Льюиса Редсона. Она резко критиковала решение Бакера вынести на всеобщее обозрение тайны великих, но уже ушедших людей: писателей, историков, философов и других мыслителей, ставших известными и заметными фигурами в двадцатом веке. Беатрис Редсон называла произведение Бакера «писаниной, напищенной грязным бельем», и призывала литературное сообщество и читателей прислушаться к ее мнению и просто запретить писателям выпускать в свет подобные книги. Тут же отмечалось, что покойный Льюис Редсон был очень дружен с Бакером, и остается не понятным, почему его вдова настроена так враждебно по отношению к выходу этой книги. Журналист сделал предположение о том, что Бакер нашел какие-то секреты и в жизни ее мужа и написал об этом в «Великих разоблачениях», поэтому вдова и пыталась таким образом защитить память о своем супруге.

— Это предположение мне нравится. По крайней мере, оно выглядит правдоподобным. Но если это так, то каким образом миссис Редсон узнала о том, что Бакер решил изобличить ее мужа в своей новой книге? — произнес Марк.

— Ей кто-то об этом сказал, — я предложил самый очевидный вариант развития событий. — Может, даже сам Бакер.

— Что-то я в этом сомневаюсь, — не согласился Марк. — Зачем Бакеру раскрывать Беатрис главную интригу своей будущей книги?

С этим сложно было спорить. Но других вариантов у меня в запасе не было, поэтому я промолчал.

— Ну, то, что мы раскрыли небольшой секрет Бакера, вряд ли поможет нам в нашем расследовании. Беатрис Редсон точно никак не связана с миссис Картер. Остается надеяться, что газета пригодится нам больше. Ты говорил, что она очень старая? — Марк стал искать сделанные мной фотографии.

— Да, она была датирована 1902 годом, — ответил я. — Бумага была очень хрупкой, и мне стоило больших усилий ее не порвать.

Марк открыл фотографию, на которой была изображена первая страница «Новостей Бостона». В левом верхнем углу стояла дата:

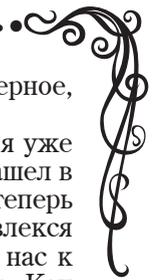

25 апреля 1902 года. Заглавной была статья об открытии нового отделения банка, потом шли несколько колонок о преступлениях, в их числе было одно убийство и несколько ограблений. На последующих трех страницах были приведены финансовые новости, интервью с Реем Торби, местным фермером, спасшим деревенскую девочку, которая решила поиграть около реки и чуть не утонула; несколько политических новостей. На предпоследней странице был размещен газетный роман, публикуемый, как следовало из приведенной информации, уже несколько выпусков подряд. Его автором был неизвестный нам Фрэнк Котвуд. Открыв последнюю фотографию газеты, среди небольших новостей, касающихся светской жизни, мы увидели статью с заголовком «Биограф Кларенса Марлоу устроил благотворительный аукцион». Это заметка была связана с автором «Послания к Элизабет», поэтому очень заинтересовала нас. Скорее всего, именно из-за нее Бакер и достал эту старую газету. В статье говорилось о том, что в день пятидесяти пятилетия со дня кончины великого писателя Кларенса Марлоу его биограф, Дилан Сапман, организовал благотворительный аукцион по продаже ценных вещей автора. Это мероприятие было устроено согласно завещанию писателя, в котором в частности говорилось, о необходимости проведения распродажи его личных вещей, но не ранее чем через три года после смерти его жены. Список вещей, которые необходимо было продать, Марлоу также указал в тексте своей последней воли. В газетной статье было упомянуто, что, в числе прочего, ушли с молотка фотография Марлоу с дарственной надписью, на которой он был запечатлен вместе с другом, тоже писателем Ричардом Оливером; старинные часы, подаренные Кларенсу Марлоу его приятелем на юбилей; черновой вариант книги «Истина времени», написанный в 1841 году; несколько предметов мебели из его рабочего кабинета; написанное от руки писателя «Послание к Элизабет»; и еще несколько фотографий из домашнего архива автора. Помимо этого на аукционе была выставлена некоторая мебель и печатная машинка писателя. По словам самого биографа, перед смертью Кларенс просил друга обязательно организовать этот аукцион, поэтому Сапман не мог не сдерживать обещания. И после смерти Элизабет Марлоу именно биограф стал владельцем всего имущества по ее завещанию.

— Не понимаю, зачем Бакеру понадобилась эта газета? — задумчиво произнес я.

— Здесь говорится о писателе, чье стихотворение он зашифровал в своей записной книжке, — взглянув на меня, напомнил Марк. — Должно быть, Бакера по каким-то причинам очень интересовала судьба Кларенса Марлоу, раз он раздобыл этот экземпляр, — брат указал на монитор, на котором отображалась сфотографированная мною газета.

— Ну и что? Какое Бакеру дело до того, что больше ста лет назад был проведен аукцион? Пусть даже на нем продали вещи Марлоу.

— Значит, это важно! — Марк пожал плечами, так как, наверное, сам не знал, зачем Бакер откопал такую древнюю газету.

Я встал с пола и растянулся на кровати Марка. В мыслях я уже поужинал и ложился спать. Те важные сведения, которые я нашел в кабинете Бакера, на самом деле оказались бесполезными, и теперь нам предстоит начинать все с самого начала. Может Бакер и увлекся исследованием творчества Марлоу, но это вряд ли приведет нас к разгадке личности преступника, напавшего на миссис Картер. Как вообще события столетней давности могут быть связаны с тем, что произошло буквально на соседней улице?

— Да, Маркизик, кажется, мы с тобой снова пришли в тупик. Даже моя работа у Бакера не принесла нам никакой пользы. Зря только корячился, расставляя бесконечные книги Бакера по полкам, - я ждал, что Марк мне что-нибудь ответит, но брат молчал. — Наверное, нам надо попытаться найти какой-нибудь другой способ выяснить, кто оглушил миссис Картер. К тому же, вряд ли у нас получится понять, о чем идет речь в «Послании к Элизабет». Может, Марлоу просто бредил, когда его писал, а мы пытаемся найти в этом смысл...

Внезапно Марк подскочил на месте и, обернувшись в мою сторону, улыбаясь, произнес:

— Кажется, мы все-таки сможем разгадать тайну Кларенса Марлоу! — по его горящим глазам я понял, что брат нашел что-то очень важное, чего мы раньше не замечали. Вскочив с кровати, я быстро переместился к нему. Брат читал какую-то статью в интернете.

— Что ты нашел? — нетерпеливо спросил я.

— Смотри, — Марк отдал мне планшет. — В этой публикации перечислены все произведения, написанные Кларенсом Марлоу. Их больше шестидесяти. Но, — Марк сделал драматическую паузу. — При жизни автора последней была издана книга, под названием «Истина времени». После этого книги Марлоу вплоть до его смерти не печатались, — Марк перевел дыхание и, отложив планшет в сторону, указал на ватман. — А что написано в «Послании к Элизабет»? «Письмо мое прощальное прочти, в нем истину ты сможешь найти...». Прямое указание на книгу «Истина времени», которая стала последней изданной при жизни писателя! Это и есть его прощальное письмо - последняя изданная при его жизни книга! — радостно воскликнул Марк.

— Не может быть! Марк, ты догадался! — я пораженно посмотрел на брата. — Это невероятно! Ты раскрыл тайну, которую не могли решить уже больше ста лет!

Марк, довольно улыбаясь, ответил:

— Только пока об этом никто знать не должен, тем более Бакер. Он может быть преступником, и, если он так интересуется Марлоу, скорее всего, Бакер либо только начинает догадываться о смысле, либо уже знает, о чем идет речь в «Послании к Элизабет». Мы должны держать известные нам сведения в секрете, — объяснил брат.

— Конечно, — согласился я. Мне бы самому и в голову не пришло делиться ходом нашего расследования с подозреваемым. — Но зачем ему понадобилась статья о проведении аукциона?

— Пока не знаю, но, думаю, это мы сможем выяснить, — уверенно ответил Марк. — Возможно, Бакер тоже догадался, что на самом деле является прощальным письмом автора, а может быть, он просто интересовался жизнью Марлоу. В любом случае, нам надо изучить «Истину времени». Скорее всего, там будут ответы на наши вопросы.

— Что тебя натолкнуло на мысль о том, что именно эта книга и есть прощальное письмо Марлоу? — поинтересовался я.

— Когда я увидел название книги среди перечисленных в статье вещей, проданных на аукционе, я решил посмотреть, когда именно было издано это произведение. Узнав, что «Истина времени» была последним прижизненным изданием Марлоу, я вспомнил о стихотворении: там говорилось об истине, которую можно найти в прощальном письме. Вот тогда у меня в голове и сложилась вся мозаика, — ответил брат.

Марк скачал электронный вариант книги, а я скопировал его себе на планшет, решив, что обязательно сегодня начну читать. Расследование захватило меня, мне уже не столько хотелось выяснить личность грабителя, сколько было интересно, зачем Марлоу устроил такие сложности, зачем ему понадобилось писать жене зашифрованное послание, организовывать аукцион, продавать свои вещи только после смерти супруги. Странная цепочка событий, уходивших далеко в прошлое, каким-то, пока неизвестным нам образом, была связана с настоящим. Давно ушедшие люди оставили после себя тайну, которую, как и мы, пытался разгадать великий исследователь жизни знаменитых людей Бенджамин Бакер. Оставалось неясным, как могут быть связаны между собой события, которые казались совершенно независимыми друг от друга: нападение на миссис Картер и тайна жизни так рано оставившего мир Кларенса Марлоу, выдающегося писателя девятнадцатого века. Как мог быть причастен Бакер к покушению на тетю Джорджа, какие у него могли быть мотивы на совершение такого поступка? Все эти вопросы крутились в моей голове, когда я, уже лежа в кровати, читал «Истину времени».

Книга представляла собой философские размышления вперемешку с повествованием. Сюжетная линия была основана на рассказе о жизни молодого человека — талантливого, но бедного художника. В его судьбе случилось несколько поворотных моментов, которые помогли ему выбраться из нищеты и безвестности. Он разбогател, но был по-прежнему одинок. У него не было ни родных, ни семьи. Однажды, когда он уже отчаялся найти свое счастье, на своем пути он встретил прекрасную женщину, которая стала любовью всей его жизни. Это произошло, когда художник уже состарился, он сильно болел. За ним присматривала сиделка, которая позже и стала его женой. И только перед самой смертью художник осознал, что все

тяготы, выпавшие на его долю, все страдания и лишения, которые он пережил, были даны ему для того, чтобы он понял: истина в любви, и только время может помочь понять, что самое дорогое, что есть у человека — это люди, которые его окружают, те, кому он дорог, кто вспомнит о нем после его смерти. Именно во времени заключена главная истина — оно позволяет нам понять, что все произошедшее в нашей жизни было неслучайным и ниспослано нам свыше.

Книга оказалась небольшой, и за несколько часов я прочел ее. Я никогда не любил читать, а к таким философским трактатам даже не притронулся бы. Но желание выяснить, что спрятано между строк этой книги, заставило меня преодолеть себя. Спать я лег, неустанно размышляя над прочитанным, пытаюсь понять, что именно я должен был увидеть в этом произведении. Ведь не зря же Марлоу организовал такую сложную схему, все это должно привести нас к чему-то. Поэтому я очень надеялся на то, что расшифрованное нами «Послание к Элизабет» будет началом нового поворота в нашем деле, и мы, наконец, сможем выяснить, кто на самом деле являлся преступником и как связаны между собой все произошедшие события.

Утром среды, когда я зашел на кухню позавтракать, я, наконец, застал дома Стефа, которого не видел уже два дня. Он пил чай с любимыми им шоколадными вафлями и следил в окно за тем, как стригли нашу лужайку. Из приоткрытого окна пахло свежескошенной травой, и на кухне этот запах смешивался с ароматом кофе, который, как обычно по утрам, варил отец. Сегодня он был одет совсем не в деловом стиле, что удивило меня, ведь сейчас только середина недели, а он выглядел так, как будто прямо сейчас собирался отправиться на прогулку на яхте.

Мои предположения подтвердились. Увидев меня, Стеф с отцом начали наперебой рассказывать о том, что случилось вчера. Оказывается, в адвокатскую контору отца обратился очень богатый клиент, которому требовалась защита в суде. Отец обязался обеспечить ему свою защиту. В благодарность, помимо гонорара, мужчина предложил отцу прогулку на своей яхте, на что последний, конечно, согласился. Наш отец, наверное, был бы заядлым яхтсменом, если бы у него была своя яхта. Но пока он не мог себе ее позволить, поэтому использовал любой шанс испытать так любимые им чувства ветра, свободы и скорости, почувствовать запах моря и приключений.

Стеф же вызвался помогать отцу в сборе необходимой информации по делу при условии, что тот возьмет его на прогулку с собой. Теперь они с нетерпением ждали момента, когда взойдут на борт белоснежной красавицы.

— Отец сказал, что у мистера Лэнгвуда очень большая яхта. Кажется, она стоит пару сотен тысяч? — уточнил у отца Стеф, когда главная новость была мне уже рассказана.

— Если бы, — усмехнулся отец. — Почти три миллиона долларов! Стеф даже поперхнулся чаем.

— Вы шутите! — недоверчиво произнес я.

— Это еще не самая дорогая яхта, — ответил отец. — Да, — вдруг протяжно и мечтательно вздохнул он. — Если бы у таких как Лэнгвуд хотя бы пару раз за год случались какие-нибудь неприятности, и они обращались за помощью именно ко мне, то, думаю, через пару лет я смог бы купить себе яхту, только раза в два дешевле, чем у Лэнгвуда, — пошутил отец.

— Мечтать не вредно, — улыбнулся я, насыпая в тарелку хлопья, которыми намеривался позавтракать.

— Ты можешь нанять какого-нибудь, кто бы устроил неприятности некоему богатому человеку, тогда он пришел бы к тебе за помощью, а ты, в качестве гонорара, попросил бы яхту. Вряд ли такой богач, как Лэнгвуд, например, не смог бы выполнить твою просьбу, — судя по его словам, Стеф тоже чересчур сильно размечтался.

— Нет, думаю это не вариант. Если бы кто-то узнал о моих машинациях, меня бы не только лишили права заниматься адвокатской деятельностью, но и посадили бы лет на пять, — отец отверг заманчивое предложение Стефа.

Через пять минут я остался на кухне один. Отец в сопровождении моего старшего брата в приподнятом настроении отправился навстречу занимательному досугу, а мне сегодня предстоял еще один день в компании старого писателя Бакера. В отличие от моего старшего брата я не мог поделиться с родными своими проблемами, в противном случае, я бы уже давно сидел под домашним арестом.

После того, как мы изучили газету и письма, найденные в кабинете Бакера, я стал сомневаться в том, что писатель на самом деле такой добрый и милый дедушка, каким казался мне раньше. Если он зарабатывал себе на жизнь тем, что раскапывал в прошлом разных людей неприглядные тайны и выставлял их на всеобщее обозрение, то вполне могло оказаться, что он нашел нечто очень нехорошее и в прошлом миссис Картер. Но, с другой стороны, Бакер разоблачал в своих книгах только знаменитых людей, а миссис Картер, насколько мне было известно, обычная женщина, никаким образом не связанная со «звездным миром». Но если мое предположение неверно, тогда у меня нет больше никаких вариантов, которые доказали бы наличие ее связи с Бакером.

После завтрака я погулял с Ресси и накормил ее вместе с Брюсом. Около восьми часов утра я вышел из дома. Погода на улице, несмотря на то, что близился конец сентября, еще не испортилась, и радовала солнечным и теплым днем. Школьный автобус приехал ровно по расписанию, и мне даже не пришлось его ждать. Насушенный водитель, с которым у меня почему-то постоянно возникали проблемы, проводил меня недовольным взглядом серых глаз, но промолчал.

Через некоторое время в автобус сел Боб, который, как только увидел меня, принялся рассказывать о его вчерашней встрече с Кэлли в кино. Меня уже не удивляла его воодушевленная речь, наверное, за пару дней, в течение которых Боб развлекал меня своими рассказами, я успел к ней привыкнуть.

На школьном дворе я встретился с Даниэлой, которую сегодня подвезли родители. Она поинтересовалась, чем я занимался те два дня, в течение которых мы не виделись. Рассказывать ей обо всем я пока не стал, но пообещал, что скоро все объясню. Даниэла поняла, что мы с Марком продолжали свои детективные поиски, и это ей очень не понравилось. Она снова попросила меня бросить это занятие, но мне пришлось огорчить ее заявлением о том, что пока мы не могли прекратить расследование, ведь именно сейчас у нас с Марком появилась надежда выяснить все до конца.

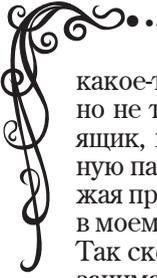
После занятий я, как и обещал мисс Миллер, пришел в издательство «Art Magazine», где меня уже ждал старый писатель Бакер. Он был в кабинете вместе со своим ассистентом, Чедом Трейси, с которым я познакомился вчера. Писатель, как обычно одетый в черный костюм, наподобие смокинга, сидел за столом напротив двери, а Чед, облаченный в смешные вельветовые брюки темно-зеленого цвета и поношенный пиджак, стоял рядом с ним.

— Здравствуйте, надеюсь, я вам не помешал? — закрывая за собой дверь, спросил я.

Чед перевел взгляд со стола, на котором были разложены несколько листов с печатным текстом на меня и, поправив очки указательным пальцем правой руки, кивнул мне в знак приветствия. Старый писатель в свою очередь поздоровался со мной и предложил присесть на стул, который еще вчера был занят старинными часами. Устроившись на стуле, я заметил, что Чед постоянно на меня косился, но старался делать это так, чтобы я этого не увидел. Мне казалось, что я мог понять мотивы его враждебности по отношению ко мне: скорее всего, ему приходилось много работать, чтобы выполнить все поручения Бакера, он старался проявить себя с наилучшей стороны, так как в будущем рассчитывал на вознаграждение в виде какой-нибудь научной степени и должности в университете. А тут появился я, Бакер ко мне довольно благосклонен, и Чед, наверное, опасался, что я мог занять так желаемое им место. Может, мне стоит дать ему понять, что у меня нет коварного плана, и я не хочу лишать его заслуженного им по праву доверия Бакера?

Через пару минут Чед, довольный тем, что Бакер похвалил его, ушел, забрав с собой стопку только что изученных писателем листов. Бакер переключил свое внимание на меня и первым делом поблагодарил за проделанную мной работу.

— Сегодня у меня будет еще одно задание для тебя, Том, — продолжал писатель. — Как ты понимаешь, я пока не могу доверить тебе

какое-то важное поручение, но вот выполнение, не менее важных, но не таких серьезных дел, я могу тебе доверить, — Бакер выдвинул ящик, находившийся справа от него, и достал оттуда тонкую бумажную папку. Вынув из нее два листа бумаги, он передал их мне, продолжая при этом давать указания: — Это список вещей, которые остались в моем старом кабинете. Мне надо, чтобы ты собрал их и принес сюда. Так скоро, как сможешь. Как понимаешь, у меня совсем нет времени заниматься такими мелочами, а этот чертов Джером требует, чтобы я полностью освободил кабинет. Проклятый коммерсант, черт его подери! — со злостью выпалил мужчина. — Ну, да ладно, надеюсь, это будет мое последнее переселение за то время, что я еще здесь проработаю, — писатель вздохнул и снова зачем-то полез в ящик.

Он вынул оттуда пластиковую карту, и отдал мне, пояснив, что это ключ от его бывшего кабинета.

— Спросишь у мисс Миллер, где находится мой старый кабинет, она тебя проводит, — отдал последнее наставление Бакер.

Тут за дверью послушался какой-то шум. Мужской голос громко кричал, а женский, более тихий, пытался сказать что-то в ответ. Через секунду дверь распахнулась и на пороге появилась высокая фигура мужчины плотного телосложения, на вид около пятидесяти лет. Он был одет в дорогой серого цвета костюм, похожий на одежду моего отца, а на его запястье я заметил совсем недешевые часы. Бакер неспешно повернулся в его сторону и спокойным голосом спросил:

— Что случилось, уважаемый джентльмен? Мой секретарь не сказала вам, что я занят?

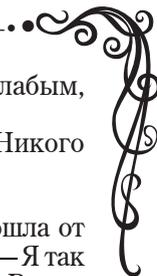
Мужчина, выражение лица которого отражало только бешенство, сверлил писателя холодными, полными злости зелеными глазами, даже черные волосы на его голове, казалось, стали дыбом. Он в мгновение ока оказался напротив Бакера и, облокотившись руками о крышку стола, злобным голосом выкрикнул:

— Еще будешь мне приказывать, старый козел? Мой отец много для тебя сделал, а теперь, значит, ты решил нажиться на горе моей матери?

— Успокойся, Дон, возьми себя в руки, давай спокойно все обсудим, — Бакер, который, по-видимому, был знаком с мужчиной, стоявшим перед ним, вещая все тем же умиротворенным голосом, поднялся из-за стола и подошел к разъяренному посетителю. Тот, казалось, слегка успокоился. — Том, думаю, ты уже можешь приступить к своей работе, — обратившись ко мне, произнес Бакер.

Я послушно встал и вышел из кабинета. В коридоре я лицом к лицу столкнулся с взволнованной мисс Миллер. Обернувшись, через открытую дверь я увидел, как Бакер усадил мужчину на стул и, хлопав рукой по плечу, спокойно сказал:

— Я уверен, что это просто недоразумение, мы сейчас во всем разберемся.

— Мистер Бакер, может быть стоит позвать охрану? — слабым, полным волнения, голосом спросила секретарь.

— Нет-нет, все в порядке, — покачал головой писатель. — Никого ко мне не пускать, — с этими словами он закрыл дверь.

Мисс Миллер оперлась руками о стол и опустила голову.

— Вот, и так постоянно, уже целых два месяца! — она отошла от стола и, положив руки в карманы брюк, встала напротив меня. — Я так устала. Все время переживаю, как бы этот сумасшедший сынок Редсона не убил мистера Бакера! Ведь он же его намного моложе и сильнее!

— Фамилия этого человека Редсон? — не поверив своим ушам, переспросил я.

Мисс Миллер кивнула:

— Да, Дональд Редсон, сын покойного писателя детективов. Не пойми меня не правильно, я ничего не имею против людей, пишущих детективы, но у них, похоже, вся семейка чокнутая! Недавно и его мамаша приходила, такой скандал закатила, это был настоящий кошмар! Она разбила витрину с наградами в холе, так еще и чуть мистера Бакера не убила: гонялась за ним с бронзовой статуэткой по всему кабинету! Я услышала, как он позвал на помощь, зашла в кабинет, а эта сумасшедшая носится за мистером Бакером с Фемидой в руках! Я сразу вызвала охрану, ее кое-как выпроводили на улицу, — девушка покачала головой.

Услышав ее рассказ, я не смог сдержаться, представив, как Беатрис Редсон бегала за Бакером, намериваясь его убить, а он удирал от нее, и рассмеялся.

— Прости, не удержался. Просто, кажется, миссис Редсон уже больше восьмидесяти лет. Как она сумела такое устроить? — с искренним любопытством спросил я.

Мисс Миллер поправила волосы, собранные на затылке в тугой пучок, и, улыбнувшись, ответила:

— Ты не представляешь, на что способны люди в таком возрасте! Я была поражена, когда увидела двух стариков, гоняющихся друг за другом!

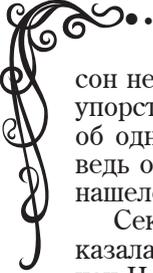
— Не знаешь, почему она хотела покалечить мистера Бакера? — спросил я, надеясь, что мисс Миллер в курсе проблем своего шефа.

— Кажется, миссис Редсон не нравилась идея мистера Бакера выпустить «Великие разоблачения». Ты, должно быть, слышал о ее предстоящем выходе? — обратилась ко мне мисс Миллер.

— Да, я даже был на творческом вечере мистера Бакера, где была презентация этой книги, — кивнул я.

— Не знаю, почему эта книга так не нравилась миссис Редсон, но она все равно уже ничего не сможет добиться. Издательство неделю назад передало книгу в типографию, — пожала плечами девушка.

Мисс Миллер не сообщила мне никаких особенно важных сведений, но из ее слов я понял, что письменными просьбами Беатрис Ред-

сон не ограничивалась и штурмовала кабинет писателя с завидным упорством в течение последних двух месяцев. Это говорило только об одном: в новой книге должно было упоминаться имя ее мужа, ведь он был широко известным писателем, а значит, у него точно нашелся бы припасенный скелет в шкафу.

Секретарь Бакера произвела на меня хорошее впечатление. Она казалась отзывчивой и открытой, не была слишком высокомерной, как Чед, и я мог с ней просто поговорить, в отличие от ассистента писателя, с которым мне было сложно перекинуться и парой слов. Приятной она была и внешне. На вид ей было около двадцати пяти лет, светлые волосы, всегда убранные в строгие офисные прически, придавали ей серьезный облик, хотя я убедился, что на самом деле она была веселым и улыбчивым человеком. Мисс Миллер была чуть выше меня, когда стояла без каблуков. Наверное, Бакер заставлял ее побегать, если она предпочитала настолько практичную обувь. Сегодня на девушке была надета ярко-красная рубашка с открытыми руками, и я заметил, что у нее очень тренированные и накаченные мышцы рук, какие обычно не встретишь у женщин. Скорее всего, она занималась каким-то спортом или танцами, потому как и вся фигура мисс Миллер была подтянутой и явно спортивной. В дополнение к красной блузке ее образ завершали черные с клешем от бедра брюки и кожаные балетки.

— Слушай, мистер Бакер попросил меня забрать кое-какие вещи из его старого кабинета. Можешь мне показать, где он находится? — я решил вернуться к делу, так как посчитал инцидент с Дональдом Редсоном исчерпанным.

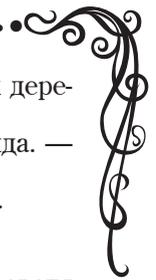
— Да, конечно, пойдем, — Мисс Миллер улыбнулась и направилась в противоположную от кабинета Бакера сторону. — Нам надо будет перейти в другое крыло. Честно сказать, старый кабинет мистера Бакера мне нравился больше.

— Ему тоже, — с усмешкой заметил я.

— Это точно. Он так зол на нашего старшего менеджера за то, что тот заставил его переехать, — продолжала мисс Миллер. — Надеюсь, когда-нибудь он сможет смириться с этим.

Мы прошли длинный коридор с множеством дверей. Здесь постоянно сновали люди, непременно либо с книгами, либо с папками, либо просто с кипой бумаг в руках. Сначала в одну сторону, и через пару секунд уже в другую мимо нас на огромной скорости пролетел неприметный мужчина с лысиной и в очках, который на ходу что-то диктовал полной женщине с блокнотом в руках, еле успевающей бежать за ним.

— Это Тэд Бранчер, ответственный редактор одного из журналов, которые выпускает «Art Magazine», — пояснила Мелинда, заметив немой вопрос на моем лице. — Он очень занятой человек, — с улыбкой добавила она.

Наконец, мы повернули за угол и остановились у высоких деревянных дверей.

— Это старый кабинет мистера Бакера, — сказала Мелинда. — Он дал тебе ключ?

— Да, вот он, — ответил я, доставая из кармана брюк карту.

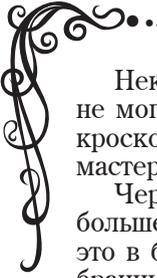
— Отлично. Надеюсь, сможешь найти дорогу обратно?

— Постараюсь, — пообещал я.

Через пару секунд девушка уже скрылась из виду, а я, проведя ключ-картой по магнитной полосе, попал в большое помещение, которое было совсем не похоже на то, где сейчас работал писатель.

Только размерами старый кабинет Бакера во много раз превосходил его настоящее место работы. Квадратная комната с высокими потолками, окнами, завешанными тяжелыми белыми тюлями, стенами, отделанными деревянными панелями и подходившими под антураж средневекового замка — даже не верилось, что такое возможно встретить в центре современного Бостона. Кафельный пол, выложенный светло-серой мраморной плиткой, был начищен до блеска и если бы не укрытые белой тканью предметы интерьера, я бы решил, что хозяин этого потрясающего места просто ненадолго отлучился. Подняв голову вверх, я с удивлением обнаружил, что потолок не был подвесным, как это принято в офисах. Здесь он был выкрашен белой краской, а от центра, где была подвешена огромная хрустальная люстра, к краям расходились красивые узоры, выполненные из лепнины. Из всей мебели только стол, стоявший напротив двери, в которую я вошел, не был накрыт. На нем в идеальном порядке были расставлены офисные принадлежности, выполненные в классическом стиле. Элегантная подставка для чернильных ручек, украшенная золотой росписью, небольшой глобус, похоже, выполненный из мрамора и инкрустированный камнями, настольная подставка для перекидного календаря, сделанная из дерева и украшенная деталями из кожи, выглядели очень изящными и производили сильное впечатление. Теперь я понимал, почему Бакер так сильно переживал из-за своего переезда в другой кабинет: на его месте я бы тоже предпочел остаться здесь.

Недалеко от окна находилось кресло на изогнутых деревянных ножках, выглядывающих из-под покрывала. Именно рядом с ним я и увидел пару картонных коробок, которые могли мне очень пригодиться. Вещи, необходимые Бакеру, в основном были не очень большими, и я с успехом сумел бы сложить их в коробки, которые только что нашел. Список, составленный писателем от руки и написанный черной чернильной ручкой, был пронумерован и занимал две страницы, каждая из которых была исписана с двух сторон мелким убористым подчерком. Мне предстояло отыскать в этой огромной комнате более ста предметов, названия некоторых из которых, нацарапанных явно в спешке, в полумраке, стоящем в помещении, мне пришлось разбирать по несколько минут.

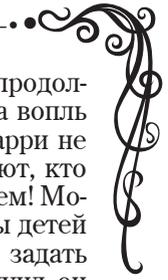
Некоторые пункты в списке заставили меня улыбнуться. Я даже не мог предположить, зачем писателю-историку понадобились микроскоп, радиоуправляемый вертолет, набор водорастворимых фломастеров, переносной холодильник и еще куча подобных предметов.

Через полчаса, облазив почти все закоулки в комнате, я собрал больше половины, того, что было указано писателем, и сложил все это в большую картонную коробку. Решив, что вначале отнесу собранные вещи, а за остальным вернусь позже, я взял коробку, которая оказалась очень тяжелой, и, выйдя в коридор, направился к Бакеру. Найти дорогу к его кабинету мне не составило большого труда, поэтому меньше, чем через минуту, я уже был там.

— Мистер Бакер еще занят, — сказала Мелинда, когда я хотел зайти внутрь. — Оставь вещи у меня, потом я помогу тебе занести их.

Я с радостью поставил свою ношу на стол секретаря, и отправился за оставшимися в списке вещами. Не успел я дойти до длинного коридора, ведущего в другое крыло, как услышал громогласный крик за своей спиной. Обернувшись, я увидел, как из кабинета Бакера выбежал Дональд Редсон, яростно выкрикивая проклятья в адрес старого писателя. Он хлопнул дверью так, что, у мисс Миллер, должно быть, заложило уши и, тяжело ступая, направился в противоположную от меня сторону. Внезапно он резко свернул налево и скрылся за какой-то дверью. Раз Редсон был так взбешен, значит, они с Бакером не смогли решить свой вопрос мирно. И мне стало интересно, куда делся мужчина, и почему он не ушел из издательства сразу, поэтому я быстрым шагом дошел до той самой двери, за которой он исчез секунду назад. Это был мужской туалет. Из-за двери я услышал шум воды: наверное, Редсон умерил свой пыл и решил умыться. Немного приоткрыв створку двери, я заглянул внутрь и увидел, как Редсон закрыл кран, и, нагнувшись, осмотрел пол под кабинками. Убедившись, что в туалете, кроме него, никого нет, он выпрямился, достал из кармана брюк мобильный телефон и, повернувшись спиной к двери и лицом к окну, стал набирать чей-то номер. Воспользовавшись тем, что Редсон не мог видеть меня, я бесшумно открыл дверь и, зайдя в туалет, прокрался в крайнюю кабинку. Аккуратно закрыв дверцу, я залез на унитаз с ногами, чтобы этот сумасшедший меня не заметил. Тут же я услышал, как Редсон начал с кем-то разговаривать.

— Да, я только что был у него, — расстроенным голосом сказал мужчина. Потом была непродолжительная пауза, после которой Редсон опять перешел на повышенный тон: — Знаю я, знаю! Но что я могу поделать! Этот старый дурак не хочет принимать наши условия, — Редсон снова замолчал, после чего, почти шепотом, голосом, полным отчаяния, произнес: — Мама, ты представляешь, что будет, когда выйдет эта чертова книга?! Мы станем изгоями, газеты обольют нас грязью. И хорошо, если дети Ларри не воспользуются этой

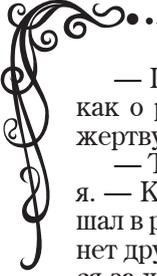

шумихой, чтобы забрать у нас все права! — наступила непродолжительная тишина. Внезапно Редсон издал звук, похожий на вопль умирающего в пустыне: — Мама! А ты уверена, что дети Ларри не захотят разбогатеть на пару десятков миллионов? Если узнают, кто на самом деле был автором всех бестселлеров, мы все потеряем! Может, вообще останемся на улице, если пронирыливые адвокаты детей этого чертового литературного негра не решат как следует задать нам жару! — Редсон снова замолчал. Через несколько секунд он уже другим тоном, полным решимости, продолжил: — Я знаю только один выход. Нет, мама, другого пути у нас нет. Он уже отдал книгу в типографию, — произнес Редсон. — Слушай, я сейчас не могу долго говорить. Обсудим все дома. Я скоро буду. — Раздалися шаги, и я увидел, как по полу мимо кабинки, где я находился, мелькнула тень. Тут же раздался стук закрывающейся двери.

Я вышел из кабинки и, выглянув в коридор, убедился, что Редсон ушел. Только после этого я вышел из туалета и медленно направился в ту сторону, где находился старый кабинет Бакера.

Из разговора Редсона, я ясно понял, из-за чего между Бакером и семьей писателя детективов возникали скандалы. На самом деле все книги, ставшие визитной карточкой Льюиса Редсона, были написаны не им, а так называемым «литературным негром», — совершенно другим человеком, о существовании которого известно только самому писателю. Бакер каким-то образом узнал об этом и включил эту неприятную историю в свою новую книгу. И после того, как она увидит свет, Редсоны окажутся в самом эпицентре скандала вокруг авторства на книги Льюиса. Дети человека, который когда-то работал на него, могут потребовать признать их авторские права на произведения, которые принесли семье Редсона миллионы долларов. Если суд признает их претензии объективными, то Дональду и его матери придется выплачивать новоявленным претендентам на творческое наследие писателя детективов огромные суммы денег. Конечно, от такого поворота событий любой на месте Редсона взбесился бы, и теперь понятно, почему Беатрис хотела разделаться с Бакером при помощи бронзовой статуэтки. Но сейчас у них не получится ничего исправить: книга Бакера, скорее всего, уже напечатана, и в любом случае выйдет меньше чем через месяц. Издательство наверняка дорожит таким автором, как Бакер и вряд ли позволит ненормальным Редсонам сорвать выпуск ожидаемой многими книги. Надеюсь, на убийство Редсоны не решаться: Бакер, все же был другом Льюиса. И даже если бы престарелый писатель вдруг скончался бы, это бы ничего не изменило в планах издательства. Наоборот, подогрело бы еще больший интерес у публики к выходу книги.

Я решил позвонить Марку, сообщить новости, которые так неожиданно для себя узнал.

— По твоим словам, у меня сложилось впечатление о Дональде, как о разъяренном быке, готовым в любую секунду накинуться на жертву, — выразил свое отношение к произошедшему мой брат.

— Ты прав, так оно и выглядело со стороны, — согласился с ним я. — Как считаешь, нам не стоит лезть в их дела с Бакером? Я слышал в разговоре Редсона с матерью, как он говорил что-то типа «у нас нет другого выбора». Может, они решили убить Бакера? — я опасался за жизнь писателя, но сомневался, что наше вмешательство в это щекотливое дело необходимо.

— Если бы Редсоны были такими хладнокровными убийцами, они уже давно избавились бы от Бакера, — уверенно ответил Марк. — Зря ты вообще подслушал этот разговор: к нашему расследованию это не имеет никакого отношения. Поэтому нам не стоит влезать в это дело, тем более что у нас полно своих, — деловито продолжал брат. — Я пару часов назад разговаривал со Стефом. Он сказал, что тетю Джорджа выписали из больницы, она теперь дома. Поэтому у меня есть к тебе предложение: навестим ее сегодня?

— Да, конечно, — я искренне обрадовался тому, что миссис Картер, наконец, вернулась домой. Значит, она чувствовала себя уже намного лучше.

— Заканчивай свои дела у Бакера и позвони, когда будешь уходить. Встретимся где-нибудь в городе, — закончил Марк и повесил трубку.

В приподнятом настроении я минут за двадцать собрал оставшуюся часть вещей и принес их писателю. Он сидел за столом, на том же месте, что и днем, когда я только пришел.

— О, Том, благодарю тебя, ты мне очень помог! — очнувшись от своих мыслей, сказал Бакер, когда я в сопровождении мисс Миллер, вызвавшейся помочь мне, зашел в кабинет с коробкой в руках. — Поставьте ее на другой стол, — попросил мужчина, продолжая сидеть в кресле.

Мы отнесли все три коробки с вещами на указанное нам место, после чего Бакер, который, казалось, был чем-то очень озадачен, еще раз поблагодарил нас.

— Том, сегодня я больше не буду тебя задерживать. Надеюсь, ты хоть немного освоился в издательстве, — с улыбкой произнес писатель, когда мисс Миллер вышла в коридор.

— Если честно, я представлял себе все немного по-другому, — признался я.

— Вот видишь, теперь ты знаешь, как проходит рабочий день в таком крупном издательстве, как это. В принципе, тебе для этого достаточно выйти в коридор, где, что может показаться странным, решаются судьбы многих авторов. Завтра я приготовил для тебя еще одно небольшое задание, которое поможет тебе не только познакомиться с атмосферой, царящей здесь, — Бакер провел рукой

в воздухе, как будто перед ним была уменьшенная копия всего здания, и он хотел обхватить ее руками. — Но и поближе познакомиться с книжным производством. Завтра тебе надо будет отправиться по этому адресу, — Бакер быстро написал на небольшом листке несколько строк и протянул его мне. — Там находится типография нашего издательства. Тебе нужно будет забрать небольшой эксклюзивный тираж моей новой книги — всего десять экземпляров. Мисс Миллер выдаст тебе временный пропуск, который я заранее для тебя заказал.

Я решил, что для полной убедительности моей заинтересованности в работе в издательстве, мне надо проявить интерес к писательской деятельности и к личности самого Бакера.

— Этот тираж для тех, кто сделал предварительный заказ на книгу? — я постарался изобразить как можно более неподдельный интерес.

Бакер улыбнулся и, причмокнув, как будто собирался сказать что-то очень приятное для себя, произнес:

— Нет, Том, ты не совсем понял значение слова «эксклюзивный», — Бакер постарался произнести это слово очень выразительно. — Данный этап очень важен для меня при выпуске любой книги. Я, как автор, всегда делаю небольшие подарки избранным мной людям. Они, так сказать, первыми воочию увидят то, над чем я трудился и к чему многие из них приложили совсем немало усилий. Один экземпляр я обязательно оставляю себе, остальные подписываю благодарственными надписями и вручаю только при личной встрече. Мне важно увидеть реакцию человека, знать, что мой труд не был напрасным, и заинтересованные люди по достоинству оценили мою работу, — Бакер говорил с нескрываемым удовольствием. Мне показалось, что ему понравился мой интерес к творческой стороне издания книги.

Через пять минут я уже забрал пропуск у мисс Миллер, и, как обещал, позвонил Марку. Мы встретились с братом через двадцать минут недалеко от станции метро Симфони, куда я добрался на автобусе. Когда я уже был на месте, Марк только выходил из кафе на Хантингтон авеню, держа в руках большой бумажный стакан с кофе. Я знал, что это кафе было его любимым местом, куда он заходил почти каждый день, чтобы купить кофе или пообедать, поэтому совершенно не удивился, когда Марк предложил встретиться именно здесь. К тому же это было не так далеко от нашего дома, а значит, и от дома миссис Картер, которую мы собирались навестить.

Вдвоем мы спустились в метро, чтобы быстрее добраться места, где жила тетя Джорджа. В поезде Марк рассказал мне, что по дороге из университета зашел в магазин и приобрел издание «Истины времени».

— Зачем? У нас же есть электронный вариант, — спросил я, хотя догадывался, что Марк, который являлся настоящим книголюбом, загорелся желанием подержать в руках печатную версию творения Марлоу.

В ответ на мой вопрос Марк сказал, что ему просто захотелось иметь эту книгу дома.

— Вчера я прочитал «Истину времени», но так и не понял, что хотел сказать Марлоу, оставив указание на эту книгу в «Послании к Элизабет», — я продолжил начатую братом тему.

— Я тоже, — признался он. — Возможно, мы не заметили чего-то очень важного. Сегодня я еще раз перечитаю книгу, только в печатном варианте.

— Кстати, Стеф не упоминал о Джордже? — поинтересовался я.

— Да, я забыл тебе сказать, — оживился Марк. — Адвокат Джорджа изучил дело и пообещал, что через пару дней полиция точно исключит его из числа подозреваемых.

— Интересно, как он собирается это сделать? У Джорджа, по мнению полиции, нет алиби, и есть мотив, — заметил я.

— Наверное, он попытается доказать, что грабитель хотел украсть не завещание, а что-то другое, — предположил Марк.

Брат полез в карман за своим телефоном. Через плечо брата я увидел, что ему пришло сообщение. Марк резко повернулся мою сторону и отдал стакан с кофе со словами:

— Подержи, пожалуйста, мне надо ответить.

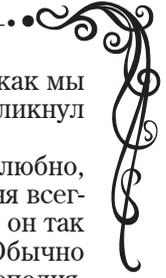
Я взял стакан из рук Марка, запястья которых как всегда были обмотаны многочисленными и разноцветными ремешками, украшены браслетами и декоративными шнурками. Брат увлекся набором текста, а я снова заметил на его лице знакомую мне отстраненную улыбку. Мне стал интересно, кто бы мог написать Марку сообщение, вызвавшее у него такую странную реакцию, поэтому я постарался незаметно взглянуть на экран. Мне это почти удалось, но всевидящий Марк застал меня врасплох, внезапно убрав телефон и посмотрев на меня испепеляющим взглядом:

— Чужую переписку читать нехорошо! — угрожающим голосом произнес он.

— Хм, — хмыкнул я. — Тому, кто снимал копии с записной книжки Бакера, можно было и промолчать.

Марк ничего не ответил. Он отвернулся от меня и снова достал телефон, только так, чтобы я не смог разглядеть, что именно он печатал. Поведение Марка часто бывало странным, я к этому уже привык. Но после вечеринки он вел себя совсем уж необычно. Когда Марк, наконец, закончил писать тайное послание, я решил перевести разговор на тему, от которой мы отклонились:

— Мне кажется, мы с тобой зря тратим время. Вряд ли история с Марлоу имеет какую-то связь с миссис Картер.

— Если и так, то ты предлагаешь бросить все, после того как мы раскрыли, можно сказать, тайну века? — в негодовании воскликнул Марк.

Некоторые пассажиры посмотрели на нас не очень дружелюбно, но промолчали. Марк слегка покраснел и опустил глаза. Меня всегда забавляла реакция брата на общественное мнение. Сейчас он так сильно смутился, хотя не произошло ровным счетом ничего. Обычно Марк редко терял контроль над собой, но, наверное, его переполняли эмоции, если он не смог сдержать своих чувств.

— Что ты улыбаешься? — прошипел на меня брат.

— Ничего, — я тут же принял серьезный вид. — Значит, едем к миссис Картер? — с намеком спросил я.

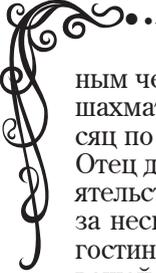
Марк, посмотрев на меня довольным взглядом, ответил:

— Именно так.

Приехав на место, мы, конечно, не обнаружили вокруг дома Лауры Картер полицейских машин и запрещающих проход желтых лент. Все было спокойно, казалось, что здесь ничего и не произошло, что еще неделю назад перед домом не было толпы зевак, взволнованных полицейских, машин скорой помощи. Я позвонил в дверь. Через некоторое время нам открыла сама миссис Картер. Она была одета в спортивный костюм оттенка топленого молока, а на ее голове была шелковая цветастая косынка, завязанная по типу банданы. Сейчас женщина выглядела лучше, чем в тот день, когда мы навещали ее в больнице: синяки под глазами прошли, а цвет лица стал намного свежее.

Миссис Картер нас сразу узнала и, поздоровавшись, предложила войти. В доме все было уже убрано, от того беспорядка, который застали мы с Бобом, когда расспрашивали полицейских об ограблении, в день возвращения миссис Картер, не осталось и следа. Женщина провела нас в гостиную, которая соединялась с кухней, и, пока она готовила чай, мы с братом расспрашивали об ее здоровье.

Обстановка в комнате изобиловала наличием антикварных предметов. Красивый диван, на котором расположились я и Марк, был обтянут величественной бордовой тканью, резная спинка и такие же подлокотники выдавали в этом предмете мебели искусную ручную работу. Перед нами стоял небольшой столик, выполненный в том же стиле, что и диван. На его полированной столешнице был изображен затейливый узор с кистями неизвестного кустарника, усыпанных ягодами, и выполненный из более светлого дерева, чем сам стол. По всей комнате было расставлено множество подобных предметов: шкафы с элегантными дверцами, расписные комоды, большие и маленькие бронзовые статуэтки, несколько торшеров с красивыми шелковыми абажурами, на стеклянном столике возле окна располагалась шахматная доска с вырезанными из дерева фигурами. Выглядела она очень красиво, и, думаю, наш отец точно позавидовал бы хозяйке этого дома, увидь он доску своими глазами. Будучи увлечен-

ным человеком, отец имел много хобби, одним из которых являлись шахматы. У него была пара знакомых, которые несколько раз в месяц по очереди составляли ему компанию за этой игрой у нас дома. Отец давно хотел купить что-то подобное, но я знаю об одном обстоятельстве, остановившем его: цена такой покупки перевалила бы за несколько десятков тысяч долларов. Из того же, что я увидел в гостинной у миссис Картер, я мог сказать, что стоимость большинства вещей была далеко не маленькой. Мне вспомнились слова Стефа о том, что миссис Картер совсем не богатая женщина, что она еле-еле нашла денег для оплаты адвоката Джорджу. Тогда каким образом она смогла купить все эти вещи?

Дорогой и со вкусом оформленной гостинной не уступала кухня, на которой хлопотала приветливая хозяйка. Гарнитур был не просто изготовлен из дерева. При его производстве, я был уверен, использовался массив красного дерева. Я его сразу узнал, потому что у нас дома была кухня, сделанная совершенно из такого же материала. Мне не составило труда догадаться о его стоимости, учитывая, что кухня миссис Картер была большой, а меблирована она была отлично. Гостинную с рабочей зоной разделял широкий стол, на котором располагалась газовая плита. Над ней находилась вытяжка, сделанная из огнеупорного стекла и нержавеющей стали, а чуть дальше, рядом с ней были устроены крючки для хранения кружек и установка-держатель для бокалов. Весь гарнитур был оборудован целой системой шкафов и полок, нашлось место и для держателей полотенец, и для хранения кулинарных книг.

Изучив обстановку всей комнаты, я пришел к выводу, что в таком доме никак не могла жить бедная женщина, у которой не нашлось бы средств, чтобы помочь своему племяннику.

Тем временем миссис Картер заварила чай, сделала несколько бутербродов с сыром и вернулась к нам. Расставив все это на кофейном столике, она пожаловалась на то, что врач запретил ей временно употреблять кофе. По его словам, это должно было ускорить процесс выздоровления. Поэтому теперь она пила только чай.

В этот момент высокие напольные часы, расположенные у стены между оконными проемами, пробили половину пятого. Тяжелый маятник, раскачивавшийся в разные стороны, на конце был сделан в форме большого золотого цвета шара, а стрелки часов и циферблат блестели и переливались в лучах заглянувшего в дом солнца.

— Этим часам уже больше восьмидесяти лет, — вдруг с ностальгией в голосе произнесла миссис Картер. — Цифры и стрелки сделаны из чистого золота, поэтому и создается такой волшебный блеск. Каждый день не могу на них налюбоваться, — она сделала небольшой глоток чая и поставила чашку на столик.

— У вас так много красивой мебели, — как бы между прочим сказал я.

— Да, вы правы, — с легкой улыбкой на лице кивнула мне в ответ миссис Картер. — Все это заслуга моего мужа.

— Ваш муж купил все эти предметы? — удивленно вскинул брови Марк. — Наверное, они очень дорогие.

— И снова вы попали в точку, — ответила женщина. — Давно, когда мой супруг работал бухгалтером в крупной компании, у него была возможность приобрести эту мебель. Но потом, когда начались массовые увольнения, Айзек потерял работу. Друг Айзека подбил его на очень сомнительное предприятие: вложить деньги в строительство завода по производству консервных банок. Он решил рискнуть, и, конечно, проиграл: все вложенные им инвестиции не оправдались, завод разорился, а Айзек потерял все свои деньги. С тех пор мы стали жить по-другому, — с печалью в голосе закончила миссис Картер.

После этих слов в моих глазах все стало выглядеть иначе, чем когда мы только оказались в дорого обставленной гостиной. Теперь я понял, о чем говорил мне Стеф, и у меня возникло чувство жалости к этой несчастной женщине.

— Я смогла сохранить некоторые деньги, но даже этого с трудом хватило на оплату адвоката для моего племянника, — продолжала она. — Вы говорили, что знакомы с ним.

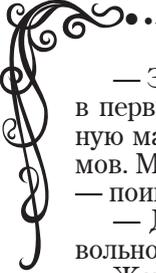
— Так и есть, — я подтвердил ее слова. — Мы очень рады, что теперь у Джорджа есть адвокат. До его появления он рисковал попасть под суд.

— Я бы этого не допустила! — с непоколебимой уверенностью сказала женщина. — Детектив Тейлор решил устроить себе внеплановые выходные: свалить все на бедного мальчика и заниматься своими проблемами. Ну, уж я бы никогда ему не позволила посадить Джорджа в тюрьму! Пусть теперь поработает, поищет настоящего преступника, проломившего мне голову, — миссис Картер с раздражением указала пальцем на завязанный платок.

— У вас есть какие-нибудь идеи о личности нападавшего? — спросил Марк.

Миссис Картер покачала головой:

— Нет, совершенно никаких. Вы только подумайте: у меня в доме так много красивых, а главное ценных вещей. И за два раза, что он побывал в моем доме, этот проходимец не взял абсолютно ничего. Только огрел меня по голове! — женщина всплеснула руками. — Поверьте, я уже со многими людьми разговаривала, и все меня спрашивают об одном и том же: есть ли у меня хотя бы какие-нибудь догадки, кто бы мог желать мне вреда. Но дело в том, что таких людей просто нет! Я уже перебрала в уме всех своих знакомых, коллег и друзей: ну, нет среди них такого подлого человека. К тому же, я это уже поняла, преступник искал какую-то конкретную вещь. Что это? Я не знаю, — миссис Картер в растерянности посмотрела в окно.

— За несколько дней до того, как преступник проник к вам в дом в первый раз, миссис Коллинз видела подозрительную темно-зеленую машину, которая ездila кругами вокруг вашего и соседних домов. Может, вы знаете, кому может принадлежать этот автомобиль? — поинтересовался я.

— Да, — поддакнул Марк. — Это была легковая машина, и довольно старая.

Женщина задумалась. Через пару секунд она развела руками в стороны и сказала:

— Мне кажется, ни у кого из тех, с кем я знакома, нет такой машины. Думаете, это мог быть преступник? Он следил за моим домом?

— Прежде, чем проникнуть в ваш дом, вор должен был быть уверен, что не застанет вас здесь. Во второй раз он, наоборот, ждал момента, когда вы вернетесь, чтобы порыться в ваших вещах. Поэтому да, думаю, что он следил не только за вашим домом, но и за вами, — подтвердил опасения миссис Картер мой брат.

— Какой ужас! — воскликнула она. — А ведь я ничего подозрительного не замечала. Кстати, если вернуться к моим вещам, — сведя брови, как будто что-то обдумывая, произнесла миссис Картер. — Адвокат, по совету Джорджа, решил выяснить, где именно я оставила завещание в тот момент, когда вернулась из поездки к сестре. Он сказал, что это очень важно.

Я понял, что Джордж прислушался к нам с Марком, и рассказал своему адвокату о наших выводах. И то, что защитник посчитал их важными, значит лишь одно: мы были на правильном пути в своих детективных изысканиях.

— Мы тоже так считаем, — согласился с ней Марк. — Это может подтвердить невиновность Джорджа: если вы сразу разобрали сумки, как только приехали, и вынули завещание, то Джордж, обыскав до этого весь дом, должен был снова начать искать его, увидев, что багаж уже разложен. Первым делом, куда бы он пошел, был бы кабинет. А вы, как нам сказал ваш племянник, оставили завещание на столе, именно в кабинете, ведь так? Тогда какую пользу мог извлечь Джордж из того, что перевернул бы ваш дом с ног на голову? По версии полиции ему нужно было только завещание, и больше ничего. Конечно, детектив Тейлор мог бы сказать, что Джо, после того, как ударил вас по голове, решил замаскировать все произошедшее под ограбление. Но ведь из дома ничего не пропало. Поэтому и эта версия точно будет не состоятельной.

Миссис Картер радостно улыбнулась, узнав, что такое простое обстоятельство поможет оправдать ее племянника.

— Адвокат стоил потраченных на него денег, — удовлетворенно сказала женщина.

Марк бросил на меня хитрый взгляд, давая понять, что наша игра стоила свеч.

Прошло еще некоторое время, которое мы провели за беседой с тетей Джорджа и чаепитием. Когда наши кружки опустели, женщина предложила нам посидеть еще немного, чтобы мы попробовали ее вишневое варенье, сваренное этим летом. Не в силах отказаться, я без колебаний поддержал эту идею, как, впрочем, и Марк. Миссис Картер отлучилась в кладовую, где, по ее словам, она хранила все свои заготовки. Мы просидели на диване, который, к слову сказать, хоть и был антикварным, не стал от этого удобным и мягким, уже больше получаса: большие часы с маятником успели пробить пять часов вечера десять минут назад. Поэтому я решил немного размяться и прогуляться по комнате, тем более, что посмотреть здесь было на что. Марк остался на диване и снова начал писать сообщения своему загадочному собеседнику.

Проходя мимо шахматной доски, которую так жаждал заполнить наш отец, я отметил для себя, что если бы он ее когда-нибудь и купил, то она явно стоила бы потраченных на нее денег. Рядом с окном я увидел большой напольный глобус, внутри которого обнаружил бар с разномастными бутылками. В основном среди спиртного преобладало вино, но я в нем не разбирался, поэтому не мог бы сказать, дорогое оно было или нет. Закрыв крышку глобуса, я повернулся лицом к невысокому книжному стеллажу, который, как я догадался, тоже являлся антиквариатом. Полки были открытые, без стекол, на них я не увидел ни одного свободного места, не занятого книгами. Большинство томов, в идеальном порядке, расставленных в шкафу, выглядели старинными, но попадались и новые книги, изданные совсем недавно. От нечего делать, я принялся изучать названия книг, и обнаружил, что хозяйка увлекалась классикой. На полках я увидел много произведений Ирвинга, Толстого, Достоевского, Гюго, Голсуорси и многих других. Хотя я и не любил читать, но все же знал имена великих людей, внесших большой вклад в культурное развитие общества.

Я пробежал глазами по названию книг, и вдруг мой взгляд привлек старый потрепанный томик в твердом переплете темного цвета, на корешке которого было выбито знакомое мне название: «Истина времени». В порыве внезапно поразившей меня мысли, я схватил книгу и, открыв слегка пострадавшую от времени обложку, увидел на первой странице написанное от руки, черными чернилами, имя автора: Кларенс Марлоу. Чуть ниже было выведено размашистым подчеркиком название книги: «Истина времени», а в самом низу страницы, по центру, был указан год: 1841. Не веря своим глазам, я пролистал пожелтевшие от времени листы, и понял, что вся книга была написана от руки, все буквы были выведены аккуратно, нигде не виделось описок или чернильных пятен. Я вспомнил, что именно об этой книге шла речь в газете, найденной мной в кабинете Бакера. Именно эта книга была продана на аукционе больше ста лет назад! Но как ее

мог купить муж миссис Картер? Ведь он еще не родился, когда были устроены те торги.

— Марк, — полный переполнявшего меня волнения воскликнул я. — Смотри, что я нашел!

Он поднял взгляд от телефона, и, увидев у меня в руках книгу, шепотом, строгим голосом приказал:

— Том, положи на место. Кто знает, может, эта книга стоит целое состояние, а ты можешь ее порвать. Кто будет за это платить?

— Ты посмотри, что это за книга! — тоже перейдя на шепот, интригующе ответил я. — «Истина времени», тот самый черновой вариант 1841 года! — я поднял вверх находящийся у меня в руках том.

Марк, изменившись в лице, в мгновение ока оказался рядом со мной, и, надев очки, взял потрепанную книгу у меня из рук.

— Не может быть! — погружившись в свои мысли, прошептал Марк. Он внимательно рассмотрел первую страницу, пролистал всю книгу до конца, и, посмотрев на меня обескураженным взглядом, произнес:

— Кажется, мы нашли мотив Бакера!

В этот момент в комнату вернулась миссис Картер, неся в руках банку варенья.

— Мальчики, что вы там делаете? — спросила она, увидев нас около книжного стеллажа.

— Ничего, — быстро ответил я. — Просто решили посмотреть книги, пока ждали вашего возвращения. У вас хорошая библиотека, — добавил я, искренне надеясь, что миссис Картер поверит в мои объяснения.

Женщина улыбнулась и, поставив банку на кухонную столешницу, стала рассказывать нам историю создания этого собрания книг:

— Как вы, наверное, уже догадались, эта библиотека тоже дело рук моего дорогого Айзека. Он любил не только красивые старинные вещи, но и книги. Это была его страсть, — погружившись в воспоминания, говорила миссис Картер. — Он всю жизнь искал антикварные, редкие издания, тратил на них иногда последние деньги. Сколько раз я его ругала за это! — она с улыбкой покачала головой. — Но он был настоящим коллекционером. Конечно, мои увещевания его не останавливали. Теперь-то я понимаю, что мой муж поступал правильно, когда покупал все эти вещи, — она обвела комнату ностальгическим взглядом. — Но в те далекие времена мне было сложно смириться с его привычкой так распоряжаться деньгами, — засмеялась она.

— Откуда у вас эта книга? — спросил Марк, подойдя к миссис Картер и протянув ей заветный томик.

— Да, да, я ее помню, — кивнула миссис Картер, только взглянув на обложку. — Это моя любимая книга. Если вы заметили, она написана от руки, самим автором. Из-за этого ощущения от прочитанного совсем иные, нежели когда читаешь печатный вариант, или, модный

сейчас, электронный файл, — женщина открыла книгу и улыбнулась. — Айзек подарил мне ее на десятую годовщину нашей свадьбы. Он был очень внимательным ко мне, знал, что Кларенс Марлоу мой любимый автор, и я обрадуюсь такому подарку, — трогательно произнесла миссис Картер.

— Вы знаете, где он ее купил? — задал вопрос я, как только женщина замолчала.

— Конечно, знаю, — без малейшего раздумья ответила миссис Картер. — Айзек любил бродить по блошиным рынкам, это было одно из его любимых занятий. Он уверял меня, что там можно найти потрясающие вещи, которые продают почти за бесценок. Мой муж часто приносил из таких мест какие-нибудь подсвечники или статуэтки, иногда и книги. И в тот день, когда он вручил мне «Истину времени», Айзек сказал, что заглянул на один из таких рынков, где-то на Трмонт стрит. Там какой-то мужчина продавал много разных старинных предметов, но больше всего моего мужа заинтересовала эта книга. Он рассказывал мне, что это редчайший экземпляр, если говорить точнее, — он единственный. И тут мой муж видит его на рыночном лотке, еще и в более-менее приличном состоянии, среди прочего барахла! Представляете, как он удивился? — засмеялась женщина. — Айзек сразу же купил эту книгу, когда продавец потребовал за нее пятьдесят долларов. Это же огромная редкость, коллекционное издание, а ни о чем не подозревающий торговец отдал ее, считай, бесплатно!

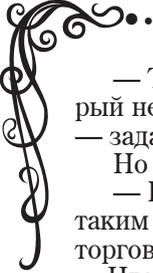
— Сколько же может стоить эта книга сейчас? — вдруг серьезным голосом спросил Марк.

Миссис Картер пожала плечами:

— Не знаю, я этим не интересовалась. Для меня книга дорога, как память о моем муже, поэтому мне совершенно неважно, сколько я могу получить за нее: я не собираюсь ее продавать. К слову сказать, у меня есть небольшая примета: если я не забываю и беру эту книгу с собой, то, значит, моя поездка пройдет удачно. Только в этот раз моя примета, почему-то, не сработала, — слегка нахмурилась женщина.

— Вы брали книгу с собой, когда были в гостях у сестры? — уточнил Марк.

— Да, как обычно. Если я куда-то уезжаю, стараюсь не забывать книгу дома. Она для меня как талисман, — ответила миссис Картер. — Только в этот раз все с самого начала пошло кувыркком: по дороге к сестре я попала в небольшую аварию, я уже вам рассказывала об этом. Потом узнала, что в моем доме все перевернули вверх дном, а ведь могли повредить такие ценные и редкие вещи! Но, к счастью все обошлось. Так еще и забыла свою книгу у сестры. Мне через несколько дней ее привез муж Эмили, уже в больницу, куда я угодила по вине этого гадкого вора. А потом моего племянника обвинили в покушении на мою жизнь! Какая-то черная полоса на меня свалилась, ей богу! — в возмущении воскликнула женщина.

— Так странно: такая редкая вещь попала в руки человека, который не знал о ее настоящей ценности. Как же она у него оказалась? — задавая вопрос как будто сам себе, пробурчал я.

Но миссис Картер меня услышала и, махнув рукой, пояснила:

— Подобное случается очень часто, поэтому не стоит удивляться таким вещам, молодой человек. Ну, а о том, как она попала к тому торговцу, мы, наверное, уже никогда не узнаем, — улынулась она. — Что ж, вернемся к моему варенью? Я заварю чай, а вы, Марк, будьте так добры, отнесите, баночку на столик, — попросила миссис Картер и отдала ему банку с вишневым вареньем.

Марк в задумчивости выполнил просьбу, и, подойдя к стеллажу, поставил книгу на место. Пока мы разговаривали с миссис Картер, я размышлял о «Послании к Элизабет». Оказывается, не зря Бакер так тщательно зашифровал его в своей записной книжке, не просто так изучал газету, в которой упоминалась книга, выпущенная больше ста лет назад. Но почему он хотел узнать о судьбе именно этой книги? Из-за ее ценности? Мы с Марком выяснили, что Марлоу упоминал в послании именно об «Истине времени», но мы вдвоем прочитали ее, и не нашли ничего, что можно было бы трактовать как разгадку тайны, которую должен был скрыть в этой книге автор. Может, нам стоит изучить экземпляр, находящийся дома у миссис Картер?

Я подошел к брату и, стараясь говорить как можно тише, спросил:

— Марк, ты сказал, что купил сегодня новый экземпляр «Истины времени». Он у тебя с собой, ведь так?

— Да, — кивнул тот. — Почему ты спрашиваешь об этом шепотом?

У меня не было времени объяснять, поэтому я просто ответил:

— Давай его сюда, быстро!

Марк, должно быть, не поняв мотивов моего поведения, достал из своей сумки книгу. Удача явно была на нашей стороне. Томик, купленный братом, был очень похож на тот, что сейчас стоял на полке: такое же темно-синее, почти черное, оформление обложки, такое же, выбитое на корешке, название, правда, золотистого цвета, но я решил, что миссис Картер не должна заметить пропажу слишком быстро: со стороны, когда книги стояли в стеллаже плотно друг к другу, она бы точно не заметила разницы. Я забрал книгу у Марка, и, вернувшись к книжным полкам, быстро поменял местами издания. Обернувшись, я передал брату старую книгу, и тихо сказал:

— Спрячь в сумку, пока миссис Картер не видит!

Марк, испуганно посмотрев мне в глаза, прошептал голосом, полным ужаса:

— Том, что ты делаешь?! Это же кража!

— Мы завтра же все вернем, обещаю, — тоже шепотом ответил я, пытаясь убедить Марка в том, что все обойдется.

Брат тяжело вздохнул и, схватив свою сумку, засунул туда книгу. Я вернулся на диван, и, стараясь вести себя совершенно обычно,

поинтересовался у миссис Картер, как именно она варила варенье, объяснив, что наша мама тоже любила делать такие заготовки. Хотя, по правде сказать, мама никогда не занималась приготовлением подобных деликатесов.

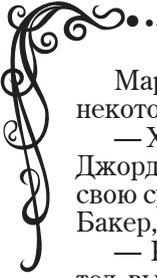
Пока женщина рассказывала нам технологию приготовления варенья, Марк сел рядом со мной, и я заметил, что он все еще нервничал, хоть и отчаянно пытался взять себя в руки. В отличие от брата, я был уверен, что поступил правильно. Даже если мы ничего не выясним, изучив старый экземпляр книги, по крайней мере, убедимся, что пошли по неверному пути.

Мы еще недолго пробыли у миссис Картер. Минут через пятнадцать, найдя благовидный предлог, мы с Марком, наконец, ушли от разговорчивой женщины. Немного отойдя от ее дома, я смог перевести дыхание. Подменив книгу на новую, я сильно нервничал, но старался себя не выдать, потому что видел, как отреагировал Марк, и знал, что ему нужен малейший повод, чтобы вернуть книгу на место. Сейчас же, когда все уже позади, я подумал, что произвести подмену было не так уж и сложно.

Марк некоторое время шел молча. Наверное, он обдумывал произошедшее и решал, как ему будет правильнее отреагировать на это. Потом он все-таки сказал, что я был прав, решив на время взять книгу.

— Знаешь, теперь все начинает становиться на свои места, — продолжал он. — Мы выяснили, какой мотив был у Бакера, и нашли, что именно связывало его и миссис Картер — книга Марлоу «Истина времени», — начав рассуждать, Марк заметно оживился. — Скорее всего, дело было так: Бакер занимается исследованием жизни знаменитых людей. Именно так он наткнулся на тайну, связанную со стихотворением Кларенса Марлоу. Он выписал и зашифровал строки из стихотворения в своей записной книжке, на тот случай, если она попадет в чужие руки. Мистер Бакер, как, впрочем, и мы, догадался, о какой именно книге шла речь в «Послании к Элизабет». Изучив книгу, он вряд ли обнаружил в ней что-либо полезное. Продолжая поиски мучившей его тайны, он узнал о существовании черного варианта «Истины времени». Он знал, что этот экземпляр был продан на аукционе, — это доказывает газета, которую ты нашел в его сейфе. Потом Бакер каким-то, неизвестным нам образом, выяснил, что черновой вариант хранился дома у миссис Картер и решил завладеть им, так как подумал, что именно в нем и крылась разгадка тайны Марлоу. Представляешь, какой фурор произвело бы заявление Бакера в прессе о том, что он раскрыл литературный секрет, больше ста лет оставшийся покрытый мраком неизвестности? — воодушевленно говорил Марк.

— Только есть одна неувязка: откуда у Бакера ключи от дома миссис Картер? Ведь он не знаком с ней лично, — напомнил я.

Марк озадачился. Ему пришлось признать, что в его теории есть некоторые несовпадения, которые пока он объяснить не мог.

— Хотя возможно, у него был сообщник, который следил за тетей Джорджа и незаметно сделал слепок с ее ключей, когда та оставила свою сумочку без присмотра. В принципе, это вполне мог быть и сам Бакер, — тут же предположил брат.

— Кстати, теперь можно с точностью сказать, что грабитель хотел выкрасть именно эту книгу, — я похлопал ладонью по сумке Марка, которую последний нес на плече. — Тетя Джорджа сказала, что брала ее с собой в поездку. Вор об этом знать не мог, поэтому в первый раз у него не получилось осуществить задуманное. Тогда он поразмыслил и решил, что тетя Джорджа увозила книгу с собой, и проверил свои предположения. Но снова потерпел неудачу: книги не было дома, миссис Картер забыла ее у сестры. В то время как вор обыскивал дом, женщина проснулась, и преступнику ничего не оставалось, кроме того как оглушить ее, — я высказал свое видение событий.

Марк, выслушав меня, согласился с тем, что я, скорее всего, описал все правильно.

— Может, теперь вор подумает, что ошибся в своих выводах, и дома у миссис Картер нет нужной ему вещи. Даже если он все еще надеется ее заполучить, то в третий раз он точно не решится проникнуть в дом, — резюмировал брат.

— Неужели преступник постоянно следил за миссис Картер? Иначе, каким образом он был так хорошо осведомлен о том, что происходило у нее дома? — я посмотрел на Марка, надеясь, что он знал ответ.

Тот согласно кивнул:

— По-другому никак. Вор, которым, скорее всего, был Бакер, должен был знать обо всех перемещениях хозяйки дома, в противном случае он никак не смог бы все настолько четко спланировать.

— Значит, мы остановимся на Бакере, как главным подозреваемым? — уточнил для ясности я.

— Именно так, — подтвердил Марк. — Это единственный человек, у которого был мотив и возможность совершить преступление, кроме Джорджа, конечно. Но его мы никогда и не рассматривали в качестве возможного преступника. Единственное, что меня смущает — это возраст мистера Бакера. Он слишком стар и немощен, чтобы устроить такой беспорядок, какой я видел дома у миссис Картер, когда заходил к ней в первый раз, — Марк снова и снова находил слабые места в своей теории. — К тому же, — неожиданно добавил Марк, — у Бакера довольно напряженное рабочее расписание, ему почти всегда необходимо быть в издательстве, где он работает над книгой, либо на деловых встречах. И опять же, он не настолько молод и крепок, чтобы большую часть дня проводить в слежке.

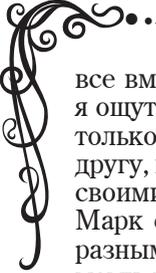
— И миссис Картер сказала, что злоумышленник был точно молодым: она увидела в его движениях ловкость и силу, которая вряд ли осталась у Бакера, — усмехнулся я. — В тот день, когда я впервые пришел в издательство, мне пришлось помочь Бакеру спуститься с лестницы: для него самого это было осуществимо, но очень проблематично.

— Получается, мы снова возвращаемся к версии о сообщнике, о котором нам пока ничего неизвестно, — со вздохом сказал Марк.

Вскоре мы были дома. Решив вначале пообедать, а уже после этого заняться изучением неожиданно появившейся у нас улики, мы зашли в кухню с намерением найти что-нибудь съедобное. Я предложил Марку разогреть найденные мною в холодильнике картофельные пюре и жаренную в кляре рыбу. Брат ничего не имел против, поэтому через пять минут, вынув блюдо из микроволновой печи, я с Марком устроился за столом на кухне, чтобы, наконец, пообедать, точнее сказать, уже поужинать.

Спокойно поесть нам не дал очень вовремя появившийся отец на пару со Стефом. По их воодушевленным лицам, я понял, что прогулка на яхте превзошла все их ожидания, и теперь им не терпелось поделиться своими впечатлениями с нами. Увидев, что мы сели обедать, они выразили желание присоединиться. Я мысленно похвалил себя за то, что разогрел сразу все блюдо, а не только его часть, иначе мне точно не дали бы сегодня поесть. Не успели Стеф с отцом расположиться за нашим относительно небольшим столом, в дверях появилась мама, выглядевшая не менее воодушевленной, чем остальные. Она радостно констатировала тот факт, что мы уже приготовили поесть и, ни секунды не размышляя, устроилась на стуле рядом с отцом. У нее тоже были какие-то хорошие новости, о которых ей хотелось рассказать нам как можно скорее.

Встретить всю нашу семью в сборе за ужином в любой день недели, кроме вечера в воскресенье, — настоящее событие, которое случалось чрезвычайно редко. Сегодня, наверное, был какой-то особенный день. Потому что у отца молчал телефон, и у него не было неотложных дел в конторе; Стеф не намеривался каждые пять минут сорваться с места, чтобы срочно встретиться со своими друзьями или Ланой; Марк не хотел подняться в комнату, чтобы продолжить читать невероятно заинтересовавшую его книгу; маме не надо было заниматься никакими домашними хлопотами, да и я тоже почему-то никуда не спешил. Мы весело переговаривались, делясь друг с другом историями, произошедшими с нами за весь день, говорили о том, как нас кто-то разозлил, рассмешил, нагрузил делами, о том, с кем мы поссорились или помирились, говорили о своих чувствах, которые вызвали самые разные события. В нашем ужине было что-то по-настоящему семейное, что-то важное, чего я еще никогда не чувствовал. Даже по воскресеньям, когда мы обязательно собрались

все вместе, не было той сплоченности и домашнего тепла, которое я ощутил именно в этот день. Семья всегда была важна для меня, но только в тот вечер я понял, насколько мы действительно близки друг другу, когда сидел плечом к плечу, за небольшим круглым столом со своими родителями и братьями. Я наблюдал за тем, как дурачились Марк со Стефом, которые по нраву и внешности были абсолютно разными, но все же были так похожи друг на друга; я смотрел на маму, улыбавшуюся своей озорной улыбкой, от которой появлялись ямочки на ее щеках; и слышал задорный смех отца, заставлявший засмеяться вслед за ним, - все это запомнилось мне так отчетливо и отпечаталось в моей памяти навсегда. Мне хотелось продлить этот момент на как можно большее время, чтобы чувство единства и семейного тепла осталось со мной как можно дольше, чтобы я мог ощущать его всю свою жизнь. И именно тогда я осознал, что мне будет сильно не хватать Стефа, который скоро женится и будет строить свою собственную семью, и Марка, ведь он тоже не всегда будет таким, каким был сейчас. Так внезапно нахлынувшие чувства чуть не заставили меня прослезиться, но я вовремя сдержался. Зная характер своих братьев, я был уверен, что они не упустили бы шанса подразнить меня, тем более что на их месте я поступил бы также.

Когда мы поели и обсудили, все, что нас волновало, папа вызвал-ся убрать со стола. Воспользовавшись моментом, мама сообщила, что собиралась пойти в гости к нашей соседке, Тиффани Фриман, с которой она была очень дружна. Стеф сказал, что обещал встретиться с Ланой, которой горел желанием поведать занимательный рассказ о посещенной им яхте, ценой в три миллиона долларов. Поняв, что наше присутствие больше никому не нужно, мы с Марком поднялись наверх, в комнату моего среднего брата. Там нас ждал ватман, исписанный отметками о найденных нами уликах, а также книга, которую я так мастерски сумел подменить сегодня.

Глава 9

Положив старую, потрепанную книгу на письменный стол Марка, мы некоторое время не решались открыть ее. Включив настольную лампу, взяв лупу, мы с братом сидели и смотрели на потрескавшуюся обложку, как будто ожидали возникновения чего-то сверхъестественного, если решимся перевернуть первые страницы.

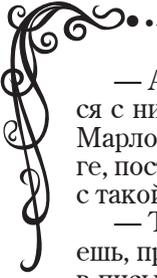
— Думаешь, мы правильно поступили, подменив книгу? — Марк все еще сомневался в правильности принятого нами решения.

— Лично я в этом уверен, - высказал я свое мнение. — Сам посудди: мы выяснили, что Марлоу зашифровал в «Послании к Элизабет» именно эту книгу, «Истина времени». Мы вдвоем изучили весь текст, но не нашли там ничего, что могло бы дать нам хоть какую-то ниточку к разгадке тайны. Бакер интересовался проведенным сто лет назад аукционом, на котором была продана именно эта книга, — я указал пальцем на лежащее перед нами издание. — Почему? Значит, он хотел изучить его: не зря же он предпринял две попытки, чтобы найти ее в доме миссис Картер. Поэтому из всего этого есть только один вывод: нам просто необходимо осмотреть книгу вдоль и поперек.

На Марка оказали воздействие мои наставления, потому что он надел очки и, уже не колеблясь, открыл форзац редчайшего произведения литературы, совершенно случайно оказавшегося в наших руках.

Мне, как и Марку, еще ни разу не приходилось иметь дело с такими старинными вещами. На мой взгляд, книга очень неплохо сохранилась для того немалого времени, что она провела на книжных полках. Хотя потрескавшаяся и облупившаяся обложка придавала ей потертый вид, плотные, желтоватого цвета страницы были в отличном состоянии. Даже тот факт, что книга была написана от руки, никак не повлиял на сохранность этого произведения. Чернила не растеклись и не стерлись, — аккуратные строчки с текстом шли ровно, автор не допустил ни одной описки или помарки.

— Наверное, в те времена, когда жил Марлоу, было очень романтично писать письма гусиным пером, или ручкой, периодически макая его в баночку с чернилами. Все-таки, это сильно отличается от того, как мы пишем сейчас, набирая текст на клавиатуре, — с улыбкой произнес Марк.

— А по мне, так ничего романтического в этом нет, — не согласился с ним я. — Чтобы написать такую книгу, как «Истина времени», Марлоу понадобилось, наверное, целый год возить ручкой по бумаге, постоянно смачивая ее чернилами. Сейчас бы он точно справился с такой работой за один месяц.

— Так в этом и вся суть: ты пишешь не торопясь, сто раз подумаешь, прежде чем поставить лишнюю черточку на бумаге. К тому же, в письме от руки есть какое-то очарование: ты читаешь его, и понимаешь, что человек потратил много времени, чтобы написать тебе, — мой брат снова пустился в непролазные дебри своих рассуждений.

Разобрать подчерк Марлоу нам удалось без труда, поэтому за два часа мы пролистали всю книгу, сверив текст чернового варианта с его современной версией. Не найдя совершенно никаких смысловых отклонений, замены слов или отсутствия отдельных кусков текста, мы снова пришли к начальной точке.

— Наверное, мы что-то пропустили, — не успокаивался я. — Должно же быть хоть что-то. Марлоу ведь указывал именно на эту книгу, ошибки быть не может! Он же сделал это не просто так, — мне не хотелось верить в то, что все наши усилия, направленные на поиски истины, были потрачены впустую.

Марк закрыл книгу и, задумавшись, смотрел на обложку. По выражению его лица, я понял, что брат, как и я, зашел в тупик и сейчас, наверное, пытался осознать тщетность всей проделанной нами работы.

— Это не справедливо, — расстроенным голосом произнес я. — Мы подобралась к разгадке так близко, мы даже выяснили имя настоящего преступника! Правда, сообщника Бакера мы пока не вычислили, но, уверен, если мы сообщим об этом полиции, они быстро его поймают.

— Вряд ли полицейские нам поверят, — пожал плечами Марк, продолжая отсутствующим взглядом сверлить книгу. — У нас нет никаких доказательств того, что Бакер совершил это преступление. Только мотив, который очевиден нам с тобой, но точно не полицейским. Для них нужно что-то посущественней, например, завещание, — недовольно закончил брат.

— Неужели того, что Бакер интересовался жизнью Марлоу, зашифровал его стихотворение своей записной книжке, изучал газету, выпущенную сто лет назад, не достаточно, чтобы понять: он охотился за книгой, хотел разгадать одну из великих литературных тайн и произвести грандиозное из всех разоблачений! — в недоумении воскликнул я.

Марк горько усмехнулся:

— Мне кажется, если мы скажем такое полицейским, они примут нас за сумасшедших, и, скорее, обвинят в нападении на миссис Картер тебя или меня, чем Бакера и его неизвестного сообщника!

Я замолчал, так как не нашел больше ничего, что можно было бы сказать в защиту своей теории. Марк был прав, я понимал это. Ведь не было свидетелей, которые видели бы Бакера, не было прямых улик против него, не было основания думать, что старик, совершенно никак не связанный с местом преступления, мог там бывать. К тому же, как можно было вычислить его сообщника, как доказать что Бакер следил за миссис Картер, что он сделал слепок с ее ключей, я не знал.

— Полицейские могли бы узнать, было ли у него алиби на время преступления, допросить его, — размышлял я. — Только вот основная допрашивать Бакера у полиции нет...

— Стоп! Кажется, я все понял, — внезапно воскликнул Марк. Он резко подскочил на стуле и, взяв в руки книгу, стал внимательно изучать ее обложку. — Том, найди в интернет-магазине эту книгу.

— Как я ее тебе там найду? — удивленно спросил я. — Миссис Картер сказала, что она существует только в одном экземпляре и вряд ли в интернете продают черновой ва...

— Современное издание! — прервал меня Марк. — Ну, давай, чего ты сидишь, быстрее ищи!

Я схватил планшет и стал вводить в строку поискового запроса название произведения Марлоу. Марк в это время вскочил с места и, подойдя к ватману, снял с него какой-то лист. Я же отыскал в интернете книгу, которая стоила двадцать один доллар, хотя понятия не имел, зачем Марку понадобилось знать, сколько стоит «Истина времени» в интернет-магазине, тем более что он сам только сегодня купил ее.

Марк вернулся на место и, положив планшет на стол, увеличил изображение обложки современного издания философских рассуждений Кларенса Марлоу. После этого брат зачем-то нашел еще одно издание этой книги, которое выпустило другое издательство на несколько лет раньше. Он снова изучил обложку теперь уже этой книги. Только проведя все эти манипуляции, Марк откинулся на спинку стула и, довольно улыбаясь, произнес:

— Я оказался прав!

— В чем? — решил уточнить я, потому что брат не спешил делиться своими догадками со мной.

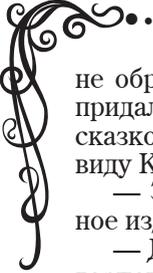
Марк показал пальцем на лежащую на столе старую книгу и спросил:

— Что ты видишь?

Я посмотрел на нее и, увидев выбитое на темной обложке название, ответил:

— Название книги. А ты видишь там что-то еще? — осторожно поинтересовался я.

— Вот именно: что-то еще! — торжествующе воскликнул брат. — Мы с тобой, когда изучали стихотворение «Послание к Элизабет»,

не обратили внимания на одно очевидное указание, мы просто не придали ему значения! — тараторил брат. — Это и было главной под-сказкой, ключом к тому, чтобы понять: какую именно книгу имел в виду Кларенс Марлоу в своем стихотворении.

— Это мы выяснили: «Истина времени», последнее прижизненное издание автора, — не согласился с ним я.

— Да, так и есть, — это и было нашей главной ошибкой! — в нетерпении уже почти кричал Марк. — Мы решили, что прощальным письмом стала последняя изданная при жизни Марлоу книга! Но это не так! Его прощальное письмо — это последняя написанная им книга! — широко улыбнулся Марк. — Это «Истина времени» 1841 года.

— Марк, я тебя не понимаю: какая между ними разница? Мы изучили и эту книгу, и современную версию, но ничего не нашли, — я был не в состоянии разобраться в путаных объяснениях брата.

— Смотри сюда, — он указал на экран планшетного компьютера, где отображалась фотография обложки современного издания «Истины времени». — Обрати внимание, как написано название.

На обложке, цвета голубой лазури, было пропечатано четким шрифтом: «Истина времени» Кларенса Марлоу. Чуть ниже был указан год: 2009.

— Теперь посмотри сюда, — Марк открыл предыдущую страницу, где была изображена фотография книги, изданной несколькими годами позже. Обложка представляла собой сплошной зеленоватый фон, на котором золотом горели два слова: «Истина времени». Имя автора и год издания на обложке не были указаны, но рядом, в аннотации к книге, были приведены все выходные данные.

— А теперь, — Марк выдержал небольшую паузу, смотря на меня взглядом торжествующих глаз, — посмотри на обложку книги, написанной в 1841 году. Видишь хоть какое-то различие, даже если оно кажется тебе несущественным?

Я взглянул на знакомую мне пострадавшую от времени книгу. По центру обложки были выбиты два слова: «Истина Времени», и единственным различием, которое я смог разглядеть между всеми этими изданиями, заключалось в том, что в названии черного варианта все слова начинались с заглавных букв. Я сказал о своем наблюдении Марку, на что тот воскликнул:

— Ты тоже это заметил!

— Но ведь это ни о чем не говорит, — возразил я. — Какое нам дело до того, что Марлоу написал на черном варианте слово «время» с заглавной буквы? Он мог элементарно ошибиться, или ему нравилось, когда все слова в названии начинаются с заглавных букв.

— Если бы не одно «но», — Марк положил передо мной листок, который он снял с ватмана. Это оказалась распечатка с «Посланием к Элизабет»:

— *«Письмо мое прощальное прочти,
В нем истину ты сможешь найти.
Но помни: правда есть только одна.
И Время поможет узнать, где она...»*, -

Марк прочитал вслух отрывок из стихотворения. Именно тот, который был зашифрован в записной книжке Бакера. — Понимаешь, в чем дело? В «Послании к Элизабет», при упоминании книги «Истина времени», Марлоу дает указание именно на черновой вариант книги, написав слово время с заглавной буквы, хотя, посмотри, в стихотворении оно не стоит вначале предложения, — Марк указал на нужную строчку. — Когда Марлоу писал, что правда есть только одна, он имел в виду конкретную книгу, а не любое издание «Истины времени». «...И Время поможет узнать, где она...», — то есть еще одно указание, как найти этот экземпляр, — на обложке чернового варианта слово «время» написано именно с заглавной буквы, а во всех остальных изданиях, — с прописной. Ты сам в этом только что убедился, - объяснил Марк.

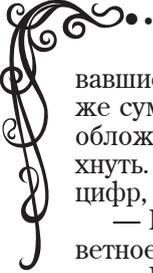
— Марк, я снова и снова не перестаю удивляться твоей сообразительности! — радостно воскликнул я. — Ты такой наблюдательный! Я бы ни за что в жизни не догадался изучать обложки книг и сравнивать их между собой.

— Это ты натолкнул меня на эту мысль, — ответил Марк. — Когда ты болтал что-то о полицейских и Бакере, я пытался понять, где мы допустили ошибку. Я смотрел на эту потрепанную обложку, вспоминал, размышлял, и тут вдруг ты упомянул что-то про время. И меня осенило! Я увидел, что все слова в названии книги написаны с заглавных букв, — с улыбкой закончил брат.

— Но если это и есть прощальное письмо, то почему мы не нашли никаких подсказок?

— Значит, плохо искали. Этот экземпляр был написан рукой Марлоу, и он мог оставить какие-то пометки, которые мы не заметили, или зашифровать в тексте самой книги очередное послание, — сказал Марк.

Мы принялись снова осматривать книгу со всех сторон. Она ничем не отличалась от обычных печатных изданий, была также сброшюрована и пришита к переплету, который мы изучили особенно тщательно, так как Марк уверял меня, что именно там часто прятали тайные послания. Но переплет не хранил совершенно никакого секрета, как и обложка, и страницы, зачитанные нами буквально до дыр. Открыв последний лист, где раскрывалась главная идея и суть написанной книги, я заметил, что уголок следующей страницы, с помощью которой книга крепилась к обложке, загнут или как будто слегка отошел от нее. Я предложил попробовать аккуратно отсоединить лист от обложки, и посмотреть, что находилось с другой стороны. Воспользо-

вавшись ножом для бумаги, Марк, стараясь не повредить книгу, все же сумел проделать эту опасную операцию, так как клей, которым обложка крепилась к листу, за сто с лишним лет успел изрядно высохнуть. Перевернув страницу, мы увидели на ее обратной стороне ряд цифр, написанных также от руки, чернильной ручкой.

— Мы все-таки сделали это! — радостно воскликнул я, увидев заветное указание, оставленное Марлоу в далеком 1841 году.

— Не могу поверить, что мы догадались, — не доверяя своим глазам, воодушевленно произнес Марк.

Взволнованные сделанным открытием, мы выписали найденные нами числа. Это была последовательность на первый взгляд никак не связанных между собою цифр. Она включала в себя одно-, двух-, и трехзначные числа, расположенные в столбик. Всего было пять строчек, в первых четырех из них было по двенадцать чисел, а в последней — восемь.

— Наверное, это какой-то код, — предположил я. — Марлоу мог зашифровать числами, например, — я на секунду задумался, — буквы алфавита.

Мы открыли алфавит и, выписав буквы, соответствующие написанным Марлоу числам, получили полную несурязицу. Мне пришлось признать, что это был ошибочный вариант.

— Все-таки, я склонен думать, что это действительно код, — сказал Марк. — Это не может быть просто последовательность цифр, которая открывает сейф или тайник. Во-первых, их слишком много, а во-вторых, должно быть указание, где искать, то, что спрятал Марлоу. Значит, эти цифры обозначают буквы, и из них должно сложиться какое-то слово, — подключил к анализу свое неординарное логическое мышление Марк.

— Или это уже слова, которые сложатся в очередное стихотворение, типа «Послания к Элизабет», — добавил я.

— Конечно, так оно и есть, — Марк снова наклонился над тетрадью с выписанными числами. — Эти цифры обозначают слова, но только как нам понять, как искать их? А главное где?

— Помнишь книгу о шифровании текста, которую тебе дал профессор Бруклин? — мне пришла в голову мысль использовать информацию из этой книги в качестве подсказки к тому, чтобы понять смысл шифровки.

Марк вместо ответа достал из ящика стола уже знакомую мне книгу «Принципы шифрования текста». Найдя по оглавлению нужный, по его мнению, раздел он открыл главу под названием «Текст, зашифрованный в цифрах». В ней было перечислено множество способов, которыми можно попытаться скрыть важно послание от чужих глаз. Прочитав несколько первых страниц, где были приведены основные указания, которыми следовало руководствоваться при шифровке и дешифровке текста, представленного в числовой

форме, мы пришли к выводу, что для расшифровки подобного кода должен быть какой-то ключ. Единственное место, где он мог быть спрятан, это книга, в которой и был записан шифр. Но как найти этот код мы не знали. Перепробовав всевозможные варианты, мы пришли к выводу, что ни один из перечисленных в книге способов нам не подходил. По крайней мере, нам так казалось.

— Нам снова придется просить профессора Бруклина о помощи. Ясно, что мы без него не справимся, — констатировал Марк, когда мы уже окончательно отчаялись найти ключ к цифровому коду.

— Не сомневаюсь, что он нам не откажет в помощи, но как ты собираешься объяснить ему книгу ста пятидесятилетней давности, которую нам придется показать ему. Без нее у мистера Бруклина вряд ли получится что-то лучшее, чем у нас, — напомнил я.

— Придется сказать ему правду, — ответил Марк.

— Что мы украли книгу ценой в целое состояние, и затеяли игру в детективов, пытаясь раскрыть тайну века?! — не веря своим ушам, воскликнул я. — Этого ни в коем случае нельзя делать!

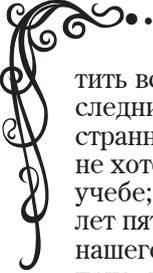
— Тогда можно соврать, что мы нашли в библиотеке отца эту книгу, увидели шифр, и нам захотелось узнать, зачем некто оставил это послание, — на этот раз Марк предложил более подходящий вариант.

С этим развитием событий я был согласен. Мне было ясно, что без помощи человека, хорошо разбирающегося в криптографии, в одиночку мы с Марком не справились бы. К счастью, мы знали одного очень хорошего специалиста в этой области, который с радостью придет нам на помощь. Конечно, мне не очень хотелось, мягко говоря, вводить мистера Бруклина в заблуждение, но другого выхода у нас не было.

Договорившись с Марком поехать к профессору на следующий день, как обычно после учебы, я уже хотел пойти к себе, чтобы немного позаниматься уроками, которых к тому моменту накопилось уже очень много, так как в последнее время у меня не оставалось времени на них. Но Марк меня остановил, сказав, что ему хотелось бы что-то обсудить со мной.

— Том, помнишь, я обещал тебе, что расскажу об одном событии, которое недавно произошло, когда все выяснится до конца? — вкрадчиво начал Марк.

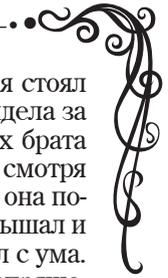
Как же я мог забыть об этом! После того, как что-то, пока неизвестное мне, случилось в жизни моего брата, он начал вести себя очень странно, его настроение постоянно менялось, у него появились какие-то секреты, которыми он не хотел со мной делиться, хотя раньше такого никогда не бывало. Он стал переписываться и перезваниваться с людьми, о существовании которых кроме него, никто больше не знал, у него вошло в привычку надолго уходить из дома по вечерам, не объясняя, где он был и с кем. Конечно, я не мог не заме-

тить все эти перемены, так отчетливо проявившиеся в Марке за последние дни. Я уже давно перебрал все возможные причины такого странного поведения: у него появились новые друзья, с которыми он не хотел никого знакомить; у Марка могли возникнуть проблемы по учебе, и он мог запросто придумать очередной гениальный план, как лет пять назад придумал открыть космическую лабораторию на базе нашего дома; Марк мог решить сделать кому-то из домашних сюрприз, и для его осуществления брату требовалось много времени и помощь посторонних людей. Я ожидал чего угодно, но я точно знал: ничего плохого случиться не могло. В этом случае Марк не находился бы в приподнятом настроении. Но когда брат, сидя передо мной на стуле, слегка опустив голову, неустанно теребя краешек своей клетчатой рубашки, улыбнулся смущенной улыбкой и, предупредив меня, что о его словах никто не должен знать, на одном дыхании произнес:

— Том, кажется, я влюбился! — у меня на несколько секунд пропал дар речи.

Не дожидаясь моей реакции, Марк понесся рассказывать о чувствах, захвативших его с головой. Он сказал мне, что никогда раньше не ощущал ничего подобного, что вначале он не мог понять, что значили то навязчивые, то мимолетные мысли в его голове. У Марка никак не получалось разобраться в своих чувствах, объяснить откуда у него после единственной встречи с никогда неизвестной ему девушкой появилось желание любоваться ее глазами, хотеть снова и снова услышать ее голос, случайно коснуться ее руки. Он не понимал, почему при каждой их встрече он вдруг начинал нести сущую чепуху, становился неповоротливым и рассеянным, забывал вещи, которые до этого казались ему прописными истинами. Брат признался, что ночью не мог заснуть по нескольку часов, мысленно анализируя каждое сказанное им при ней слово, коря себя за нерасторопность, стеснительность, но на деле ничего не мог изменить в своем поведении. Марк передумал все, что только мог, пока не пришел к единственному верному выводу о том, что он впервые в жизни полюбил. Осознание этого его настолько потрясло, что он один день не звонил и не писал виновнице произошедшего. Вначале он испугался, и решил, что больше никогда не встретится с этой девушкой. Потом Марк снова воодушевился, и захотел изобразить из себя героя и залезть к ней на балкон с охажкой роз. Но и этот вариант не устроил моего брата, так как он посчитал, что будет смотреться в этой роли совсем не по-геройски, а скорее, с точностью до наоборот. После этого он окончательно пришел в тупик. Возможно, сердечные переживания так и продолжали бы грызть моего влюбленного брата, если бы девушка неожиданно не позвонила ему сама и не предложила сходить в кафе. Поняв, что тоже ей не безразличен, Марк купил цветы и пошел на свидание.

— У меня сердце готово было выпрыгнуть из груди, когда я стоял на пороге кафе и увидел через стеклянную витрину, как она сидела за столиком, и ждала меня. Понимаешь, именно меня! — в глазах брата я увидел нескрываемый восторг. Он прикусил нижнюю губу и, смотря куда-то мимо меня, продолжил: — Когда я подарил ей цветы, а она поцеловала меня в щеку, у меня просто подкосились ноги! Я не слышал и не видел ничего вокруг, кроме нее, и мне казалось, что я сошел с ума. А потом мы долго гуляли, и только тогда я почувствовал, что напряжение, в котором я постоянно находился, когда оказывался рядом с ней, начало меня отпускать. С каждой минутой я ощущал, что снова начинаю быть собой, я опять почувствовал себя свободным, — закончил он.

— Значит, теперь, мистер Уиллсон, вы не одиноки? — хитро прищурившись, спросил я. — И кто же ваша избранница?

После того, как Марк выговорился, ему, похоже, стало намного легче, потому что он расслабился и уже более спокойным голосом признался:

— Это Гвэн. Я влюбился в нее с первого взгляда, только никак не мог этого понять. Уже тогда, при первой нашей встрече, я увидел, какая она умная, милая, красивая, и теперь точно знаю, что не ошибся в ней, — с нежностью в голосе сказал брат.

Я не поверил своим ушам:

— Гвэн?! Неужели сестра Боба?!

— Ну, да, а что ты так удивляешься? Может, ты считаешь, что она слишком хороша для меня? — моментально пошел в наступление Марк.

— Нет, я бы такого никогда не подумал! — искренне ответил я. — Просто я не ожидал такого поворота событий. Значит, тогда, на вечеринке, ты был на лужайке вместе с Гвэн? — я понял, почему поведение Марка было таким странным: он пытался скрыть ото всех свои чувства, потому что испугался их и не знал, как будет поступить правильно: признаться Гвэн или постараться забыть ее.

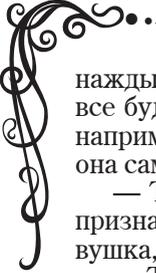
— Да, честно сказать, я думал, что ты сразу обо всем догадаешься: ты ведь наблюдательный, — ответил брат. — После того, как мы с ней пообщались в тот вечер, я больше не мог не думать о ней.

— Гвэн оказалась очень смелой: сама позвонила тебе, после того, как ты неожиданно пропал, — заметил я.

— Она призналась мне, что тоже начинала чувствовать себя неудобно, когда я терялся и делал всякие глупости, — засмеялся Марк. — Потом она решила все это прекратить, и выяснить окончательно, хочу ли я общаться с ней и дальше.

— Я рад за тебя, — похлопав брата по плечу, сказал я. — Ты был прав: любовь сама тебя нашла, и тебе не пришлось предпринимать никаких телодвижений. Это судьба, брат.

— Пока рано говорить об этом, — предостерег меня от преждевременных выводов Марк. — Я был уверен, что все так и случится од-

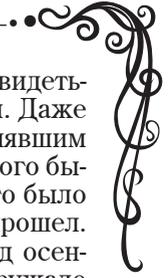
нажды. Просто надо верить в то, что ты считаешь правильным. Тогда все будет именно так, как ты запланировал, и никак иначе. Вот ты, например, тоже не делал ничего, чтобы познакомиться с Даниэлой: она сама перевелась в твой класс.

— Ты снова прав, — согласился с ним я. — В одном могу тебе признаться точно: я счастлив, что встретил ее. Она замечательная девушка, и лучше Даны для меня никого нет.

— Теперь я понимаю, о чем ты говоришь. Я испытываю к Гвэн те же самые чувства, что и ты к Данае, — отозвался Марк.

Мне было знакомо все, о чем говорил Марк, я сам испытал это. Прекрасное чувство, которое переживал мой брат, когда-то заставило меня писать Данае записки, называясь ее тайным поклонником, подстраивал наши встречи, чтобы они казались ей случайными, подбрасывал в сумку Даниэлы сладости и маленькие безделушки, с нетерпением ожидая ее реакции, когда она их обнаружит. Тогда для меня и для нее это была только игра, ведь мы были еще совсем детьми. Сейчас все изменилось. Я стал относиться к нашим с ней отношениям намного серьезней, чем думал о них еще год назад. Теперь я воспринимал Даниэлу не только, как веселую и добродушную девочку. Я увидел в ней красивую, элегантную девушку, которую мне хотелось защищать, оберегать и быть уверенным, что она всегда будет только со мной. И мне по-прежнему хотелось сделать для нее что-то приятное, сказать комплимент, рассмешить ее, чтобы увидеть улыбку Даны, услышать ее звонкий смех. Я вдруг подумал о том, что она, должно быть, скучала по мне, ведь я не виделся с ней уже три дня. Может, Дана ждала, что я первый признаюсь ей в этом, поэтому ничего не сказала мне сегодня при встрече.

Марк, обрадованный тем, что, наконец, рассказал мне свой самый большой секрет, над разгадкой которого я безуспешно бился всю последнюю неделю, пообещал, что завтра обязательно позвонит мистеру Бруклину. Я в тот момент думал уже совсем о другом, как мне казалось, более важном деле. Мне было лестно, что брат доверил именно мне, а не кому-то еще, свои переживания. Это заставило меня проникнуться к нему большим доверием, чем прежде. Однако мне не хотелось никому раскрывать своих планов, которые возникли не больше десяти минут назад. Рассудив, что Марк не обидится на меня за мою маленькую тайну, я, сказав брату, что устал и лягу спать раньше, ушел в свою комнату. Совсем забыв об уроках, которыми я собирался заняться, я позвонил Даниэле. Она обрадовалась моему звонку, и с радостью согласилась встретиться со мной, хотя была удивлена тем, что мне понадобилось делать это так поздно. Еще через десять минут, когда стрелки часов подбирались к девяти часам вечера, я, окрыленный нахлынувшими на меня чувствами, быстрым шагом направился к месту нашей с Данаей встречи.

Пока я был на пути к скверу, где мы и договорились увидеться, мне казалось, что мир вокруг меня почему-то изменился. Даже воздух, которым я дышал, был непривычно свежим, наполнявшим меня радостным волнением и заставлявшим ускорить и без того быстрый шаг. На улицы уже опустели туманные сумерки. Это было как раз то время, когда ночь еще не настала, но и день уже прошел. В этот час не зажигали фонари, и в опустившемся на город осеннем полумраке, я особенно остро чувствовал все, что окружало меня. В горьковатом запахе листьев, только недавно начавших опадать, их тихом шорохе под моими ногами, в стрекоте кузнечиков, завладевших всеми звуками вокруг, в нечетких контурах домов, представлявшимися мне призрачными видениями, я находил нечто волшебное и завораживающее своей красотой. Все казалось мне пронизанным непоколебимым спокойствием и умиротворением, но почему-то именно оно заставляло мое сердце биться быстрее, чем прежде.

Редкие прохожие, несколько раз встретившиеся на моем пути, казались мне счастливыми, хотя до этого, сталкиваясь с ними каждый день, я не замечал их молчаливых улыбок и одобряющих взглядов. Деревья, стоявшие стройной шеренгой вдоль дороги, были невероятно высокими, а до звезд, рассыпанных надо мной, я, наоборот, мог дотронуться, если бы просто протянул к небу руку.

Безлюдный сквер с коваными маленькими лавочками, как будто специально, приготовленными кем-то только для двоих, с каменным фонтаном, в котором неспешно журчала вода, с большой клумбой, благоухающей ароматом цветов, был насквозь пропитан духом романтики, и ожидал того момента, когда чей-то несмелый голос нарушит царящую здесь тишину, чтобы сказать кому-то что-то очень важное.

Даниэла еще не пришла, когда я сидел на деревянной скамейке возле круглого фонтана, в центре которого была установлена красивая скульптура воина, укротившего тигра, сдавшегося под его силой и мужеством. Ожидая прихода Даны, я чутко прислушивался ко всем звукам, раздававшимся вокруг. И вот в тишине я отчетливо различил приближавшийся ко мне цокот каблучков. Встав со скамейки, я прошел чуть ближе к ведущей в сквер дорожке. Через несколько секунд звук шагов послышался совсем близко, и я увидел в сгущающихся сумерках силуэт Даниэлы. Когда она подошла ко мне ближе, я различил на ней легкий плащ, одетый поверх платья. Ее волосы были распущены и мягкими волнами спадали с плеч.

— Том, это так мило с твоей стороны - предложить встретиться именно в этом месте, — звонким голосом произнесла она, когда оказалась рядом со мной. — Здесь сейчас так красиво.

— Мы с тобой уже три дня не встречались. Я начал скучать по тебе, — признался я, обняв Дану.

— Странно слышать от тебя такое: обычно ты выражаешь свои чувства совсем не в такой форме, - улыбнулась Дана.

— Марк рассказал мне одну очень интересную историю, и мне захотелось изменить своим привычкам, - ответил я.

— Вот как? Тогда, может, просто прогуляемся, и ты не будешь, как две недели назад, пытаться сорвать розы с кустов у дома миссис Мендас? — предложила Даниэла.

— Да, было весело, когда я поскользнулся и упал прямо в эти кусты, — я тут же вспомнил злополучный камень, на который меня угораздило встать.

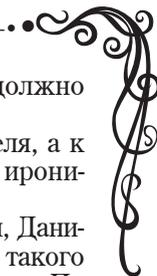
— Было еще веселей, когда мы ударили от разъяренной миссис Мендас, а потом я вытаскивала из тебя шипы, — засмеялась Дана.

— Со мной тебе никогда не будет скучно, — с уверенностью пообещал я.

— Я ни на секунду в этом не сомневалась!

Взявшись за руки, мы прошли к выходу из сквера, чтобы выйти на тротуар, уже освященный зажегшимся минуту назад светом фонарей. В жилом квартале в это время было уже немногочленно, и мы смогли побыть наедине друг с другом. Мне всегда нравилось веселить Дану, и она уверяла, что я мог рассмешить ее, как никто другой. Поэтому во время нашей прогулки я не упустил момента пошутить и покровляться. С Даной я мог быть собой, не притворяясь тем, кем я на самом деле не являлся. Для меня было важно, что она принимала меня таким, какой я есть, и ее мало интересовали такие материальные вещи, как то, куда я пойду учиться, какую профессию и работу я планировал выбрать себе в будущем. Многие девушки в нашей школе были просто помешаны на разговорах об этом, они старались найти себе подходящих по определенным параметрам парней, как то: богаты ли его родители, была ли у него машина, модно ли он выглядел, достаточно ли большие у него мускулы, являлся ли он членом школьной футбольной команды или нет. Я всегда оценивал людей по их личным качествам, и не считал правильным такое глупое деление по социальному положению или внешним данным. Сам я никогда не любил играть в футбол, и, хотя считается, что каждый американец обязательно должен с радостью гонять мяч, в нашей семье никто никогда им не увлекался. К тому же я далеко не самый красивый и накаченный парень в школе. Однако рядом со мной всегда были люди, ценящие меня именно за мой легкий нрав и веселый, заводной характер. В их числе была и Даниэла. Я считал, что мне очень повезло встретить такую искреннюю и добрую девушку, как она. И я очень надеялся на то, что Дана останется в моей жизни и после того, как мы закончим школу.

Когда я рассказал Даниэле о наших с Марком детективных похождениях, по ее бурной реакции, я понял, — она совсем не ожидала, что мы сможем зайти так далеко. Дана была поражена тем, что я нанялся в помощники к старому писателю исторических романов.

Она отметила, что это было совсем на меня не похоже, и, должно быть, Марк слишком сильно на меня влияет.

— Такими темпами, ты скоро сам превратишься в писателя, а к двадцати годам решишь открыть свой книжный магазин, — с иронией сказала она.

Узнав же о совершенной мной подмене антикварной книги, Даниэла не выказала никаких признаков удивления, объяснив, что такого необдуманного поступка от меня вполне можно было ожидать. По ее мнению, это значило, что пока не все потеряно, и у меня еще были шансы не превратиться в ужасного зануду. Когда Даниэла спросила о наших дальнейших планах, собирались ли мы идти в полицию, и не боялись ли, что миссис Картер заметит пропажу книги, я ответил, что у нас с Марком все обязательно получится, только если мы сможем расшифровать текст. Кроме этого нам больше ничего не оставалось делать, так как у нас не было прямых улик против Бакера, которые можно было бы предъявить полиции, и мы не знали, кто был его сообщником.

Несколько часов, которые мы провели, прогуливаясь по уже безлюдным тротуарам, усыпанных опавшей листвой, прошли слишком быстро, чтобы я и Дана успели наговориться и насладиться обществом друг друга. Около одиннадцати вечера, я проводил Даниэлу до дома, где поцеловал ее на прощание. Я дождался момента, когда в ее комнате зажжется свет, а Дана, открыв окно, выглянет на улицу, и помашет мне рукой.

Обратная дорога не заняла у меня много времени. Зайдя в дом через черный ход на кухне, я надеялся не встретиться ни с кем из домашних, которые обязательно устроили бы мне допрос о том, где я был. Все думали, что я уже давно спал, и эта версия событий меня вполне устраивала. Оказавшись в своей комнате, я не успел даже раздеться, как в дверь неожиданно распахнулась. Тут же некто зажег свет, и, обернувшись, я увидел на пороге взъерошенного Марка, горящие нетерпением глаза которого осматривали комнату.

— Стучаться тебя никто не учил? — недовольно пробурчал я, снимая футболку.

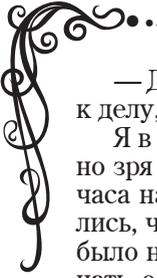
Сфокусировав на мне взгляд, Марк удивленно спросил:

— Я думал, ты уже спишь. Ты же говорил, что устал, а сам только пришел откуда-то? — брат закончил свою вопросительную фразу рассерженным тоном.

— Значит, теперь я не могу никуда выходить из дома, если до этого сказал, что иду спать? — решил для ясности уточнить я у своего строгого родственника.

— Нет, но... ты меня обманул, — Марк не сразу нашел еще одну причину, по которой хотел уличить меня в чем-то незаконном.

— Марк, я, правда, сильно устал. Ты просто так зашел или тебе что-то нужно? — мне надоело, что брат мучил меня своими претензиями, в то время как я не мог понять, чего он от меня хотел.

— Да уж, я вижу, как ты устал, - скептически произнес он. — Если к делу, то я, кажется, смог разгадать шифр Марлоу.

Я в изумлении посмотрел на Марка: без меня он тут времени точно зря не терял. И как у него получилось это сделать, когда еще два часа назад мы с ним окончательно зашли в тупик? Мы ведь убедились, что шифр был сложным, и без помощи мистера Бруклина нам было не справиться. Сгорая от любопытства и желания поскорее узнать, о чем шла речь в зашифрованном послании писателя, я оставил одежду на кровати, и направился в комнату брата, чтобы увидеть все своими глазами.

Марк сел за свой письменный стол и с торжеством победителя, сквозившим в его голосе, начал рассказывать, как именно он сумел понять, что за система кодирования была использована Марлоу.

— После того как ты ушел спать, - Марк испытующе посмотрел на меня, — я решил снова попробовать разобраться с найденным нами кодом. В книге профессора Бруклина я не смог найти ничего подходящего, поэтому покопался в интернете. И мне удалось отыскать статью, натолкнувшую меня на простую, но гениальную мысль, — Марк открыл страницу книги, где рукой Марлоу были записаны числа. — В статье говорилось, что часто подобные цифровые коды, особенно если они каким-либо образом могут быть связаны с книгой, представляют собой не что иное, как числовое обозначение конкретного слова в тексте! — улыбаясь, брат хлопнул ладонью по столу. — И я понял, что в этом шифре каждое слово обозначено тремя цифрами: вначале номер страницы, потом номер строки и затем уже номер слова в этой строке!

Я с широко открытыми глазами смотрел на книгу, лежавшую на столе. Мой брат определенно обладал неординарными умственными способностями, если смог расшифровать код в одиночку. Ведь ему нужно было как-то догадаться, какой именно принцип лежал в основе шифровки Марлоу.

— Посмотри, что у меня получилось, когда я сопоставил все числа, — Марк протянул мне лист, на котором были написаны всего четыре строчки. В них было по четыре слова, что соответствовало двенадцати цифрам, указанных в коде для каждой строки. —

*«Если загадку сумел разгадать,
Значит, тайну суждено узнать.
Последний ключ тебе даю:
Открой миру любовь мою», -*

я прочитал вслух маленькое четверостишие. После него рукой Марка был записан ряд цифр: 42 8 8 69 71 14 58 44.

— Они тоже что-то означают? — спросил я.

— Это пятая строчка кода. Вначале я решил, что это продолжение стихотворения, но если попытаться соотнести, как в предыдущем слу-

чае страницы с номерами строк и слов, то получается, что на указанных листах нет таких строк, либо вообще отсутствовали страницы с такими номерами — Марк почесал затылок. — К тому же в этой строке чисел, меньше, чем в четырех предыдущих. Потом мне пришла мысль, что, эти цифры могут быть кодом к сейфу, или чему-нибудь еще. Но тогда непонятно, где надо искать этот загадочный сейф. Поэтому на данном этапе я зашел в тупик, — произнес задумчивым голосом Марк.

— Может, это зашифрованный адрес, где Марлоу хранит этот сейф? — предположил я.

— Адрес..., — тихо повторил за мной Марк. По его сосредоточенному взгляду я понял, что брата осенила очередная гениальная мысль. Через секунду он уже выхватил из моих рук лист со своими записями, и принялся что-то печатать на планшете.

— Что ты делаешь? — спросил я, встав за спиной брата, чтобы рассмотреть, что могло так внезапно заинтересовать его внимание.

Я увидел, как Марк вводил какой-то текст в поисковый запрос. Тут же на экране отобразились ссылки с выделенными ключевыми словами «географические координаты». Открыв одну из них, Марк издал победный клич, и, посмотрев на меня, радостно произнес:

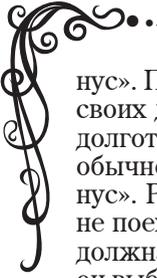
— Ты прав! Эти цифры — адрес, только написанный не словами, а координатами! Все совпадает: здесь как раз нужное количество цифр для указания широты и долготы. Смотри, — Марк взял в руки лист с числами и, вооружившись ручкой, принялся что-то подправлять: — Первые четыре цифры, это широта, указанная градусами, минутами и секундами, а остальные четыре — долгота, написанная по тому же принципу. Так, — протяжно произнес Марк. — Секунды указываются десятичной дробью, которая в географических координатах обозначается точкой. Итак, посмотрим, что у нас получилось, — Марк отложил в сторону лист, ряд чисел на котором преобразился и представлял собой следующую последовательность: $42^{\circ} 8' 8.69$, $71^{\circ} 14' 58.44$ »

Брат открыл на планшете электронную карту, где в строку поиска ввел полученные им значения. На карте появилась точка, обозначающая искомый объект. Увеличив изображение, мы прочли над красным флажком надпись: «Киргизия». Конкретно точка на карте никуда не указывала, а просто располагалась посреди бескрайнего поля.

— Ты уверен, что все расшифровал правильно? — с сомнением произнес я. — Вряд ли Марлоу спрятал разгадку своей тайны на другом конце планеты: он же всю жизнь прожил в Америке, как он умудрился попасть в Узбекистан.

— Я уверен, ошибки быть не может, — стоял на своем Марк. Он снова взглянул на лист с координатами и, вдруг улыбнувшись, сказал:

— Ну, конечно же! Почему я сразу этого не заметил, — это же элементарно! — он зачем-то поставил напротив числа 71 знак «ми-

нус». После этого брат все-таки решил обрадовать меня объяснением своих действий: — В географии выделяют восточную или западную долготу. Первая из них записывается со знаком «плюс», который обычно опускают, а вот западную долготу указывают со знаком «минус». Раз Марлоу жил в Америке, то логично предположить, что он не поехал бы в Узбекистан, чтобы спрятать некий предмет, который должна была после его смерти найти жена писателя. Скорее всего, он выбрал для тайника или следующего этапа своей головоломки более-менее доступное место, где-то в США. Мы знаем, что Америка находится на Западе, значит, в записи координат не хватает соответствующего знака перед числами, обозначающими долготу. Еще одна загадка от Марлоу!

В подтверждение своих слов, Марк исправил ошибку в запросе, который он вводил в поисковую строку, и на экране появилась карта Бостона. Яркий указатель располагался вдали от центра города.

— Это же пригород Бостона – Уолпол! – воскликнул я, когда брат приблизил изображение.

— Так и есть, — кивнул брат. — Эти координаты указывают на конкретный адрес, — Марк навел курсор на флажок, и, во всплывающем окне отобразился текст: «Ист стрит, 1». — Том, помнишь, когда мы читали автобиографию Марлоу, там было упоминание о газетном магнате, который взял Кларенса на работу в Бостон?

— Кажется, да, — кивнул я, не совсем понимая, почему Марк вспомнил о нем именно сейчас.

— Так может быть Марлоу жил именно в Уолполе, когда сбежал из дома с Элизабет? Оттуда он потом и переехал в Бостон, — сказал Марк.

— То есть, ты предполагаешь, что по адресу, указанному в книге, располагается дом, в котором когда-то жил Марлоу? — следуя по цепочке рассуждений своего брата, размышлял я.

— Именно! — подтвердил мои догадки Марк.

— Похоже, мы вплотную приблизились к разгадке тайны, окружавшей смерть Кларенса Марлоу больше ста лет, — улыбнувшись в предвкушении долгожданного момента, ожидавшего нас впереди, произнес я.

— Решено! Завтра мы должны во что бы то ни стало оказаться там, — Марк указал на область карты, где черными буквами, было выведено — «Уолпол».

Утром я находился в очень воодушевленном состоянии. Впереди нас ожидало невероятное приключение: возможно, мы окажемся в доме, где когда-то жил и писал, тогда еще никому не известные романы, знаменитый Кларенс Марлоу. У нас даже был шанс раскрыть тайну его завещания, содержавшего много непонятных и даже странных указаний. Создание стихотворения «Послание к Элизабет», которое

на самом деле было зашифрованным письмом автора к своей жене, решение Марлоу опубликовать его после смерти супруги, организация аукциона с обязательной продажей книги, которая оказалась ключом к разгадке тайны, окружавшей жизнь писателя, — все эти поступки оставались непонятными, но, быть может, именно сегодня мы с братом сможем узнать их истинную подоплеку.

Предстоящее событие омрачала только необходимость идти на занятия, прогулять которые я не мог: мистер Нельсон установил жесткий контроль над всеми нарушителями порядка в столовой, одним из главных участников среди которых был я. Таким образом директор надеялся укрепить дисциплину и улучшить успеваемость, чтобы ученикам даже в голову не приходило в следующий раз завязать драку на школьной территории. По его словам, за ее пределами мы были вольны делать все, что хотели, но нам следовало помнить: любой наш серьезный проступок мог грозить исключением с занесением причины в личное дело. Конечно, никто не хотел серьезно рисковать, тем более что это напрямую влияло на будущую возможность поступить в желаемый университет или колледж. По всем этим причинам я не мог позволить себе небольшое удовольствие, и посвятить один день решению только собственных проблем, никак не связанных с обучением.

За завтраком компанией мне составил не только Марк, с энтузиазмом строивший планы на послеобеденное время, когда мы собирались посетить Уолпол, но и мистер Свит, с отвратительной улыбочкой на свиноподобном лице вещавший из телевизора об утренних новостях. Сегодня погода порадовала нас безоблачным небом и теплым осенним солнцем, поэтому мы с братом рассчитывали не только на интересную, но и приятную поездку.

В самый разгар наших с Марком обсуждений, на кухне появился Стеф. Он был одет в красивый темно-синего цвета костюм с галстуком и демонстрировал идеально начищенные черные кожаные ботинки. Как только Стеф зашел на кухню, я сразу почувствовал терпкий аромат туалетной воды, исходивший от моего старшего брата.

-Куда же ты так вырядился? — поинтересовался я.

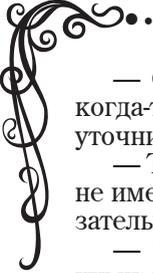
Проведя рукой по уложенным гелем блестящим волосам, брат с пафосом ответил:

— Сегодня я буду присутствовать в суде, где мой куратор по выпускной работе представляет интересы обвиняемого. Мне будет полезно поучаствовать в заседании.

— Какие мы важные! — присвистнул Марк.

— Я не важный, я — будущий адвокат, а он, к твоему сведению, должен выглядеть соответствующим образом, — отбрил Марка Стеф.

— Ничего не имею против твоего внешнего вида, - не стал спорить с ним Марк.

— Стеф, когда ты в последний раз одевал так любимые тобой когда-то широкие джинсы и майку с провокационной надписью? - уточнил я, желая спустить Стефа с небес на землю.

— Только попробуй сказать это при моих знакомых: они понятия не имеют, что когда-то я выглядел, как ты, — брат ткнул в меня указательным пальцем.

— Смотря какие обстоятельства сложатся при моей встрече с ними: иногда воспоминания прошлого так сближают людей, — с наигранной ностальгией в голосе произнес я.

Стеф уже начинал закипать. Я понял это по его раздутым ноздрям и взгляду рассерженных глаз. Наверное, он высказал бы мне целую тираду, но прежде, чем он успел это сделать, вмешался Марк:

— Вы только посмотрите, кого показывают по телевизору! — воскликнул он. Взяв пульт, Марк сделал звук громче.

Взглянув на экран, я не поверил своим глазам. Стеф хотел что-то возразить Марку, но, увидев нашу реакцию на новости, с интересом посмотрел в сторону телевизора. В этот момент мистер Свит рассказывал о проходившей сегодня в Нью-Йорке конференции литературного сообщества «Сила пера», которая была созвана по причине недавнего выхода в свет книги одного из членов данного общества — Алана Шварца. Его работа вызвала многочисленные отзывы, среди которых было немало и резко отрицательных: многие обвиняли Алана в плагиате, что, по словам телеведущего, являлось «тягчайшей раной для репутации молодого писателя, нанесенной ему стаей разъяренных волков». Под «разъяренными волками» Свит имел в виду заслуженных критиков и авторов, среди которых перечислил и Бенджамин Бакера.

— Посмотрите на лица этих старых, закаленных опытом и непосильной борьбой с общественностью, писателей, — проникновенным голосом вещал Свит, когда камера показывала телезрителям с два десятка стариков и престарелых женщин, сморщенных, как сушеная груша. Они сидели за круглым столом, одетые в презентабельные костюмы и платья, в очках, и что-то оживленно обсуждали. — Именно сегодня они решат судьбу молодого дарования, которого, по нашим данным, хотят отправить в безвестность, как агнца на заклание. Если открытым голосованием председательствующим составом общества будет принято решение об исключении мистера Шварца из членов «Силы пера», то это сильно подкосит его, еще так недавно, блестяще начинавшуюся карьеру писателя, - с горечью в голосе закончил Свит.

Картинка на экране изменилась. Перед нами появился Бенджамин Бакер, сзади которого маячил парень, сильно похожий на его ассистента, Чедда Трейси. Писатель, нахмурившись, говорил о недопустимости появления в литературных рядах «отъявленных преступников, которые не имеют никакого таланта, кроме того, чтобы воровать чужие идеи». Тут же снова появился Свит, сообщивший,

что известный писатель-историк Бенджамин Бакер не смог остаться равнодушным к происходящему, и лично, в сопровождении своего ассистента, прилетел вчера вечером в Нью-Йорк, чтобы успеть к началу утренней конференции.

— Вчера Бакер ничего не сказал мне о предстоящем рейсе, - шепнул я на ухо Марку, чтобы нас не услышал Стеф.

— Это легко объяснить: вряд ли он стал бы распространяться о своих планах с малознакомым ему человеком, — тихо ответил Марк.

По телевизору крупным планом снова показали Бакера, рядом с ним действительно стоял Чед с непроницаемым выражением на лице.

— Так это же Чед Трейси! — воскликнул Стеф. — Я и не знал, что он работает у этого писателя.

Мы с Марком встрепенулись.

— Ты знаешь этого парня? — аккуратно спросил я, стараясь не показать, что знаком с ним.

Стеф кивнул:

— Еще бы я его не знал! Он друг Джо, и мы несколько раз отдыхали все вместе.

— Какого Джо? — переспросил Марк.

— Вы с ним знакомы — Джордж Палмер, мой друг, которого хотели посадить за нападение на его тетку, — объяснил Стеф.

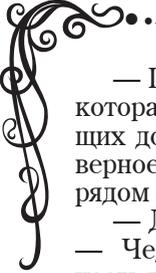
— Не может быть! — восклицание невольно вырвалось у меня изо рта.

— Почему не может? — насторожился Стеф. — Ты о чем говоришь?

— Ничего важного, — отмахнулся я, приняв отстраненный вид. — Нам с Марком уже пора. Мы пойдем, - встав из-за стола, я помахал одной рукой Стефу, а другой пихнул Марка, чтобы он быстрее шел в коридор, пока Стефан не начал ни о чем расспрашивать нас.

Не говоря ни слова, мы взяли свои сумки, лежавшие у комода недалеко от входной двери, и вышли на улицу. Оказавшись на пороге дома, мы с Марком переглянулись. Увидев блеск в его глазах, я понял, что Марк тоже, как и я, нашел недостающий кусочек мозаики. Теперь у нас сложилась полная картина произошедшего, и мы без труда смогли построить всю цепочку событий.

— Ты понимаешь, что это значит? — Марк был поражен открывшимися обстоятельствами не меньше меня. — Чед — друг Джорджа и ассистент писателя! У него была масса возможностей сделать слепок с ключей Джо, он мог без труда выяснить, когда именно миссис Картер не будет дома, ему даже не надо было за ней следить! Чед мог от Джорджа узнать о том, что муж его тети был заядлым коллекционером и когда-то давно приобрел потрепанный томик «Истины времени». Он рассказал об этом Бакеру, который мог попросить Чеда о помощи в поиске потерянной ценности. Так и созрел их план выкрасть желанную книгу.

— Помнишь, миссис Коллинз говорила о темно-зеленой машине, которая за неделю до первого ограбления ездила вокруг близлежащих домов? — обратился я к Марку, он кивнул мне в ответ. — Наверное, Чед выяснял, как расположен дом тети Джорджа, кто живет рядом с ней, чтобы спланировать ограбление!

— Да, я тоже об этом только что подумал, — вторил мне Марк. — Чед и есть сообщник, который помогал Бакеру осуществить ту часть плана, которую пожилой писатель никак не смог бы сделать в одиночку! — читал мои мысли брат. — Теперь мы знаем, кто виноват в том, что случилось с миссис Картер.

— Значит, больше мне не придется выполнять просьбы Бакера и таскаться после занятий в издательство, — я вздохнул с облегчением. — Если бы мы не выяснили, кто был нападавшим, мне пришлось бы идти в типографию, что бы забрать эксклюзивный тираж новой книги Бакера, — я постарался передразнить голос писателя.

— Теперь в этом нет никакой необходимости, — согласился со мной Марк. — Наверное, поездку в Уолпол нам придется передать полиции.

Это меня расстроило, так как мне очень хотелось лично увидеть место, где жил Кларенс Марлоу. И, если мы решили передать дело в руки полиции, то значит, навсегда упустили возможность раскрыть вековую тайну завещания писателя самостоятельно.

— Нам надо обязательно сообщить обо всем полиции, — сказал я, готовый прямо сейчас бежать в полицейский участок.

Марк посмотрел на наручные часы и взволнованным голосом ответил:

— Отложим это до обеда — у меня через час будет важное тестирование, я не могу пропустить его. Да и тебе не стоит опаздывать на занятия, — напомнил брат. — В половине третьего встретимся у участка. Когда Стеф узнает, что с нашей помощью Тейлор арестовал Бакера и Чеда, то поймет, что зря он тогда не поверил в мои способности!

— Ты все еще злишься на него из-за того случая в полиции? — удивился я. — К тому же, ты не один раскрыл преступника, — мне стало обидно из-за того, что Марк все, чего мы добились вместе, приписывал только себе.

— Я бы никогда не забыл о твоей роли в разоблачении Бакера: без тебя мы бы не нашли многие важные улики, — успокоил меня брат. — И на Стефа я не злюсь, — я воспринял наш конфликт, как пари, которое я в итоге выиграл, а вот он — проиграл, — довольно улыбнулся Марк.

— Сладок вкус победы, — засмеялся я, удивляясь обидчивости своего брата.

Расставшись с Марком, я побежал на школьный автобус, который должен был приехать с минуты на минуту. Новая встреча со старым

водителем внесла смуту в мое сознание. Как только я вошел в салон, мужчина с улыбкой поздоровался со мной, как будто был моим лучшим другом. От изумления я ничего не смог ему ответить и молча прошел на свое место. Сегодня точно был необычный день, если водитель, всегда недовольный мною, вдруг поприветствовал меня, как старого приятеля.

Встретившись с Бобом, я не упустил возможности рассказать о случившемся. Вначале он не поверил мне, сказав, что я наверняка его разыгрываю. Когда же я все-таки смог убедить его в том, что говорю правду, Боб признался:

— Конечно, я знал, что твой брат очень умный, но сумеешь разгадать шифр, написанный сто лет назад, сумеешь сделать логически верные выводы из мелочей, которые только он мог заметить, — это больше, чем просто умно, это гениально, — с уважением в голосе произнес он.

— Ты обо мне не забыл? — недовольно спросил я. — Вообще-то без меня Марк бы ни за что не справился бы!

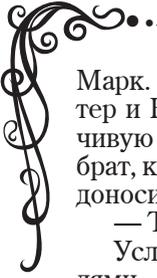
— Друг, как ты мог такое обо мне подумать? — откинувшись на спинку сиденья, Боб указал на себя пальцами обеих рук. — Я никогда не сомневался в твоей гениальности.

После того, как я утолил свою потребность в признании своих талантов, автобус к тому времени уже привез нас к школе, Боб сказал мне, что со вчерашнего дня он теперь встречался с Кэлли. Это событие его очень взволновало, и он не мог не поделиться переполнявшими его эмоциями со мной. Пока мы были в пути, я заметил, что Кэлли, вынужденная сесть с Даниэлой, была не очень довольна, что я занял ее место рядом с Бобом. Однако она промолчала, что было для нее совсем не свойственно. Из этого я сделал вывод, что общение с Бобом влияет на нее плодотворно, и, возможно, через пару месяцев она станет совершенно нормальным человеком.

В школе мистер Нельсон лично проконтролировал, явился ли я на уроки. Эту же процедуру он повторил и в отношении Макклэйна, который стал вести себя намного спокойнее после нашей с ним драки, и сейчас сидел за партой, что-то усердно рисуя в тетради. Директор проверил посещаемость и всех остальных участников конфликта, после чего, довольный достигнутой им дисциплиной, удалился из кабинета.

Даниэла, которой я не преминул пересказать историю наших с Марком утренних изысканий, была обрадована, когда услышала, что мы узнали, кто на самом деле был преступником. Она считала нашу затею очень опасной и боялась, что мы можем каким-то образом пострадать от рук злоумышленников. Я заверил Дану, что мы обязательно после учебы пойдем в полицию, поэтому больше волноваться за нас ей не придется.

После напряженного учебного дня, когда я уже собирался сесть в автобус, чтобы добраться до полицейского участка, мне позвонил

Марк. Он, постоянно путаясь в словах, говорил что-то о миссис Картер и Бакере. Когда я прервал его, не в состоянии понять его сбивчивую речь, и, потребовав, чтобы он объяснил мне все по порядку, брат, который, судя по его учащенному дыханию и городскому шуму, доносившемуся из трубки, говорил на ходу, ответил:

— Том, миссис Картер пропала!

Услышав неожиданную новость, я не сразу смог собраться с мыслями.

— Мне только что позвонил Стеф. Джордж пришел к нему в то время, когда Стеф уже уходил с судебного заседания, и рассказал, что полиция объявила его тетю в розыск, - продолжал тараторить Марк. — Когда Джо сегодня утром пришел к ней домой, он обнаружил, что дверь открыта, а по всей гостиной были разбросаны книги из стеллажа, несколько стульев и кресел были перевернуты. Полицейские сказали, что на лицо все признаки следов борьбы, а учитывая, что миссис Картер не было дома, и она не отвечала на звонки, они сделали вывод о том, что ее похитили, — объяснил брат.

— Но как Бакер или Чед могли похитить ее, если они находятся на конференции в Нью-Йорке? — ничего не понимая, произнес я.

— Значит, мы ошиблись, и они не виновны, — сделал очевидный вывод Марк. — Я расспросил Стефа обо всем подробней, и он сказал мне, что миссис Коллинз, которую допросила полиция, заходила в гости к миссис Картер вчера около восьми часов вечера, то есть через пару часов после нашего ухода. Она утверждает, что пробыла у нее до половины десятого, и когда она уходила, тетя Джорджа была дома и никуда не собиралась идти, - сообщил Марк. — Это значит, что похитили ее, скорее всего ночью, когда писатель с ассистентом уже летели в Нью-Йорк.

— Но это невозможно! Ведь все улики указывают на них, у Бакера был мотив, а у Чеды возможность проникнуть в дом миссис Картер, — не желая принимать во внимание очевидные факты, твердил я.

— Есть еще кто-то, кому необходимо заполучить какую-то вещь из дома миссис Картер. Джордж сказал, что все книги были разбросаны по гостиной. Возможно, преступник искал именно «Истину времени», которая была у нас! Когда грабитель спросил у нее о книге, Миссис Картер не знала, что мы ее подменили, и указала на стеллаж. Не найдя там того, что он искал, преступник решил выместить злость на тете Джорджа, и не известно, что он с ней сделал. Может, он решил пытать ее, чтобы она призналась, куда спрятала книгу, и похитил миссис Картер, - выдвинул новое предположение Марк.

Пока брат высказывал свое видение событий, мне пришла идея о том, как можно было точно удостовериться, были ли Чед Трейси и Бакер причастны к совершенным преступлениям.

— Возможно, что Бакер или Чед похитили женщину, а только после этого улетели на конференцию, — начал рассуждать я. — Нам

нужно узнать, во сколько именно у них был рейс. И я даже знаю, кто может нам в этом помочь!

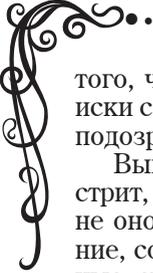
— Мисс Миллер! — догадался брат. — Ты говорил, что Бакер дал тебе какое-то поручение в типографии, — вот и повод, чтобы встретиться с его милым секретарем. Если она скажет, что рейс писателя был позже одиннадцати часов, то у одного из наших подозреваемых вполне оставалось время после ухода миссис Коллинз, чтобы проникнуть в дом тети Джорджа, — заключил Марк.

Закончив разговор с братом, я, подгоняемый желанием разобраться с мучившей меня неизвестностью относительно виновности Бакера как можно быстрее, направился от автобусной остановки к метро. Так я быстрее мог добраться до типографии, адрес которой вчера дал мне писатель. Здание находилось в районе Даунтауна, поэтому мне предстояла неблизкая дорога. Однако я мог доехать до нужной мне станции без пересадки, по одной ветке метро.

Сидеть на одном месте в течение почти получаса было для меня настоящим испытанием. За время, проведенное мною в поезде, я успел перебрать в голове все имевшиеся у нас улики и доказательства, и снова и снова приходил к выводу, что больше ни у кого, кроме Бакера, не было мотива пытаться ограбить дом миссис Картер. Главной уликой, говорившей в пользу заинтересованности Бакера, была газета, которую я нашел в его потайном сейфе: упоминание в ней об аукционе, где была продана книга, теперь находившаяся у тети Джорджа, свидетельствовало о том, что Бакер знал о существовании этого экземпляра. А зашифрованные им в записной книжке строки из «Послания к Элизабет» - о том, что он пытался разгадать, или уже разгадал их тайный смысл. Он интересовался жизнью Марлоу, значит, не мог не знать о тайне его завещания. Если бы Бакер смог раскрыть ее, это «взорвало» бы литературное сообщество, сообщи он об этом во всеулышание, написав очередную книгу.

У Чедда тоже была заинтересованность оказать Бакеру помощь в поиске книги. Будучи ассистентом такого знаменитого писателя, в будущем он мог рассчитывать на его содействие в продвижении своей книги или написании научной работы. Чед легко мог сделать слепок с ключей Джорджа от дома его тети, когда они вместе отдыхали. Он также имел возможность ненавязчиво расспрашивать Джо о передвижениях миссис Картер, а значит, был в курсе, что в ночь с субботы на воскресенье ее не будет дома. Он вполне подходил под описание преступника, приведенного миссис Картер: был молодым и сильным, и мог запросто справиться со слабой женщиной, когда решил похитить ее.

Но все эти улики, в совокупности доказывающие, что преступниками были именно Чед Трейси и Бенджамин Бакер, разбивались об очевидный факт: вчера вечером они улетели на конференцию в Нью-Йорк. Поэтому весь исход нашего расследования зависел от

того, что скажет мисс Миллер: придется ли нам начинать свои поиски с нуля, или мы были правы, изначально избрав Бакера главным подозреваемым.

Выйдя на нужной станции, я нашел двадцатый пятый дом по Отис стрит, где и располагалось шестиэтажное здание типографии. Внешне оно было похоже на обычное средних размеров офисное строение, совсем не напоминавшее завод или фабрику. Стены, выложенные светлой облицовочной плиткой, придавали зданию довольно презентабельный вид, и оно сумело не потеряться, находясь вблизи от впечатляющих своими размерами и отделкой небоскребов. Просторный порог здания был укрыт от дождя и снега бетонным навесом, на котором большие, отливающие серебром в лучах солнца буквы сообщили мне, что я пришел в «Типографию Гэрэтта». Пройдя за стеклянные раздвижные двери, я увидел серьезного охранника в форме, сидящего за стойкой чуть дальше от центрального входа. Заметив меня, он поздоровался и сразу поинтересовался, есть ли у меня пропуск. Показав ему выданную мне карточку, я объяснил, что находился здесь в качестве курьера, и должен был забрать несколько экземпляров недавно напечатанной книги. Охранник, внимательно изучив пропуск, предложил мне выложить в специальную коробку все металлические предметы, которые были при мне в тот момент, чтобы пройти металлодетектор, установленный рядом с его столом. Выполнив все указания мужчины, я, наконец, оказался в здании типографии. Охранник, вернув мои вещи, посоветовал мне подняться на лифте на четвертый этаж, где находился офис мистера Симонса, который и должен был выдать мне пакет с книгами.

Большой холл с полом, выложенным кафельной плиткой, и стенами ослепительно белого оттенка, кое-где был украшен цветами в кадках. Вдоль стен были установлены небольшие диванчики, обтянутые светлой кожей. На нескольких из них сидели люди: кто-то переговаривался друг с другом, кто-то работал на компьютере, а некоторые разговаривали по телефону или просто задумчиво смотрели куда-то вдалеку. Пройдя к блестящим стальным дверям лифта, я нажал на кнопку и дождался, пока он спустится вниз. Выпустив из лифта толпу людей с хмурыми лицами, я, зайдя в квадратную зеркальную кабину, нажал на кнопку четвертого этажа. Ни на одном этаже лифт не останавливался, поэтому на электронном табло довольно быстро появилась цифра «четыре», после чего я вышел из открывшихся дверей, попав в большой открытый офис. Десятки людей сидели на своих рабочих местах, каждое из которых было отделено от другого тонкими гипсокартонными перегородками. Они беспрерывно стучали пальцами по клавиатуре, успевая переговариваться друг с другом. Все помещение офиса находилось на фоне панорамного окна, выходившего на центральную улицу Бостона. Отсюда открывался прекрасный вид на город с его величественными небоскребами и

красивыми магазинами, располагавшимися в невысоких таунхаусах, построенных из красного кирпича.

Недалеко от лифта рядом с копировальной машиной стоял толстый лысоватый парень, снимающий с чего-то копии. Чуть дальше от него располагался напольный кулер, облокотившись о который в вальяжной позе спиной ко мне стоял мужчина в черном офисном костюме. В свободной руке он держал пластиковый стакан, и что-то неспешно из него потягивал. Подойдя к нему, я спросил, где мне можно найти мистера Симонса.

— Он прямо перед тобой, — с чувством собственного достоинства ответил мужчина и, выбросил стаканчик в мусорное ведро, стоявшее рядом с кулером.

— Мне надо забрать несколько экземпляров новой книги мистера Бакера, — пояснил я цель своего визита.

После моих слов мистер Симонс, высокий голубоглазый мужчина средних лет с абсолютно белой кожей и практически бесцветными волосами и бровями, приняв нормальное положение, лениво отправился в противоположную от меня сторону, к открытой стеклянной двери:

— Обычно за книгами приходит Чед, — на ходу выкрикнул он. — Ты новый ассистент Бенджамина?

— Нет, — я покачал головой. — Скорее, его временный помощник.

Мы зашли в небольшой кабинет с совершенно прозрачными стенами, от чего у меня появилось ощущение, что я находился в аквариуме и на меня были направлены сразу сотни любопытных глаз. Подойдя к металлической тумбочке, отделанной серым пластиком, мистер Симонс взял с нее небольшую картонную коробку. Передав ее мне, он положил руки в карманы и, наверное, решив, перекинуться со мной парой слов, завязал разговор на отвлеченную тему:

— Да, сегодня выдался напряженный денек, — растягивая слова, произнес мужчина. — Только недавно выпроводил отсюда одного сумасшедшего. Редсон чуть весь офис мне не разнес!

— Редсон? — услышав знакомую фамилию, переспросил я.

— Ага, — кивнул Симонс. — Его, оказывается, перестали устраивать условия договора, по которому «Art Magazine» уже три года спокойно печатало книги его отца. Теперь ему захотелось получать большие отчисления от продажи книг. Ну, а я-то тут причем? — пожав плечами, возмущился он. — Шел бы в издательство и устраивал скандал там.

— Он и в издательстве уже успел побывать, — усмехнулся я, удивляясь скандальному характеру Редсона.

— От него чего угодно можно ожидать, — поддакнул мистер Симонс. — Редсон орал, что сотрет меня в порошок, когда получит деньги. Только откуда он их получит-то? У него с матерью даже биз-

неса никакого нет — все свободные средства они давно в Лас-Вегасе проиграли! — захохотал он.

— Я слышал, что Редсоны, вроде бы богатые, — просто, чтобы поддержать разговор, сказал я.

— Были богатые, — внес уточнение Симонс. — Иначе Дон не пришел бы ко мне, требуя исправить договор. Только ведь я даже не подписывал этого договора, — снова развеселился мужчина.

— Иногда встречаются еще и не такие странные люди, — с улыбкой произнес я.

— Это точно подмечено! Вот, взять хотя бы Кита из компьютерного отдела: как нельзя лучше подходит под понятие «странный», — пустился в пространные рассуждения Симонс.

— Думаю, мне уже пора: мистер Бакер не обрадуется, если я опоздаю, — чувствуя, что бесполезный разговор затягивается, я искал повод, чтобы быстрее уйти.

Долго уговаривать мистера Симонса мне не пришлось. После моих слов он махнул мне вслед рукой, направившись к своему столу, чтобы снять трубку только что зазвонившего телефона.

Коробка с книгами оказалась очень тяжелой. Спустившись на лифте вниз, я немного отдохнул на одном из диванчиков. Мне еще предстояло отвезти в издательство книги. Конечно, это было только предлогом, чтобы спросить у мисс Миллер, когда именно Бенджамин Бакер улетел в Нью-Йорк.

До башни Джона Хэнкока я добрался намного быстрее, чем до типографии: оба здания располагались в центре, поэтому на метро я смог доехать до нужной мне станции буквально за десять минут. Пока я прошел контроль при входе в здание, постояв в очереди, доехал до двадцать пятого этажа на лифте, который делал остановку почти на каждом из них, чтобы люди, которых, как назло, было как никогда много, смогли выйти или сесть в лифт, мои руки уже с трудом удерживали коробку. Как только двери открылись, я обрадованно ускорил шаг, предвкушая момент, когда избавлюсь от этой ненавистной ноши. По издательству, как и всегда, кочевали толпы народа. Сегодня я снова заметил того самого занятого редактора, диктовавшего текст на ходу. Правда, в этот раз, он был без своей спутницы с блокнотом. Редактор встретился мне, как только я вошел в коридор издательства. Пробегая мимо меня, не смотря по сторонам, он вдруг резко повернул к лифту. Я не успел сориентироваться и отойти с его пути. Поэтому через секунду он врезался лбом в коробку, которую я нес впереди себя. Мне хватило и небольшого толчка, чтобы выпустить из ослабших рук свою ношу, которая упала прямо на него. Редактор в мгновение ока оказался на полу, засыпанный книгами, выпавшими из разорвавшегося дна коробки. Не издавая ни звука, он продолжал сидеть посреди коридора с ошарашенным выражением на лице. Испугавшись, что запросто мог убить его, я бросился к нему,

чтобы помочь подняться. Мужчина, продолжая молчать, принял мою помощь и, наконец, встал на ноги. Посмотрев на меня расплывчатым взглядом, он спросил:

— Молодой человек, вы кто?

Не ожидая такого вопроса, я ответил первое, что пришло в голову:

— Том Уиллсон.

— Да-да-да, припоминаю, — потеряв голову, произнес он. — Кажется, вы собирались показать мне наброски своих статей по геодезии.

Не понимая, о чем он говорил, я извинился перед редактором за то, что так неаккуратно нес коробку.

— Ничего страшного, — заверил меня он. — Просто не забудьте зайти в мой офис, меня крайне заинтересовали ваши научные труды, опубликованные в прошлом месяце.

Продолжая потирать затылок, мужчина сел в подошедший лифт. Когда за странным субъектом закрылись двери, я решил, наконец, собрать книги, разлетевшиеся по полу. Проходившие мимо люди очень тактично перешагивали через них, не выказывая совершенно никакого удивления или заинтересованности. К счастью для меня, книг было не так много, и собрать их не составило большого труда. Убедившись, что они не помялись и не повредились, я сложил эксклюзивные издания «Великих разоблачений» в стопку.

Оказавшись рядом с рабочим столом мисс Миллер, я, вздохнув с облегчением, сложил книги на него. Секретарь, увидев меня, улыбнулась:

— Так и думала, что ты обязательно выполнишь поручение мистера Бакера!

Утерев со лба выступивший пот, я приветливым голосом ответил:

— Мистер Бакер очень на меня рассчитывал, я не мог подвести его. Может, я занесу книги в его кабинет?

Мисс Миллер покачала головой:

— Мистер Бакер был вынужден вчера вечером срочно улететь на конференцию в Нью-Йорк, поэтому его кабинет закрыт, — пояснила она. — Оставь книги здесь: я передам их мистеру Бакеру в лучшем виде.

Изобразив удивление, я произнес:

— Вчера, когда я был здесь, мистер Бакер, вроде бы, никуда не собирался.

— Так и есть, но специфика его работы такова, что иногда приходится срываться с места в самый неподходящий момент, — ответила Мелинда. — Часто он вынужден летать даже ночными рейсами, хотя в его возрасте это очень утомительно.

— В этот раз ему снова не повезло? — усмехнувшись, спросил я.

— Как раз наоборот: самолет вылетел в половину восьмого — в самое удобное для него время, — сказала секретарь.

— А Чед здесь? Мне кажется, он настроен ко мне не очень дружелюбно. Может, пока нет мистера Бакера, мы с ним могли бы наладить хоть какой-то контакт, — я говорил, стараясь никак не выдать лихого волнения.

— Да, Чед такой! Вначале, мы тоже никак не могли поладить, но, привыкнув ко мне, он стал более приветливым и разговорчивым со мной, — засмеялась Мисс Миллер. — Но тебе не повезло: он улетел вчера вместе с мистером Бакером. Даже не успел заехать домой, чтобы взять зубную щетку — прямо из издательства поехал в аэропорт. Придется тебе подождать его возвращения.

— Сегодня явно не мой день, — расстроенным голосом ответил я.

— Кстати, почему ты нес книги без упаковки? Тебе не выдали ее в типографии? — вдруг строгим тоном спросила мисс Миллер.

— Нет, в типографии все было нормально, — заверил ее я. Объяснив ситуацию, я рассказал о своей встрече со странным редактором.

— Он, должно быть, принял тебя за Тома Уиллсона — ученого геодезиста, который уже полгода печатается в журнале конкурирующего издательства. Мистер Бранчер очень хочет переманить его к нам, — объяснила мисс Миллер.

— Наверное, я и другой Уиллсон очень похожи, если Бранчер нас перепутал, — предположил я.

— Бряд ли ты похож на сорокапятилетнего мужчину с пронзительно черной бородой, — захихикала секретарь.

Немой вопрос застыл на моем лице. Мелинда, от глаз которой это не ускользнуло, добавила:

— Просто Бранчер никогда не смотрит на человека: он запоминает его имя и его работы — это профессиональная черта.

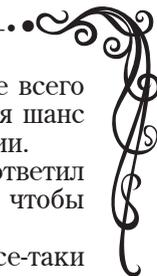
Попрощавшись с мисс Миллер, я ушел из издательства. Только на улице я позвонил Марку, так как опасался, что в помещении кто-нибудь мог подслушать мой разговор. Теперь стало ясно, что Бакер вместе с Челом улетел в Нью-Йорк задолго до того, как некто похитил миссис Картер. Это значило, что преступником мог оказаться кто угодно, в том числе и сотрудник «Art Magazine». И хотя это были только предположения, и причина, по которой настойчивый вор так сильно хотел заполучить неизвестный предмет из дома тетушки Джорджа, могла оказаться совершенно иной, чем мы предполагали, я решил, что будет не лишним применить небольшие меры безопасности.

— Значит, пока посещение полицейского участка откладывается? — спросил я у брата, когда рассказал ему обо всем, что узнал у мисс Миллер.

— Да, — вздохнул Марк. — Похоже, мы сильно поспешили с выводами. Бакер и Чед никак не могли похитить миссис Картер.

— Поэтому мы сможем поехать в Уолпол? — уточнил я.

То, что Бакер оказался не причастен к преступлению, меня обрадовало: все-таки он был неплохим человеком, и мне не хотелось

портить сложившееся у меня впечатление о нем. Но больше всего мне imponировала мысль о том, что у нас все-таки появился шанс раскрыть тайну завещания Марлоу самим, без участия полиции.

— Это единственное, что мы сейчас можем сделать, — ответил Марк. — Встретимся дома, через час. Я договорюсь с отцом, чтобы он одолжил мне свою машину.

— Ты не боишься, что это может плохо кончиться? Все-таки Уолпол находится довольно далеко от Бостона, — я постарался вразумить Марка: на мой взгляд, он еще не водил машину настолько хорошо, чтобы самостоятельно ездить на такие большие расстояния.

— Все будет отлично, — заверил меня Марк.

Дорога до дома заняла у меня ровно один час. Пока я находился в поезде метро, в моей голове неустанно ворочались занимающие меня уже не один день мысли. Теперь, когда я точно был уверен, что Бакер и Чед невиновны, у меня не осталось никаких предположений о личности преступника. Если он похитил миссис Картер, в надежде на то, что она скажет ему, где находилась книга, то он зря тратил время. Она не могла знать о подмене, осуществленной нами с Марком вчера, и поэтому была совершенно бесполезной для злоумышленника. Но это и вызывало у меня беспокойство за ее жизнь: ведь если вор понял, что миссис Картер сама не знала где книга, то он мог убить ее, как ненужного свидетеля. С другой стороны, мы с Марком могли ошибиться в отношении мотива преступления: у грабителя могла быть совершенно иная цель, поэтому он не собирался убивать миссис Картер, а, не справившись самостоятельно, хотел с ее помощью отыскать нужный ему предмет. В любом случае, сейчас у нас не было другого выбора, кроме как отправиться в Уолпол, чтобы попытаться разгадать тайну, оставленную Кларенсом Марлоу. Возможно, если мы узнаем, что именно хотел сказать писатель, оставляя зашифрованные указания, то сможем понять, кто на самом деле был причастен ко всему, что случилось за последнее время с миссис Картер.

Марк каким-то чудом все же смог уговорить отца дать ему на один вечер свою машину. Отец недавно купил себе второй автомобиль, чуть более бюджетный, чем его рабочий, но не менее комфортабельный и красивый. Блестящая, черная, совсем новая «ауди», завораживала взгляд своим представительным видом, а внутри приятно радовала глаз нежно-кремовой гаммой в отделке салона. Но главным достоинством этой машины была установленная в ней аудиосистема, оснащенная по самым высоким требованиям, представляемым к подобному роду техники. Звук, раздававшийся из колонок, расставленных в определенном порядке по всему авто, гипнотизировал меня своим звучанием. Поэтому, оказавшись в машине, первое, что я сделал, - включил песни своих любимых рэп-исполнителей. Сделав звук

как можно громче, я в наслаждении закрыл глаза, прислушиваясь к мелодии, которая звучала здесь лучше, чем где-либо.

Мою музыкальную сессию прервал Марк, который заявил, что ему мешала музыка, и он не мог сосредоточиться на дороге. Уговорив его оставить аудиосистему включенной хотя бы до того момента, когда мы выйдем на оживленные улицы города, я получил возможность послушать рэп еще пару минут.

Уолпол, куда направлялись мы с Марком, находился в тринадцати милях от Бостона. Этот небольшой пригород насчитывал всего пару десятков тысяч человек, но от этого не пользовался репутацией тихого мета для спокойной жизни. В Уолполе находилась мужская тюрьма, где содержались под стражей более восьмисот человек, осужденных за тяжкие преступления. Однако, в этом небольшом городке, относившемуся к крупному округу Норфолк, было построено множество парков и спортивных площадок, где могли проводить свое свободное время не только жители Уолпола, но и приезжие из Бостона и других городов. Поэтому он был довольно популярным местом для того, чтобы провести выходные на природе и в непосредственной близости от города. Одна из главных достопримечательностей Уолпола — Парк Френсиса Уильяма Беда, занимавший восемьдесят девять акров. Он был заложен в 1925 году и с тех пор стал основным местом скопления приезжающих в Уолпол на отдых людей. Прекрасные велосипедные и пешеходные дорожки граничили здесь с площадками для баскетбола и теннисным кортом. Яблоневый сад и тенистые рощи деревьев дополняли многочисленные небольшие пруды, разбросанные по всей территории парка. В целом, Уолпол был совсем неплохим пригородным городом, с чистыми улицами и красивыми, небольшими уютными домами местных жителей.

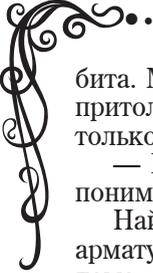
Чтобы добраться до Уолпола, нам с Марком понадобилось около сорока пяти минут. Нам повезло не попасть в пробку, поэтому быстро проскочив городские дороги, мы выехали на шоссе I-93. Проехав в этом направлении большую часть пути, мы свернули вначале на трассу I-95 S, а потом, чтобы выехать на Уолпол, — на магистраль Бостон Провиденс.

С помощью навигатора мы без особых усилий смогли попасть в Уолпол, но с поиском нужного нам адреса у нас возникла проблема. Место, в которое мы направлялись, больше напоминало лес, нежели жилой район. Если еще десять минут назад мы были на оживленных улицах города, то сейчас мы находились на самой его окраине. Вокруг дороги, ведущей в том направлении, которое указывал навигатор, стройными рядами выстроились сосны и ели. На проезжей части было не видно ни одной машины, тротуаров тут и в помине не было, и мы с Марком начали сомневаться, в правильном ли направлении мы ехали. Остановившись на обочине, мы стали из-

учать маршрут. Просмотрев его от начала до конца, у нас не осталось сомнений, что двигались мы в верном направлении. До места назначения, обозначенного на экране, встроенного в приборную панель автомобиля компьютера, красным указателем, оставалось чуть меньше мили. За время нашей небольшой стоянки, мимо нас проехал всего один пикап, кузов которого был доверху нагружен распиленными бревнами. Водитель пикапа слегка притормозил, заметив нашу машину, и наклонился к рулю, чтобы рассмотреть нас. По выражению его лица я понял, что мужчина был сильно озадачен, увидев наш автомобиль. Но он не остановился, ничего не спросил, — просто проехал дальше. Его странное поведение нас ничуть не удивило — Уолпол небольшой городок, здесь все знакомы друг с другом. Поэтому заметив нездешнюю машину, мужчина проявил свойственное большинству жителей подобных городов любопытство и наблюдательность.

Решив двигаться дальше, мы снова выехали на трассу. Еще пару минут перед нашими глазами мелькала все та же самая узкая асфальтированная полоса дороги, окруженная с двух сторон лесом. Наконец, за поворотом мы увидели небольшой деревянный домик в один этаж. Выглядел он очень старым и заброшенным, с забитыми досками окнами, и было ясно, что люди уже давно сюда не заглядывали. Марк припарковал машину прямо напротив этого строения, так как приятный женский голос из навигатора сообщил, что мы прибыли в место назначения. К слову сказать, брат держался за рулем очень уверенно и ни разу не поддался привычной для него паники, поэтому я перестал волноваться о том, как мы поедем домой: если уж он справился, и смог долго вести машину по незнакомому ему маршруту, то обратно Марк точно меня довезет.

Выйдя на улицу, я осмотрелся вокруг. Вблизи старого дома не было видно никаких жилых строений, точнее сказать, там вообще больше ничего не было: вокруг простирался только лес. Дорога, с которой мы свернули, уходила вдаль, и было неизвестно, куда она вела. Столбов электричества я тоже здесь не заметил, и пришел к выводу, что мы с братом умудрились заехать в несуетную глушь. Маленький дворик, окружавший заброшенный дом, сильно зарос травой. Чтобы подобраться к двери, нам с Марком пришлось лезть сквозь частокол колючих сорняков и бурьяна. Оказавшись на крыльце и попробовав открыть дверь, мы убедились, что внутрь через нее нам никак не попасть: она, как и окна, была наглухо заколочена деревянными палками. Обходить дом вокруг мне очень не хотелось, потому что я уже успел нацепить на одежду уйму колючек и поцарапать руки, когда расчищал себе путь. Но нам надо было найти хоть какой-то способ оказаться внутри домика, поэтому пришлось снова пуститься на борьбу с сорняками. Обогнув дом, мы увидели дверь черного входа, которая, как и центральная, была наглухо за-

бита. Марк подошел к ней и попытался оторвать приколоченные к притолокам палки. Из этой затеи у него ничего путного не вышло: он только поцарапал пальцы.

— Может, нам поддеть эти доски чем-нибудь? — предложил я, понимая, что другого пути у нас нет.

Найдя в близлежащих кустах, заваленных всяким хламом, кусок арматуры, я отдал его брату, чтобы тот воспользовался им в качестве лома.

— Почему именно я должен это делать? — возмутился Марк.

— Ты сам первым выразил непреодолимое желание открыть дверь, — с улыбкой пояснил я.

Марк, состроив недовольную гримасу, ничего не ответил. Уперев один конец железа в дверь и надавив на другой, брат радостным голосом сообщил, что у него, похоже все получится. Через пару секунд доска, которая, должно быть за столько времени успела сильно подгнить, легко отскочила от двери. Обрадовавшись, что теперь мы все-таки сможем посмотреть, что находилось внутри старого коттеджа, я помог брату, и вдвоем мы быстро разделались со всеми оставшимися досками. Представшая перед нами дверь была закрыта на небольшой замок, который, однако, от времени сильно расшатался. Когда Марк с силой дернул дверь за ручку, замок сломался, и путь в дом был нам открыт.

В помещении, в котором мы оказались через секунду, было довольно темно и прохладно. Сквозь щели между досок, которыми были забиты окна, проникало совсем немного света, поэтому чтобы осмотреться вокруг, нам нужно было дополнительное освещение. Достав из рюкзака заранее приготовленные фонарики, я отдал один Марку. Освещая пространство перед собой, мы смогли лучше рассмотреть место, в которое нас с братом привело наше так неожиданно начавшееся приключение. Весь дом представлял собой одну средних размеров квадратную комнату, служившую хозяевам этого дома, скорее всего гостиной, спальней, и кухней одновременно. Деревянные стены смотрелись совершенно голыми, они даже не были окрашены. Весь потолок был затянут паутиной, как и углы комнаты, а пол под нашими ногами постоянно скрипел, куда бы мы ни наступали. Этот скрип меня сильно настораживал, так как заставлял переживать за перспективу в любой момент провалиться вниз. Комната была практически пустой, те же предметы мебели, которые здесь находились, были покрыты толстым слоем пыли. Еще в доме прямо напротив двери черного входа был небольшой кирпичный камин, уже начавший разрушаться. На узкой каминной полке одиноко лежало гусиное перо, которое, по-видимому, когда-то давно служило для письма.

Мы с Марком решили, что надо тщательно обыскать дом. Если Кларенс Марлоу оставил здесь еще какие-то указания, то мы обяза-

тельно должны были их найти. Марк начал обыск со старого шкафа, расположенного в другом конце комнаты, а я — со старинного деревянного комода, стоявшего недалеко от одного из окон. Выдвинув все ящики, я с разочарованием обнаружил, что комод был совершенно пуст. Это обстоятельство меня не обрадовало: я понимал, если мы с Марком не сможем выяснить, что именно имел в виду Марлоу, оставляя указание на этот дом в своей книге, то можно было с уверенностью сказать о том, что в этом случае у нас уже вряд ли получится узнать, зачем писателю нужно было оставлять такие странные послания.

Комод не оправдал возложенных мной на него ожиданий, поэтому я переключил свое внимание на большой деревянный сундук, стянутый железными пластинами. Крышка оказалась такой тяжелой, что с трудом смог ее поднять. Посветив внутрь фонариком, я увидел на дне прямоугольный лист бумаги. Достав его и вытерев рукавом пыль, я обнаружил, что это была старая фотография. На пожелтевшей бумаге черно-белой фотографии были изображены молодые парень и девушка в костюмах, какие носили в Америке девятнадцатого века. Парень, сидевший на стуле, был одет в пиджак свободного кроя и темные брюки, штанины которых были заправлены в кожаные сапоги. Молодой человек носил небольшие усы и маленькие с круглыми стеклами очки. Девушка стояла рядом с ним, положив руку на плечо спутника. На голове у мисс была элегантная шляпка с завязанными под подбородком бантом лентами, а одета она была в светлое платье с длинными рукавами, доходившее до самого пола. Перевернув фотографию, я увидел надпись, сделанную чернилами: «Кларенс и Элизабет. Уолпол, 1824 год».

— Марк, кажется это действительно дом Марлоу, — крикнул я брату, изучая фотографию.

— Почему ты так в этом уверен? — любопытствовал Марк.

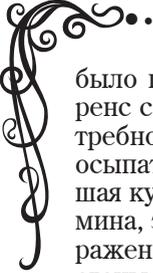
— Ты сам посмотри, — предложил ему я.

Закрыв шкаф, в котором брат, конечно, не нашел ничего интересного, Марк подошел ко мне и, прищурившись, рассмотрел под светом фонаря фото.

— Похоже на то, — согласился он. — И как Кларенс только попал в такую глушь: если даже сейчас здесь в районе нескольких миль никого нет, то что же было раньше.

— Они же сбежали из дома, скрывались от отца Элизабет, который мог их искать, вот и поселились подальше от людей, — ответил я, вспоминая факты из биографии писателя.

Кроме тех предметов мебели, что мы с братом осмотрели, в комнате больше ничего не было, отсутствовала даже кровать. Нам оставалось обыскать только камин. Больше мест, где можно было хоть что-то спрятать, просто не осталось. Марк высказал мнение о том, что раньше в каминных трубах всегда делали тайники, куда можно

было прятать деньги и драгоценности. Я напомнил брату, что Кларенс с Элизабет жили очень бедно, поэтому вряд ли у них была потребность в таком импровизированном сейфе. Труба камина начала осыпаться и в том месте, куда обычно клали дрова, лежала небольшая куча обломков от кирпичей. Марк прощупал заднюю стенку камина, залез рукой в трубу, даже заглянул туда. Разыгравшееся воображение брата никак не давало ему покоя, и он предложил разбить стены камина, чтобы убедиться, что Марлоу не спрятал в них то, что мы и должны были отыскать в этом доме. Отговорив Марка от этой затеи, я в задумчивости посмотрел вокруг. Просто так оставлять координаты своего старого жилища писатель не стал бы. К тому же, он сопровождал их не большим четверостишием, где называл свой дом «последним ключом к разгадке тайны». Эта тайна была как-то связана с Элизабет, потому что в стихотворении Марлоу хотел, чтобы читатель «открыл миру его любовь». А любовью всей жизни Кларенса, как нам известно, была именно Элизабет. Поэтому чтобы Марлоу ни спрятал в доме, где мы сейчас находились, здесь не было такого места, где можно было бы устроить тайник, даже камин, на который так рассчитывал Марк, оказался бесполезным помощником в наших поисках.

Поняв, что окончательно зашли в тупик, мы с Марком в раздумьях, остановились у камина. Как действовать дальше, мы не знали. Если мы сейчас уехали бы домой, то на разгадке тайны Марлоу можно было ставить жирный крест. Кто был грабителем, проникшим в дом миссис Картер, а теперь и похитившим ее, мы тоже не знали. Бакер и Чед, так удобно подходившие на роль преступников, оказались совершенно ни при чем. И как икать настоящего злоумышленника, когда у нас не было ни единой зацепки, мы не предполагали.

Вдруг за нашей спиной раздался резкий звук. Именно так скрипели старые полы, когда мы ходили по дому. Но звук был очень сильный, как будто кто-то бежал. Овернувшись, я увидел человека в маске, одетого во все черное, который за секунду оказавшись рядом с нами, размахнувшись, ударил Марка рукой по лицу. Не ожидая нападения, брат упал на пол. Оцепенев от ужаса, я взглянул на неизвестного. Он, снова подняв руку, намеривался ударить и меня. Следуя инстинкту, я почему-то резко нагнулся влево, таким образом уйдя от удара, который, придиись он по мне, наверняка, сломал бы мне челюсть. Неизвестный, поняв, что промахнулся, вдруг резко подался в сторону и схватил мой рюкзак, который я оставил недалеко от себя, на полу. Я вспомнил, что в нем лежала книга миссис Картер, которую я взял с собой, чтобы отдать детективу Тейлору. Но потом, когда выяснилось, что в полицию мы не пойдём, я совсем забыл о ней, и поэтому не оставил дома. Понимая, что нельзя допустить, чтобы неизвестный забрал рюкзак, я, подбежав к преступнику, запрыгнул ему на спину, когда тот пытался сбежать. Злоумышленник явно

не ожидал, что ему окажут хоть какое-то сопротивление. Потеряв равновесие, он упал на пол и стал пытаться стряхнуть меня с себя. Обхватив его шею руками, я изо всех сил старался не дать ему подняться на ноги. Находясь к брату спиной, я не мог видеть, что с ним, и в сознании ли он:

— Марк! Быстрее, помоги мне! — крикнул я, надеясь, что он придет мне на помощь.

Но брат не отвечал. Осознавая, что не смогу справиться с незнакомцем в одиночку, я почувствовал, как мои руки начинали ослабевать. Преступник тоже это понял, потому что резко дернувшись, сумел высвободиться из моих объятий. Из последних сил я схватился одной рукой за маску, и когда неизвестный встал с пола, сорвал ее с него. В полумраке комнаты, я не разглядел, кто стоял передо мной. Воспользовавшись тем, что нападавший был ненадолго обескуражен, я встал на ноги и бросился к рюкзаку, отлетевшему во время драки от того места, где мы боролись. Не успев взять его в руки, я вдруг почувствовал что-то холодное и острое совсем рядом со своей шеей.

— Еще одно движение, и ты — труп! — прошептал голос позади меня.

Эта угроза, подтвержденная ножом, приставленным к моему горлу, заставила меня встать в полный рост. Дрожая от страха за свою жизнь, я увидел, что Марк только что пришел в себя. Свет фонарика, выпавшего из его рук, был направлен в мою сторону. Поэтому, сфокусировав взгляд, Марк в испуге вскочил на ноги.

— Отпусти его, — голосом, полным волнения, попросил он невидимого мне человека.

Позади меня раздался тихий смех.

— Думаешь, теперь, когда вы видели мое лицо, я могу отпустить вас живыми? — спросил знакомый женский голос.

Я не мог в это поверить: преступником оказалась женщина, и именно она до этого момента всегда оставалась для меня вне подозрений.

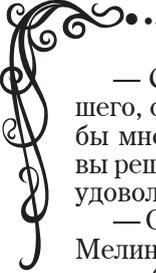
— Мелинда?! — в изумлении воскликнул я. — Это ты?!

— Не очень приятное открытие, правда? — с издевкой спросила мисс Миллер. — Ты, наверное, думал, что смог запудрить мне мозги. Но я сразу поняла: ты не просто так объявился в издательстве. Постоянно что-то вынюхивал.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Марк, лицо которого покрывало выражение ужаса. Я даже представить себе не мог, каково ему было видеть меня, находившегося на волоске от смерти.

— Какой глупый вопрос! — воскликнула мисс Миллер. — Конечно, ради денег.

— Отпусти моего брата, — снова повторил Марк. — Мы отдадим все, что тебе нужно, но только, пожалуйста, не трогай его!

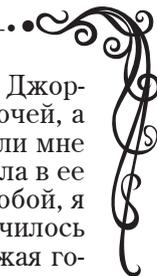
— Слишком поздно, — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, ответила Мелинда. — Если бы вы не сопротивлялись и отдали бы мне книгу сами, мы больше никогда бы не встретились. Но раз вы решили стать героями... что ж, никак не могу отказать вам в этом удовольствии! — засмеялась она.

— О какой книге ты говоришь? — Марк отчаянно пытался убедить Мелинду, что мы ничего не знали о той вещи, которую она искала.

— Со мной этот фокус не пройдет, — заверила мисс Миллер моего брата. — Лаура все мне рассказала — даже пытаться не пришлось. Посидев пару часов в подвале с крысами и поняв, что я с ней не шучу, она вспомнила, как соседские подростки приходили к ней накануне вечером и интересовались именно «Истиной времени». «Какое совпадение!» — подумала я. — «Ведь один из этих любопытных идиотов недавно, как будто из ниоткуда, появился в издательстве». Я поняла, что это вы стащили книгу, а уж проследить сегодня от издательства за тобой, Том, мне не составило совершенно никакого труда: я ведь знала, что ты обязательно придешь выполнить поручение Бакера, — грубым голосом ответила Мелинда.

— Но как ты узнала, что книга находится именно у миссис Картер? — с трудом выговаривая слова, спросил я.

— Если хотите послушать одну занимательную историю, — ничего не имею против. Все равно она будет последней в вашей жизни, — мрачно произнесла Мелинда. — Мой дед однажды рассказал мне занимательную историю о книге, которую у него купил очень представительный мужчина. К сожалению, мой дед был необразованным болваном, поэтому не мог понять, какую ценную вещь он продал на блошином рынке за пятьдесят баксов. Мне нужно было подтверждение того, что книга вообще существовала. Поэтому я нашла в библиотечном архиве газету, где упоминалась именно та «Истина времени», написанная в 1841 году. Когда я узнала, что в руках моей семьи было настоящее сокровище, я решила во что бы то ни стало вернуть книгу себе. Я всю свою жизнь прожила в нищете, всего добивалась сама, а могла бы жить в роскоши, если бы этому старому идиоту не пришлось в голову продать антикварную вещь за бесценок! — со злостью воскликнула девушка. — Мужчина оставил моему деду визитку, наверное, подумав, что у того дома залежи антиквариата, — усмехнулась она. — С того дня, когда книга была продана, прошло много времени, и когда визитка оказалась у меня, по адресу, указанному в ней, уже никто не жил. Но все-таки я смогла выяснить, где в настоящий момент жила Лаура Картер. К тому же, мне очень повезло устроиться на работу в издательство, где я познакомилась с Чедом, оказавшимся другом племянника Лауры. Наивный Чед решил, что я к нему не равнодушна, после того, как я пару раз выпила с ним в баре.

Он познакомил меня со своими друзьями, в том числе и с Джорджем. Поэтому я без проблем смогла сделать слепок с ключей, а от Чеды я узнавала все детали о жизни Лауры, которые были мне нужны. Узнав, когда ее не будет дома, я первый раз проникла в ее дом, но книги так и не нашла. Решив, что она увезла ее с собой, я попыталась счастья во второй раз. У этой тупой курицы получилось застать меня врасплох, за что она и поплатилась, - продолжая говорить, Мелинда крепко держала меня, и я чувствовал, что из-за одного неловкого движения нож мог легко порезать меня. От этих мыслей я похолодел: умирать именно сейчас, да еще и такой смертью, совсем не входило в мои планы. — Снова не найдя книгу, я решила, что пора уже заканчивать со своими поисками. Я знала, что полиция выберет Джорджа главным подозреваемым, — ведь дверь я открыла ключом, - и меня это вполне устраивало. Дождавшись, когда Лауру выпишут из больницы, ночью я пришла к ней домой. Она сама открыла мне дверь, а связать ее мне не составило никакого труда. Лаура твердила, что книга должна быть на месте, но ее там не было! Тогда я решилась на крайние меры: я увезла ее, потому что в доме оставаться было небезопасно. И представляете мое удивление, когда я узнала от перепуганной миссис Картер, что накануне к ней приходил Том со своим братом, — по голосу Мелинды я понял, что она улыбалась.

— Каким образом газета оказалась в сейфе у Бакера? — спросил Марк, когда Мелинда на секунду замолчала.

Мне казалось, что ей было приятно смаковать перед нами подробности своего хитроумного плана. Наверное, ей доставляло удовольствие видеть нас беспомощными и ощущать свое превосходство над нами.

— Все же я была права, что ты, Том, не просто так навязался к Бакеру в помощники, — даже в его сейф залез, хотя, честно признаться, я не знала о его существовании, — ответила Мелинда. — Я имела оплошность забыть газету у себя на рабочем столе. Когда я вернулась, ее там уже не было. Я понятия не имела, кому понадобилось это старье. Оказывается, это любопытный Бакер добрался до нее. Спасибо за информацию! Видите, наша беседа, даже становится полезной для меня. Может, у вас есть еще какие-то вопросы? Задавайте, ведь лучше умереть, зная всю правду, не так ли? — засмеялась мисс Миллер.

— Почему ты не спросила у миссис Картер, где находится книга, когда проникла в дом во второй раз? — воспользовавшись предоставленным нам правом, спросил я.

— Я же говорю вам: она застала меня врасплох, я не ожидала, что она спустится, вот и ударила ее по голове первым, что попало под руку, — ответила Мелинда. — Я только одного не пойму: вам-то какой смысл был в том, чтобы шпионить за Бакером? Как вы о книге

узнали? Зачем приехали в эту развалюху? Может, вы работаете на кого-то или просто такие идиоты? – смеясь, спросила Мелинда.

Вдруг я услышал тихий щелчок, а Мелинда неожиданно замолчала. По выражению лица Марка я понял, что он очень озадачен тем, что происходило позади меня.

— Отвечай, где мои бриллианты! – по дому, как раскат грома, прокатился мужской голос. Я бы никогда не спутал его – этот голос мог принадлежать только Дональду Редсону.

Не убирая ножа от моей шеи, Мелинда, в голосе которой слышалось неподдельное изумление, произнесла:

— Дон? Дональд Редсон!? Это вы?!

— А кто же еще! – заорал он. — Что тут делают эти сосунки? — увидев меня и Марка, крикнул Редсон.

— Я тоже хотела их об этом спросить, — медленно ответила она. — Может, ты убережешь пистолет от моей головы, и мы вместе спросим их о том, что нас волнует?

— Лучше скажи мне, куда ты положила бриллианты, и я просто тихо уйду, — отверг ее предложение Редсон, и выдвинул свое.

— Не знаю я ни о каких бриллиантах! – заорала мне на ухо Мелинда. — Но они, они знают! — воскликнула она, явно имея в виду именно нас. — Спроси у них, зачем им понадобилось шпионить за Бакером! Наверняка, они тоже искали твои бриллианты!

Вдруг я почувствовал, как лезвие ножа на секунду обожгло мою кожу, но в ту же секунду услышал, как он с глухим стуком упал на пол. Не выжидая момента, я отбежал от того места, где несколько секунд назад был в заложниках у Мелинды, к Марку. Брат, обняв меня, готовый сорваться на плач, спросил:

— Ты в порядке? Я так испугался, когда она схватила тебя!

— Со мной все нормально, просто немного порезался, — я посмотрел на пальцы, которыми только что коснулся шеи — на них было немного крови. — Самое главное, что с тобой все хорошо – Мелинда могла тебя убить.

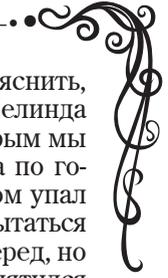
— Эй! Отвечайте, где мои бриллианты! — снова заорал Редсон.

Я взглянул на него. В руке мужчины был зажат пистолет, который он направил прямо на нас. На лице у него застыло выражение бешенства, его глаза, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит, а рот был перекошен в злобной ухмылке. Мелинда, которую он отбросил в сторону, лежала на полу позади него, пытаюсь прийти в себя.

— Что вы молчите? — рявкнул он. — Отвечайте, или я вас застрелю!

— У нас нет никаких бриллиантов, — дрожащим голосом ответил Марк.

— У нас нет никаких бриллиантов! — передразнил Марка Редсон. — А где же они тогда?!

Марк снова вступил в диалог с Редсоном, пытаясь объяснить, что не знал, о чем тот говорил. В это время я увидел, как Мелинда встала с пола и, взяв в руки тот самый кусок арматуры, которым мы открывали дверь, размахнувшись, ударила им сзади Редсона по голове. Мужчина закатил глаза и, выронив пистолет, с грохотом упал на пол. Марк, стоявший ближе меня к Редсону, решил попытаться успеть взять пистолет раньше Мелинды. Он резко подался вперед, но Миллер успела его опередить. Марк, осознавая опасность, попятился назад.

Направив на нас оружие, Мелинда, с растрепавшимися волосами, дикими горящими глазами, рассмеялась:

— Понятия не имею, что нужно Редсону, но подозреваю, что он этого никогда уже не найдет! Мне в голову пришла хорошая мысль о похищении, устроенным сумасшедшим Редсоном ради выкупа. Между вами завязалась перепалка, и смертельно раненый Дональд сумел изловчиться и застрелил вас. Какая трогательная будет история! — Мелинда слегка отошла назад, ближе к окну. — Но вначале мне нужна книга! Быстро отдайте ее мне!!! — истерично выкрикнула она.

— Хорошо, только не стреляй, — попытался успокоить ее Марк, подбирая с пола мой рюкзак. — Мы отдадим тебе книгу, если ты нас отпустишь.

— Кончайте свои жалкие разговоры! Отдавайте книгу, и покончим со всем этим! — не в силах сдержать себя, Мелинда со злостью топнула ногой.

Раздался глухой треск. Старый прогнивший пол под ногами женщины не выдержал. В ту же секунду Мелинда, неистово вереща, провалилась вниз вместе с переломившимися под ней досками. Над тем местом, где еще недавно стояла Мелинда, ничего было не разобрать. В воздух взметнулся огромный клуб пыли и деревянных щепок. У меня в горле моментально запершило, а в глаза как будто насыпался песок. Через несколько секунд пыль начала оседать. Откашлявшись, мы с Марком в нерешительности застыли на месте, не зная, что делать. Из-под пола, после падения Мелинды, не доносилось никаких звуков, а Редсон лежал на полу, на животе, распластавшись в разные стороны, - на его голове виднелись следы крови.

После пережитого потрясения, мои мысли совсем не хотели меня слушаться. Я как будто впал в оцепенение, был не в силах даже пошевелиться. Марк же, в отличие от меня, резко сорвался с места и, расстегивая на ходу ремень на брюках, крикнул мне:

-Посмотри, что с Мелиндой! — сам он наклонился над Редсоном, намериваясь связать ему руки ремнем. — Том, не стой на месте!

Послушавшись Марка и осторожно подойдя к дыре в полу, я посмотрел вниз. На земле, раскинув руки в стороны, лежала Мелинда. Весь ее костюм был порван и через одежду виднелись многочисленные царапины и ссадины.

— Она, наверное, потеряла сознание! — крикнул в ответ я.

Тут же рядом со мной появился Марк. Он посветил фонариком вниз, и мы увидели, что лицо девушки сильно поцарапано, а в уголке рта виднелась кровь. Но мы отчетливо видели, что Мелинда дышала.

— Надо и ее тоже связать, — произнес Марк. — Снимай ремень! — скомандовал он.

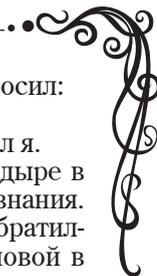
Под домом явно был подвал: глубина места, где провалилась Мелинда, была не намного меньше шести с половиной футов. Спрыгнув вниз и поймав ремень, который кинул ему я, Марк поднял руки Мелинды и, сложив их вместе, туго завязал.

— Том, дай мне фонарик, — попросил он. — Мне кажется, здесь, внизу что-то есть!

Подгоняемый желанием посмотреть, что обнаружил Марк, я, стараясь не думать о том, что там, куда я хотел спуститься, находилась еще недавно желавшая нам смерти Мелинда, я все же присоединился к брату внизу и осветил подвал светом фонаря. Подвал оказался небольшим, не более шести футов в длину, а в ширину и того меньше. В узком пространстве бетонные стены, покрывшиеся от времени плесенью и трещинами, производили очень угнетающее впечатление. Чуть впереди нас, в стене, была оборудована ниша, в которой лежал какой-то сверток. Подойдя ближе, мы разглядели прямоугольной формы предмет, завернутый в ислевшую от времени черную ткань. Смахнув с него вековую пыль, Марк взял его в руки. Развернув ветошь, мы увидели тетрадь в темно-коричневой кожаной обложке, которая, судя по внешнему виду, когда-то побывала в огне. Мы с Марком переглянулись: скорее всего, в наших руках сейчас находилось именно то, что так много лет назад Кларенс Марлоу решил спрятать подальше от чужих глаз, посвятив в тайну только свою жену, оставив ей зашифрованное послание. Я затаил дыхание, когда Марк перевернул обложку. На первом слегка обугленном по уголкам листе, пожелтевшем от времени, но достаточно твердом, чтобы сохраниться и не истлеть за те почти двести лет, которые тетрадь пролежала в подвале, мы увидели строчки, написанные чернилами, неровным подчеркиком. Заглавными буквами по центру была сделана надпись: «Элизабет навсегда». Марк держал в руках рукопись, вышедшую из под пера Кларенсом Марлоу, и о существовании которой вряд ли кто-либо даже догадывался.

Внезапно над нашими головами раздался топот ног. Завернув рукопись обратно в ткань, мы с Марком быстро подошли к дыре, чтобы выглянуть наверх. Я предположил, что Редсон очнулся и сбегал, но ошибся. В комнате, осматриваясь по сторонам, стоял полицейский.

— Мы здесь! — крикнули мы с Марком в один голос.

Мужчина, посмотрев на нас с искренним изумлением, спросил:

— Что вы там делаете?!

— Мы нашли ее, сэр! Рукопись Марлоу! – радостно завопил я.

— Что нашли? — не понял полицейский, приближаясь к дыре в полу. Тут он увидел Редсона, все еще находившегося без сознания. Полицейский достал пистолет из кобуры и, нахмурившись, обратился к нам: — Почему этот человек связан? — он кивнул головой в сторону Редсона. — Вы ударили его? А, ну, быстро вылезайте наверх, и без глупостей!

Понимая замешательство полицейского и не желая настраивать его против нас, мы с Марком, оперевшись ногами о выступ в стене, по очереди выбрались из подвала.

— Там внизу женщина, и ей, похоже, нужна медицинская помощь, — сказал я, вспомнив про Мелинду. Хотя она и не вызывала у меня ничего, кроме отвращения, мне все же было жаль ее.

— Вам она тоже может понадобиться, если вы мне сейчас же не объясните, что здесь случилось! – потребовал страж порядка, направив на нас пистолет. Он тут же связался по рации, прикрепленной у него на плече, с участком:

— База, говорит Пирс! Мне срочно нужно подкрепление, и у меня двое раненых, повторяю, двое раненых!

— Сэр, эти люди напали на нас, когда мы хотели найти предмет, спрятанный Марлоу в этом доме, — попытался объяснить всю ситуацию я. — Этого мужчину зовут Дональд Редсон...

— ...а женщина, которая лежит в подвале, — Мелинда Миллер, — закончил за меня Марк.

— Что у вас в руках? — твердым голосом спросил коп, как будто даже не слушая нас.

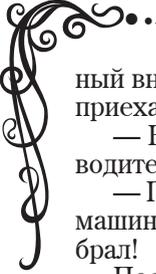
— Это рукопись, — я хотел отдать ее полицейскому, но тот, вскинув на меня оружие, крикнул:

— Положи на пол, медленно! Потом толкни ее ко мне ногой.

Я выполнил все его требования. Когда полицейский убедился, что я говорил правду, он отошел немного в сторону, чтобы пропустить нас вперед:

— Выходите на улицу, только не глупите, иначе буду сразу стрелять!

Оказавшись на свежем воздухе, я с наслаждением сделал глубокий вдох: из-за пыли в доме было просто нечем дышать. На тесном дворике рядом с домом Марлоу практически одна к одной стояло пять машин: недалеко от нашего автомобиля, мы увидели, кроме полицейского авто, пикап того самого бдительного жителя Уолпола, встретившегося нам на пути сюда. Бородатый мужчина в кепке стоял рядом со своим авто. С другой стороны от него был припаркован старый темно-зеленый «Форд», который, как я предполагал, принадлежал именно Мелинде, а рядом с ним — большой белоснеж-

ный внедорожник, на котором, кроме Редсона, больше никто не мог приехать.

— Ну, что там, Пирс? — с любопытством оглядывая нас, спросил водитель пикапа у полицейского.

— Пока не понятно, — отозвался он, под конвоем ведя нас к своей машине. — Говорят о каком-то Марлоу и Редсоне, я ничего не разобрал!

После этого он приказал нам встать, оперевшись об автомобиль руками, чтобы он смог обыскать нас. Прделав эту процедуру, он по очереди, посадил нас с братом на заднее сиденье и закрыл дверь. В этот момент к дому Марлоу подъехали еще две полицейские машины с включенными сиренами, а следом за ними — две неотложки. Мы с Марком видели, как вышедшие из подоспевших машин офицеры, перекинувшись с Пирсом парой слов, направились в дом. Полицейский же, который задержал нас, вернулся к автомобилю, где находились мы, и сел за руль.

— Что ж, мальчики, поедem в участок, там во всем и разберемся, — он завел мотор, и, вырулив на трассу, повернул машину в направлении города.

ЭПИЛОГ

С того памятного вечера, проведенного мною и Марком в полицейском участке, прошло два с половиной месяца. За это время полиция смогла выяснить все запутанные обстоятельства, на первый взгляд, рядового дела о незаконном проникновении в частную собственность. Мелинда сразу после ареста, признала свою вину в совершении нападения и похищения миссис Картер. Женщину Мелинда держала в подвале своего дома в пригороде Бостона. К счастью, миссис Картер не пострадала, и на этот раз отделалась только испугом и парой ушибов. Мелинда отправилась в тюремную камеру после того, как ее выписали из больницы – при падении она сильно повредила себе правую лодыжку, а также получила сотрясение мозга. Но когда состоится суд, назначенный на середину января, она уже не сможет сослаться на плохое самочувствие и попросить отсрочки в вынесении приговора или более мягкого наказания – врачи сказали, что к тому времени она уже полностью поправится. Сама Мелинда утверждала, что не хотела причинять никому вреда, ее главным желанием было восстановление справедливости. Она объяснила свою позицию тем, что книга, проданная ее дедом, якобы была незаконно присвоена мужем миссис Картер. Отец, который, конечно, оказался непосредственно вовлечен в это дело с того момента, когда приехал забирать нас из полиции, заверил, что такие мотивы вряд ли будут поняты присяжными. Детектив Тейлор, который был сильно обескуражен, услышав, что другой человек, а не Джордж Палмер, сознался в совершении преступлений в отношении миссис Картер, постарался как можно быстрее передать дело прокурору, чтобы избежать вокруг своего имени лишних разговоров и сплетен. Нас же с Марком прокурор попросил присутствовать в суде в качестве свидетелей обвинения. Конечно, это требование не вызвало восторга ни у меня, ни у Марка, ни у наших родителей, но отказать мы не имели права.

Еще один интересный персонаж, неожиданно заявивший о своем присутствии, - это Дональд Редсон. Детектив Тейлор, которому поручили вести и дело Редсона, рассказал нам, что полицейские, проводившие первичный допрос, никак не могли понять, зачем мужчине понадобилось ехать в заброшенный дом Марлоу и, угрожая пистолетом Мелинде Миллер, требовать у нее возврата своих драгоцен-

ностей. Редсон, которого положили в больницу с небольшой рваной раной головы, упорно твердил что-то о наследстве, причитающимся ему от прапрадеда, о коварной мисс Миллер, разгадавшей секрет, раньше него, и о крайней нужде в деньгах, в которой находились он и его мать. Позже, когда мистер Редсон смог выразить свои мысли яснее, выяснилось, что он являлся праправнуком Дилана Сапмана, биографа Кларенса Марлоу. По словам Редсона, писатель оставил его прапрадеду экземпляр книги «Истина времени», написанный от руки, - так называемый черновой вариант, сказав, чтобы тот сохранил его. Марлоу также упомянул в разговоре со своим биографом, который был для него лучшим другом, о том, что спрятал нечто очень ценное. Ключ к тому, чтобы найти этот предмет Марлоу оставил в книге, переданной Дилану. Писатель также попросил его сохранить этот секрет и передать его после своей смерти только тому человеку, которому он доверял. Так книга, о существовании которой никто ничего не знал, попала после кончины Сапмана к его сыну, который спрятал ее. Только год назад, когда Редсон решил продать старый особняк, принадлежавший его семье, рабочие, вывозившие мебель, случайно уронили тяжелый шкаф. Он повредил стену, внутри которой и была обнаружена замурованная в нее «Истина времени». К ней прилагалась записка прадеда Редсона, где он рассказывал о появлении у него этой книги, объяснял причины своего поступка и упоминал о некоем сокровище, оставленном Марлоу. Алчный Редсон, отчаянно нуждавшийся в деньгах, после того как проиграл большую часть состояния в казино Лас-Вегаса, решил, что Марлоу спрятал бриллианты, и взялся за поиски этого артефакта. Обнаружив в книге шифр, Редсон не смог разгадать его, но и обращаться за помощью он не спешил, опасаясь, что его могут опередить. Однажды, когда Редсон зашел в издательство по своим личным делам, он увидел на столе секретаря Бакера, Мелинды, газету за 1902 год, где обнаружил статью с упоминанием экземпляра книги, хранившегося у него дома. Подумав, что Мелинда тоже искала бриллианты, он стал следить за ней. Когда она приехала в старый заброшенный дом, Редсон долго не решался зайти внутрь, потому что заметил во дворе еще одну машину. Вначале он предположил, что Мелинда приехала на встречу со своими сообщниками, но когда его ожидание затянулось, Редсона вдруг осенила другая мысль: наверное, Мелинда уже нашла сокровища и сейчас прятала их в этом старом доме. Вооружившись пистолетом, и совершенно забыв о другом автомобиле, Редсон в ярости побежал внутрь, чтобы потребовать назад, как он считал, принадлежавшие ему по праву драгоценности. Так он и оказался втянутым в это запутанное дело.

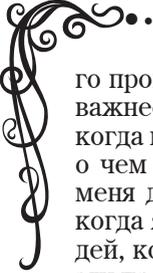
Полиция предъявила ему обвинение за угрозы убийством и незаконное вторжение в частную жизнь. Теперь его, как и Мелинду Миллер, впереди ожидал суд. К слову сказать, вышедшая месяц на-

зад книга Бенджамина Бакера «Великие разоблачения в истории литературы XX века» не содержала никаких упоминаний о нечистоплотности прославленного писателя детективов Льюиса Редсона. Наверное, Бакер решил, что на голову непутевого сына Льюиса свалилось и так слишком много неприятностей, поэтому и проявил по отношению к Дональду немного снисходительности, сохранив литературный секрет его отца.

«Истина Времени», принадлежавшая миссис Картер, стала одной из главных улик в обвинении против Мелинды Миллер, но прокурор пообещал вернуть книгу законной владелице, как только будет вынесен приговор. В отношении же обнаруженной мной и Марком в подвале старого дома Марлоу рукописи прокурор, с разрешения мэра, сделал исключение и позволил изъять ее из состава улик до вынесения приговора суда. Теперь рукопись, представлявшая огромную историческую и литературную ценность, будет передана в Музей Изабеллы Стюарт Гарднер в Бостоне.

Моя семья, как и семья моего лучшего друга Боба, была приглашена на это знаменательное событие. Мама, узнав об этом, восприняла все слишком серьезно. Настолько, что заставила меня и Марка сшить выходные костюмы на заказ. Стефу же это было совершенно ни к чему: всех костюмов, которые висели в его шкафу, хватило бы, чтобы побывать на двадцати подобных приемах, при этом ни разу не появившись в одном и том же дважды. В день, назначенный для торжественной передачи рукописи, все мы собрались в здании музея, где присутствовало, по меньшей мере, около шестисот человек. За окном хлопьями падал снег, и царила предпраздничная атмосфера, что всегда бывало незадолго до Рождества, а в большом зале, где собрались журналисты, историки, политологи, писатели, искусствоведы, представители мэрии и еще много других людей самых разных профессий, витало ощущение торжественности и важности момента, какое бывает, когда готовятся огласить результаты большого научного открытия. На вечере, после непосредственной передачи рукописи музею, должен был сказать речь Бенджамин Бакер, который и пригласил нас сюда в качестве гостей.

Мы с Марком после пережитых допросов в участке, опознаний, разговоров с прокурором и бесконечных бесед с родителями о случившемся, были рады, что все это, наконец, осталось позади. Конечно, впереди нас еще ожидало выступление в суде, но это уже волновало нас не так сильно, как случившиеся с нами события. Наше расследование, начинавшееся как несерьезная детская игра, перешло в настоящее детективное приключение, которое, по мнению нашего отца, очень удачно для нас окончилось. Конечно, мне, как и Марку, было лестно осознавать свою причастность к такому большому событию, как обнаружение ранее неизвестной работы великого писателя. Но все же главным было для меня совсем иное. После все-

го произошедшего я ясно осознал, что в жизни человека нет ничего важнее близких ему людей. Тогда, находясь на волосок от гибели, когда мне в голову приходили самые мрачные мысли, единственное, о чем я мог думать, была моя семья, - те люди, которые были для меня дороги, которые, всегда будут рядом со мной. В тот момент, когда я мог все это потерять – любовь близких, дом, семью, тех людей, которые заставляли меня улыбаться, - я слишком остро осознал эту простую истину, чтобы когда-либо забыть ее.

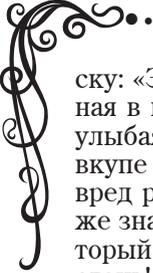
Марк, похоже, тоже понял, что ни один день в жизни не должен пройти зря, потому что как только мы вернулись домой, он встретился с Гвэн и, наконец, сказал ей все, что хотел. По признанию брата, теперь он стал намного счастливее, перестав обращать внимание на мелкие недостатки в себе, так сильно мучавшие его сознание когда-то, и отбросив излишнее смущение, бывшее спутником его жизни на протяжении почти двадцати лет.

Бенджамин Бакер, которому я признался в том, что рассказы на самом деле принадлежали не мне, к моему изумлению даже не разозлился, поняв, что я обманул его. Он выразил желание снова встретиться с Марком, чтобы обсудить литературные работы моего брата. А несколько недель назад Марк сообщил нам, что издательство «Art Magazine» согласилось напечатать небольшим тиражом сборник его рассказов. Конечно, без поручительства Бакера издатель никогда бы этого не сделал, но я считал, что Марк заслужил эту награду не только потому, что у него был настоящий писательский талант, но и за его неординарное логическое мышление, без которого мир, возможно, никогда бы не узнал о существовании рукописи Кларенса Марлоу, написанной, как стало нам известно, еще в 1822 году.

Как только церемония передачи рукописи завершилась, на сооруженную по центру зала сцену вышел Бенджамин Бакер, облаченный в еще более праздничный, чем обычно, черный смокинг. Его образ завершала белоснежная роза, приколотая к лацкану пиджака.

-Друзья! – торжественным голосом начал старый писатель, стоя у трибуны. Его голос дрожал от волнения, было видно, что он с трудом сдерживался, чтобы не расплакаться. – Сегодня мы собрались здесь, чтобы отпраздновать знаменательное событие в истории литературы - сегодня мы открыли миру величайшее произведение талантливого автора, Кларенса Марлоу. Конечно, нам всем известна его печальная судьба, загадочная смерть и не менее таинственные события, окружавшие его даже после ухода из этого мира. И вот настал день, когда мы стали свидетелями грандиозного открытия – найдена рукопись, написанная Кларенсом Марлоу, когда он еще был сыном обычного фермера. И всем нам, конечно, интересно узнать, зачем Кларенс спрятал ее от посторонних глаз, оставив томиться в глубине веков, ожидая своего часа, - после слов Бакера в зале послышались перешептывания. – Не стоит гадать, друзья мои!

– тут же воскликнул Бакер, предвосхищая вопросы публики. – Сейчас вы узнаете ответ, - с улыбкой произнес писатель. – Исторические изыскания – это область деятельности, которой я посвятил всю свою жизнь. Еще задолго до произошедших событий я начал собственное исследование жизни Кларенса Марлоу, и хотел включить эти данные в свою новую книгу. Но открывшиеся обстоятельства заставили меня пересмотреть свое решение. Поэтому могу с уверенностью сказать: изучив старые архивы, найденную рукопись и собрав нужную мне информацию, я готов раскрыть вам прямо сейчас еще одну грандиозную тайну литературы девятнадцатого века! – помпезно говорил писатель. В зале воцарилась полная тишина: все с интересом прислушивались к тому, что говорил Бакер. – Найденная рукопись, как вы уже знаете, носит название «Элизабет навсегда», и написана она была еще до того, как молодой Кларенс сбежал из дома вместе со своей возлюбленной. Обгоревшие страницы тетради, временной период, когда рукопись была написана, содержание, полностью посвященное единственной музе писателя – Элизабет, позволили мне сделать вывод о том, что именно это произведение, когда-то очень давно, Кларенс сумел спасти от безжалостных языков пламени, в своем отчем доме. Неудивительно, что эта работа была крайне важна для Кларенса Марлоу – ведь именно его нежные чувства к Элизабет стали причиной раздора с ее богатой семьей. Сбежав вместе с возлюбленным, Элизабет отреклась от прошлой жизни, но вот прошлое не смогло отпустить ее. И вот здесь кроется главная ошибка всех исследователей жизни этого великого романиста, - Бакер интонацией сделал акцент на главном. – Все исходило из того, что прошлое Марлоу настигло его, но на самом деле это прошлое Элизабет так безжалостно отомстило писателю. Я выяснил, что у Элизабет Марлоу был брат, всю жизнь считавший сестру предательницей своей семьи. Конечно, легко предположить, что он ненавидел и того человека, который заморочил ей голову романтическими сказками и, забрав с собой, обрек на вечный позор не только саму Элизабет, но и всю ее семью, - Кларенса Марлоу. В найденной рукописи есть зашифрованный фрагмент, который появился на страницах этой тетради намного позднее самого произведения. С помощью моего доброго друга, Джона Бруклина, - Бакер кивком головы поблагодарил профессора, который тоже был в зале и сидел недалеко от нас, во втором ряду, - я сумел расшифровать код. В нем говорилось о том, что Кларенс Марлоу опасался за свою жизнь, но не смел сказать никому об этом, потому что это могло повредить его жене. Кларенс писал, что прошлое Элизабет снова настигло их, но он не позволит отнять ее у себя. Из этого следует только один единственный вывод: кто-то из родственников Элизабет и, скорее всего, это был ее брат, отомстил Кларенсу, выпустив ему пулю в грудь. На дверь он прикрепил запи-

ску: «Элизабет навсегда». Так ведь и называется рукопись, найденная в подвале старого дома писателя, - Бакер перевел дыхание и, улыбаясь счастливой улыбкой, продолжил: - Появление рукописи вкупе с разгневанными родственниками могло причинить большой вред репутации его жены, - да, те времена были другими! Но кто же знал о существовании рукописи, кроме Кларенса? Его отец, который прочел все рассказы своего сына, прежде чем бросить их в огонь! Только от него родственники Элизабет могли узнать о, по их мнению, порочащем их семью романе! Требование отдать рукопись Кларенс не мог выполнить, тогда он решил укрыть ото всех свою любовь к Элизабет – он устроил сложную последовательность головоломок, которая могла привести к рукописному роману только его жену. Но, как мы видим, Элизабет не смогла разгадать тайн своего мужа. Однако, проданные на аукционе, устроенном по завещанию Кларенса, книга и оригинал стихотворения «Послание к Элизабет» дали возможность, если не при жизни, то хотя бы после смерти автора, открыть миру это величайшее произведение литературы! – заключил Бакер. По залу прокатился возглас удивления. Через секунду раздались аплодисменты: зал аплодировал стоя.

Бакер, слегка наклонив голову в знак признательности, утер набежавшую слезу, и поблагодарил пришедшую публику за высокую оценку его работы.

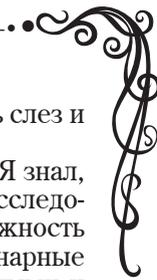
-Но, - вдруг сказал он, когда вокруг снова воцарилась тишина, - не стоит забывать, что мы с вами не собрались бы здесь сегодня, если бы не двое молодых людей, чьи юные сердца запылали ярким огнем, стоило им узнать о тайне, хранившейся на книжных полках больше века, - Бакер многозначительно посмотрел на нас с Марком. – Я хотел бы сказать им спасибо, за то, что они дали нам возможность пережить этот волнующий момент, открыли миру великое произведение искусство. Я говорю вам спасибо за вашу самоотверженность, проявленную на нелегком тернистом пути к истине, за вашу храбрость и смелость. Потому что только по-настоящему мужественные люди смогли бы пройти этой дорогой от начала и до конца! И эти слова – самое малое, что я могу сделать для вас, мои юные друзья! – Бакер, с признательностью смотря на нас, начал аплодировать.

Я услышал, как к аплодисментам Бакера присоединился и весь зал. Это заставило меня смутиться и немного покраснеть, так как я совсем не ожидал такого поворота событий.

-Томми, Марк, что вы сидите?! Вставайте! – шепнула нам мама.

Нам с братом ничего не оставалось, как последовать ее совету. Обернувшись, я увидел множество улыбающихся лиц, некоторые люди кричали «Спасибо!». Прямо напротив меня стоял мистер Брунклин, который, расчувствовавшись, обнял нас с Марком.

-Молодцы! Отличная работа, ребята! – он похлопал каждого из нас по плечу.

Тут же встала мама, за ней и отец.

-Я так горжусь вами, мальчики! – мама не смогла сдержать слез и крепко прижала нас к себе.

Стеф со смущенной улыбкой на лице сидел рядом с нами. Я знал, что он был сильно впечатлен проведенным мной и Марком расследованием, и теперь мой средний брат получил отличную возможность продемонстрировать всем, а не только Стефу, свои неординарные способности. Отец с улыбкой аплодировал вместе с остальными и слегка кивнул нам с Марком. Это было для меня самой большой похвалой, которая только возможна: я сумел сделать так, чтобы родители гордились мной, и заслужил их доверие. Я был очень благодарен Бенджамину Бакеру за проявленную им признательность к нам, хотя не считал, что мы с Марком сделали что-то сверхъестественное и заслуживающее огромных почестей. Но я должен признать, что мне было невероятно приятно видеть благодарность по отношению ко мне на лицах совершенно незнакомых мне людей.

-Есть еще одна очень важная вещь, которую я хотел бы сказать в завершении своей речи, - окинув взглядом зал, произнес Бакер. – Кларенс Марлоу был великим писателем и мыслителем, и нам есть, чему у него поучиться. Его жизнь была сложной, он пережил много невзгод. Но этот великий человек, чей путь окончился так трагично и так рано, никогда не думал о деньгах или славе: в своих работах, поступках, всей своей жизнью он пытался донести до мира важность непреходящих, вечных ценностей: любви, дружбы и никогда не утрачивающей своей великой могущественности силы слова!..

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	34
Глава 3	71
Глава 4	101
Глава 5	133
Глава 6	169
Глава 7	212
Глава 8	247
Глава 9	291
ЭПИЛОГ	333

Е.О. Сухорукова

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

роман

Формат бумаги 60×84/16. Бумага офс.
Гарнитура «AGCenturion». Печать риз.
Усл. печ. л. 00,0. Уч.-изд. л. 00,0.
Тираж 17 экз. Заказ № 353.

Отпечатано в ООО «Тульский полиграфист».
300040, г. Тула, ул. Каминского, 33.